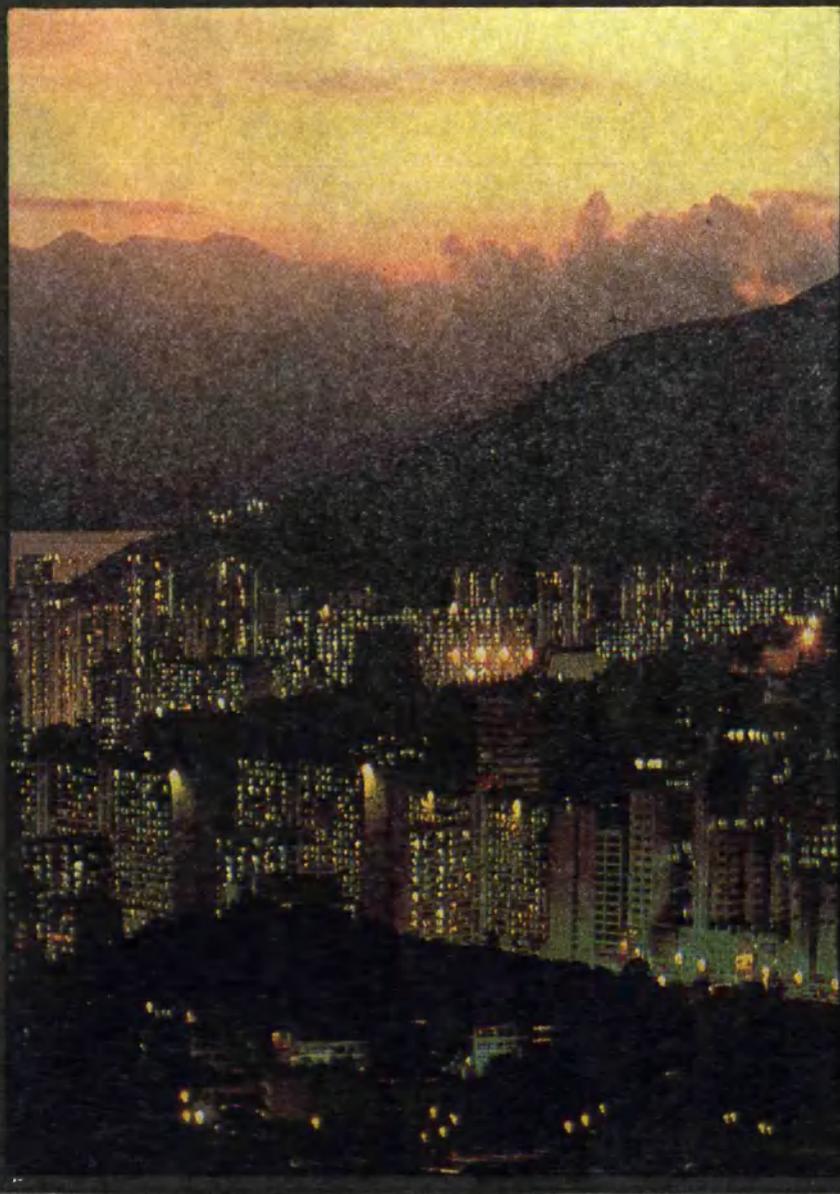

П. М. Иванов

ГОНКОНГ

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

П. М. Иванов

ГОНКОНГ

История и современность

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3 (5Ся)
И20

Ответственный редактор
Л. П. ДЕЛЮСИН

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР*

Иванов П. М.
И20 Гонконг: История и современность.—М., Наука
Главная редакция восточной литературы, 1990.—
278 с.: карта.
ISBN 5-02-016958-7

В работе исследуются процессы внутривосточного развития английской колонии Гонконг (Сянган) на всем протяжении ее существования (с 1841 г.), раскрывается ее роль в военной и экономической экспансии британского империализма в Китае. Особое внимание уделено бурному росту гонконгской экономики после второй мировой войны и событиям, связанным с предстоящим переходом Гонконга под суверенитет КНР.

И 0503030000-121
013(02)-90 179-90

ББК 63.3 (5Ся)

ISBN 5-02-016958-7

© Институт востоковедения
АН СССР, 1990
© П. М. Иванов, 1990

В предлагаемой вниманию читателей книге предпринята попытка исследования истории Гонконга на всем ее протяжении. Эта колония Великобритании представляла собой важный пункт китайско-английских отношений. Поэтому изучение ее трансформации требует обращения к истории самого Гонконга, истории метрополии (в меньшей степени) и истории Китая (в большей степени). Такой подход дает возможность создать широкую панораму событий эпохи, на фоне которых предмет исследования проступает особенно явственно.

До настоящего времени предметом изучения стали лишь отдельные фрагменты истории Гонконга. Первую и весьма обширную монографию опубликовал в конце XIX в. Дж. Эйтель [232], ставший основоположником гонконгской официальной историографической традиции. Последняя заключалась в делении истории колонии на периоды, соответствовавшие правлению того или иного губернатора. Считалось также, что к истории Гонконга относятся события исключительно из жизни английской администрации и местного общества. Отношения Гонконга с Китаем рассматривались лишь в самой малой степени, применительно к периодам кризисов в англо-китайских отношениях. Продолжателем данной традиции и наиболее плодотворным ее представителем был Дж. Эндакотт [233; 234], проявивший повышенный интерес к законодательным актам колониальных властей и коллизиям их взаимоотношений с правительством в Лондоне.

При относительной малочисленности исследований общего характера существует немало фундаментальных работ, посвященных специальным проблемам или периодам (история развития гонконгского порта; социально-экономическое положение; события периода второй мировой войны) [224; 243; 244; 245; 254; 263; 281; 288]. Однако ни одна из них не претендует на создание концепции истории Гонконга.

В отличие от сторонников позиции Дж. Эйтеля автор придерживается той точки зрения, что история Гонконга самым тесным образом связана с историей Китая и должна быть исследуема именно в данном контексте. Безусловно, Гонконг развивался во многом достаточно автономно, однако в поворотные моменты его истории существенную роль играли импульсы, порождаемые событиями в Китае. Нельзя не уделить внимания и роли Гонконга в развитии Китая (прежде всего в экономике).

в разные периоды. В некотором смысле данная работа противостоит трудам английских историков. Если в них речь идет об «английском Гонконге», то она, безусловно, посвящена хотя и управляемому англичанами, но «китайскому Гонконгу».

Такой подход во многом перекликается с позицией гонконгских историков. В самой колонии в конце 70-х — начале 80-х годов резко возрос интерес к местной истории. До этого единственным китайским гонконгским специалистом был Ло Сян-линь, изучавший в основном доколониальную историю Гонконга, а также его роль в культурном взаимодействии Востока и Запада [80; 261; 262]. В настоящее время выдвинулась большая группа патриотически настроенных историков во главе с Е Лян-тао (Лу Янем), которые группируются вокруг издательства «Гуанцзяоцзин». Их статьи по истории «китайского Гонконга» печатаются в сборниках «Рассказы из истории Гонконга» [131]. Упомянутое издательство известно как распространитель материалов по современному положению в Гонконге, а также сборников исторических трудов [132; 133; 8].

Изучение проблемы Гонконга начало интенсивно развиваться в КНР относительно недавно — с середины 80-х годов. Из публикаций более раннего периода представляют интерес лишь две работы — Ду Динъю [64] и Чжэн Дэляна [186]. С 1986 г. издается журнал «Ган-Ао яньцзю» («Изучение Гонконга и Макао»), орган Института Гонконга и Макао при Чжуншаньском университете в Гуанчжоу. В настоящее время проблемами Гонконга занимаются в КНР также в Центре экономических исследований Гонконга и Макао Гуандунской академии общественных наук, в Институте мировой экономики в Шанхае, в Институте специальных экономических зон, Гонконга и Макао при Цзинаньском университете (Гуанчжоу), в гуандунском Институте истории, в специальных исследовательских группах, созданных в большинстве специальных экономических зон. В основном проводимые исследования носят прикладной характер и часто публикуются в закрытой печати. Обобщающие труды находятся лишь на стадии подготовки.

Советские авторы также обращались к теме Гонконга. Роли колонии в международных отношениях на Дальнем Востоке, в мировых экономических связях посвящена книга Г. Арсеньевой «Современный Гонконг» [40]. О проблемах социально-экономического развития Гонконга рассказывает работа А. Г. Куколевского [49].

Материалами данного исследования послужили официальные публикации гонконгского правительства (документы, хроника событий, статистические данные) [18—20; 22—26; 27—35 и др.]. Широко использовались также различного рода мемуары [42; 45; 58; 121; 134; 135 и др.], публикации местной прессы разных периодов [292; 296; 317; 318 и др.].

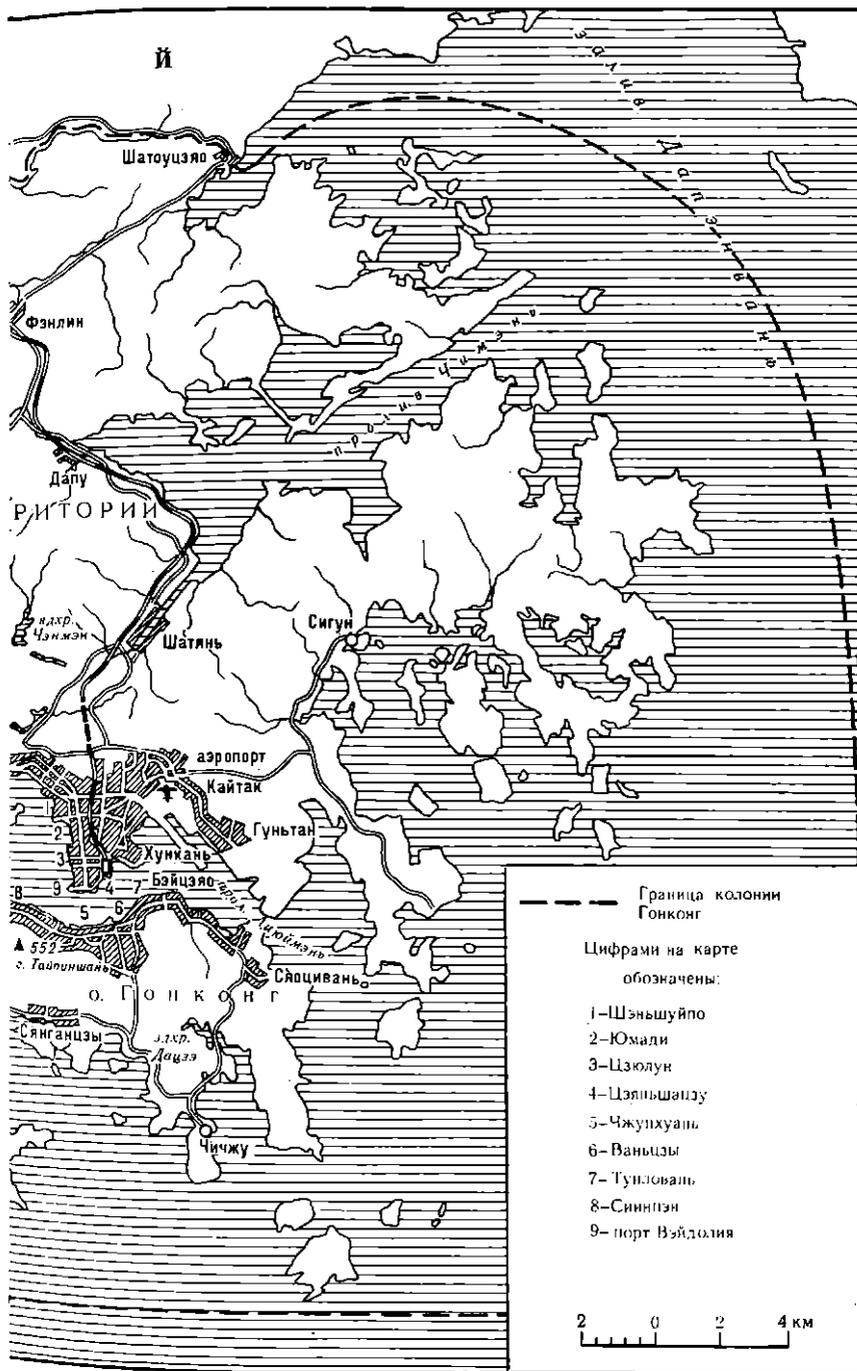
Предлагаемая в данной работе периодизация истории Гонконга в значительной степени обусловлена характером связей

колонию с Китаем. Первый период (гл. 1, 2), охватывающий вторую половину XIX — начало XX в., — это время активной экспансии европейских держав на Дальнем Востоке. Формируется территория Гонконга, складываются торговые, транспортные и прочие связи с внешним миром, прежде всего с Цинской империей. Английская буржуазия Гонконга идет в авангарде борьбы за подчинение Китая влиянию западного капитала.

Второй период (гл. 3), относящийся к первой трети XX в., отмечен особым накалом революционной антиимпериалистической борьбы в Китае. Это наложило специфический отпечаток на события тех лет, в особенности после Синьхайской революции (с кульминацией в 1925—1927 гг.). Внутренняя нестабильность в Китае проявилась в нарушении экономических связей с Гонконгом. В немалой степени способствовал этому подъем китайского национализма. В самой колонии все более влиятельной становится китайская буржуазия. Одновременно идет социально-психологическая натурализация местной английской буржуазии, которая начинает относиться к Гонконгу не как к пункту весьма прибыльного, но временного пребывания, а как к месту постоянного жительства (в немалой степени способствовало этому возросшее ощущение хозяевами Гонконга угрозы своему положению со стороны Китая). Отсюда и стремление деловых кругов колонии к самоуправлению.

Третий период (гл. 4) — 30—40-е годы — характеризуется дальнейшим ухудшением гонконгско-китайских экономических отношений, ставшим результатом протекционизма гоминьдановского правительства, а также началом японской агрессии в Китае. Оккупация принесла с собой стагнацию и разруху. В послевоенные годы попытки оживления гасились крайне негативным воздействием событий в Китае, в первую очередь гражданской войны. В эти годы Гонконг по-прежнему служил прибежищем для оппозиционных гоминьдану антиправительственных сил. Их активность была особенно высокой в 1940—1941 гг., а также непосредственно перед образованием КНР.

Четвертый период (гл. 5) — 50—70-е годы — время перестройки внешнеэкономических связей, создания современной промышленности и инфраструктуры. Именно тогда Гонконг становится центром международной торговли в азиатско-тихоокеанском регионе, а также центром крупных валютно-финансовых операций. Важным толчком этому стала империалистическая политика изоляции КНР, вынудившая гонконгскую буржуазию искать выходы на мировой рынок. За счет высокой производительности труда, дешевизны продукции, быстрой переориентации на технологически наиболее современные виды производства она смогла преодолеть жесткую международную конкуренцию. Позже, несмотря на определенные коллизии в отношениях с Китаем (годы «культурной революции»), двусторонние связи развиваются довольно интенсивно. Приток дешевых потребительских товаров и продовольствия из КНР стал своеобраз-

разным допингом для выхода гонконгской экономики на новый технологический уровень.

Лейтмотивом пятого периода (гл. 6) — конец 70-х — 89-й год стала, с нашей точки зрения, перспектива восстановления в 1997 г. суверенитета Китая над Гонконгом. Это переходный период. Проблема будущего — как будут осуществляться управление и функционировать экономика, влияет на события в Гонконге. Значительно возрос интерес гонконгского общества к внутривластной ситуации в КНР со всеми ее перипетиями. Взлеты и падения политической реформы в Китае рассматриваются как факторы «за» или «против» воссоединения в Гонконге. Происходит перераспределение сил в экономике, в частности возрастает роль сектора, контролируемого КНР. В политической сфере идут интенсивные процессы формирования группировок, отстаивающих интересы определенных слоев населения («предпартии»).

* * *

Гонконг — искусственное политическое образование, колония, созданная англичанами в удобном для судоходства уголке китайского побережья неподалеку от крупного торгового порта Гуанчжоу. Некоторые историки (см. [64]) считают необходимым начинать историю Гонконга с доколониального периода. Автор не совсем согласен с таким подходом, поскольку возникшая в 1841 г. колония не имела на своей территории каких-либо поселений.

Однако стоит сказать несколько слов о той местности, где вырос Гонконг, чтобы еще более подчеркнуть его значимость как самостоятельного исторического явления.

«Гонконг»¹ дословно значит «благоуханная гавань». В течение многих веков этот скалистый остров у китайских берегов служил пристанищем для солеваров, ловцов жемчуга, изготовителей благовоний, рыбаков и морских разбойников.

Мало что оживляло тихое провинциальное захолустье. Одним из наиболее заметных событий стала гибель в 1278 г. последних представителей династии Южная Сун (1127—1279) и сопровождавших их придворных, скрывавшихся в районе Гонконга от преследования монгольских завоевателей. Памяти последнего сунского императора посвящен храм Бэйдимяо в старом Цзюлуэ, впоследствии вошедшем в состав колонии Гонконг. Этот городок был основан в 1395 г. и выполнял роль военной крепости: отсюда полное название — Цзюлунчжай (см. [64, с. 290]).

Мимо гонконгских берегов проходили древние морские пути, соединявшие Китай с арабскими странами, Персией, Индией и странами Юго-Восточной Азии. В первой трети XV в. там неоднократно проплывал великий путешественник-мореплавател Чжэн Хэ. На составленных им картах значатся многие топонимы региона Гонконга (см. [131, т. I, с. 45—52]).

Местное население состоит из собственно гуандунцев (*пунти*, или *бэньди*, т. е. местные); *хакка*, или выходцев из северных районов, переселившихся на юг; фуцзянцев, или *фулао*, прибывших из южных областей пров. Фуцзянь; и, наконец, *танка*, или *даньцзя*, проводивших всю жизнь в лодках, на воде. Море было главным кормильцем этих людей, поклонявшихся исключительно популярной и по сей день в Гонконге богине Тяньхоу².

Особое место в истории Гонконга в доколониальный период занимали морские пираты, избравшие остров в качестве своей базы. О них впервые упоминается в связи с возглавлявшимся Фан Дэном восстанием солеваров с острова Даюйшань, выступавших против налогового гнета. В 1197 г. они захватили правительственные суда и на время подчинили своему контролю прибрежные воды. В эпоху Мин здесь прославили себя многие вожаки разбойничьих шаяк, в частности Минь Сунгуй, Вэнь Цзуншань и Ли Куйци. Некоторые из них, например Хэ Яба и Цзэн Ибэнь, привлекали в качестве союзников японских пиратов-контрабандистов. В конце XVIII в. Гонконг превратился в лагерь пиратской армии под руководством Чжан Баоцзы, имевшей несколько сотен судов и 40 тыс. бойцов и собиравшей дань с китайских и португальских торговых судов. В 1809 г. состоялась битва между армией Чжан Баоцзы и объединенными флотилиями наместника провинций Гуандун и Гуанси и губернатора португальской колонии Макао (см. [131, т. 1, с. 112—115]).

Постоянных жителей в Гонконге накануне колонизации было очень мало: в 1821 г. на всем острове насчитывалось около 70 дворов [64, с. 8].

Такова краткая предыстория английской колонии Гонконг.

**ОБРАЗОВАНИЕ КОЛОНИИ,
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.****Захват анклава и борьба Англии
за расширение колонии**

Возникновение на китайской территории английской колонии Гонконг ознаменовало начало нового этапа в развитии отношений между Китаем и Великобританией. В начале XIX в. Цинская империя оказалась не в состоянии эффективно противостоять экспансии капиталистического Запада, в первую очередь его лидера — Великобритании. Изоляция страны от внешнего мира, реакционная внутренняя политика, растрата сил и средств на завоевательные походы на северо-западе страны — все это предопределило поражение Китая в борьбе с западными государствами. Англия же на рубеже XVIII—XIX вв. уже была могущественной колониальной державой. Мощный подъем экономики (промышленная революция) превратил ее в ведущую индустриальную державу мира. Рост английской внешней торговли базировался на достижениях промышленного производства, использовавшего дешевое колониальное сырье. Укрепление позиций англичан в Индии к 30-м годам XIX в. «создало необходимые экономические и военно-политические условия для усиления экспансии на Дальнем Востоке» [54, с. 34].

Южнокитайский порт Гуанчжоу к началу XIX в. был оживленным пунктом англо-китайской торговли. Вывозились через него главным образом китайские шелка и чай, но наибольшее значение он приобрел как пункт ввоза в Китай индийского опиума¹.

Обладавшая с 1773 г. монопольным правом торговли наркотиком Ост-Индская компания в 1813 г. отказалась от своих привилегий. Это способствовало вовлечению в контрабандные операции значительного числа английских и индийских фирм, проявлявших большую оперативность и изворотливость. В 20—30-е годы XIX в. мрачные последствия распространения опиума стали все явственнее проявляться в жизни китайского общества, росло обнищание народных масс. Опиум стал средством выкачивания серебра, других ценностей, чая и шелка.

После очередных кровавых инцидентов в 1821 г. (без которых не обходились отношения между английскими торговцами и местными властями и населением) английские коммерсанты, занимавшиеся продажей опиума, переместили свои склады на расположенный неподалеку от устья р. Чжуцзян о-в Линтин, который оставался базой контрабанды вплоть до 1839 г. Он стал своего рода «прототипом» Гонконга, территорией, где английские купцы считали себя в безопасности от китайского внешне-торгового контроля.

Однако британские торговцы стремились к большему — они хотели добиться договорных гарантий развития торговли, а также установления прямых связей с местными властями, а не через систему посредников («Гунхан»). Неудача посольства лорда Амхерста в 1816 г. показала, что дипломатического нажима недостаточно для открытия Китая для иностранной торговли. Стало расти число сторонников вооруженного вмешательства с целью получения уступок со стороны цинских властей.

После полной отмены монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем (1833 г.) в Гуанчжоу был назначен управляющий английской торговлей лорд Нэпир. Все его попытки установить контакт с наместником Гуандуна в обход «Гунхана» закончились неудачей. Нэпиру было приказано покинуть город. Демонстрация силы британскими военными судами и десант на территорию английской фактории в начале сентября 1833 г. также не дали результатов и были прекращены после внезапной смерти Нэпира 11 октября. Следует отметить, что, хотя в непосредственный круг его задач входило прежде всего урегулирование проблем, связанных с англо-китайской торговлей, Нэпир уже тогда докладывал в Лондон о необходимости получения военного подкрепления «для приобретения острова Гонконг, расположенного у восточного рукава устья Кантонской реки и восхитительно приспособленного для любых целей» [281, с. 34].

В феврале 1837 г. управляющим торговлей был назначен капитан Ч. Эллиот, ранее входивший в окружение Нэпира и командовавший английскими военными судами. Ч. Эллиот всемерно поощрял расширение британскими торговцами контрабанды опиума и шел на намеренное обострение отношений с китайскими властями. Он добивался безоговорочного признания цинскими чиновниками права англичан на торговлю опиумом, права экстерриториальности и др. Ему пришлось столкнуться с Линь Цзэсюем, особоуполномоченным императора по руководству морскими силами пров. Гуандун, прибывшим на юг в марте 1839 г. для расследования положения с контрабандной торговлей опиумом. Угрожая прекратить английскую торговлю и заблокировать фактории иностранных купцов, Линь Цзэсюй потребовал сдачи опиума и получил более 200 тыс. ящиков стоимостью 3 млн. ф. ст.

К началу 1840 г. английское правительство приняло решение

перейти к активным действиям. К берегам Китая была направлена военная эскадра под командованием вице-адмирала Дж. Эллиота (двоюродного брата Ч. Эллиота). В ее задачи входило установление блокады Гуанчжоу и устья Чжунцзяна, захват островов Чжоушань, перекрытие входов из моря в Янцзы и Хуанхэ, выход к устью реки Бэйхэ в Чжилийском заливе. При этом следовало при любом удобном случае передать китайским властям ноту британского правительства и требовать начала переговоров.

Не вдаваясь в подробное описание хода первой «опиумной» войны, получившей подробное освещение в отечественной и зарубежной научной литературе, укажем лишь, что на переговорах 30 августа 1840 г. в Тяньцзине между генерал-губернатором Чжили Ци Шанем и Ч. Эллиотом китайская сторона решительно отвергла английское требование об отчуждении в вечную собственность Великобритании острова Гонконг и лишь после возобновления военных действий была вынуждена с ним согласиться (20 января 1841 г.). При этом подразумевалось, что собираемые на этой территории налоги и пошлины будут поступать в китайскую казну. Иными словами, о колонии в классическом понимании этого слова речи не было. Сам Ч. Эллиот полагал, что Гонконг должен служить всего лишь укрытием для британских купцов, торговавших в Гуанчжоу [233, с. 17].

Договоренность Ч. Эллиота с Ци Шанем не признали ни английское (за недостаточностью достигнутого), ни китайское правительство (из-за чрезмерности уступок). Лондон, в частности, был недоволен согласием своего представителя на сбор китайцами налогов в Гонконге, вполне обоснованно видя в этом залог сохранения китайского суверенитета над этой территорией.

В результате 26 января 1841 г. над Гонконгом подняли английский флаг и объявили его английской колонией. Сначала в Гонконге, который министр иностранных дел лорд Пальмерстон назвал «голым островом, на котором вряд ли сыщется жильё» [233, с. 18], разместились английские войска и обслуживавшие их торговцы. Вслед за ними на остров потянулось и китайское население. К маю же 1841 г. китайское население составило уже более 5,5 тыс., более половины из них жили в расположенных на острове 20 деревнях, остальные были транспортными и строительными рабочими, базарными торговцами, лодочниками.

Сменивший Ч. Эллиота на посту управляющего английской торговлей Г. Поттингер, прибывший в Гонконг 10 августа 1841 г., в донесении министру иностранных дел лорду Эбердину писал: «Это поселение получило столь значительное развитие, что возвращение его под власть [китайского] императора вряд ли может быть не в противоречии с интересами чести... короны Ее Величества» [233, с. 21]. Тем самым подразумевалось, что, несмотря на отказ обеих воюющих сторон от договоренности 20 января 1841 г., уходить из Гонконга не следует.

29 августа 1842 г. был подписан неравноправный для Китая Нанкинский договор, ст. 3 которого гласила: «Его Величество Император Китая уступает Ее Величеству Королеве Великобритании... остров Гонконг в вечное Ее Британского Величества, Ее Наследников и Преемников владение с тем, чтобы он управлялся теми законами и регламентами, какие Ее Величество Королева Великобритании... сочтет нужным установить» [54, с. 248—249]. Кроме того, Англия добилась открытия для торговли пяти портов — Гуанчжоу, Сямэня, Фучжоу, Нинбо и Шанхая, а также снижения импортных таможенных пошлин, получения «компенсации» «за ущерб» в размере 21 млн. долл. Г. Поттингер стал первым губернатором Гонконга, совмещая при этом должности управляющего торговлей и посланника Великобритании в Цинской империи, т. е. подчиняясь одновременно и министерству колоний, и министерству иностранных дел. В его функции входил контроль над деятельностью английских консулов в «открытых» портах.

Контрабандная торговля опиумом продолжалась, и Поттингеру пришлось отказаться от идеи запретить судам с грузом наркотиков входить в колониальный порт. В данной связи представитель крупнейшей фирмы «Джардин, Матисон энд К^о» (далее — ДМК) с насмешкой писал: «Я думаю, что этот указ (о запрете.— П. И.) ... ничего не значит и предназначен лишь для святых Англии. Сэр Генри никогда и не собирался претворять его в жизнь и, без сомнения, про себя считает его хорошей шуткой» [273, с. 32].

Во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов XIX в. Гонконг выполнял роль основного опорного пункта английской торговли в Китае, а также британской военной базы на Дальнем Востоке. Колониальные власти принимали весьма деятельное участие в борьбе за расширение английского влияния в Китае, а также за увеличение территории Гонконга. Попытка достичь указанные цели была предпринята во время крестьянской войны тайпинов, первоначально в 1854—1855 гг.

Когда войска повстанцев подошли к центрам международной торговли — Шанхаю и Гуанчжоу, державы начали склоняться к отказу от первоначально объявленного ими «нейтралитета». Росло число сторонников помощи императорскому правительству, и одним из них был новый губернатор Гонконга Дж. Боуринг. Опираясь на информацию, полученную в сентябре 1854 г. от консульских представителей Англии, посетивших Нанкин, он пришел к выводу о необходимости вооруженного выступления держав на стороне правительства.

Против этого плана выступили лишь клерикалы, возглавляемые гонконгским епископом Смитом, полагавшим, что победа тайпинов приведет к христианизации всего населения Китая. Однако эти доводы не были приняты во внимание в связи с обострением ситуации. Приближение тайпинских войск к Гуанчжоу летом 1854 г. усилило приток беженцев в Гонконг. П-ов Цзю-

лун, расположенный в непосредственной близости от Гонконга, неоднократно становился ареной ожесточенных сражений. В сентябре 1854 г. тайпинский флот под командованием Хун Сюцзуна вошел в порт Гонконга, в январе 1855 г. за ним последовали 9 правительственных джонок с 2 тыс. солдат на борту. 23 января усилиями колониальных властей с трудом удалось предотвратить сражение, которое уже казалось неминуемым и могло бы превратить Гонконг в поле битвы. Во избежание повторения чего-либо подобного в январе 1855 г. был издан указ, запрещающий судам воюющих сторон заходить в воды Гонконга. Тем не менее в сентябре 1856 г. тайпинская флотилия Мао Чаншоу, объединившего свои усилия с пиратским главарем Лу Дунцзю, прибыла в Гонконг. Повстанцы просили военной помощи для атаки на правительственные войска в районе Боло у южных берегов Гуандуна, в чем Дж. Боуринг им отказал [64, с. 90].

В январе 1855 г. Дж. Боуринг и адмирал Стирлинг отправились на военных кораблях в Гуанчжоу, чтобы, выполняя просьбу наместника Е Миншэня, защитить город от наступления тайпинов. Этот «акт доброй воли», однако, не принес англичанам желаемого, а именно смягчения позиции китайского правительства по вопросу о пересмотре Нанкинского договора. Англия придерживалась точки зрения, что он предоставляет иностранцам недостаточно прав в Китае. Англичане стремились начать переговоры об открытии для международной торговли всего побережья страны, о разрешении иностранным судам плавать по Янцзы, о легализации торговли опиумом и отмене лицензия (внутренних пошлин), о назначении британского посланника в Пекин².

Вскоре после окончания Крымской войны с Россией Великобритания вступила в войну с Китаем. По иронии судьбы инициатором второй «опиумной» войны стал Дж. Боуринг, возглавлявший в начале XIX в. в Англии пацифистское «Общество за мир», выступавшее «за всеобщее разоружение, мирное урегулирование всех конфликтов» [232, с. 296].

8 октября 1856 г. китайские власти задержали в гуанчжоуском порту бриг «Эрроу», обыскали его и арестовали китайцев — членов экипажа, спустив при этом на судне британский флаг. Приведенной выше английской версии инцидента гуанчжоуские власти противопоставили свою: флага на судне не было, а многие из матросов были пиратами, вследствие чего английскому консулу было отказано в освобождении арестованных и принесении извинений. Случившееся стало поводом для начала военных действий со стороны англичан, а также и присоединившихся к ним французов. Хотя наместник Е Миншэнь удовлетворил ультиматум Боуринга от 21 октября о выдаче задержанных и принесении извинений, английские войска, сосредоточенные в Гонконге, 23 октября — 13 ноября совершили ряд нападений на Гуанчжоу, разрушив несколько фортов, часть городской стены и т. д. Боуринг добивался от наместника от-

крытия всего Гуанчжоу для иностранцев. Однако, не располагая достаточной военной силой, англичане не смогли удержать город и были вынуждены вернуться в Гонконг.

Тем временем в отместку за нападение наместник приказал сжечь европейские фактории в Гуанчжоу (14 декабря 1856 г.) и судостроительные доки и склады в Хуанпу (январь 1857 г.). Все иностранцы были вынуждены переехать из Гуанчжоу в колонию. В знак протеста против действий колонизаторов китайское население начало покидать Гонконг. Очевидец писал об этом: «Слуга покидал своего господина, а если оставался, то конфисковывалось его имение, и все его родственники... находившиеся вне Гонконга, отвечали за него телом и деньгами» [42, с. 183]. В городе развешивали антиянглийские листовки. Гуанчжоуские власти обещали денежную награду за голову любого иностранца, первоначально 30, а в дальнейшем 100 долл. За голову главного регистратора Колдуэлла и начальника полиции Кейна китайские власти объявили гораздо более высокую цену — по 50 тыс. долл. [91, с. 162]. Участились случаи поджога домов и судов, принадлежавших иностранцам. Практически прекратились поставки продовольствия, другие торговые операции [91, с. 159—160]. Англичане оказались просто на осадном положении, которое свидетель этих событий А. Вышеславцов описывал следующим образом: «Как только начинает смеркаться, на каждом углу появляется фонарь, бесчисленные полисмены с заряженными карабинами и пистолетами являются на улицах. Ни один европеец не пойдет за город без оружия» [42, с. 183].

15 января 1857 г. вся колония была потрясена известием об отравлении 400 европейцев хлебом, содержащим мышьяк. Яд стал мезью не только колонизаторам, но и владельцу булочной «Ишэнхан» Чжан Ялиню, который отказался прекратить торговать в Гонконге и наживался, захватив контракты, принадлежавшие раньше другим китайским купцам, объявившим бойкот Гонконгу. Лавка Чжана в Гуанчжоу была сожжена. Английские власти выслали его из Гонконга, поскольку суд доказал его невиновность. Не имея возможности вернуться в Китай, где его ждала тюрьма за коллаборационизм, Чжан уехал с семьей в Сингапур. В связи с отравлением Гонконг захлестнула волна арестов. Полиция задержала более 200 «подозрительных лиц», почти 150 были схвачены по доносу (см. [64, с. 102—105; 91, с. 163]).

В феврале 1857 г. в Гонконг начали прибывать войска Англии и Франции, достигших договоренности о совместном выступлении против Китая. К середине декабря 1857 г. в колонии находились уже 26 английских и 13 французских военных кораблей, 4,5 тыс. английских и 1,3 тыс. французских солдат и офицеров [54, с. 8]. 12 декабря особоуполномоченные и чрезвычайные послы Англии и Франции лорд Эльджин и барон Гро направили Е Миншэню ультиматум, требуя «выполнения дого-

ворных обязательств», открытия доступа в Гуанчжоу, компенсации убытков. Не получив удовлетворительного ответа, интервенты начали наступление и 5 января 1858 г. взяли Гуанчжоу. Е. Миншэня схватили и отправили в Калькутту, где ему было суждено умереть через два года.

Далее военные действия переместились на север. В результате поражения Китая в этой войне был подписан ряд неравноправных договоров. Так, англо-китайский Тяньцзиньский договор от 26 июня 1858 г. предоставил Великобритании право иметь посланника в Пекине, что положило конец ситуации, когда должности гонконгского губернатора и английского дипломатического представителя в Китае совмещались. Весьма существенным для интересов гонконгских коммерсантов стало изменение китайского таможенного тарифа в соответствии с подписанным в Шанхае «Соглашением относительно правил торговли, составленным в дополнение ст. 25 Договора от 26 июня 1858 г.». Важные изменения касались торговли опиумом, который не был включен в список товаров, запрещенных к ввозу. Введенные «ограничения» практически носили формальный характер и могли быть легко нарушены.

Результатом последовавшего летом 1859 г. нового обострения отношений между Китаем и капиталистическими державами, а также развернутых Англией и Францией военных действий (7 октября был захвачен Пекин) стало заключение 24 октября 1860 г. Пекинской конвенции. В соответствии со ст. 6 Англия получила во владение в качестве составной части колонии Гонконг п-ов Цзюлуна.

Соглашение о передаче англичанам Цзюлуна было достигнуто еще 21 марта 1860 г. Опасаясь роста влияния Франции на юге Китая, командование гонконгским гарнизоном настаивало на приобретении полуострова для «обеспечения безопасности» Гонконга. В тот период, однако, речь шла лишь об аренде. После подписания Пекинской конвенции договоренность об аренде, «естественно», была аннулирована [232, с. 359].

Так закончился второй этап формирования территории английской колонии. Завершился же этот процесс в ходе третьего этапа — в конце XIX в.

Поражение Китая в войне с Японией и заключение 19 апреля 1895 г. Симоносекского мирного договора открыли новые возможности для колониальной экспансии империалистических держав в Китае. В соответствии с договором Китай лишился целого ряда своих территорий, постепенно попадал в кабалу иностранным банкам в связи с необходимостью выплаты огромной контрибуции; японцы, а вслед за ними и другие иностранцы получили право ввоза промышленного оборудования. В сложившейся обстановке державы вступили в ожесточенную борьбу за раздел Китая на «сферы влияния». Прикрываясь демагогическими требованиями о сохранении территориальной целостности Цинской империи, английское правительство стремилось сде-

дать все, чтобы не отстать от Японии, Германии, Франции и России в приобретении новых кусков китайской земли.

В частности, усилия Великобритании были направлены на расширение территории Гонконга, являвшегося опорной точкой британского влияния на юге Китая³.

Подписанная в Пекине 9 июня 1898 г. Конвенция о расширении Гонконга создала предпосылки для дальнейшего укрепления позиций английской буржуазии в Китае. Великобритания под предлогом необходимости укрепления обороны Гонконга получила в аренду на 99 лет 376 кв. миль, прилегавших к уже контролировавшейся ею территории (29 кв. миль) [54, с. 115].

Вся территория, за исключением г. Цзюлуна, где в соответствии с конвенцией сохранялась китайская администрация, становилась подвластной гонконгским властям. Собственно говоря, англичане отнеслись к положению о китайской юрисдикции в Цзюлуне лишь как к формальности, необходимой цинскому правительству для того, чтобы «сохранить лицо». Рассчитывали, что китайские чиновники не будут оставаться в Цзюлуне долгое время, да к тому же предполагалось, что их удалят силой, если этого потребуют интересы «надлежащей обороны Гонконга». Граница «Новых территорий» не была точно определена (лишь указывалось, что они расположены между 113°52' и 114°30' восточной долготы и к югу от 22°9' северной широты). Это позволило англичанам при делинеации границы добавить себе еще некоторые площади [288, с. 36].

Хотя конвенция предусматривала аренду, плату за «Новые территории» никто никогда не платил. Посланник К. Макдональд в свое время цинично заметил, что китайские власти не поднимают данный вопрос, «опасаясь обвинений в том, что торгуют своей страной» [288, с. 40]. «Новые территории» рассматривались англичанами как «практически британская территория», о чем свидетельствует доклад гонконгского комитета Китайской ассоциации, объединявшей в своих руках представителей крупной буржуазии, чьи интересы были связаны в первую очередь с Китаем [46, с. 68].

Хотя конвенция вступала в силу 1 июля 1898 г., англичане смогли взять «Новые территории» под управление лишь 17 апреля 1899 г. Задержка имела несколько причин. Во-первых, этот район был совершенно неизвестен колониальным властям. Была создана специальная группа для исследования и описания «Новых территорий». Во-вторых, англичане натолкнулись на ожесточенное сопротивление местных жителей. Помимо ненависти к колонизаторам многими руководил также и страх за принадлежавшие им земельные участки, поскольку сразу же после заключения конвенции группа спекулянтов из Гонконга начала скупать землю в «Новых территориях» по дешевке, убеждая владельцев, что англичане все равно произведут безвозмездные конфискации. Враждебность местных жителей, неже-

вание китайских чиновников помогать в работе крайне затянули процесс регистрации земельных участков.

Еще до установления английского контроля над «Новыми территориями» китайскому правительству было заявлено 5 апреля 1899 г., что посты китайской таможни на «арендованной» территории следует ликвидировать самое позднее к октябрю месяца (см. [131, т. 6, с. 93; 288, с. 48]).

Демаркация границы была произведена 16—18 марта 1899 г., и, казалось, уже все было готово для поднятия британского флага. Однако местные жители, руководимые старейшинами клана Дэн, крупнейшими землевладельцами этой местности, начали готовить отпор захватчикам. Они организовали сбор средств, оружия, а 10 апреля основали объединявшую борцов сопротивления Палату небесного спокойствия (Тайпин гунхан), а также достигли договоренности о совместных действиях между жителями деревень Юаньлан, Басянь, Пиншань, Хуншуйцяо, Циншань, Шаншуй, Фэнлин, Тайпу, Синьтянь и др. 16 апреля были обстреляны английские бараки, возведенные в Тайпу. 18 апреля 2500 человек вступили в сражение с англичанами в районе Шаньюнь. Ожесточенное сопротивление оказали жители деревни Цзиньтяньцунь. Англичанам удалось войти в деревню лишь после двухдневных боев (см. [64, с. 106; 131, т. 6, с. 84—85]).

Колониальные власти поспешили оккупировать все «Новые территории» и под предлогом ликвидации «внешней угрозы» даже вышли за их пределы. 16 мая они захватили Шэньчжэнь, так как якобы из этого района готовилось нападение со стороны китайцев. Губернатор Гонконга Г. Блейк рассчитывал на возможность включения Шэньчжэня в состав Гонконга. Однако уже 13 июня цинским властям было заявлено, что Англия не претендует на эту местность. Войска, правда, вывели лишь после распоряжения из Лондона от 22 ноября. За время оккупации англичане убедились, насколько трудно контролировать территорию, находящуюся практически в безраздельном владении тайных обществ [111, с. 97—98].

Не менее бесцеремонной, чем и все их прочие действия, была расправа колониальных властей с китайскими представителями в Цзюлуэ. 24 апреля наместнику пров. Гуандун и Гуанси Тань Чжунлиню направили требование вывести оттуда войска, что и было сделано 16 мая 1899 г. А 27 декабря 1899 г. в Гонконге обнародовали и распоряжение об отмене китайской юрисдикции в Цзюлуэ и объявлении его неотделимой частью колонии Гонконг [288, с. 82]. Вся собственность китайского правительства, находившаяся в городе, конфисковывалась в качестве «компенсации за ущерб», якобы причиненный в результате сопротивления местных жителей, о чем сообщили Ли Хунчжану во время его пребывания в Гонконге в марте 1900 г. [288, с. 80].

В составе «Новых территорий» Великобритания получила

7 районов, включавших в себя 47 подрайонов, где были расположены 597 деревень.

Таким образом, к концу XIX в. Гонконг представлял собой достаточно обширную территорию, включавшую о-в Гонконг, п-ов Цзюлун, сельскую местность к северу от него, а также множество близлежащих мелких островов. В этих границах колония существует и по сей день.

Формирование административной системы Гонконга

С первых дней существования колонии власти стремились создать там условия, более выгодные для предпринимателей и более удобные для жизни, чем в Гуанчжоу и Макао, в чем они видели залог процветания нового центра торговли. С целью привлечь в Гонконг английских коммерсантов, которые после начала первой «опиумной» войны переехали из Гуанчжоу в Макао, Ч. Эллиот 7 июня 1841 г. объявил Гонконг свободным портом, где торговля не будет подвергаться налоговому обложению. Летом того же года состоялась продажа английским предпринимателям прав пользования земельными участками. При объявленном безналоговом режиме администрация колонии могла рассчитывать лишь на земельную ренту: предполагалось, что за выделенные властями 33 участка пользователи будут вносить арендную плату на общую сумму около 3 тыс. ф. ст. в год. Началось строительство новых зданий. Первыми построили склады фирмы «Линдсей и К^о» и «ДМК» [233, с. 40].

Колониальная администрация всемерно способствовала развитию городского строительства, делая тем самым порт все более привлекательным и приспособленным для международной торговли. Еще в 1841—1842 гг. началось сооружение центральной улицы заложенного на острове города, названного в честь английской королевы Викторией. Дорогу здесь прокладывали 500—600 кули, получавшие мизерную плату (6—10 долл. в месяц). В последующие годы строительство инфраструктуры, расширение территории за счет засыпки некоторых бухт приобрели значительные масштабы. О бурном развитии города можно судить по тому, что к 1846 г. в нем уже было 1874 здания [64, с. 78—79].

Несмотря на все усилия по благоустройству, новая колония оказалась во многих отношениях небезопасным для жизни местом. Сразу же дала о себе знать тяжелейшая лихорадка, обострявшаяся, как было замечено, при проведении земляных работ. В конце июня 1841 г. на Гонконг налетели два тайфуна, уничтожившие все только что возведенные небольшие постройки. Через полтора месяца китайский район погиб в пламени гигантского пожара. В последующие годы разного рода бедствия, в том числе сильнейшие тайфуны, продолжали преследовать

Гонконг. Так, в сентябре 1874 г. в результате очередного тайфуна в порту пострадало 35 крупных судов, погибло 2 тыс. человек, а общий убыток составил 5 млн. долл. [232, с. 514]. Нередко вспыхивали эпидемии. В 1894 г. чума унесла 2,5 тыс. жизней.

Тем не менее возможность извлечения больших прибылей привлекала в Гонконг многих европейских, в первую очередь английских, бизнесменов, а также многочисленное китайское население: компрадоров, мелких торговцев, кули и прочий трудовой люд. К 1865 г. население Гонконга составляло уже 125,5 тыс. Этим сложным по национальному и социальному составу обществом управляла колониальная администрация, созданная в соответствии с классическими британскими образцами.

Административный аппарат колонии создавался в соответствии с Гонконгской хартией от 5 апреля 1843 г. и королевскими «Губернаторскими инструкциями» от 6 апреля 1843 г. (последние оставались неизменными вплоть до 1865 г.). В соответствии с административной практикой британских колоний губернатор сосредоточивал в своих руках всю полноту законодательной, административной, а также судебной (английские подданные в Китае попадали под нее вплоть до 1853 г.) власти. Его деятельность контролировалась непосредственно из Лондона, законы и указы подлежали утверждению британским парламентом и не должны были противоречить английским юридическим установлениям. Законодательный совет при губернаторе, состоявший из трех чиновников, выполнял исключительно консультативные функции, как и административный совет, состоявший из трех служащих администрации. В последующие годы законодательный совет расширился до пяти членов — в него стали входить главнокомандующий, верховный судья, генеральный прокурор, казначей и губернатор [234, с. 23]. Позже в ответ на протесты коммерсантов, претендовавших на право участия в управлении колонией, благополучие которой проистекало исключительно из их деловой активности, в законодательный совет включили неофициальных членов. В 1850 г. наиболее влиятельные лица из торгового мира (руководители крупнейших фирм — «ДМК», «Дэнт и К°», «Джибб, Ливингстон и К°» и др., бывшие мировыми судьями) избрали двух своих представителей (в том числе Д. Джардина) в законодательный совет. Коммерсанты рассчитывали, что, имея доступ в законодательный совет, они смогут влиять на политику администрации. В первую очередь они стремились не допустить возобновления попыток расширить налогообложение.

Постепенно возрастало влияние китайской буржуазии Гонконга, лидеры которой входили в состав Комитета китайской больницы «Дунхуа» и общества борьбы с торговлей людьми «Баолянцзюй», о которых подробнее будет сказано ниже. К началу 80-х годов XIX в. китайцы были крупнейшими владельцами недвижимости в Гонконге, от них поступало 90% налогов,

в их руках находилось 90% денежной массы. Из 18 фирм, вносящих в 1881 г. в качестве ежеквартального налога более 1 тыс. долл., европейской была только «ДМК». Заметно возрос вес гильдии «Наньбэй хап», осуществлявшей торговые поставки в порты китайского побережья, страны Юго-Восточной Азии. Число ее членов возросло в 1876—1881 гг. с 215 до 395 [233, с. 91—92]. Еще быстрее увеличивалась численность китайских предпринимателей рангом пониже, занимавшихся торговлей в самой колонии,— с 287 до 2377. К началу XX в. оформились гильдии торговцев рисом, сахаром, маслом, птицей, металлоизделиями, овощами и фруктами, углем и дровами [62, с. 77].

Рост численности и влияния китайской буржуазии привел колониальную администрацию к мысли о необходимости привлечения ее представителей в органы управления.

Последние в соответствии с новыми «Губернаторскими инструкциями» от 16 октября 1865 г. претерпели серьезные изменения. Теперь в законодательный совет кроме пяти чиновников, занимавших посты членов совета по должностям, входили еще четыре неофициальных члена. Трое из них представляли крупнейшие фирмы: «Дэнт энд К°», «ДМК» и «Пэнинсьюла энд Ориентал стимшип К°» (далее «П. энд О.»), из чего можно сделать вывод об успешности борьбы местной английской буржуазии за расширение своего участия в делах управления колонией [233, с. 82—83]. За 1859—1882 гг. ведущие торговые дома были всегда представлены в совете («ДМК», «Дэнт энд К°», а после ее разорения в 1867 г. «Джибб, Ливингстон энд К°»), третье место занимали поочередно семь других фирм [234, с. 89].

Члены законодательного совета получили определенные права в сфере выдвижения законопроектов и оспаривания предложений губернатора, власть которого оставалась непререкаемой лишь в финансовых вопросах. Что касается административного совета, то кроме губернатора он включал теперь главнокомандующего, секретаря колониальной администрации и генерального прокурора. В 1874 г. в его состав были введены еще два чиновника. Неофициальные представители местной буржуазии появились в административном совете лишь в конце XIX в. Это была реакция британского правительства на петицию ведущих предпринимателей Гонконга, настаивавших на предоставлении торговым кругам права на самоуправление, поскольку они обеспечивают львиную долю налоговых поступлений. В Лондоне опасались, что принятие этих требований приведет к чрезмерному самоуправству кучки местных банкиров и коммерсантов. В виде уступки в административный совет были включены Х. П. Ча-тер и представитель «ДМК» Дж. Белл-Ирвинг. О китайских представителях в это время не было и речи.

Первым китайцем среди неофициальных членов законодательного совета стал юрист У Тинфан. В 1883 г. ему пришлось уйти в отставку, так как он потерпел банкротство в ходе спекуляций земельными участками в январе 1880 — мае 1881 г.,

когда китайские предприниматели, воспользовавшись разрешением властей, скупили у частных лиц и правительства земли в центре г. Виктория на сумму более чем 1,75 млн. (см. [216]).

В 1884 г. законодательный совет претерпел дальнейшую трансформацию. Теперь мировые судьи избирали только одного неофициального члена, но зато члены Генеральной торговой палаты Гонконга (из 34 членов лишь один был китайцем) получили право выдвигать в законодательный совет одного представителя. Названная мера расширила участие крупной буржуазии в работе этого органа. В 1884—1900 гг. на указанный пост избирались представители Гонконг-Шанхайской банковской корпорации, Чартерного банка Индии, Австралии и Китая, фирм «Холидей, Уайз энд К°», «Джибб, Ливингстон энд К°», «Джилман энд К°», «Баттерфилд энд Суайр»; от мировых судей в 1884—1897 гг. избирался член семьи миллионеров Ф. Сэссун, а в 1897—1900 гг. армянский предприниматель Х. П. Чатер, наживший огромное состояние на эксплуатации коммунального хозяйства колонии [234, с. 101, 103]. Представителем китайского населения стал Хуан Шэн, окончивший Англо-китайский колледж в Гонконге. Потом его сменил Хэ Ци, сын проповедника Лондонского миссионерского общества Хэ Цзуньсина, получивший образование в Англии. Как мы видим, при всей незначительности прав членов законодательного совета англичане предпочитали выбирать таких представителей от китайского населения, которые, во-первых, имели бы европейское образование и с готовностью сотрудничали бы с колониальными властями, а во-вторых, были связаны узами делового сотрудничества с крупнейшими европейскими торговыми домами. В 1896 г., когда законодательный совет увеличился за счет еще одного официального и одного неофициального члена, представителем от китайского населения стал Вэй Юй, компрадор Чартерного торгового банка, зять Хуан Шэна [234, с. 125].

Номинальное участие китайцев в управлении колонией не повлияло на положение подавляющего большинства местных жителей, лишенных элементарных гражданских прав. Достаточно сказать, что китайцам было разрешено входить в состав суда присяжных лишь в 1858 г., первому китайскому адвокату практика была разрешена в 1877 г., а унижительный указ о ношении фонарей и ночных пропусках отменили только в 1897 г. Переход в британское гражданство (действительное лишь в пределах Гонконга) был сопряжен с целым рядом унижительных для китайского национального чувства условий (правилами обуславливалось ношение европейской прически, платья и т. д.). Лишь этим можно объяснить, что за 1880—1900 гг. такой переход совершили всего 50 китайцев, хотя для представителей китайской буржуазии получение иностранного паспорта несло целый ряд выгод [234, с. 245].

Попытку изменить статус китайского населения, сломать стереотип отношения европейцев к китайцам сделал губернатор

Дж. Поуп-Хеннесси, управлявший Гонконгом в 1877—1882 гг. «Он относился к китайцам с подчеркнутым вниманием и уважительно отмечал их возрастающее значение в Гонконге» [233, с. 170]. Ему принадлежала идея включения У Тинфана в законодательный совет. Дж. Поуп-Хеннесси отменил клеймение китайцев-правонарушителей, а также телесные наказания, открыл для китайских жителей ранее запретный центральный район Гонконга. Он решительно протестовал против сегрегации в работе Городского клуба, который в воскресенье и определенные часы других дней недели был открыт только для европейцев. Его мероприятия подвергались злобным нападкам англоязычной прессы Гонконга, многих крупных предпринимателей. В то же время он получил горячую поддержку многочисленных китайских коммерсантов.

Поскольку Гонконг был объявлен свободным портом, пошлины в порту не взимались, что лишало администрацию важнейшего источника доходов. Так как в Лондоне настаивали на достижении самокупаемости, местные власти старались увеличить денежные поступления путем введения разнообразных налогов. В большинстве случаев эти меры наталкивались на решительное сопротивление как китайской, так и европейской части населения. Так, безуспешными были попытки губернатора Дж. Дэвиса в 1845—1846 гг. ввести налоги на соль, табак, вина, жилые дома и др. [232, с. 237]. Сохранились лишь некоторые налоги: на содержание полиции, на освещение улиц, с рыночной торговли, на земельные сделки, за регистрацию средств транспорта, компаний с ограниченной ответственностью, обложение судов, стоявших в гонконгском порту, и др. [101, с. 54]. Принцип свободного порта при этом постоянно соблюдался, так что доходы властей за 1846—1864 гг. выросли всего с 27 тыс. до 132,8 тыс. ф. ст. [64, с. 82]. Колониальная администрация в течение многих лет не могла свести концы с концами, прибегая к кредитам британского правительства, поскольку значительные расходы на строительство и развитие колонии истощали ее финансовые ресурсы.

Лишь с конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. положительный баланс бюджета стал значительным (например, 265 тыс. долл. в 1865 г.) [101, с. 57]. Он увеличился после введения марочного сбора⁴ (который в 1867 г. дал 101 тыс. долл. дохода), а также вследствие роста поступлений от почты, от монополии на производство опиума и от выдачи лицензий на содержание ломбардов. Как только положение в финансовой сфере улучшилось, из Лондона было приказано с 1869 г. ежегодно отчислять 20 тыс. ф. ст. на нужды обороны (с 1889 г. — уже по 40 тыс. ф. ст.). Позже вследствие бурного развития Гонконга в конце XIX в. доходы колониальных властей еще более увеличились: в 1884 г. они составили 1173 тыс. долл., в 1891 г. — 2025 тыс. долл. [234, с. 115—116], хотя налогообложение оставалось незначительным.

В расходной части бюджета гонконгского правительства главное место занимали оплата аппарата управления, расходы на строительство, а также отчисления «на нужды обороны». Напомним, что Гонконг был не только торговым портом, но и военной крепостью. Там постоянно находился воинский контингент, на рейде стояли военные корабли⁵. Эти вооруженные силы предназначались не столько для защиты колонии, сколько для обеспечения быстрого и эффективного вмешательства во внутренние дела Китая. Войска были размещены в лагерях в Сянганцзы, Чичжу, Шитанцзу и Молошань (в Цзюлуэне). Военные постоянно вели борьбу с администрацией за те или иные участки земли⁶.

А. Вышеславцов не без иронии описывал английских военных в Гонконге: «Мы были на обширном сквере, продолжающемся до самого рейда; аллеи молодых деревьев протянулись на нем в различных направлениях. Здесь на сквере бывают гулянья, играет полковая музыка, и английские офицеры, в безукоризненно чистом белье и белых панталонах, в красных легких блузах и шляпах с вентиляторами чинно двигаются взад и вперед, рисуясь на зеленом ковре газона» [42, с. 189].

Колонисты и китайское население

Сразу же после образования колонии одной из главных проблем для англичан стали отношения с местным населением. Со стороны англичан эти отношения определялись презрением к «представителям низшей расы» в сочетании с пониманием абсолютной необходимости сотрудничества; со стороны китайцев — неприязнью к завоевателям и в то же время стремлением обогатиться в созданном колонизаторами «налоговом рае».

Колонисты сразу же столкнулись с сопротивлением местных жителей. Уже в 1843 г. вспыхнула забастовка торговцев и рабочих, выступивших против строительства торгового порта в Гонконге. Сказалось влияние патриотических организаций Гуанчжоу, таких, как «Шэнпин» («Общество мира и благоденствия»). Правительственные и коммерческие учреждения постоянно подвергались, как докладывали власти, нападениям «пиратов»⁷. Наряду с патриотическими антианглийскими силами в колонии развернули свою преступную деятельность гуанчжоуские гангстеры, пользовавшиеся неосведомленностью колонизаторов о местных обычаях, их незнанием языка и т. п.

Англичане ввели ряд законоположений, ограничивавших свободу передвижения китайцев: им запрещалось выходить в море после 9 часов вечера, на улицу после 10 часов вечера, с наступлением темноты местных жителей обязали носить фонари, освещающая улицу. Был обнародован также ряд распоряжений, запрещавших появляться на улице в пьяном виде, демонстрировать свои язвы и раны, заниматься гаданием и магией [281, с. 141]. Многие приказы властей вызывали враждебную реак-

цию жителей, поскольку были неправильно переведены на китайский язык⁸. Так, попытка ввести с осени 1844 г. ежегодную платную регистрацию лиц, проживавших в Гонконге, привела к бегству из колонии 3 тыс. китайцев, поскольку распространился слух, что регистрироваться нужно будет ежемесячно за плату в размере одного доллара. В результате многочисленных протестов этот проект был отменен.

Для управления китайским населением был назначен специальный чиновник — главный регистратор, имевший одно время титул «защитника китайцев». Англичане неоднократно делали попытки создать местные органы управления. В 1844 г. из среды китайцев были назначены старейшины (*баотоу, баочжэн*). Они не получали жалованья и имели неформальный статус посредников между населением и властями. Однако вскоре институт старейшин исчез, а попытка его возрождения в 1851—1853 гг. не увенчалась успехом.

Лишь в «Новых территориях» прижилась в 90-е годы система комитетов выборных представителей (по одному от ста жителей). Эти комитеты сотрудничали со специальным английским чиновником, отвечавшим за «Новые территории». В 20-е годы XX в. из деревенских старейшин был создан консультативный орган — Сельский совет (Сянъицзюй, на местном диалекте — Хэнгикук) [234, с. 130].

В целом же судьба китайских жителей находилась полностью в руках англичан⁹.

Британские власти вскоре после оккупации Гонконга заявили, что китайское население будет управляться в соответствии с законами Цинской империи, но не будут применяться «все виды пыток». Тем не менее в 1845 г. было введено клеймение преступников, а также членов антицинских тайных обществ, которых после этого выдавали китайским властям (ханжеским указом из Лондона клеймение щеки заменили выжиганием отметины под мышкой). В первые же годы существования колонии началось создание репрессивного аппарата: тюрьма стала одним из первых построенных общественных зданий. Полиция первоначально формировалась из военнослужащих, однако ее учреждение не способствовало укреплению порядка. Никто из европейцев по-прежнему не решался выходить на улицу без личного оружия.

К концу 40-х годов XIX в. на службе в полиции состояли 168 человек, в том числе 51 китаец и 46 индусов. Среди охранников порядка процветало взяточничество и пьянство. Средства на содержание полиции извлекались администрацией из специального налога, поступления от которого в 1847 г., например, составили всего 2239 ф. ст. В последующие десятилетия, несмотря на увеличение расходов, а также привлечение специалистов из Англии, некомпетентность и обилие должностных преступлений продолжали оставаться отличительной чертой гонконгской полиции.

Репрессивный аппарат постоянно совершенствовался. В 60-е годы XIX в. все полицейские участки были соединены телеграфом, создана специальная портовая полиция, полицейская школа. Численность личного состава увеличилась до 598 чел. (из них 377 индусов, 132 китайца) [232, с. 446]. Ужесточился тюремный режим. Продолжались избиения заключенных. Их держали на голодном пайке, заставляли выполнять тяжелую работу.

Система установленных в Гонконге наказаний являлась комбинацией положений китайского и английского права. Высшим наказанием для китайцев был штраф в размере 400 долл., что по тем временам составляло весьма значительную сумму; более мягкими — трехмесячное заключение и, наконец, телесные наказания (сто розг). Число правонарушений было настолько велико, что на всех арестованных не хватало места в тюрьме. Поэтому решили высылать задержанных за пределы колонии, в частности в Австралию, что позже было запрещено британским правительством. Английские суды рассматривали дела об уголовных преступлениях, совершенных китайцами, в соответствии с китайскими законами. Однако нередко судьи были несведущи с китайскими законами. В таких случаях «китайский» характер делопроизводства выражался (вплоть до 1852 г.) в том, что подсудимых в виде клятвы перед разбирательством заставляли есть петушиную голову, разбивали ритуальный глиняный сосуд, жгли бумагу с текстом подписанной правонарушителем клятвы и пр. [232, с. 268; 233, с. 41].

Часто в стремлении пресечь правонарушения власти допускали произвол, особую суровость наказаний. Взымались чрезмерно высокие штрафы. Людей, подозреваемых в преступлении, могли задержать без всякого на то реального основания. Уличенных торговцев изгоняли из колонии, отнимали у них товар, являвшийся единственным их достоянием. Нередко товары, имевшиеся в продаже в лавках, изымались по недоказанному обвинению в том, что они краденые. Некоторые указы являли собою образчики самодурства колонизаторов¹⁰.

Для борьбы с пиратством был основан специальный суд, рассматривавший дела по сокращенной процедуре; однако результаты его деятельности не соответствовали ожиданиям. Некоторые указы властей давали результаты, противоположные ожидаемым, например, запрещение владельцам джонок иметь оружие на борту лишило их возможности защищаться в случае нападения (что содействовало развитию пиратства). Не случайно китайские купцы были вынуждены организовать за свой счет особые силы поддержания порядка в китайских кварталах.

Особую опасность для англичан, да и вообще для иностранных торговцев представляли многочисленные тайные общества (*хуэйдань*), вооруженные отряды которых на джонках совершали нападения на суда, перевозившие товары. Для коммерсантов колонии это были настоящие морские разбойники. Тайные

общества носили в целом антицинский характер, однако гуанчжоуские власти не препятствовали им, полагая, что нападения на иностранцев не противоречат интересам государства. Кроме того, многие чиновники либо находились на содержании у «пиратов», либо сотрудничали с ними. Ко времени образования колонии в округе действовало несколько пиратских флотилий, насчитывавших в общей сложности 3—4 тыс. бойцов. Их руководители Лу Яцзин, Дэн Ясу, Ши Юйшэн создали несколько отрядов, например «Чжунсиньтан» («Общество преданности и воли»), «Ляньбитан» («Общество единения и верности») и др. [64, с. 78].

Пираты действовали в тесном контакте с членами тайных обществ, находившихся в Гонконге. Даже после издания указа (1845 г.) о пресечении деятельности тайного общества «Триада» («Саньхэхуэй») колониальным властям не удавалось справиться с тщательно законспирированными хуэйданами. Их члены информировали пиратов о передвижении судов и перевозившихся ими грузах¹¹. Как отмечает гонконгский историк Лу Янь, в 1847 г. в колонии функционировали 26 мелких обществ, входивших в систему «Триады», каждое из них насчитывало примерно по сто членов. В последующие годы часть их была разгромлена полицией, часть перенесла свою деятельность на территорию Тихоокеанского побережья США, а часть продолжала успешно действовать в Гонконге [105, с. 14]. К пиратам нередко присоединялись беглые английские и американские матросы¹².

К концу 40-х годов XIX в. положение стало настолько серьезным, что англичане начали вооруженную борьбу с морским разбосм. В 1848—1850 гг. они разгромили два пиратских флота. В сражениях 28 сентября и 3 октября 1848 г. был разгромлен флот Цю Ябао, состоявший из 23 джонок (каждая была вооружена 12—18 орудиями) и насчитывавший 1800 бойцов [64, с. 89]. Англичане сожгли два судостроительных дока, построенных пиратами на китайском побережье. К весне следующего года Цю Ябао собрал новую флотилию из 13 джонок, однако англичане вновь нанесли ему поражение (в заливе Дапэнвань в марте 1850 г.). Другой предводитель пиратов, имя которого на местном диалекте звучало Шап Нг-цзай, был разгромлен осенью 1849 г. Он располагал 64 джонками (1224 орудия, 3150 бойцов), из которых 58 потонули.

В последующие годы борьба с пиратами продолжалась, но с переменным успехом [232, с. 270]. Летом 1853 г. совершалось в среднем 14 нападений на европейские суда в месяц, а в целом за год их было совершено 70. Нередки были случаи расправы китайской команды над капитаном, офицерами и всеми пассажирами.

Позже англичанам все же удалось уничтожить крупнейшие пиратские флоты в округе (в 1855, 1859 и 1869 гг.), но они так и не смогли на всем протяжении второй половины XIX в. полностью пресечь морской разбой (см. [240, с. 449—452]). Причи-

на этого коренилась в неспособности английских властей осуществлять эффективный контроль над всей территорией колонии и ее прибрежными водами. Например, в 1844 г. власти пров. Гуандун (область Саньи) собирали на юго-востоке острова Гонконг в Чичжу рыболовный налог, а в 1846 г. китайская полиция несколько раз проводила аресты преступников на территории Гонконга [232, с. 214]. Пираты продолжали собирать дань с рыболовецких и торговых джонок, получать продовольствие и оружие от гонконгских торговцев и даже продавать в их лавках награбленные товары [232, с. 239].

Притоку в Гонконг преступных элементов из внутренних районов Китая способствовало открытие пароходного сообщения с Гуанчжоу и установление крайне низкой цены на билет (20 центов). В 1864 г. колониальные власти прибегли к массовой депортации сотен профессиональных нищих, практически запрудивших улицы Гонконга. Однако и это не дало долговременных результатов.

Несмотря на запретительное законодательство 1845 г., влияние тайных обществ в колонии продолжало расти. Языковой, культурный и этнический барьеры между местными жителями — рыбаками, торговцами, каменщиками, грузчиками и пр., с одной стороны, и служащими британской администрации — с другой, были настолько значительны, что образовавшийся в результате этого вакуум между управляющими и управляемыми быстро и легко заполнили хуэйданы, взявшие на себя функции теневого администратора. Они подчинили своему влиянию профессиональные и земляческие гильдии и ассоциации. При попустительстве англичан тайные общества системы «Триады» к 1857 г. установили достаточно жесткий контроль над рынком рабочей силы, взимая регулярные поборы с китайцев, работавших по найму в Гонконге. Не обошлось без их участия и в организации отправки из Гонконга кули в США, Австралию, ЮВА.

Как и прежде, в деятельности гонконгской «Триады» просматривались два направления. Одно было связано с их патриотическим настроем. Так, тайные общества 3—9 октября 1884 г. организовали забастовку китайских трудящихся Гонконга в знак протеста против ареста портовых грузчиков, отказавшихся обслуживать французские суда (шла китайско-французская война 1884—1885 гг.). Другое, получившее в последующие годы особенное развитие в Гонконге, выражалось в перерождении части хуэйданов в преступные синдикаты типа мафии [105, с. 16—17].

Позже, особенно в период полицейского наступления 1887 г., в деятельности тайных обществ наступил этап консолидации в борьбе с властями. Мелкие раздробленные группы стали объединяться. Первым большим хуэйданом, включившим в себя 12 мелких, стал «Хэ[хэту]». Его возглавил уроженец уезда Дунвань пров. Гуандун, мастер местного стиля ушу, выпускник гон-

конгской миссионерской школы Лай Чжун. Потом в ожесточенной борьбе за существование (как с властями, так и между собой) возникло еще четыре хуэйдана: «Цюань [цзяньдин]», «Дун[гаоцзяо]», «Лянь[даньэр]» «Тун[маосяба]». Все вместе они образовали «у да гунсы» («пять больших компаний»), распространив свое влияние на контрактацию портовых рабочих, охрану театров и ресторанов, публичных домов и казино (см. [105, с. 15, 18—19]). Подконтрольными тайным обществам продолжали оставаться и другие профессии, например уличные торговцы.

Колониальные власти стремились к тому, чтобы сохранить расчленение Гонконга на два общества: английское (или европейское) и китайское. С этой целью были приняты многочисленные законодательные акты. Так, вплоть до начала XX в. лучшие районы Гонконга были зарезервированы для европейцев (см., например, закон, регулировавший городскую застройку от 1888 г.). Политика администрации была откровенно расистской. Губернатор Гонконга У. Робинсон, комментируя присоединение к колонии Цюлуна, указывал, что «это необходимо, чтобы держать на определенном расстоянии китайское население и предохранять европейское и американское сообщество от оскорбительного и неудобного смешения с китайскими жителями» (цит. по [232, с. 36]).

Ядро европейского сообщества Гонконга составляли владельцы ведущих торговых домов и их служащие, а также чиновники колониальной администрации. Вся небогатая общественная жизнь была сосредоточена вокруг домов состоятельных коммерсантов. Располагая огромными средствами, они вели образ жизни, являвший собою разительный контраст с тем, что можно было наблюдать в китайских кварталах. Англичане стремились организовать свой быт так, как если бы они жили у себя на родине¹³.

Большую силу приобрели в Гонконге масоны. В 1845 г. там открылись сразу две ложи: Королевская сассекская (3 апреля) и Зетландская (8 декабря). Несмотря на перемещение центра масонства в Китае в последующие годы в Шанхай, Гонконг продолжал сохранять свое значение. В нем с 1853 г. регулярно проводились съезды, носившие название «масонских балов». В том же году было построено большое здание местной ложи. В ее состав входили самые богатые люди Гонконга. Уже не раз упоминавшийся нами Х. П. Чатер в феврале 1882 г. стал региональным Великим магистром Южного Китая (см. [229, с. 396; 232, с. 247]).

Климатические условия Гонконга — жара и влажность — до предела затрудняли англичанам имитацию жизни в Англии¹⁴. Не спасли и архитектурные ухищрения, определившие облик европейской части города в XIX в., — все здания имели внешние галереи, чтобы защитить окна от лучей солнца и позволить передвигаться по улице в тени. Высокие летние температуры выну-

дили англичан начать строительство на вершине Пика, горы в центре острова, где жара была несколько меньше.

Жизнь европейских обитателей Гонконга осложнялась также частыми столкновениями с китайскими властями, стихийными бедствиями (пожары, тайфуны, эпидемии). Все это накладывало специфический отпечаток на повседневную жизнь Гонконга¹⁵.

Многие стороны жизни европейского населения выглядели отнюдь не благопристойно. В погоне за наживой европейские авантюристы были готовы на все. Они мечтали встать рядом с такими великанами торгово-финансового мира, как владельцы «ДМК», период контрабандной активности которых к 60-м годам XIX в. начал отходить в прошлое. Эти бывшие торговцы опиумом уже позволяли себе меценатствовать, издавая на свои средства переводы китайских классиков, выполненные Дж. Леггом. Те же, кто только начинал, не стеснялись в средствах. Вот лишь некоторые примеры: в июле 1876 г. служащие «Гонконг энд Вампу док компани» Р. Дункан и М. Розарио были приговорены соответственно к 9 и 5 годам тюрьмы за особо крупные хищения. В ноябре 1879 г. чиновник верховного суда Гонконга Ф. Гаффам был приговорен к 7 годам заключения за взятки в размере почти 47 тыс. долл. Многие, как мы уже упоминали, следуя примеру некоторых местных жителей, становились пиратами. За головы ряда таких лиц европейского происхождения власти в апреле 1863 г. обещали по тысяче долларов вознаграждения (см. [232, с. 383; 21, с. 22, 46]).

Происходящее в Гонконге претило пуританствующим филистерам в Лондоне. «Таймс» писала 15 марта 1859 г.: «Гонконг всегда связан со смертоносной чумой, какой-то сомнительной или позорной внутренней сварой, настолько, что название этого шумного, суматошного, склочного, пребывающего в состоянии неудовлетворенности и вредоносного для здоровья острова может быть без опасения совершить ошибку использовано в качестве эвфемистического синонима для мест, упоминание о которых не принято в приличном обществе».

Немаловажную роль в жизни небольшого европейского сообщества играла местная печать. Уже через четыре месяца после оккупации острова английскими войсками секретарь администрации по китайским делам Дж. Моррисон (сын выдающегося китаевода, миссионера Р. Моррисона) начал издавать «Гонконг газетт», в которой в основном печатались указы военной администрации. Через год Дж. Моррисон в качестве переводчика английского управляющего торговлей Г. Поттингера отправился на север с войсками, а газета слилась с основанной в 1842 г. «Френд оф Чайна» (издатели — миссионеры Дж. Шук и Дж. Уайт). Последняя приобрела известность своими критическими отзывами о деятельности колониальной администрации, за что подвергалась неоднократным санкциям и в 1860 г. переместилась в Гуанчжоу. В последующие годы было налажено из-

дание еще нескольких английских газет: в 1845 г. стала выходить (сначала еженедельная, а с 1878 г. ежедневная) газета «Чайна мейл», пользовавшаяся покровительством «ДМК». В 1864 г. она объединилась с «Гонконг мейл энд шиппинг лист» (эта газета, в свою очередь, возникла на базе выходившей в свет в 1855—1858 гг. «Гонконг шиппинг лист»). В 1845 г. началось издание «Оверленд френд оф Чайна», а в 1857 г.— «Дейли пресс» (издатель Г. М. Рейден).

В своей «Истории китайской прессы» Гэ Гунчжэн приводит следующий перечень основных английских периодических изданий Гонконга вплоть до Синьхайской революции [61, с. 83—84]: 1850—1859 гг.— «Диксонз Гонконг рекордер», 1869—1876 гг.— «Дейли адвертайзер» (с 1873 — «Гонконг таймс»), в 1881 г. начали выходить газеты «Гонконг телеграф» и «Саут Чайна морнинг пост», в 1904 г.— «Сентрал пост». Правительство в 1853 г. начало публикацию официального издания «Гонконг гавернмент газетт». Появилось несколько журналов: в 1868 г.— «Чайниз мэгэзин», в 1867—1868 гг. и 1872—1876 гг.— юмористический журнал «Чайна панч» (см. [232, с. 470, 516]), в 1878 г.— «Фар Ист» (выходил одновременно в Гонконге, Шанхае и Токио, редактор Дж. Блек). Весь этот обширный корпус периодических изданий содержал богатейший материал, касающийся не только истории собственно Гонконга, но и британской политики в Китае, а также событий во внутренних районах Китая.

В отличие от колонизаторов положение китайцев в Гонконге (составлявших около 98% населения) оставалось крайне тяжелым. Как писал о местных жителях русский путешественник, «в нравственном смысле они здесь унижены до скотского состояния и ничем не лучше любого невольника» [45, с. 409]. Исключение составляли богатые коммерсанты, разбогатевшие на посредничестве между европейскими торговцами и внутренним китайским рынком. Бедность и бесправие оставались основными отличительными чертами жизни простых гонконгцев. В глазах колониальной администрации достойными представителями местных жителей были лишь воротилы из числа компрадоров. Все попытки трудового населения отстаивать свои права практически всегда завершались неудачей. Ничего не добились носильщики паланкинов (в 1863 г.) и грузчики-перевозчики (в 1860 и 1862 гг.), бастовавшие в знак протеста против принудительной регистрации. Торговцы не смогли добиться отмены налога на вывески, введенного в 1860 г., и были вынуждены удовлетвориться его снижением [64, с. 106].

Китайцы жили в условиях невероятной скученности. В некоторых кварталах на 10 кв. м площади приходилось 13 жителей [232, с. 202], т. е. на 1 человека приходилось около 1,4 кв. м. Жили они, как правило, в ветхих двухэтажных домах трущобного типа. В одной комнате за плату 1,5—2 долл. в месяц могли жить от трех до восьми семей. С ними соседствовали свиньи и домашняя птица. Полы были настолько тонки, что вода и му-

сор легко просачивались вниз [233, с. 185]. Нередко случались обвалы, сопровождавшиеся гибелью десятков людей. Теснота застройки, вызванная дороговизной земли, приводила к частым массовым пожарам. Так, в 1851 г. одновременно сгорело 458 домов, в 1867 г.— около 500 [232, с. 472].

Большинство жителей Гонконга шло и на такие условия. Ведь тысячи горемык, как сообщали власти в 1887 г., просто спали на улицах, «довольные» тем, что зарабатывали 2,5 долл. в месяц [233, с. 508]. Забастовка кули в августе 1872 г. в знак протеста против введения налога на ночлежки была вызвана не «любовью китайцев к грязи», как пытались это представить англичане, а невозможностью платить за ночлег более высокую плату.

Санитарные условия в китайских районах были ужасны. Нередко возникали эпидемии — чумы (1894 г.) и холеры (1858, 1865—1866 гг.). Уровень смертности среди китайского населения был вдвое выше, чем среди европейского, и даже в начале XX в., когда колония, казалось, достигла все же значительного прогресса, составлял 2,3% [64, с. 95].

Одной из важных проблем являлось водоснабжение. В европейских кварталах жители пользовались частными колодцами. Китайское же население набирало воду в горных реках и ручьях, где она часто была инфицирована. Администрация начала строительство резервуаров и водопровода. Эта борьба за воду продолжалась в течение многих десятков лет, поскольку население быстро росло¹⁶.

Часто власти для борьбы с болезнями прибегали к весьма жестоким мерам. Когда в 1894 г. в Гонконге началась эпидемия чумы, администрация снесла несколько кварталов, населенных китайцами. Часть зданий была сожжена. В результате из колонии были вынуждены уехать оставшиеся без крова 80 тыс. человек [64, с. 97].

Для лечения же больных было сделано немного. Вообще вопрос о медицинском обслуживании местного населения не ставился. В то же время существовало много больниц для европейцев, открывшихся в первые же годы существования колонии, поскольку свирепствовали тропическая лихорадка, дизентерия и другие болезни. Так, фирма «ДМК» и индийский коммерсант Дж. Растомджи учредили госпиталь для моряков. Армия имела свою больницу. Лондонское миссионерское общество финансировало больницу Медицинского миссионерского общества Кантона и Макао. Миссионеры не отказывали в помощи местному населению, но недоверие к западной медицине было настолько велико, что пациентов у них было крайне мало [232, с. 191].

Вопрос о здравоохранении встал на повестку дня, когда в 1856 г. обнаружили, что построенный в 1851 г. выходцами из Аньфэна храм Ицы является одновременно прибежищем для умирающих бедняков и складом захороненных трупов.

Английская пресса сразу же развернула бурную антикитай-

скую кампанию, однако никаких конкретных мер предложено не было. Тогда на средства крупных китайских коммерсантов в 1870 г. построили больницу «Дунхуа июань» для лечения средствами традиционной медицины [64, с. 96]. Впоследствии возникла целая система больниц для китайцев, включавшая госпитали «Дунхуа дунъюань» и «Цзюлун гуанхуа июань». Комитет, управлявший ими, открыл ряд домов для престарелых, детских садов и средних школ, содержал несколько кладбищ и похоронных бюро. Как отмечает гонконгский историк Лу Янь, вплоть до 1945 г. в колонии не было иной системы традиционного здравоохранения для местного населения¹⁷.

В состав комитета больницы «Дунхуа» входили крупнейшие китайские коммерсанты. На его базе они создали своего рода неформальное «правительство», решавшее самые различные проблемы местного населения, выступая в ряде случаев в роли защитника его интересов перед английскими властями.

Вне этой системы создавались немногочисленные современные медицинские учреждения западного типа. Так, на средства известного юриста и врача Хэ Ци была построена больница «Элис мемориал хоспитал», переданная им в распоряжение Лондонского миссионерского общества. В 1887 г. на базе клинической школы при ней открылся Колледж медицины для китайцев, студентом которого впоследствии стал Сунь Ятсен. Значение колледжа было огромно: в то время западную медицину преподавали в Китае всего лишь в двух учебных заведениях (в Гуанчжоу и Тяньцзине). На выполнение этого проекта колониальные власти не выделили ни цента [232, с. 249]¹⁸.

Еще одной (наряду с комитетом больницы «Дунхуа») китайской общественной организацией, объединившей в своем руководстве влиятельных китайских бизнесменов и претендовавшей на представительство интересов местного населения, стало «Баолянцзюй» («Общество охраны невинности») ¹⁹. Оно возникло вследствие чрезвычайного распространения в Гонконге традиционной системы *моцзы* («приемных дочерей»), когда бедные семьи продавали девочек в услужение. Используя развитые морские международные коммуникации Гонконга, подпольные синдикаты наладили вывоз детей в Сингапур, Австралию, Сан-Франциско, где их продавали в публичные дома. Кроме того, по утверждению верховного судьи колонии, в Гонконге примерно 10—20 тыс. женщин фактически являлись домашними рабынями (см. [166, т. 2, с. 13; 199, с. 52; 233, с. 246; 232, с. 546—547]).

«Баолянцзюй» взяло на себя борьбу с этим явлением. В своей деятельности оно опиралось на принятый в 1887 г. закон «Об улучшении защиты женщин и детей». За 1888—1895 гг. общество помогло вернуться домой 5543 обманом или силой похищенным девушкам, многих из которых выдали замуж или устроили на работу.

Рост престижа и влияния комитета больницы «Дунхуа» и общества «Баолянцзюй» объяснялся не только стремлением ки-

тайского населения колонии, лишенного всяких прав, к элементарному самоуправлению. Большую роль сыграло также возрастание роли китайской буржуазии в Гонконге.

С течением времени гонконгские китайцы-коммерсанты все отчетливее осознавали необходимость объединения, чтобы защищать свои интересы перед колониальными властями. В результате в январе 1896 г. возникло Китайское собрание (Чжунхуа хуэйгуань), переименованное в 1900 г. в Китайский коммерческий союз (Хуашангунцзюй), а в 1913 г. — в Гонконгскую китайскую генеральную торговую палату (Сянган чжунхуа цзуншанхуэй). Создателями и активными участниками этого объединения были крупнейшие местные китайские предприниматели Гу Юньшань, Хуан Яоцин, Фэн Хуачуань, Чэнь Гэной, Хэ Цзэмин, Хэ Лиу, Ло Шаокай, Лу Гуанькан (см. [131, т. 5, с. 44—47]).

Китайская буржуазия постепенно набиралась сил для борьбы за «место под солнцем». В ее руки перешла значительная доля внешнеторговых операций, практически вся внутренняя торговля. Росло влияние местных предпринимателей в сфере транспорта, в некоторых отраслях промышленного производства, хотя в целом китайские капиталисты в рассматриваемый период вынуждены были довольствоваться тем, что с точки зрения иностранцев не сулило достаточных барышей.

Для активизации сторонников самоуправления в среде китайской элиты Гонконга были веские причины. Дело в том, что английские власти относительно местного населения придерживались «политики ограниченного вмешательства». Иными словами, колониальная администрация пресекала лишь те негативные явления, которые прямо или косвенно затрагивали интересы европейцев. В результате такие негативные социальные явления в жизни китайских кварталов, как игорный бизнес, проституция, опиекурение, запрещались лишь на бумаге. Продажная гонконгская полиция закрывала глаза на нарушение законов.

Именно в результате попустительства колонизаторов Гонконг превратился в середине XIX в. в транзитный пункт вывоза рабочих рук.

В начале 50-х годов XIX в. через Гонконг в Северную Америку, Юго-Восточную Азию и Австралию устремились тысячи китайских эмигрантов. Значительную их часть составляли законтрактанные кули, которые практически попадали в рабство на плантациях Кубы, Перу, Британской Гвианы. Многие из них были похищены и вывезены силой. Достигнув пика в 1857 г. (26,2 тыс. человек), эмиграция через Гонконг затем стала сокращаться, составив 7,8 тыс. человек в 1863 г. [232, с. 259, 386—387]. В целом за 1850—1875 гг. из Гонконга и Макао выехало и было вывезено всего около полумиллиона китайских эмигрантов. Одновременно с уменьшением эмиграции возрастало число хуацяо, возвращавшихся через Гонконг на родину. Многие из них везли с собой значительные средства, часть которых, несомненно, оседала в Гонконге. Так, в 1861 г. только из Мельбурна

в Китай через колонию вернулись 350 человек, которые привезли с собой золота на 43 тыс. ф. ст. [233, с. 130].

Владельцы гонконгских транспортных контор, носивших название «поросятников» (*чжуцзыгуань*), получали огромные доходы от вывоза кули (только в 1851 г. от их транспортировки на 44 кораблях была получена прибыль в размере 1,5 млн. долл. [11, с. 249]). Они обирали желавших эмигрировать китайцев и вплоть до отъезда держали их взаперти. Потом их грузили на суда и везли в нечеловеческих условиях, причем часто не туда, куда обещали.

После того как до правительства в Лондоне дошли сведения о чудовищных условиях, в которых содержались и отправлялись кули из Гонконга, в 1855 г. был принят «Закон о китайских пассажирах», установивший минимум приемлемых условий перевозки эмигрантов на судах. В 1862 г. власти объявили об обязательных проверках таких судов, в 1868 г. — о наказании за плохое обращение с кули. Однако торговцы живым товаром успешно обходили все ограничения, снаряжая суда в Гонконге и подбирая пассажиров за его пределами. Попустительство властей выражалось, например, в том, что в 1857 г. за насильственное задержание 240 кули пять китайцев были приговорены к полугодовому заключению в тюрьме, а их сообщник — англичанин Мэрроу — к штрафу в размере... 5 долл. [232, с. 123, 128].

Иногда администрация, испытывавшая финансовые затруднения, стремилась заработать на налогах и лицензиях на сомнительные развлечения, потворствуя тем самым росту преступности²⁰.

Характерной чертой Гонконга было обилие всевозможных игорных домов и казино. В колонии были распространены многие азартные игры (мацзян, разного рода карточные игры, лотерея и игра в кости). Попытки прекратить развитие игорного бизнеса, предпринимавшиеся в основном под давлением местных миссионеров и ориентировавшегося на отечественных пуритан правительства в Лондоне, не давали результатов. Главным препятствием были издавна налаженные связи полиции с преступным миром²¹.

В условиях высокой коррумпированности полиции любые репрессивные меры не давали результатов. Регулярные «проверки» игорных домов полицией завершались арестами подставных лиц, нанимавшихся хозяевами из числа безработных и инвалидов. Их через несколько дней за небольшой штраф отпускали на свободу. Губернатор Р. Макдоннелл в 1867 г. вновь попытался ввести запрет на игорные дома. Их владельцы, желая отмены указа, предложили уплатить в казну 365 тыс. долл. Убедившись, что они обладают большими средствами, губернатор в том же году объявил об официальной продаже лицензий на открытие казино, обосновывая свое решение тем, что лицензия позволяет более эффективно контролировать игорный бизнес и сократить коррупцию в полиции. Главным же результатом

стало резкое увеличение доходов администрации. В 1869 г. специальный фонд из средств, полученных от продажи лицензий, составил 221,7 тыс. долл. (см. [64, с. 85; 232, с. 432—433]).

Меры властей не изменили реального положения. Азартные игры продолжали распространяться²². Появились новые разновидности игорных домов, не подлежавшие правительственному контролю. Социальные последствия этого были самыми мрачными. В 1867—1868 гг. только в официальных казино было проиграно 10,6 млн. долл. [232, с. 439]. По соседству с игорными домами процветали ломбарды, раздевавшие до нитки игроков, искавших счастья там, куда оно даже не заглядывало. По примеру Гонконга в 1870 г. лицензии на казино ввели власти португальской колонии Макао, вскоре гуандунские власти также стали извлекать регулярный доход из игорного бизнеса. В Гонконге же политика лицензий на содержание казино была отменена по распоряжению из Лондона в 1871 г., что, однако, вовсе не означало, будто в колонии перестали процветать азартные игры (см. [90, с. 144—153]).

Наконец, власти не отказывались от опиумной монополии, утверждая, что ее ликвидация приведет к еще большему развитию подпольной торговли наркотиком. На деле же она просто стремилась сохранить свои доходы. К концу XIX в. в Гонконге ежегодно продавали опиума на 10 млн. ф. ст. [241, с. 257]. В результате к 1891 г. 10—17% китайского населения колонии были регулярными курильщиками опиума. Местная торговля стала существенным ответвлением системы поставок опиума в собственно Китай.

Гонконг второй половины XIX в. являл собою достаточно сложное в национальном и социальном плане явление. Этот интенсивно развивавшийся порт — центр международной торговли — стал ареной противоборства и сотрудничества двух культур, двух наций, двух экономических укладов (европейского капитализма и традиционных укладов старого Китая). Чрезвычайно сильная криминальная струя в жизни колонии была результатом воздействия общей атмосферы наживы, царившей среди большинства обитателей Гонконга. Здесь никто не стремился остаться навсегда. Отсюда и грабительский настрой в обществе, а разница была лишь в масштабах (от миллионных барышей за торговлю опиумом до прибыли от продажи грошевого, краденого товара). Однако неверно было бы полагать, что в такой атмосфере «всеобщего транзита» в развитии Гонконга отсутствовали какие-либо достижения. О результатах экономического развития, формирования современной промышленности, местной китайской буржуазии как носителя передового опыта предпринимательства речь пойдет в следующей главе. Пока же остановимся на роли Гонконга во взаимодействии культур Запада и Востока, развитии синологии, распространении в Китае сведений о достижениях европейской науки и т. д.

Развитие школьного дела и распространение современных знаний в Гонконге следует связывать прежде всего с деятельностью различных религиозных миссий.

Христианские миссионеры, всегда шедшие в авангарде колониальной экспансии, развернули в Гонконге бурную деятельность, используя колонию в качестве опорной базы для ведения проповеди во внутренних районах Китая.

С 1842 по 1850 г. здесь обосновалось несколько протестантских и сектантских организаций²³, а также католическая Миланская зарубежная миссия (с 1850 г.). Католическая префектура, контролируемая Семинарией иностранных миссий в Милане, была учреждена в Гонконге еще в 1841 г. Ведущее положение в колонии занимало англиканское Лондонское миссионерское общество. В 1843 г. в Гонконге состоялась первая конференция проповедников христианства в Китае (участвовало 15 человек) (см. [229, с. 14, 47, 167, 378, 481, 589, 598]).

В 1842 г. в Гонконге уже существовали англиканская, католическая и баптистская молельни. Сюда в 1849 г. был направлен Английским церковно-миссионерским обществом Дж. Смит, ставший первым епископом гонконгского диоцеза (см. [229, с. 119; 232, с. 186; 262, с. 20]).

Миссионеры развернули бурную просветительскую деятельность, переводили с китайского языка труды китайских классиков, на китайский язык — европейскую религиозную литературу, научные труды²⁴.

Англо-китайский колледж, управлявшийся Моррисоновским просветительским обществом, и Колледж св. Павла, учрежденный епископом Дж. Смитом, были задуманы как школы для священников-китайцев. Однако реализовать данную цель не удалось, вследствие чего со временем учебные заведения закрылись. Немаловажную роль в этом сыграло прекращение дотаций, предоставлявшихся ранее крупными торговыми домами, руководство которых разочаровалось в миссионерской деятельности, не дававшей ощутимых результатов (см. [240, с. 280—288]). Однако положительным достижением колледжей стало распространение современных знаний среди части, хотя и незначительной, китайской молодежи²⁵.

Неудача миссионерских школ привела к идее подчинения местных китайских школ колониальной администрации. Они существовали к моменту оккупации в некоторых деревнях на острове, в 1847 г. число их достигло девяти. В конце 40-х годов XIX в. этим школам стала предоставляться официальная дотация в размере 10 долл. в месяц каждой на содержание помещения и учителя. Постепенно все преподаватели в них были заменены на китайцев-христиан (см. [96, с. 14; 232, с. 247; 233, с. 135]).

Власти нуждались в воспитании послушных колониальному

режиму жителей, однако считали нецелесообразным чрезмерно тратиться на это. Средства были необходимы на нужды более прозаические. Так, в 1854 г. расходы на образование составляли 120 ф. ст., а на полицию — 8620 ф. ст. [233, с. 158].

К 1859 г. на дотации было уже 19 школ. Однако обследования дали неутешительные результаты: ученики практически оставались неознакомленными с Библией, хотя ее изучение считалось основной задачей.

В 1864 г. по предложению Дж. Легга несколько школ были объединены в одну Центральную школу, впоследствии (в 1889 г.) преобразованную в Королевский колледж. Ее посещали 140 учеников, программа включала три основных предмета: китайскую классику, священное писание и английский язык, что свидетельствовало о деградации образования по сравнению с Англо-китайским колледжем, где обучали также арифметике, алгебре, геометрии, биологии, географии, истории, музыке и химии. По приводимым Дж. Эйтелем данным, к 1865 г. гонконгские школы посещало всего лишь 13% детей школьного возраста, большинство из них были европейцами [233, с. 143]. Так, в Центральной школе в 1871 г. из 440 учеников китайцы составляли лишь 20%.

Начиная с 70-х годов и вплоть до конца XIX в. колониальные власти по-прежнему уделяли просвещению мало внимания. Отчисления из бюджета на эти цели не превышали 3—4%. Даже при имевшем репутацию «прокитайски настроенного губернатора» Дж. Поуп-Хеннеси школу посещал (в 80-е годы XIX в.) лишь один из 82 детей школьного возраста. Государственные школы в основном принимали детей европейцев, дотационные же школы, обслуживавшие простое китайское население, были крайне бедны, ютились в трущобах и развалах, уровень преподавания в них был крайне низок. Основные учебные заведения — Королевский колледж, Колледж св. Иосифа (в 1875 г. преобразован из католической Школы Спасителя) и Колледж св. Павла, возрожденный в 1876 г., — давали исключительно европейское образование. Поэтому из китайцев в обучении там были заинтересованы лишь дети компрадоров, рассчитывавшие на карьеру в колонии или обладавшие достаточными средствами для приобретения чиновничьей должности в Китае за деньги, а потому не нуждавшиеся в китайском классическом образовании.

Рост национального самосознания гонконгской китайской буржуазии в конце XIX в. сказался и на развитии национальных школ. Помимо шести школ комитета больницы «Дунхуа», где обучение было бесплатным, в колонии действовали 102 платные китайские средние школы, которые посещали примерно 2,5 тыс. учеников. На средства китайского предпринимателя Лю Ботао в 1891 г. была открыта школа «Юйцай шушэ», готовившая китайских студентов к экзаменам на чиновничьи должности в Китае (см. [64, с. 95; 232, с. 511]).

В условиях заметной секуляризации гонконгских школ, после закрытия в 50—60-е годы XIX в. многих протестантских учебных заведений и замены их государственными, продолжали сохранять свое влияние католические миссии. В 1874 г., например, в колонии было 18 католических школ с 723 учениками.

Важным сдвигом в системе образования в Гонконге стало возникновение ряда женских школ: в 1883 г. школы для девочек Беллилиоза (в 1898 г. — 539 учениц, более 50% китайского происхождения), в 1890 г. — Бакстеровской школы для девочек, в 1896 г. — Англо-китайской школы для девочек (см. [96, с. 19, 22, 23, 25; 223, с. 134, 231, 234, 236]).

При всех недостатках гонконгской системы образования в рассматриваемый период она сыграла заметную роль в культурной жизни Китая. Чтобы верно оценить ее, необходимо разделять два аспекта культурной экспансии Запада в Китае. Конечно, приобщение к христианству (в частности, путем переводов Библии и богословской литературы на китайский язык) способствовало одновременно и подчинению части населения внешнему идеологическому влиянию. Но в то же время происходило знакомство китайцев с европейской историей и культурой, идеями гуманизма. Учебные заведения Гонконга давали знание иностранных языков, основ современных естественных наук, а это открывало дальнейшие возможности в постижении мира и мировой культуры.

Все сказанное вовсе не означает, что колониальные власти в первую очередь преследовали просветительские цели. Англичане стремились воспитать прослойку китайцев, которые, обладая европейским образованием, были бы к тому же верными слугами гонконгской администрации, проводниками интересов Великобритании в Китае.

В 1900 г. в Гонконге было 13 государственных и 82 частные (в том числе миссионерские) школы с 5620 учениками (из них 3870 — китайцы). В последующем их число значительно возросло, в 1910 г. оно достигло 6297 (из них 4337 китайцев) (см. [22]).

В 1911 г. на основе Медицинского колледжа для китайцев был создан Гонконгский университет. Начало XX в. стало периодом бурного развития университетов в Европе (так, в Англии за 1900—1914 гг. открылось шесть таких учебных заведений). Империалистические державы в стремлении подчинить Китай своему влиянию начали создавать на китайской земле высшие учебные заведения западного типа. Американцы открыли в Пекине университет Цинхуа, немцы планировали учредить университет в Цзяочжоу. Все более возрастала роль Японии в формировании китайской интеллигенции. В 1910 г. там училось 5174 китайских студента, а в США и Англии только 400. При содействии колониальных властей в Гонконге, в пров. Гуандун, а также среди китайских общин в Австралии и ЮВА развернулась широкая кампания сбора средств на открытие Гонконгского университета, давшая 1,27 млн. гонк. долл. Здание и зе-

мельный участок стоимостью 345 тыс. гонк. долл. предоставил индийский коммерсант Х. Моди (см. [286, с. 23, 24, 32]). Университет постоянно получал поддержку от патриотически настроенных китайских эмигрантов, видевших в нем средство распространения современных знаний в Китае. Однако, как показали последующие события, большинство выпускников университета предпочитали оставаться в Гонконге или уезжать за границу, нежели искать работу в Китае, что было крайне трудно в годы после Синьхайской революции.

Важную роль в общественно-политической и культурной жизни Гонконга (да и всего Южного Китая) играла местная китайская пресса. Первые издания возникли на базе английских газет. Так, в 1858 г. по инициативе У Тинфана стало выходить в свет приложение к «Дейли пресс» — «Чжунвай синьбао»²⁶.

При поддержке Хэ Ци в 1864 г. Чэнь Айтин, племянник У Тинфана, служивший переводчиком в «Чайна мейл», начал издание газеты «Хуацзы жибао». Тесное сотрудничество издателей «Чжунвай синьбао» и «Хуацзы жибао» с английскими газетами объяснялось, во-первых, тем, что эти лица принадлежали к группе приближенных к колониальным властям китайских предпринимателей, а во-вторых, стремлением англичан контролировать местную китайскую прессу, а через нее и общественное мнение, причем не только в Гонконге, но и в южном Китае в целом.

В 1873 г. начала выходить «Сюньхуань жибао». Редакцию возглавил видный общественный деятель Ван Тао²⁷. Это была первая китайская газета, в которой ежедневно появлялась своего рода передовая статья — *луньшо*. Ван Тао стремился ознакомить китайского читателя со сведениями о событиях, происходящих в мире. Он также использовал газету для пропаганды своих идей о реформе административной системы Китая, об установлении конституционной монархии, учреждении парламента. Выступая в поддержку политики «самоуправления»²⁸, Ван Тао подчеркивал в своих статьях, что для модернизации Китая недостаточно закупать европейское оружие, необходимо еще и совершенствовать отношения между властью и народом, в противном случае перемены нецелесообразны (см. [262, с. 64, 70, 71]).

«Сюньхуань жибао» была весьма популярна не только в Гонконге, но и в Гуанчжоу и Макао, успешно конкурируя с местной прессой. В газете печатались не только местные новости, но и важнейшие сообщения из Пекина, Гуанчжоу, международная хроника. На базе принадлежавшего Ван Тао издательства «Чжунхуа инь шуцзюй» лучшие статьи ежемесячно издавались отдельной книжкой. В этом же издательстве появилась на китайском языке первая книга по истории Гонконга (в 1894 г.) — «Сянган цзацзи», принадлежавшая перу Чэнь Юйсюня (см. [201]).

В последней четверти XIX — начале XX в. в Гонконге появилось множество газет, отражавших своим содержанием рост национального самосознания, увеличение популярности идей преобразования китайского общества. В их числе следует назвать «Гунъи бао», «Вэйсинь жибао», «Сянган синьбао», «Юсовэй бао», «Шаонянь бао», «Тун бао», «Гуандун бао». В 1900 г. от преследований цинских властей в Гонконге скрывался Кан Ювэй. Возглавляемая им Партия защиты императора начала издавать газету «Сянган шанбао». Гонконгская печать стала средством распространения не только текущей информации, но и сведений о достижениях науки, о новых философских течениях. Местные издания нередко становились активными пропагандистами идей преобразования традиционного Китая.

Культурная обстановка Гонконга оказала серьезнейшее воздействие на многих общественных деятелей Китая, осознавших необходимость революционного выхода страны из состояния отсталости и застоя. Среди них был и Сунь Ятсен.

Деятельность в Гонконге революционеров-демократов

В 1884—1885 гг. Сунь Ятсен начал свое образование в миссионерских школах в Бацуй шушэ и в Королевском колледже²⁹. В Гонконге Сунь Ятсен имел возможность познакомиться помимо основ точных наук и иностранных языков с некоторыми буржуазными социально-политическими учениями. На него произвел неизгладимое впечатление резкий контраст между отсталостью и бедностью Китая, неэффективностью и коррумпированностью цинской администрации, с одной стороны, и процветанием Гонконга и целенаправленной созидательной деятельностью английских властей и местной буржуазии в колонии — с другой (он впоследствии вспоминал об этом в своем выступлении в Гонконгском университете 19 февраля 1923 г.) [122, т. 1, с. 76]. Он задавался вопросом, почему «иностранцы смогли за 70—80 лет добиться таких выдающихся успехов на пустынном острове, а в Китае, имеющем четырехтысячелетнюю историю, нет ни одного места, подобного Гонконгу» [126, т. 7, с. 115].

В Гонконге же Сунь Ятсен получил и уроки патриотизма. В 1884 г. он стал свидетелем того, как в начале сентября в порту состоялась забастовка протеста против французской агрессии.

После поступления Сунь Ятсена в Медицинский колледж для китайцев его кругозор и познания в области современных наук еще более расширились. Этому в значительной степени способствовала связь с профессором колледжа Дж. Кантли, с которым он поддерживал отношения и в последующие годы.

В годы учебы в Медицинском колледже вокруг Сунь Ятсена образовался круг единомышленников, с некоторыми из них он был впоследствии связан многие годы. Сунь Ятсен, его соуоче-

ник по колледжу Чэнь Шаобо, секретарь управления колониального правительства по делам китайского населения Ю Ле и его товарищ по гуанчжоуской школе счетоводства Ян Хаолин (их называли «четыре великих разбойника») в 1891—1892 гг. регулярно собирались для обсуждения положения в Китае, искали пути разрешения кризисного положения, в котором оказалась их родина. «Все, что не имело отношения к революции, считали недостаточным внимания, несколько лет прошли как один день» (цит. по [80, с. 23]).

Сунь Ятсен довольно активно сотрудничал в те годы в гонконгской прессе, публикуя статьи, в которых выдвигал идеи переустройства китайского общества, развития сельского хозяйства и промышленности. Он поддерживал связь с крупными представителями движения за реформы — Чжэн Гуаньинем и Хэ Ци.

Вернувшись с Гавайев в Гонконг в середине января 1895 г., Сунь Ятсен, создавший уже к тому времени в Гонолулу Союз возрождения Китая (Синьчжунхуэй), искал в колонии единомышленников, чтобы основать еще одно отделение союза.

Он вступил в контакт с руководителями Общества совершенствования гуманности (Фужэнь вэньшэ), созданного в марте 1892 г., Се Цзуаньтаем и Янь Цайюнем. Они решили объединиться под лозунгом «остаться верным, погибнуть за родину». 21 февраля 1895 г. на базе общества образовалось центральное отделение Синьчжунхуэй в Гонконге, был принят устав (вернее, его расширенная редакция), чем подчеркивалось, что создание гонконгского отделения имеет особенное значение.

Как отмечает В. Н. Никифоров, Гонконг играл особую роль в деятельности китайских революционеров. Там они укрывались от преследований цинских властей — это была их своя рода «тыловая база», там они получали существенную финансовую поддержку от местной китайской буржуазии³⁰ (например, от Хуан Юншана, вошедшего в руководство Синьчжунхуэй, от владельца банка «Жиган» Юй Ючжи и др. [52, с. 24]). Кроме того, будучи журналистом, Се Цзуаньтай поддерживал связь со многими гонконгскими газетами, где он достаточно часто печатался. Например, 30 мая 1895 г. «Чайна мейл» опубликовала его статью «Конституционная реформа в Китае (петиция к императору)», в которой излагалась программа преобразований в духе требований Синьчжунхуэя. Патриотические статьи Се Цзуаньтая против торговли опиумом, против дискриминации китайского населения Гонконга печатались в 1894 г. в газете «Дейли пресс». Синьчжунхуэй пользовался поддержкой также и главного редактора газеты «Гонконг телеграф» [52, с. 40].

Не следует, конечно, переоценивать участие английской буржуазной прессы в революционной деятельности Синьчжунхуэя. Гонконгские средства информации, действуя рука об руку с местными колониальными властями, преследовали единственную цель: подчинить возможные революционные события своему

влиянию, не допустить возобладания антииностранных, антиимпериалистических тенденций. Так, декларацию Синьчжунхуэя, подготовленную к восстанию в Гуанчжоу в 1895 г., написали английские журналисты Г. Рейд и Т. Коуэн, а уж потом редактировали Хэ Ци и Се Цзуаньтай [122, т. 1, с. 92].

Следует упомянуть, что, не имея возможности открыто выражать свои взгляды, поскольку он был тесно связан с колониальной администрацией, Хэ Ци тем не менее поддержал «партию реформ» (так он называл Синьчжунхуэй) в серии статей в «Чайна мейл». Эта газета вплоть до мая 1895 г. положительно отзывалась о восстании. Много внимания в публиковавшихся материалах уделялось тем выгодам, которые извлекут иностранные, в первую очередь английские, предприниматели от дальнейшего развития торговли, строительства железных дорог и разработки недр. В одной из статей (18 марта) оговаривалось, что заговорщики не преследуют цель установления республики, монархия будет сохранена, лишь введена в конституционные рамки (см. [122, т. 1, с. 91]). Когда вопрос о восстании в Гуанчжоу был решен окончательно, в газетных публикациях были конкретно изложены основные требования революционеров.

До 27 августа 1895 г. Синьчжунхуэй функционировал в Гонконге под вывеской фирмы «Цяньхэн»³¹. Потом заговорщики перебрались в Гуанчжоу. Однако выступление, назначенное на 26 октября, не состоялось, а группа повстанцев, прибывших из Гонконга в Гуанчжоу 28 октября, была разогнана полицией. Арестовали, однако, всего 45 человек из 400. Это свидетельствует о полном неведении китайских властей, а следовательно, можно предположить, что и гонконгских, иначе они бы проинформировали наместника Гуандуна и Гуанси о масштабах намечавшейся операции.

Неудача восстания повлекла за собой несколько лет перерыва в деятельности Синьчжунхуэя в Гонконге. Самому Сунь Ятсену английские власти запретили прибывать в Гонконг в течение 5 лет [80, с. 31].

Революционеры вновь активизировались в Гонконге в 1899 г. После переговоров с Сунь Ятсеном туда осенью 1899 г. прибыл Лян Цицао. Он обсуждал в Чэнь Шаобо возможность объединения революционеров Синьчжунхуэя с реформаторами из Партии защиты императора. Их усилия оказались бесплодными, поскольку глава реформаторов Кан Ювэй решительно отверг этот проект.

По поручению Сунь Ятсена Чэнь Шаобо начал издавать при финансовой поддержке Ли Цзитана, сына гонконгского миллионера Ли Шэна, газету «Чжунго жибао», главным редактором которой он оставался до 1906 г. Издание газеты стало возможным благодаря влиянию и помощи Хэ Ци и миссионера Цюй Фэнчи, имевших связи с чиновниками колониальной администрации. Однако распространение и степень влияния газеты были сравнительно невелики (см. [18, с. 112]).

Гонконг стал пунктом связи революционеров с тайными обществами. В конце 1899 г. там состоялось совещание деятелей Синьчжунхуэя с представителями хуэйданов (Гэлаохуэя из провинций Хунань и Хубэй, Красного и Синего кланов нижнего течения Янцзы и «Триады»). На совещании было принято решение о создании Младокитайского союза (Синьханьхуэй), руководителем которого единогласно был избран Сунь Ятсен. Некоторые деятели Синьчжунхуэя получили высокие должности в тайных обществах, что еще более укрепило связи революционеров с хуэйданами. Так, Чэнь Шаобо, вступив в «Триаду», получил ранг *байчжисань* («белый веер»), т. е. заведующего управлением и финансами. Старейшины «Гэлаохуэя» включили его и в состав высшей иерархии своего общества.

Кроме того, на основе гонконгской «Триады» был создан союз Чжунхэтан (Ложа верности и гармонии), целью которого было содействовать антицинским силам в Гонконге [269, с. 65].

В конце 80-х годов XIX — начале XX в. китайские революционеры контактировали в Гонконге также с представителями национально-освободительного движения Филиппин (Высший совет нации, или Патриотическая хунта), возглавлявшегося Агинальдо. Хунта просуществовала в Гонконге до июля 1903 г. и получала помощь от Сунь Ятсена.

Восстание ихэтуаней создало в 1900 г. ситуацию, в которой наместник провинций Гуандун и Гуанси Ли Хунчжан, еще не будучи уверен в окончательном исходе конфликта между цинским правительством и империалистическими державами, склонялся к идее объявить независимость Южного Китая от пекинских властей. Это в высшей степени импонировало англичанам в Гонконге, давно мечтавшим о разделе Китая. Выразителем их интересов стал губернатор Гонконга Г. Блейк, который поручил Хэ Ци в июне 1900 г. вступить в переговоры с Чэнь Шаобо о возможном сотрудничестве Синьчжунхуэя с Ли Хунчжаном в реализации его сепаратистских намерений [122, т. 7, с. 108]. План получил поддержку Сунь Ятсена, находившегося проездом в гонконгском порту 17 июня 1900 г. Эмиссары Сунь Ятсена посетили гуанчжоуского миллионера Ли Сюэсюня, принадлежавшего к окружению Ли Хунчжана, но никаких договоренностей достигнуто не было. Между тем события на севере Китая приняли иной оборот. Для Ли Хунчжана стала очевидной неизбежность примирения Цинов с державами, и он отправился в Пекин для участия в переговорах. Г. Блейк предложил задержать Ли Хунчжана, находившегося проездом в Гонконге, и вынудить его выступить против китайского правительства, но не получил на это разрешение из Лондона.

Снова оказавшись в Гонконге 17 июля, Сунь Ятсен узнал о полном крахе намечавшейся авантюры. Тогда революционеры приняли решение о подготовке нового восстания в Гуандуне. Чтобы заинтересовать в своей деятельности Г. Блейка, они написали ему письмо, авторство которого приписывается Чэнь

Шаобо, а перевод на английский язык — Хэ Ци. В нем были сформулированы «шесть пунктов справедливого управления». Предлагалось перенести столицу в центр Китая (в Нанкин или Ханькоу); учредить там центральное правительство, а в каждой из провинций — провинциальное; созвать парламент с использованием при нем в качестве временных советников посланников всех стран, аккредитованных в столице, и провинциальные парламенты с использованием при них в качестве советников нынешних генеральных консулов всех держав; установить равенство общественных и гражданских прав, увеличить жалованье военным и гражданским чиновникам; справедливо изменить законы о наказаниях; реорганизовать систему экзаменов на чиновничьи должности в систему профессионального обучения (см. [52, с. 170, 172; 126, т. 1, с. 193]).

Г. Блейк был склонен поддерживать связи с революционерами, однако его предложения в этом направлении были отвергнуты английским правительством, тем более, что 14 августа 1900 г. Пекин взяли войска держав и отпала нужда лишней раз осложнять отношения Великобритании с цинским правительством. Таким образом, все посулы революционеров империалистам, звучавшие подчас как согласие на ограничение национального суверенитета, обещания обеспечить безопасность миссионеров, беспрепятственное развитие торговли — все это ни к чему не привело [122, т. 1, с. 108].

В последующие несколько лет Гонконг выступал непосредственно в роли базы повстанческих движений в Гуандуне. Так, в колонии скрывались участники потерпевшего поражения северо-восточного похода в Гуандуне, возглавлявшегося Чжэн Шилянном.

Следует иметь в виду, что, несмотря на слияние Синьчжунхуэя с Фужэньвэньшэ, последняя организация сохраняла свою структуру, лишь номинально признавая верховенство Сунь Ятсена. Авторитет в ней Янь Цайюня и Се Цзуаньтая по-прежнему был весьма значителен.

После поражения похода Чжэн Шиляна начальник уезда Наньхай пров. Гуандун прислал в Гонконг своих представителей, предлагая революционерам деньги и чиновничьи должности в обмен на отказ от дальнейшей повстанческой деятельности. Янь Цайюнь счел возможным принять это предложение из тактических соображений, но оно было категорически отвергнуто Сунь Ятсеном и его ближайшим окружением.

В 1901 г. начинается так называемое движение Хун Цюаньфу. Он был племянником главы государства тайпинов Хун Сюцюаня. После поражения тайпинского восстания много лет служил поваром на пароходе, после чего обосновался в Гонконге под видом врача народной медицины. Через своего отца с ним в 1899 г. познакомился Се Цзуаньтай. С участием Ли Цзитана, при сочувственном отношении Хэ Ци, а также другого известного реформатора, Жун Хуна, и некоторых патриотически на-

строенных представителей гонконгской буржуазии (например, Хэ Дуна, компратора фирмы «ДМК») началась подготовка восстания. Рассчитывали, что участие Хун Цюаньфу обеспечит поддержку тайных обществ и широких народных масс. С этой же целью был выдвинут традиционный лозунг свержения Цинов и восстановления китайской династии Мин. Программу движения, изложенную в статье Се Цзуаньтай «Маньчжурское правление», опубликовала газета «Гонконг телеграф» 16 апреля 1902 г. В данном случае мы вновь сталкиваемся с участием в заговорщической деятельности английских газет. Издатель «Гонконг дейли пресс» А. Каннингэм, например, помогал печатать прокламации (см. [52, с. 197—204]).

Намеченное на январь 1903 г. восстание так и не началось, все планы заговорщиков были раскрыты властями. После этого Хэ Ци и Жун Хун отошли от революционного движения. Обратился к журналистике, сотрудничая в газете «Саут Чайна морнинг пост», Се Цзуаньтай. Хэ Дун сконцентрировал свои интересы на бизнесе и общественной благотворительности, став одним из патронов весьма активной в Гонконге китайской ложи Теософского общества³².

Между тем деятельность Сунь Ятсена и его сторонников продолжалась. Не случайно в 1902 г. гонконгские власти продлили запрещение Сунь Ятсену появляться на территории колонии.

В сентябре 1905 г. Сунь Ятсен направил в Гонконг для образования в колонии отделения новой революционной партии Тунмэнхой (Объединенный союз) Фэн Цзыю и Ли Цзычжуня, которые вместе с Чэн Шаобо создали его на основе местного отделения Синьчжунхуэя [126, т. 1, с. 286]. Вскоре Фэн Цзыю, Ли Цзычжун и Се Инбо стали реальными руководителями гонконгского филиала Тунмэнхой³³, которому подчинялись все организации союза в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Отделение пользовалось высоким престижем в союзе, оно отвечало также за морские перевозки у берегов Китая и сообщение с заграницей.

Колония оставалась перевалочным пунктом для революционеров, направлявшихся в Китай или бежавших от цинских властей за границу (например, после восстания в Хуангане, восстания «новой армии» и др.). Так было в 1905 г. с Хуан Сином, прибывшим в Китай из Японии для активизации деятельности членов Тунмэнхой в армии и вскоре вынужденным бежать в Сингапур [123, с. 45].

Опыт использования революционерами Гонконга в качестве «опорной базы» перед Синьхайской революцией очень важен для понимания роли колонии в истории оппозиционных, антиправительственных движений в Китае в последующие десятилетия XX в. В Гонконге отсутствовал жесткий контроль за деятельностью нелегальных групп, что было связано с особой обстановкой свободного порта, через который ежедневно следовали огромные массы пассажиров, а часто и со стремлением

английских властей использовать оппозиционеров в своих интересах. Удобство Гонконга заключалось еще и в том, что через него можно было проникнуть во внутренние районы Китая для выполнения определенных задач, а потом вернуться в «зону относительной безопасности». Даже в случае преследований со стороны английской полиции всегда можно было выехать морем в Японию, Юго-Восточную Азию, наконец, в США.

Немаловажными факторами активности революционеров в Гонконге были, во-первых, поддержка со стороны набирающей силу на рубеже XIX—XX вв. местной китайской буржуазии (отсюда источники финансирования), во-вторых, сотрудничество с местными тайными обществами, выступавшими с патриотическими лозунгами и обеспечивавшими выполнение конкретных операций за счет использования своих людских ресурсов.

Гонконг обладал по тем временам достаточно развитой технической базой для печатания книг и газет. Это позволяло печатать там разнообразные оппозиционные и антиправительственные издания, многие из которых потом контрабандой ввозились в Китай. Наконец, в колонии можно было незаметно приобрести большие партии оружия для организации антиправительственных выступлений.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОНКОНГА
И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В КИТАЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Место Гонконга во внешней торговле Китая

Рассмотрение экономической истории Гонконга во второй половине XIX — начале XX в. позволит на конкретном материале показать его роль в капиталистической экспансии Запада в Китае.

Русский путешественник А. Вышеславцов, посетивший Гонконг в 1858 г., писал: «Шестнадцать лет тому назад нога европейца в первый раз ступила на этот дикий, необитаемый остров, и вот, точно ударом волшебного жезла, выросли из его камней дворцы, готические башни, сады, обхватившие роскошною, благоухающей зеленью выступающие террасы, спускаясь густыми массаами в ущелья и расплетаясь зелеными лентами по веселым бульварам и скверам. Выросли магистрали, фабрики; флаги всевозможных наций развеваются на высоких мачтах; каменные водопроводы освежают и очищают улицы... На рейде... фрегаты и клипера, суетятся... стучат своими винтами, наполняют воздух черными струями дыма, свистят и действуют. Поминутно пристают легкие канонерки; речные пароходы с целыми домами на палубе приходят и уходят; китайские джонки везут груз на купеческие суда; между ними мелькают грандиозные... шампанки... точно плавучие рогожные возки» [42, с. 172]. Однако все это возникло не сразу. Более того, процесс развития Гонконга, превращения его в международный торговый порт был достаточно сложным и болезненным.

Представители английского правительства стремились добиться скорейшего начала торговли на территории Гонконга. В связи с этим в феврале 1841 г. было объявлено, что британские власти приветствуют появление в порту предпринимателей и кораблей из всех стран. В июне того же года была объявлена свобода торговли, что подтвердил в марте 1842 г. управляющий торговлей, а вскоре и первый губернатор Гонконга Г. Поттингер. Эти декларации были сделаны еще до окончательного решения вопроса о передаче Гонконга в вечное владение Великобритании, оформленного лишь 29 августа 1842 г. Нанкинским договором [233, с. 21, 27].

Несмотря на призывы властей, большинство коммерсантов отнеслось к перспективам Гонконга скептически, оставаясь в Гуанчжоу или Макао¹. Однако ведущие английские фирмы, занимавшиеся торговлей в Китае («Дэнт энд К^о», «ДМК», «Тэрнер энд К^о», «Линдсей энд К^о»), приобрели несколько земельных участков и начали строительство.

«ДМК» сразу начала играть ведущую роль в торговом мире Гонконга, с ней на равных выступала лишь «Дэнт энд К^о». Компания сразу же приступила к строительству большого опиумного склада и других зданий, что позволило названию фирмы начать конкурировать в просторечии с официальным названием города, заложенного в центре колонии и названного в честь английской королевы — Виктория. «Две купеческие фамилии, напоминающие богатством и влиянием своим прежних венецианских и генуэзских аристократов, Джардин и Матесон... строили город с западного конца, прозванного по имени своих основателей, между тем как весь город назван именем королевы» [42, с. 179]. Посетивший Гонконг через десять лет после подписания Нанкинского договора русский писатель И. А. Гончаров отмечал, что прибывшие в колонию путешественники считали для себя обязательным отправиться туда, где «в одном углу обширного гонконгского рейда устроено торговое заведение, с верфью, Джердина и Маттесона. Мы вчетвером поехали осмотреть этот образчик неутомимой энергии и неутомимой жадности и предприимчивости англичан» [44, с. 298].

Нужда в строителях, службе, грузчиках и иных работниках способствовала быстрому росту населения Гонконга, которое за 8 лет увеличилось на 15 тыс. и в 1849 г. составило более 30 тыс. [233, с. 65]. В 1845 г. 97% жителей Гонконга были китайцами; это в основном строительные рабочие, слуги в европейских домах (их к тому времени было построено 264), лодочники и мелкие торговцы. Европейцев, постоянно проживавших в колонии, было всего лишь 595 человек [228, с. 12], главным образом коммерсанты и их служащие.

В первые годы после образования колонии ее место в официальной торговле с Китаем оставалось незначительным. В результате первой «опиумной» войны для торговли с иностранцами были открыты пять китайских портов, и для европейских коммерсантов отпала необходимость торговать через Гонконг. По окончании вооруженных действий торговые суда покинули Гонконг и заходили в его порт лишь по пути следования в Гуанчжоу, где, также в соответствии с договором, снизились таможенные тарифы. К тому же ст. 13 Дополнительного договора от 8 октября 1843 г. предусматривала получение китайскими торговцами, отправлявшимися в Гонконг, специальных пропусков китайских властей и уплату таможенной пошлины за товары, вывозимые из Гонконга. При этом китайский вариант договора, а именно этому тексту следовали цинские власти, разрешал использовать в торговле с Гонконгом только китайские

суда, ограничивал место выдачи пропусков лишь пятью открытыми портами. За пропуски взималась исключительно высокая плата.

Таким образом, расчеты на чрезвычайное расширение морской торговли Гонконга с прилегающими к колонии прибрежными районами Китая первоначально не оправдались (см. [257, т. 1, с. 125—126]). Например, в соответствии со ст. 17 Дополнительного договора снизилось потоннажное обложение английских судов при входе в гуанчжоуский порт, а лорчи (легкие трехпарусные суда с европейским корпусом и китайской оснасткой водоизмещением 60 т) практически от налогов освобождались [237, т. 1, с. 127]. Это сделало исключительно выгодной доставку в Гуанчжоу, а впоследствии и в другие порты товаров на малых судах под английским флагом. Тем не менее, как показывают приводимые Дж. Фейрбенком данные, в 1844—1847 гг. на гонконгские лорчи приходилось всего лишь 5,3% грузооборота английской торговли с Гуанчжоу [237, т. 1, с. 127]. Это было обусловлено еще незначительной в то время ролью Гонконга во внешней торговле Гуанчжоу, куда на лорчах доставлялось большинство товаров из колонии.

В сложившейся ситуации наиболее выгодным стало использовать Гонконг в качестве гигантского склада опиума, откуда наркотик распределялся по всему китайскому побережью. Подавляющее большинство иностранных предпринимателей в колонии были связаны с контрабандой опиума². По данным колониальной администрации, в 1845—1849 гг. в Гонконге были складированы и впоследствии проданы в Китай и внутри колонии $\frac{3}{4}$ индийского урожая опиума в эти годы. А это означает, что через колонию прошли 165,5 тыс. ящиков наркотика стоимостью 18,45 млн. ф. ст. (см. [237, т. 1, с. 236—237, т. 2, с. 23]). И большие, и малые торговые фирмы начали хранить опиум не на судах, а в прибрежных складах, что было значительно выгоднее и дешевле.

В торговле опиумом у берегов Китая господствующее положение принадлежало двум фирмам — «ДМК» и «Дэнт энд К°». Распределительный центр находился в Гонконге. «ДМК», например, каждые две недели отправляла два быстроходных клипера, один на север, другой — на юг. Эти суда доставляли опиум в пункты контрабандной торговли и собирали деньги, полученные от предшествующих торгов. Суда, принадлежащие «ДМК», были хорошо вооружены, что ограждало их от нападения пиратов. Компания имела флот (в 1843 г. 6 клиперов) не только у берегов Китая, она была связана с поставщиками опиума из Индии, откуда доставляла его на своих судах (в 1843 г. на линии использовались 5 клиперов). Своевременное поступление информации о перспективах на будущий урожай позволяло «ДМК» занимать лидирующее положение на рынке опиума в Гонконге и у берегов Китая в целом [237, т. 1, с. 135].

Как «ДМК», так и «Дэнт энд К°» предпочитали выносить

торговлю опиумом за пределы колонии, где им, благодаря наличию собственного флота, было проще захватить рынок полностью в свои руки. В 1846 г. только эти две фирмы оказались достаточно состоятельными, чтобы одновременно держать 14 судов в восьми пунктах контрабандной торговли [237, т. 1, с. 239]. Когда китайские скупщики опиума стали во множестве приезжать в Гонконг, эти компании резко снизили цены на наркотик в прибрежных районах, чем положили конец практике закупок в самом Гонконге. Торговля опиумом приносила огромные прибыли. По имеющимся данным, прибыль владельцев «ДМК» в 1827—1847 гг. составила огромную по тем временам сумму 3 млн. ф. ст., большая часть которой была получена в период 1837—1847 гг. Содержание торгового флота и складов обходилось фирме в 40-е годы в среднем в 300 тыс. долл. в год [230, с. 79].

Гонконгские власти не препятствовали торговле опиумом — «самому длительному и систематическому международному преступлению нового времени» [230, с. 66]. Уже 23 октября 1843 г. губернатор Г. Поттингер заявил, что суда с опиумом могут заходить в порт, поскольку оставаться на длительное время в китайских водах для них небезопасно. Более того, администрация колонии, следуя «британской мании регулировать порок» [230, с. 79], постаралась извлечь максимальную выгоду из этой торговли. В Гонконге в начале 40-х годов ежемесячно в розницу продавали по 250 ящиков опиума. В 1847 г. было решено продавать лицензии — владельцам опиекурилен по 10 долл. в месяц, изготовителям и торговцам опиумом по 20 долл. и торговцам сырым опиумом по 30 долл.³

Борьба за наживу создала в Гонконге специфическую атмосферу, когда европейские торговцы были готовы переступить через любой закон ради прибыли. Так, губернатор Дж. Дэвис жаловался министру колонии лорду Стэнли в 1844 г., что «управлять 20 тыс. китайских жителей колонии — задача значительно более простая, чем управлять несколькими сотнями англичан» [233, с. 50]. Пускаясь в любые аферы, местные коммерсанты нередко брали на себя функции нештатных консулов третьих стран, чтобы не подчиняться указам английских властей. При этом контрабанда не ограничивалась опиумом, процветала также и незаконная торговля солью⁴.

Неверно было бы полагать, что в колонии вовсе отсутствовал легальный коммерческий сектор, хотя он и развивался несколько медленнее, чем контрабандная торговля. Наряду с опиумом в ограниченных масштабах через Гонконг в Китай поставлялись хлопок-сырец, хлопчатобумажная пряжа и ткани, металлические изделия, следовавшие из колонии в Гуанчжоу и другие «договорные» порты. Из Китая прибывали шелк, чай, фарфор, сахар, индиго, изделия кустарных промыслов (см. [224, с. 28]).

Поскольку Гонконг являлся свободным портом, отсутствует

статистика (кроме данных китайской таможни), позволяющая судить об обороте торговли с другими странами в стоимостном выражении. Однако известны число и тоннаж судов, ежегодно заходивших в порт. В 1845 г. они составили соответственно 672 и 227 тыс. т, а в 1850 г.— 884 и 299 тыс. т. В 1847 г. из общего числа 694 судов (228 тыс. т) из Великобритании прибыли 53 (21 тыс. т), из Индии—111 (66 тыс. т), из Австралии—33 (10 тыс. т), из Северной Америки—16 (8 тыс. т), из Южной Америки—56 (16 тыс. т), из портов китайского побережья—139 (24 тыс. т), из портов по р. Чжуцзян—283 (83 тыс. т) (см. [233, с. 74—75]).

Уже в середине XIX в. Гонконг становится штаб-квартирой основных пароходных компаний, обслуживавших прибрежные и морские перевозки в Китае и принадлежавших иностранному капиталу. Кроме того, гонконгский порт стал почти обязательным промежуточным пунктом всех пассажирских и грузовых линий, соединявших Китай с Юго-Восточной Азией, Индией, Европой и Америкой.

Компания «П. энд О°», обеспечивавшая в 1845 г. морскую связь Гонконга с Европой, к 1849 г. наладила сообщение между колонией, Гуанчжоу и Шанхаем. В том же году «Гонконг энд Кантон стим пакет К°» (просуществовавшая 5 лет) начала производить перевозки между Гонконгом и Гуанчжоу. Постепенно пароходами обзавелись и ведущие фирмы Гонконга— «ДМК», «Дэнт энд К°», открывшая свою контору в Гонконге в 1850 г. американская компания «Рассел энд К°» («Цичан») [136, с. 94; 230, с. 149]).

Однако большая часть товаров следовала далее в торговые порты Китая, не задерживаясь в Гонконге. В связи с этим необходимо оценить роль Гонконга как главной базы для торговли опиумом: в 1851 г. стоимость китайского импорта английских промышленных товаров составила 11,5 млн. ф. ст., индийских товаров—1,5 млн., а опиума—6 млн. ф. ст., т. е. 46% [230, с. 85].

Важную роль в развитии торговли в Гонконге играла китайская буржуазия. Она выполняла функции посредника между европейскими коммерсантами и китайским рынком. Первоначально компрадорская прослойка была немногочисленной. В годы «опиумной лихорадки» китайский капитал в Гонконге представлен не был. Это объяснялось и ограничениями со стороны цинских властей, и отсутствием заинтересованности местных предпринимателей в развертывании деловой активности в колонии, когда вся торговля шла через договорные порты.

Положение несколько изменилось после того, как войска тайпинов стали угрожать Гуанчжоу. Состоятельные люди оттуда перебрались в Гонконг, и китайский капитал начал играть определенную роль в колонии. Наряду с жителями пограничных с Гонконгом уездов, приходивших в колонию на заработки, а также мелкими торговцами и предпринимателями в колонии по-

явились ростовщики и менялы. Владельцем меняльной конторы был, например, Ли Син, приехавший в Гонконг в начале 50-х годов, а к 1857 г. уже возглавивший крупнейшую китайскую торговую компанию колонии.

Ли Син впоследствии стал представителем компрадорства, «служившего формой приспособления, с одной стороны, иностранного сектора к традиционной экономической системе, а с другой — китайского торгово-ростовщического капитала к мировой торговле».

Его возникновение «являлось первой фазой становления современного предпринимательского слоя в Китае» [50, с. 56]. Ли Син, как и многие китайские предприниматели Гонконга, а также и других открытых для внешней торговли китайских портов, был тесно связан с английскими фирмами. Если европейские крупные торговые дома вплоть до 70-х годов XIX в. в основном концентрировали свои усилия на торговле опиумом, то китайский капитал, ориентированный на связи с европейцами, сосредоточивался в сфере импорта хлопчатобумажных тканей, обслуживания экспорта, вкладывался в банки, меняльные конторы и ломбарды [255, с. 24—25]. Так, Го Ясян, компрадор паровой пароходной компании «П. энд О.», начавшей сообщение между Англией и Китаем в 1845 г., уже в 1854 г. смог приобрести у нее судостроительные и судоремонтные предприятия в Гонконге. Одновременно он создал свое собственное пароходство, владел хлебопекарней, торговой фирмой и т. п. К 1876 г. Го Ясян стал крупнейшим налогоплательщиком среди китайцев Гонконга.

Наиболее влиятельные гонконгские капиталисты-китайцы входили в состав гильдии «Наньбэй хан» («Нампакхой»), члены которой были связаны с торговыми операциями в Китае и Юго-Восточной Азии⁵, а также являлись контрагентами иностранных, в первую очередь английских компаний. Созданная в 1868 г. «Наньбэй хан» была крупнейшим из многочисленных объединений китайской буржуазии Гонконга (как правило, это были либо союзы земляков, либо организации, включавшие представителей конкретной сферы предпринимательской деятельности).

Компрадоры составляли элиту гонконгской китайской буржуазии. В колонии существовал также весьма многочисленный слой средних и мелких торговцев, обслуживавших повседневные нужды населения, как китайского, так и европейского. Из Китая туда проникали и традиционные формы предпринимательства, живучесть которых в колонии была обусловлена сохранением среди гонконгских китайцев многих элементов социальных отношений, характерных для Цинской империи того времени.

Примером такой формы китайского капитализма в Гонконге могут служить ломбарды. Их хозяева — ростовщики — подвергали жестокой эксплуатации местное трудовое население, а также контактировали с преступным миром. Ломбарды выступали в качестве пунктов скупки краденого, соседствовали с игорными домами. Запрещалось делать объектом залога детей моложе

10 лет, что свидетельствует об участии ломбардов в торговле людьми, которая фактически не была полностью запрещена властями. Власти Гонконга указом 1858 г. обложили ломбарды высоким налогом — 500 долл. в год (тогда как в Гуандуне этот налог обычно составлял 5 лян в год) (см. [95, с. 64, 66, 70, 75, 85]). Но это повлекло за собой лишь вздорожание ссуд.

Время работы ломбарда было ограничено периодом с 6 часов утра до 8 часов вечера [95, с. 70]. Основной причиной такого распоряжения английских властей, лимитировавших также часы работы лавок и мастерских, было стремление ограничить развитие местного китайского предпринимательства в пользу европейского. Дело в том, что, используя дешевую рабочую силу, а нередко и почти бесплатный труд родственников, односельчан или закабаленных должников, работавших в течение иногда 16 часов в сутки, местные предприниматели имели возможность продавать свою продукцию по низким ценам. Быстрому накоплению капитала способствовала царившая в среде владельцев китайских лавок и мастерских Гонконга атмосфера стяжательства и жесткой экономии, отличавшая их быт от образа жизни англичан и других европейцев. «Самый богатый китайский купец весьма умерен в жизни... а потому и при продаже вещей он довольствуется небольшими процентами», — отмечал И. Гошкевич в 1855 г. [45, с. 400].

Существенные изменения в экономической жизни Гонконга произошли после второй «опиумной» войны, когда в соответствии с Тяньцзиньским договором от 8 ноября 1858 г. дополнительно «открылись» для торговли ряд портов на морском побережье и по р. Янцзы. В истории колонии наступил неблагоприятный период, о котором впоследствии Дж. Керзон писал: «Большие состояния делаются теперь с большим трудом, торговые принципы и величественные фирмы прошлого исчезли, господа Джардин и Матисон — практически единственные сохранившиеся из великих компаний, об учреждениях и операциях которых говорил весь Восток. Теперь никто не мечтает о богатстве, все занято соревнованием» [231, с. 423]. Причиной столь разительных перемен стало вовлечение в результате заключения новых неравноправных договоров во внешнеэкономические связи все новых районов Цинской империи. Многие иностранные торговые фирмы стали перемещаться из Гонконга в Шанхай, значение которого быстро росло. Значительная часть капиталов перемещалась из колонии, включаясь в торговлю иностранных концессий в разных частях Китая. Об опережающих темпах роста внешней торговли Шанхая можно судить по следующим цифрам (млн. ф. ст.) [86, с. 173]:

	1856 г.	1866 г.
Внешнеторговый оборот Гонконга	0,928	1,352(+145,7%)
Внешнеторговый оборот Шанхая	0,993	4,211(+424%)

Торговля Гонконга с Китаем увеличилась за 1864—1867 гг. всего лишь с 18,2 млн. лян до 22,2 млн. лян (не считая контрабанды) и составила в 1868 г. 17,5% китайского внешнеторгового оборота [86, с. 173].

К тому же китайские власти в прибрежных районах Гуандуна установили 15 октября 1867 г. своеобразную блокаду Гонконга. Вокруг него были созданы девять пунктов таможенного контроля. Китайские катера задерживали джонки с товарами, в том числе и те, которые транзитом проходили через колонию по пути в Гуанчжоу. Пользование пароходами для перевозки грузов для китайских купцов стало во многих случаях невозможным, поскольку пароходное сообщение было налажено лишь с портами, открытыми для международной торговли.

Установление блокады инспирировали гуандунский наместник, желавший собирать пошлину с опиума, который шел в Китай через другие договорные порты, и начальник таможни — *хубу*, настаивавший на обложении наркотика, предназначенного для портов, закрытых для иностранцев. Они настаивали также на открытии в колонии консульства Китая.

Позицию китайских властей поддерживали британский посланник в Пекине Р. Алькок, английский консул в Гуанчжоу Робертсон. Причина этого в том, что интересы британского империализма в Китае вступили в противоречие с интересами гонконгской буржуазии. Для Англии Гонконг теперь являл собою лишь частность, а объектом экспансии считался уже весь Китай в целом. В Лондоне полагали нецелесообразным обострять отношения с Китаем из-за упорства гонконгских контрабандистов. Кроме того, налицо был конфликт между двумя группами буржуазии: ведь за счет доходов китайских морских таможен оплачивались долги Китая империалистическим державам, а контрабанда сокращала таможенные поступления.

Однако гонконгская буржуазия и чиновники протестовали против идеи открытия китайского консульства на том основании, что это приведет к вмешательству китайских властей во внутренние дела колонии. В начале 70-х годов также дискутировался вопрос об открытии китайских таможенных постов непосредственно в Гонконге для сбора пошлин с судов, отбывающих в тот или иной порт Китая. Эта идея была также отвергнута. А блокада сохранялась. Гуанчжоуские власти обвиняли колонию в контрабанде 30—40 тыс. ящиков опиума ежегодно. Губернатор Гонконга настаивал, что незаконный ввоз не превышал 1,5 тыс. ящиков (см. [233, с. 189, 194]).

Блокада прекратилась лишь в 1886 г. после заключения соглашения о том, что весь следовавший через гонконгский порт опиум должен регистрироваться при ввозе и вывозе. Было запрещено ночное передвижение джонок. Сырой опиум мог ввозиться только для откупщика «Гонконгской опиумной фермы» (фабрики по производству наркотика). В колонии открылся отдел китайской морской таможни, продававший лицензии на ввоз

опиума⁶. В 1887 г. в Гонконге был принят закон о борьбе с контрабандой опиума, но впоследствии выяснилось, что откупщик опиумной фермы, деятельность которого не ограничивалась этим законом, продолжал незаконно экспортировать наркотик в Китай [233, с. 214].

Кроме того, часто обстоятельства были таковы, что, несмотря на усилия гонконгской и китайской таможни, пресечь контрабанду было невозможно. В своих воспоминаниях работник китайской морской таможни Л. Арлингтон описывает случай, имевший место в 90-е годы, когда таможенники знали, что группа китайских женщин пронесет через границу большую партию опиума, но никто не осмелился их задержать, поскольку каждый был на прицеле у пиратов, сидевших в засаде на возвышенности, расположенной на китайской территории. Однако не следует забывать и о том, что нередко и гонконгские, и китайские чиновники становились соучастниками контрабандистов [215, с. 163].

Фактическая легализация торговли опиумом после второй «опиумной» войны привела к резкому увеличению его поставок из Гонконга в Китай. В 1860—1872 гг. в данной сфере по-прежнему лидировала «ДМК», поставляя его в среднем на 300 тыс. ф. ст. в год [230, с. 134]. Однако цены на опиум начали постепенно падать в связи с нараставшей конкуренцией наркотика китайского производства. Кроме того, высокий социальный статус владельцев «ДМК» в Англии делал занятие опиумной контрабандой совсем «неприличным». Видимо, поэтому первое место перешло к фирме «Д. Сэссун, Санз энд К^о» («Лаошасунь») ⁷, принадлежавшей семье ближневосточных нуворишей, наживших капиталы в Индии.

Торговля пряжей и хлопчатобумажными и шерстяными тканями также не давала «ДМК» и другим крупным фирмам стабильной прибыли. Это было связано с рядом факторов: отсутствием постоянного спроса на хлопок (оживление рынка во второй половине 60-х — начале 70-х годов оказалось временным), конкуренцией на шанхайском рынке тканей местного и русского производства, часто более отвечавших вкусам населения, чем английская или индийская продукция. В связи с этим «ДМК», например, к 1875 г. вообще прекратили торговые операции с хлопком [230, с. 134].

В целом в конце 60-х годов в торговых отношениях Гонконга с Китаем сложилась застойная ситуация, близкая к кризисной. Предпринимательские круги в колонии настойчиво искали новые пути проникновения в Китай. Немалую роль в развернутой ими кампании играла Генеральная торговая палата — объединение гонконгских коммерсантов, созданное в 1861 г. В ее задачи входило «охранять и следить за соблюдением основных интересов торговли» [272, с. 2]. Несмотря на значительное расширение привилегий для иностранной торговли в Китае (только импортные пошлины на текстиль были снижены в 1843 г.

на 70%, а в 1858 г.— еще на 43% [51, с. 206; 229, с. 30]), английские предприниматели требовали, чтобы китайские власти разрешили иностранное судоходство по Янцзы, а также расширили сферу такового в бассейне р. Чжуцзян, узаконили проживание европейцев за пределами торговых портов.

В 1868 г. Тяньцзиньский договор подлежал пересмотру, с чем гонконгские предприниматели связывали определенные надежды. Они были возмущены тем, что английский посланник в Пекине Р. Алькок не внес никаких изменений в соответствии с их пожеланиями. Постепенно начинает формироваться представление гонконгской буржуазии о том, что в Лондоне недостаточно учитывают ее интересы и их необходимо рьяно защищать. В английском парламенте под руководством представителей «ДМК» Ч. Маньяка и У. Сайкса была развернута шумная кампания против подписанных Р. Алькоком соглашений. Последние вызвали особое возмущение в колонии еще потому, что ст. 2 предусматривала открытие китайского консульства в Гонконге. В заявлении местных предпринимателей говорилось, что «китайские учреждения в Гонконге на самом деле будут заниматься предотвращением контрабанды, важнейшим центром которой общеизвестно является остров» [280, с. 172]. Торговая палата прибегла и к ксенофобствующей демагогии: «Китай ни в коей мере нельзя рассматривать как страну, которая может рассчитывать на те же права и привилегии, что и цивилизованные страны, следующие международному праву» [306, с. 172].

В январе 1870 г. фирма «Матисон энд К^о», представитель «ДМК» в Лондоне, организовала Лондонский комитет коммерсантов, начавший кампанию протеста против соглашения, подписанного Р. Алькоком. Им удалось убедить британское правительство отказаться от ратификации соглашения.

Несмотря на это, объем торговли Китая с Великобританией практически топтался на месте, о чем говорят следующие среднегодовые данные (млн. ф. ст.) [280, с. 199]:

Годы	Импорт	Экспорт
1865—1868	11,0	7,15
1869—1872	11,6	9,35
1873—1876	14,04	8,22
1877—1880	13,88	7,74
1881—1884	11,39	7,93

Приведенные данные охватывают период блокады, прекратившейся лишь в 1886 г. Английские коммерсанты рассчитывали, что, получив доступ к внутренним рынкам Китая, смогут увеличить товарооборот. Их ожидания, однако, не оправдались. Импорт Китая из Великобритании упал в 1885—1888 гг. в среднем до 8,76, а в 1889—1892 гг. до 5,89 млн. ф. ст., экспорт же Китая в Англию соответственно составил 8,57 и 8,23 млн. ф. ст. [282, с. 25]. Таким образом, открытие р. Янцзы для иностранной торговли и освобождение от лицензия⁶ иностранных товаров, за

которые была уплачена таможенная пошлина, в результате заключения конвенции в Чифу в 1876 г. существенно не повлияли на рост товарооборота, тем более, что конвенция была ратифицирована лишь в 1885 г.

Что же касается непосредственно торговли между Китаем и Гонконгом, то на протяжении 1868—1886 гг. доля колонии во внешней торговле Китая медленно возрастала, даже несмотря на «блокаду»: с 17,5% в 1868 г. до 34,8% в 1886 г. (оборот торговли увеличился с 21,9 млн. до 57,4 млн. тамож. лянгов). Удельный же вес Гонконга в китайском импорте составлял соответственно 22,0 и 39,8% (13,9 и 34,8 млн. тамож. лянгов), а в экспорте — 12,9 и 29,2% (8,0 и 22,5 млн. тамож. лянгов) (см. [37, с. 148—150]).

Признаком интенсивного поиска новых возможностей расширения товарооборота в 70—80-е годы стало увеличение номенклатуры товаров, поставлявшихся в Китай через Гонконг: уголь, нефть, керосин, рис, красители, олово, жемчуг, железо, спички и пр. Китай экспортировал кожи, шерсть, овощи, семена, растительные масла, бобовые, пеньку, плетеные изделия из соломы, циновки. Увеличение поставок ряда товаров, отличавшихся небольшим весом и значительным объемом, стало возможно в результате резкого удешевления морских перевозок после открытия Суэцкого канала [224, с. 31].

Гонконг постепенно превращался в распределительный пункт международной торговли на границе Китая. Туда начала поступать значительная часть товаров из ЮВА, США и Японии, чему в значительной степени способствовало развитие банковского, страхового, складского и судоремонтного дела [282, с. 144].

Экономическое процветание колонии постепенно переставало столь жестко зависеть от англо-китайских торговых отношений. Так, в результате ликвидации блокады доля Гонконга во внешнеторговом обороте Китая в 1887 г. резко подскочила — до 47,3% (89,1 млн. тамож. лянгов), составив в импорте 56,4% (57,7 млн. тамож. лянгов) и в экспорте 36,5% (36,5 млн. тамож. лянгов) [37, с. 148—150]. Она оставалась практически неизменной вплоть до 1894 г., когда оборот торговли Гонконга с Китаем возрос до 133,2 млн. тамож. лянгов (экспорт — 82,4 и импорт — 50,3 млн. тамож. лянгов) [86, с. 173, 177]. Однако, несмотря на постоянно наблюдавшийся процесс интернационализации торговли Гонконга, он в то же время оставался важным каналом экономических связей между Великобританией и Китаем и обеспечивал сохранение ведущей роли Англии в китайской внешней торговле [54, с. 108].

В 1895 г. оборот торговли между Гонконгом и Китаем составил 142,9, а в 1901 г. — уже 191,7 млн. тамож. лянгов (см. [37]), при положительном сальдо, составившем соответственно 37,3 и 48,9 млн. тамож. лянгов. Тем не менее доля Гонконга в китайской внешней торговле к началу XX в. немного снизилась по

Роль Гонконга во внешней торговле Китая
в первом десятилетии XX в. *

Год	Импорт			Экспорт		
	Объем, млн. таможен- ных лян в	Доля в импорте из Британской империи, %	Доля в общем китайском имп. рте, %	Объем, млн. таможен- ных лян в	Доля в экспорте в Британскую империю, %	Доля в общем китайском экспорте, %
1893	136,5	60	40,5	89,2	85	40
1902	133,5	58	41	82,7	83	37
1904	141	59	39	86,9	80	34
1905	148	53	32	81,5	76,5	33,6
1906	144,9	54	34	82,7	80	32
1907	155,6	57	36	97,2	83	35
1908	150,2	57	37	92,1	80,7	31
1909	150,5	56	35	96,9	76	27,6
1910	171,4	59	40	109	78	28
1911	148,2	52	30,7	103,6	77	26
1912	147,8	53	30	103,4	77	27

* Подсчитано по [16, с. 143—145].

сравнению с первой половиной 90-х годов XIX в. (в 1895—1901 гг. в среднем 42,9%—45,8% импорта и 39,3% экспорта) (см. [37, с. 148—150]). Объяснялось это значительно усилившейся начиная с 1895 г. японской и американской конкуренцией. Существенным обстоятельством, препятствовавшим росту торговли Гонконга с прибрежными районами Гуандуна, был сохранившийся и в 90-е годы XIX в. китайский таможенный контроль в Цзюлуэне, подвергавший налогообложению не только опиум, но и все прочие товары. По приводимым Ч. Бересфордом данным, грузооборот прибрежной торговли, осуществлявшийся на джонках, за 1884—1887 гг. оставался практически неизменным (соответственно 3375 тыс. т, 3441 тыс. т) [215, с. 209]).

На протяжении первого десятилетия XX в. прослеживается тенденция к дальнейшему сокращению доли Гонконга во внешней торговле Китая (в 1910 г.—33,2%). Однако это являлось следствием интенсивного развития торговых контактов Китая с внешним миром и вовсе не означало наступление спада во внешнеэкономических связях колонии с Цинской империей. В том же, 1910 г. оборот торговли достиг 280,1 млн. таможен. лян в, т. е. на 46% превысил уровень 1901 г. (см. [37, с. 148—150, 168—170]). Гонконг сохранил за собой роль посредника во внешней торговле Китая.

Через него по-прежнему шли из Китая поставки шелка-сырца и шелковых изделий. Так, в 1908—1912 гг. на колонию приходилось в среднем 40% этой статьи китайского экспорта. Относительно велика была и ее доля в поставках китайского чая, в среднем 5—6% (см. [16, с. 188—192, 194—197]).

В Гонконге переплавляли юньнаньскую оловянную руду,

после чего олово поставлялось в Северный Китай, США и Японию. В свою очередь, в Южный Китай через Гонконг поступали пшеничная мука из США, Канады и Японии, рис из США и Таиланда, уголь из Северного Китая, керосин из США и голландской Ост-Индии, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, сталь, машины и химикаты из Англии, США и Японии.

Поставки в Китай опиума намного сократились. Он практически утратил роль значимого компонента в гонконгском товарообороте. Это было связано с необходимостью подчинения колониальных властей решениям международной конференции по опиуму в Шанхае в 1909 г., в результате чего был ужесточен указ о контроле над распространением опиума внутри колонии⁹.

Развитие торговли Китая с Гонконгом в начале XX в. можно проиллюстрировать данными табл. 1.

Оставаясь крупным торговым центром у берегов Китая, Гонконг по-прежнему уступал в коммерческой области Шанхаю. Тем не менее колония бурно развивалась, и влияние гонконгской буржуазии в китайской экономике оставалось исключительно большим. Это было связано с превращением Гонконга в важный узел международных коммуникаций и центр валютно-финансовых операций.

Гонконгский капитал на рубеже XIX—XX в.

Поскольку возможности интенсивного расширения торговли с Китаем становились ограниченными, что стало очевидно в 70—80-е годы XIX в., крупная буржуазия Гонконга начала настойчиво искать пути усиления своей активности в Китае в сферах финансов, морских и речных перевозок, портового хозяйства, судоремонтной и судостроительной и других отраслей промышленности. Вся эта деятельность гонконгских предпринимателей, естественно, вела к усилению позиций английского капитала в Китае.

Первым банком, открывшим свое отделение в Гонконге и начавшим обслуживать опиумную торговлю, стала «Ориентал Бэнкинг Корпорейшн» («Цзиньбао»). Этот банк первым получил право денежной эмиссии и выпустил 54 тыс. долл. ассигнациями. В 1857 г. в колонии открылось отделение Чартерного торгового банка Индии, Лондона и Китая («Юли»), в 1856 г.—Чартерного банка Индии, Австралии и Китая («Мэйцзяли»), являвшегося в тот момент ведущим английским банком в Китае. В последующие годы появились представительства Коммерческого банка Индии, «Агра энд юнайтед сервис бэнк», в 1863 г.—Центрального банка Западной Индии [136, с. 99]. Все эти банки были в первую очередь связаны с торговлей между Китаем и Индией и Юго-Восточной Азией, в большинстве своем управлялись из Лондона или из Индии, и их руководство имело весьма отдаленное представление об экономической ситуации в Ки-

тае. Между тем английской буржуазии в Китае в целом и в Гонконге в частности был совершенно необходим банк, предназначенный в первую очередь для финансирования ее экономической деятельности.

Идея создания местного банка получила поддержку основных торговых домов Гонконга — «А. Херд энд К^о», «Лайал Хилл энд К^о», «Симссен энд К^о», «Джилман энд К^о», «Флетчер энд К^о», «Д. Сэссун, Санз энд К^о», «Смит Кеннеди энд К^о», «И. Банд энд К^о», а также ряда предпринимателей из гонконгской общины индийцев-зороастрийцев [229, с. 235]. Лишь «ДМК», к этому времени осуществлявшая значительные самостоятельные банковские операции, не поддержала это предложение, выдвинутое к тому же ее ведущим конкурентом «Дэнт энд К^о».

«Гонконг энд Шанхай бэнкинг К^о» с объявленным капиталом в 5 млн. долл. была создана в августе 1864 г. и стала, по словам историка этого банка А. Бакстера, первым британским финансовым учреждением, непосредственно связанным с китайской экономикой [228, с. 28]. Усилению данной связи, а одновременно и взаимозависимости китайской и гонконгской экономики способствовал переход колонии в 1862 г. с золотого стандарта на серебряный.

Начавшееся с середины 60-х годов обесценение китайской валюты, связанное с падением мировых цен на серебро, породило ситуацию, когда покупательная способность фунта стерлингов на китайском рынке постоянно возрастала. Это открывало перед новым банком широкие возможности спекуляции, которыми он не преминул воспользоваться.

Между тем новый банк, преобразованный в 1866 г. в «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн» («Хуэйфэн»), в том же году столкнулся с серьезнейшим банковским кризисом, охватившим колонию. К концу года в Гонконге из 11 банков осталось только 6. Опасаясь последствий кризиса, в ходе которого не выстояла даже фирма «Дэнт энд К^о», большинство банков, связанных с торговлей в Китае, вплоть до 1868 г. сократили сроки уплаты по счетам с шести до четырех месяцев, что ускорило крах многих фирм. «Хуэйфэн» не последовал их примеру, чем завоевал себе большую популярность [228, с. 33].

За 1866—1873 гг. он ежегодно выплачивал акционерам 12% дивиденда. В 1871 г. был создан резервный фонд в размере 1 млн. ф. ст. [228, с. 33].

Середина 70-х годов оказалась последним периодом трудностей в истории «Хуэйфэна», что явилось последствием модернизации транспорта и почтовых коммуникаций, а также продолжающимся обесценением серебра, усугубленным не только открытием новых месторождений в США, но и ликвидацией серебряного стандарта в ряде европейских государств. Банк пустился в серию неудачных спекуляций банкнотами, пытаясь выиграть на колебаниях в цене серебра, вкладывал средства в

разные предприятия, вплоть до южноамериканских железных дорог. В результате «банку исключительно не везло» [230, с. 147; 307, с. 55].

Положение улучшилось после того, как в результате постепенного сближения с «ДМК» (что стало возможно после разорения «Дэнт энд К^о») в 1877 г. младший партнер «ДМК» У. Кесуик стал одним из директоров банка.

Впоследствии «Хуэйфэн» и «ДМК» стали тесно сотрудничать в предоставлении займов местным китайским властям и императорскому двору. В 1877 г. «ДМК» и банк совместно предоставили Цинам заем 5 млн. тамож. лянгов (1604 тыс. ф. ст.).

В дальнейшем последовал еще целый ряд займов: в 1879 г.— 1949,5 тыс. тамож. лянгов, в 1881 г.— 4384 тыс. тамож. лянгов, в 1885 г. для усиления пекинского гарнизона — 1,5 млн. ф. ст., в том же году еще 750 тыс. ф. ст., в 1886 г.— 767,2 тыс. тамож. лянгов. Процент при этом колебался от 6 до 8 [229, с. 238].

В те же годы «ДМК» продолжала практику субсидирования императорского двора краткосрочными небольшими займами, правда, под весьма значительный процент — 10. Так, в 1886 г. была выдана ссуда 500 тыс. лянгов, а уже к июню 1888 г. подлежали выплате долги на сумму 900 тыс. лянгов. «Хуэйфэн» также принимал участие в кредитовании двора. В мае 1888 г., например, им было выплачено 20% займа в 500 тыс. лянгов, остальная часть которого обеспечивалась «ДМК» (см. [255, с. 96, 97, 99, 100]).

Займы правительству и двору были значительно более выгодным вложением капитала, нежели субсидирование мелких и средних предприятий национальной промышленности, которого гонконгский капитал решительно избегал. Исключения делались только для крупнейших предприятий, принадлежавших цинским бюрократам, как, например, «Хубэйской ткацкой компании» Чжан Чжидуна, которой «Хуэйфэн» ссудил в 1890 г. 160 тыс. лянгов [4, с. 144, 145].

Особым направлением было субсидирование местных властей. «Хуэйфэн» еще в 1875—1876 гг. предоставил властям Фуцзяни 1720 тыс. лянгов (539,7 тыс. ф. ст.). Продолжая курс на укрепление связей с китайскими наместниками, банк в 1878 г. выдал Цзо Цзунтану для ведения военных операций на северо-западе 3,5 млн. лянгов. «Хуэйфэн» выиграл не только от высокого процента (8—10), но и от того, что займы исчислялись в иностранной валюте, что, при занижении курса китайских денег, позволяло дополнительно увеличивать прибыль¹⁰.

Превращение Гонконга в центр международной торговли на Дальнем Востоке способствовало также и формированию разветвленной сети международных связей «Хуэйфэна» с различными точками региона¹¹. Его руководство внимательно следило за направлениями торговли Гонконга с регионом, открывая свои представительства всюду, где для этого были минимальные ус-

ловия (например, в Маниле, Сурабае, Сингапуре, Рангуне). Учитывая рост торговли с США, а также образование на западном побережье значительной прослойки предпринимателей-хуацяо, банк в 1895 г. открыл отделение в Сан-Франциско, взяв в свои руки не только финансирование китайско-американской торговли, но и перевод средств хуацяо в Китай [51, с. 219].

Таким образом, Гонконг-Шанхайская банковская корпорация была представлена не только в Гонконге, Шанхае и основных торговых портах Китая, но и во всех узловых точках азиатско-тихоокеанского региона. А это, в свою очередь, способствовало постепенному превращению Гонконга в международный валютно-финансовый центр. В 1890 г. оплаченный капитал «Хуэйфэна» составил 10 млн., а к началу XX в. — 15 млн. долл.¹² [229, с. 236]. Уместно отметить, что изначально 50% капитала в банке принадлежало китайской буржуазии, с энтузиазмом воспринявшей идею создания первого современного банка, связанного в первую очередь с внешней торговлей Китая. Однако по мере превращения «Хуэйфэна» в крупнейший иностранный банк Китая, орудие экспансии английской буржуазии в китайской экономике было сделано все, чтобы лишить местных китайских предпринимателей любой возможности контролировать его деятельность. Капитал корпорации почти полностью перешел в руки европейских акционеров [179, с. 1].

К началу 90-х годов XIX в. «Хуэйфэн» занимал ведущие позиции во внешней торговле Китая, монополизировав ее финансирование и выступая в данной сфере в тесном сотрудничестве с «ДМК». Совместно с банком эта компания представляла собой наиболее влиятельную силу в местной экономике, достигшей к тому времени значительного развития (см. [246, с. 53; 284, с. 96—97]). «Гонконг-Шанхайская банковская корпорация» являлась крупнейшим держателем акций всех ведущих фирм Гонконга, в том числе пароходств, принадлежавших «Баттерфилд энд Суайр», «ДМК», «Дуглас Стимшип К°», «Гонконг, Кантон энд Макао стимшип К°», а также видных страховых компаний, предприятий транспорта и коммунального обслуживания в самом Гонконге [11, с. 255].

Заслуживают внимания и данные о распределении капиталовложений «ДМК»: в 1885 г. 37,45% приходилось на пароходные компании, 20,2% — на банк «Хуэйфэн», 28,7% — на судостроительные и судоремонтные предприятия, склады и порттовые причалы, 10% — на сахарофаинадные фабрики, 3,55% — на страховые компании (всего — 2,3 млн. лянгов). Через десять лет общая сумма капиталовложений «ДМК» в Гонконге и Китае составляла уже 5 млн. лянгов [255, с. 175].

По окончании войны с Японией 1894—1895 гг. Китай был обложен огромной контрибуцией — 230 млн. лянгов [50, с. 60]. Цинское правительство не располагало такими средствами и обратилось с просьбой о займах к иностранным банкам. В дальнейшем получение внешних займов стало постоянной практи-

кой китайских властей. Еще до окончания войны с Японией Цины получили от Англии при посредстве «Хуэйфэна» два займа: в 1894 г. в размере 10,9 млн. лянов серебром из расчета 7% годовых и в начале 1895 г. 3 млн. ф. ст. (см. [54, с. 118; 229, с. 237]). В целях погашения контрибуции «Хуэйфэн» совместно с «Дойче Азиатише Банк» на паритетных началах предоставил Китаю два займа по 16 млн. ф. ст. (в первом случае из 5% годовых, срок погашения 36 лет; во втором — из 4,5%, срок — 45 лет) [271, с. 48]. Таким образом, «Гонконг-Шанхайская банковская корпорация» оказалась на первом плане к тому времени, когда возникла возможность для широкого экспорта капитала в Китай.

Последующий период истории взаимоотношений Китая с Западом известен под названием «битва за концессии», когда империалистические державы вступили в борьбу за право строительства железных дорог в Китае. Развитие инфраструктуры рассматривалось как важнейшее средство подчинения страны империалистическому контролю, в том числе и финансовому, как путь к разделу Китая на «сферы влияния».

«Хуэйфэн» и «ДМК» создали в 1898 г. «Британско-китайскую корпорацию», которая, как говорилось в письме дирекции банка в британское министерство иностранных дел от 4 апреля 1898 г., сможет «наиболее полно представить британские коммерческие интересы и будет в состоянии противостоять мощной совокупности сил, противодействующих нам (Англии.— П. И.) в Китае» [272, с. 48] в области железнодорожного строительства. В сентябре 1898 г. было достигнуто соглашение с немецким капиталом («Дойче Азиатише Банк», «Шаньдун Айзенбан Гезельшафт») о том, что английская сфера интересов в железнодорожном строительстве ограничится долиной Янцзы с выходом железных дорог этого района к Шаньдуну, провинциям к югу от Янцзы и к пров. Шэньси. Предоставление корпорацией займа Китаю (на сумму 2,3 млн. ф. ст. из 5% годовых) на строительство участка Шанхайгуань—Нючжуан железной дороги Пекин—Мукден вызвало обострение отношений с Россией, закончившееся соглашением 1899 г. Как указывает О. Е. Непомнин, английские предприниматели получили право на строительство 9 из намеченных в предварительных соглашениях 19 железнодорожных линий (см. [59, с. 67; 454, с. 116; 272, с. 34]).

И опять же ведущую роль здесь играли «Хуэйфэн» и «ДМК». Конечно, они представляли интересы английского капитала в целом, однако в первую очередь капитала, базировавшегося в Гонконге.

9 июля 1903 г. было заключено соглашение, в соответствии с которым «Хуэйфэн» предоставил Китаю заем в размере 3,25 млн. ф. ст. (фактически — 2,88 млн.) на строительство Шанхай—Нанкинской железной дороги (в 1907 г. банк дополнительно выделил еще 650 тыс. ф. ст.). Условия займов, как и последующих соглашений подобного рода, были кабальными для

Китай. Заем предоставлялся на 50 лет, и на данный срок дорога отдавалась «под залог» английской стороне. Ее администрацию возглавляли английские служащие. По соглашению от 7 марта 1907 г. банк выдал заем в размере 1,5 млн. ф. ст. на строительство Цзюлун—Гуанчжоуской железной дороги. За услуги по организации строительства «Гонконг-Шанхайская банковская корпорация» получила дополнительно 35 тыс. лянов (см. [271, с. 53, 55, 61]). В 1908 г. Китай получил заем на строительство дороги Шанхай—Ханчжоу—Нинбо в размере 1,5 млн. ф. ст., а в 1914 г. дополнительный заем на сумму 375 тыс. ф. ст. (см. [41; 167, с. 416—418]).

В некоторых случаях «Хуэйфэн» вступал в отношения партнерства с другими европейскими банками, когда сферы их интересов пересекались¹³.

Таким образом, к началу XX в. в Гонконге сформировалась мощная банковская система во главе с «Гонконг-Шанхайской банковской корпорацией». Изначально банки колонии предназначались для обслуживания торговых операций местной буржуазии. Однако со временем они, в первую очередь «Хуэйфэн», начали приобретать характер международных финансовых учреждений. Это было результатом интернационализации Гонконга. Кроме того, гонконгские банки стали каналом проникновения английских капиталов в Китай, средством подчинения Цинской империи британскому империализму.

Закрепление за Гонконгом статуса транзитного пункта китайской торговли, а также важного транспортного узла на Дальнем Востоке в целом привело к интенсивному развитию гонконгскими капиталистами морских перевозок у берегов Китая. Обслуживание торговли и перевозка товаров — одна из важнейших сфер приложения усилий крупных компаний Гонконга на рубеже XIX—XX вв. Торговые дома находили выгодным вкладывать капиталы в пароходные компании. Таким образом, в их руках оказывался транспорт, позволявший в определенной степени контролировать торговые операции в том или ином районе. К 1877 г. «ДМК» уже владела несколькими пароходными компаниями, которые в этом же году были объединены в «Индочайна стим нэвигейшн К°» («Ихэ»). В 1881 г. «ДМК» купила у компаний «Чайна коаст» и «Янцзы стимерс» 12 пароходов общим водоизмещением 13 тыс. т для навигации по Янцзы, а в 1893 г. у «Ихэ» было уже 22 парохода (см. [51, с. 220; 11, с. 232]). Не отставали от «ДМК» и другие компании. В 1861 г. «Расселл энд К°» основала в Шанхае крупнейшую «Шанхай стим нэвигейшн К°» с капиталом 1 млн. лянов. В 1865 г. при участии китайских предпринимателей Гонконга образовалась «Гонконг, Кантон энд Макао стимбоут нэвигейшн К°», владевшая четырьмя пароходами общим водоизмещением 9482 т [131, т. 1, с. 108].

С течением времени конкуренция между ведущими пароходными компаниями обострилась. «Шанхай стим нэвигейшн К°»,

располагавшая в 1872 г. 19 пароходами водоизмещением 28 тыс. т, заключила соглашение с «ДМК» о разграничении сфер влияния, предоставив последней право судоходства к югу от Шанхая. Кроме того, обе компании на паритетных началах осуществляли перевозки между Шанхаем и Тяньцзинем. По Янцзы «Шанхай стим нэвигейшн К°» производила судоходство одновременно с небольшим пароходством «Юнион стим нэвигейшн К°». Одновременно появилась еще одна конкурирующая компания. В 1866 г. в Шанхае начала функционировать «Баттерфилд энд Суайр» («Тайгу») ¹⁴, выступившая первоначально в качестве посредника ливерпульской «Оуши стимшип К°».

В 1861—1895 гг. у берегов Китая производили перевозки около 20 иностранных пароходств, базировавшихся в Шанхае и в Гонконге [51, с. 220]. К ним относилась, например, «Дуглас стимшип К°», образованная в 1883 г. и производившая каботажные перевозки в южном Китае, располагая 4 пароходами водоизмещением 8 тыс. т [51, с. 232] ¹⁵.

Благодаря интенсивному развитию иностранных пароходств в Китае, прежде всего английских, базировавшихся в Гонконге, доля Великобритании в совокупном внешне- и внутриторговом судообороте возросла с 52,5% в 1868 г. до 81,1% в 1877 г. и 85,7% в 1887 г. ¹⁶.

Модернизация морского и речного транспорта не только ускорила процесс торговли, но и потребовала создания заново или расширения страховых компаний и судоремонтной промышленности.

И до появления пароходов отсутствие базы для судоремонта негативно сказывалось на развитии гонконгского порта. Ближайшие доки находились в Хуанпу («доки Купера») ¹⁷. Отправляться на ремонт из Гонконга на столь длительное расстояние было неудобно, да и сопряжено со многими опасностями. Все более очевидной становилась необходимость строительства доков в самом Гонконге. Эту задачу взял на себя Д. Лапрейк ¹⁸. В 1857 г. он построил в Шипайване первый сухой док в Гонконге. Это предприятие, как и «доки Купера», впоследствии вошло в состав созданной в 1863 г. «Гонконг энд Вампу док К°», которую возглавил представитель «П. энд О.» Т. Сазерленд. Вполне закономерным стало объединение местной судоремонтной промышленности под эгидой крупнейшей в то время пароходной компании у берегов Китая.

К концу 60-х годов «Гонконг энд Вампу док К°» стала ведущей в судостроительной отрасли в колонии, ее возглавил один из партнеров «ДМК» — Дж. Уиттал. Фирма вскоре присоединила капитал компаний «Дуглас», «Грейт Бритэн», «Юнион док К°», в 1879—1880 гг. поглотила еще два судоремонтных предприятия, в том числе «Космополитан док К°». Капитал фирмы к 1894 г. возрос более чем в 6 раз, превысив 1,5 млн. долл. (см. [136, с. 101; 230, с. 98]). К концу XIX в. на предприятиях компании работало почти 4,5 тыс. человек. Она занимала пер-

вое место в отрасли, в которой, как отмечает О. Е. Непомнин, в основном и был сконцентрирован до 1895 г. иностранный промышленный капитал (всего было создано 22 предприятия, большинство которых были сосредоточены в Гонконге и Гуанчжоу) [51, с. 221].

К 1894 г. судостроение и судоремонт, где доминировали гонконгские капиталисты, составляли в структуре иностранных капиталовложений в Китае почти 30% (8 млн. юаней) [51, с. 224]. О роли Гонконга в данной сфере в масштабах Китая можно судить по тому, что в 1885 г. Ли Хунчжан жаловался на необходимость большим китайским судам отправляться на ремонт в Гонконг, поскольку более нигде в Китае не было столь развитой базы судоремонтной промышленности. В колонии строились суда по заказам китайских фирм, канонерки для цинского правительства [246, с. 82]. Гонконгские промышленники для развития этой отрасли нуждались в угле и железной руде, которые вплоть до конца XIX в. по большей части импортировались из Европы и США, хотя они имелись и в Китае. Деловые круги колонии оказывали давление на английское правительство, требуя доступа к недрам страны [282, с. 118].

Одновременно с судостроительной промышленностью развивалось складское и портовое дело. Гонконгский капитал активно использовал выгоды географического положения Гонконга и Шанхая как центров морского сообщения между Китаем и странами Европы, США и Юго-Восточной Азии. В 1886 г. в Гонконге «ДМК» поглотила созданную в 1884 г. «Гонконг энд Коулун уарф энд годуан К°», которая вела в Цзюлуэ крупномасштабное строительство причалов, а также складских помещений на 750 тыс. т грузов [11, с. 48]¹⁹.

Развитие судоремонтной промышленности, модернизированное портовое хозяйство, быстрая и эффективная система обслуживания грузов — все это делало Гонконг удобным транзитным пунктом не только во внешней торговле Китая, но и в международных коммерческих связях Дальнего Востока в целом. Рост судооборота и грузооборота гонконгского порта в конце XIX в. характеризуется следующими данными [247, введение]:

	1888 г.	1892 г.	1896 г.
Англия			
Число судов, тыс. . . .	5,1	6,4	6,5
Грузооборот, млн. т . . .	64,6	75,8	8,8
Другие страны			
Число судов, тыс. . . .	2,5	2,6	2,9
Грузооборот, млн. т . . .	2,5	2,7	3,6
Китай			
Число джонок, тыс. . . .	48,0	45,2	59,6
Грузооборот, млн. т . . .	370,7	3192,1	3767,4
Всего грузооборот, млн. т . . .	12,7	13,5	16,1

В 1895 г. грузооборот гонконгского порта превзошел на 775 тыс. т показатели Лондона, на 1036 тыс. т — Ливерпуля и на 1047 тыс. т — Кардиффа [247, введение]. Существенно, что подавляющее большинство товаров доставлялось на английских и китайских судах, что свидетельствует прежде всего о значимости Гонконга именно для двусторонней англо-китайской торговли. Однако не следует игнорировать и роли международного сектора в грузо- и судообороте колонии.

В середине XIX в. в Китае появились первые европейские страховые компании, число которых со временем возросло²⁰. В области страхования главенствующее положение занимали «ДМК» и «Дэнт энд К°», в 1844 г. из 25 морских страховых агентств на китайском побережье им принадлежало 11 [237, т. 1, с. 238]. Из контролировавшихся «ДМК» крупнейшими были «Юнион иншуранс сэсайети оф Кантон» и «Кантон иншуранс офис», созданные в середине 30-х годов XIX в. [255, с. 242]. Контроль над страхованием позволял ведущим фирмам Гонконга воздействовать не только на положение в прибрежной торговле в целом, но и подавлять конкурентов (задерживая выплаты по страховым полисам и т. п.). К контролируемым «ДМК» страховым обществам присоединилась в 1868 г. «Гонконг фазр иншуранс К°», производившая страхование от пожара (см. [4, с. 242—244]). Целый ряд страховых компаний находился в собственности «Баттерфилд энд Суайр» — «Кан» (созданная в 1861 г.), «Баонин» (1865), компания страхования от морских катастроф (1875 г.) [4, с. 244]. Специальный фонд морского страхования имелся и в банке «Хуэйфэн», который к концу XIX в. превратился в крупнейшего держателя акций большинства ведущих страховых компаний Гонконга. Все эти компании производили операции не только в Гонконге, но и во всех торговых портах китайского побережья.

Участие разных крупных компаний Гонконга в одних и тех же сферах предпринимательской деятельности привело к возрастанию взаимозависимости между отдельными торговыми домами. Во многих случаях «ДМК», Сэссуну, «Баттерфилд энд Суайр», «Хамфри энд К°», «Хэцзи», «Жэньцзи», «Тяньсян», «Тайпин» стали выступать не как конкуренты, а как партнеры в тех или иных предприятиях. Возможность такого сотрудничества создавалась после приблизительного разграничения сфер влияния между этими компаниями. Так, Сэссуну с течением времени покинули Гонконг, переместив свои интересы в Шанхай и сохраняя их в Бомбее. «Баттерфилд энд Суайр» в основном занималась морскими перевозками и их обслуживанием, почти не угрожая позициям «ДМК» внутри Гонконга и не конкурируя с ней в области кредитования китайского правительства.

В результате поражения Китая в войне 1894—1895 гг. с Японией создались благоприятные условия для возрастания влияния западного капитала на китайскую экономику. Симоносекский договор от 17 апреля 1895 г. распространил на импе-

риалистические державы принцип наибольшего благоприятствования. Иностранцы предприниматели получили право ввоза промышленного оборудования и машин, фактически им была предоставлена широкая возможность импортировать капитал с целью создания предприятий, на которых использовались бы дешевая местная рабочая сила и сырье.

Гонконгские предприниматели сразу же использовали новые возможности для разработки полезных ископаемых и развития современного промышленного производства на китайской территории. Неверно было бы полагать, что подобного рода попытки не совершались и ранее²¹. В новых же условиях иностранные капиталисты получили свободу действий. Так, они наконец получили доступ к недрам Китая, что представляло особое значение для судостроительной промышленности Гонконга. В 1897 г. «Хуэйфэн», «ДМК» и итальянский капиталист А. Лузатти создали «Пекин синдикейт» («Фугунсы») с капиталом 14 млн. юаней [50, с. 71—72]. Эта компания, занимавшаяся помимо прочего и железнодорожным строительством, получила в 1898 г. доступ к залежам железной руды и угля в пров. Хэнань, право на разработку недр в пров. Шэньси [50, с. 99].

После 1895 г. гонконгский капитал, прежде всего «ДМК», получил возможность усилить свое влияние в текстильной промышленности Шанхая, стремясь максимально использовать преимущества, полученные по Симоносекскому договору²².

Развитие гонконгского порта, рост торговли, укрепление связей крупнейших торговых домов Гонконга с китайской экономикой — все это вело к накоплению в колонии огромных богатств, часть которых использовалась на нужды ее внутреннего развития. Росла предпринимательская активность в сфере коммунального хозяйства. Этот период в экономическом развитии колонии связан с именем армянского бизнесмена Хачика П. Чатера, сферой деятельности которого стала спекуляция недвижимостью и строительство новых зданий.

Конец 70-х годов XIX в. стал периодом многочисленных махинаций с земельными участками в центральной части Гонконга. Европейцы, в первую очередь англичане, продавали, китайцы покупали. Цены резко пошли вверх, увеличившись почти в 4 раза, что принесло бывшим владельцам немалые прибыли. Новые же хозяева ничего не выиграли, поскольку вскоре колониальные власти издали указ, запрещающий строить в центре города здания, не соответствовавшие европейским стандартам (см. [108, с. 112—114]). Китайские же дома в обязательном порядке выкупались властями и разрушались. Иностранные фирмы, заранее осведомленные о предполагавшемся указе, вновь получили возможность развернуть строительство в центральной части Гонконга. Для этого в 1889 г. при ведущем участии Х. П. Чатера и Ли Шэна была создана «Гонконг лэнд инвестмент энд эйдженси К°». Началось искусственное расширение прибрежных территорий за счет засыпки прибрежных бухт.

В дальнейшем на этой земле, равно как и на участках, где были снесены китайские кварталы, выросли большие современные здания, которые компания сдавала внаем (см. [230, с. 193—194]).

В 1890 г. Х. П. Чатер основал «Гонконг электрик К^о», которая через год уже обеспечивала электроэнергией 600 зданий [136, с. 108—109]. Вкладчиками капитала среди прочих стали представители семей Сэссун, Джардин и Матисон. К числу предприятий, связанных исключительно с Гонконгом, следует отнести «Шаньдин ланьчэ гунсы» с капиталом 750 тыс. долл. (компания эксплуатировала фуникулер, принадлежавший ранее фирме «Хамфи энд К^о» и обслуживавший с 1885 г. гонконгскую элиту, проживавшую в самом привилегированном районе — на Пике), «Дэйри фарм, айс энд колд сторадж К^о», «ДМК» совместно с «Джибб, Ливингстон энд К^о» («Жэньцзи»), «Хэцзи» и «Тяньсян» («Адамсон, Белл энд К^о»), с 1899 г. — «Додуэлл энд К^о» (производила молочные продукты и искусственный лед).

Строительный бум в Гонконге создал хороший рынок для стройматериалов. В 1887 г. «ДМК» открыла цементный завод. Дальнейшее развитие порта и рост объема реэкспортной торговли сделали целесообразным создание в 1884 г. среднего по размерам предприятия по производству веревочных изделий.

Новый порт в Цзюлуэ все более вовлекался в международные экономические отношения региона. В 1898 г. возникла настоятельная необходимость установления регулярного и скорого сообщения между островом Гонконг и Цзюлуэ, которые в экономическом отношении стали представлять единое целое. Для этой цели была создана «Стар ферри К^о», организовавшая движение паромов, что оказалось очень прибыльным предприятием (см. [4, с. 242—244]). Вкладчиками капитала стали ведущие компании Гонконга, в том числе «ДМК». Таким образом, предпринимательская деятельность, ориентированная исключительно на Гонконг, получила на рубеже 80—90-х годов значительное развитие.

В 80-е годы в колонии возникает ряд новых отраслей промышленности. В предшествующие годы крупных предприятий, за исключением судостроительной промышленности, было крайне мало. Можно упомянуть лишь о фабрике по рафинированию сахара, принадлежавшей «ДМК», — «Чайна шугар рефайнинг К^о» («Чжунго хоче танцзю»), основанной в 1876 г., и производстве спиртных напитков и медикаментов фирмы «А. энд С. Уатсон» (см. [4, с. 242—244]). В остальном промышленность Гонконга состояла из мелких фабрик и мастерских по производству веревочных изделий, соевых продуктов и консервированию имбиря. В 80-е годы появляются табачные фабрики, налаживаются производство стекла, зонтов, ткацких и красильный промыслы. Значительная часть предприятий обрабатывала неоднородную по качеству китайскую продукцию, подготавливая ее для реэкспорта [224, с. 33]. Возникновение всех этих отраслей

в значительной степени базировалось на продолжающемся притоке из Китая как дешевой рабочей силы, так и китайского капитала, который постепенно приобретал все более твердые позиции в промышленности Гонконга.

В конце XIX в. наблюдается новая волна притока китайского капитала в Гонконг. Национальная буржуазия стремилась использовать стабильные условия колонии для вложения средств. Рост привилегий иностранных предпринимателей в Китае и провал политики «самоусиления» ставили китайцев в еще более неравноправное положение. Даже такой крупный деятель бюрократического предпринимательства, как Шэнь Сюаньхуай, в целях большей безопасности зарегистрировал одно из своих предприятий в Гонконге [284, с. 122]. Управляющий «Китайской коммерческой паровой компанией» Тан Тиншу владел в колонии сетью ломбардов.

На средства китайских предпринимателей в Гонконге был создан целый ряд мелких паровых компаний: Шаньтоу-Чао-чжоуская паровая компания (создана в 1890 г., имела три парохода, капитал 50 тыс. лян), пароходство «Таошань» (1901 г.; капитал 350 тыс. гонк. долл. с участием иностранцев; обеспечивало часть рейсов между Гонконгом и Гуанчжоу); паровая компания с ограниченной ответственностью «Юаньань» (1903 г.; 2 парохода; капитал 250 тыс. долл. с участием иностранцев); пароходства «Тунань», «Фуань», «Цюаньань», «Линшэн», «Чэнсин», «Шэньэ», «Сыи», «Тайшэн» (см. [4, с. 219—222]). К 1913 г. было образовано 15 китайских пароходств, располагавших общим капиталом 2,54 млн. долл., 29 судами общим водоизмещением 14 283 т — от крупных (1309 т) до мелких (133 т). В основном они обслуживали местные линии между Гонконгом и Макао, Гуанчжоу, Учжоу, Наньнинном и Сямэнем, в некоторых случаях заходили в Сингапур и вьетнамские порты (см. [146, с. 639—643]). Хотя Гонконг приобрел в течение второй половины XIX в. значимое место во внешнеэкономических связях Китая, но на пути к приобретению статуса главных ворот в Китай существовали серьезные препятствия: сопротивление цинских властей и успешная конкуренция с Гонконгом «открытых» портов. Лишь в одной области первенство осталось за Гонконгом — в контрабанде опиума.

На рубеже XIX—XX вв. наблюдался пик в торговле между Китаем и Гонконгом. В последующие годы доля колонии во внешнеторговом обороте Цинской империи начинает снижаться, хотя в абсолютных цифрах продолжает возрастать. Однако в то же время усиливаются связи Гонконга с рынками Юго-Восточной Азии, Японией, Австралией, Северной Америкой. Местный порт постепенно модернизировался, становился все более значимым для международной торговли. Данное обстоятельство наряду с развитием банковской системы уже в начале XX в. заложило основы для последующего усиления роли Гонконга в экономических связях азиатско-тихоокеанского региона.

ГОНКОНГ И ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛИЗМА В КИТАЕ
в 10—20-е годы XX в.

Социально-экономическое развитие Гонконга
в первой трети XX в.

В рассматриваемый период в Гонконге заметно укрепились позиции китайского капитала. В немалой степени этому способствовало бегство туда многих китайских предпринимателей после Синьхайской революции. На фоне политической нестабильности и бесконечных милитаристских войн мирные условия жизни в колонии выглядели предпочтительнее, поскольку гарантировали по крайней мере сохранение элементарного правопорядка. К 1920 г. капиталовложения китайской буржуазии в Гонконге составляли 17,5 млн. долл. и в последующие годы интенсивно росли, достигнув в 1934 г. уже 51,29 млн. долл. Отметим, что иностранные инвестиции после 1920 г. оставались на одном уровне — 50 млн. долл. [11, с. 263]. Китайский капитал был представлен в колонии группой компаний и банков европейского типа¹, а также торговым капиталом.

В Гонконге возникает ряд компаний, принадлежавших китайским эмигрантам. Они опирались в своей предпринимательской деятельности на капиталы и современный опыт ведения дел, накопленные за границей. В то же время бизнесмены-хуацяо были тесно связаны с соотечественниками в Китае, стремились к усилению влияния национального капитала в ущерб иностранному. Компании, о которых идет речь, избирали Гонконг в качестве опорной базы. Именно там началась история крупнейших торговых домов «Сяньши», «Юнань» («Винг Он»)², «Чжунхуа», «Дасинь».

Рост влияния китайской буржуазии вел, с одной стороны, к усилению ее альянса с английскими фирмами Гонконга, а с другой — к вспышкам соперничества между иностранным и окрепшим китайским капиталом.

Конечно, в большинстве случаев представители крупной китайской буржуазии выступали в роли партнеров английских компаний³. Как правило, такие предприятия были связаны в первую очередь непосредственно с экономикой колонии, в отли-

чие от компаний, обслуживавших торговые или финансовые связи с Китаем.

Однако известны и случаи, когда в Гонконге разворачивалась ожесточенная борьба между иностранным и китайским национальным капиталом. Именно такое противоборство наблюдалось в табачной промышленности начиная с 1915 г. К этому времени на китайском рынке безраздельно господствовала Англо-американская табачная компания, которой через некоторое время пришлось столкнуться с китайской фирмой «Братья из Южных морей» («Наньян сунди»). Эта фирма была основана в Гонконге в 1905 г. семьей Цянь из Гуандуна на капиталы, приобретенные в эмиграции в результате торговых операций в Японии и Юго-Восточной Азии, а также при содействии местной гуандунской буржуазии⁴.

Соревнование между фирмами продолжалось вплоть до начала 30-х годов, когда позиции «Наньян сунди» были сильно ослаблены действиями гоминьдановских властей. При помощи мафии, провоцировавшей беспорядки на шанхайских предприятиях, гоминьдановским деятелям братьям Сун Цзывэню и Сун Цзыляну, а также королю преступного мира Ду Юэшэну удалось к середине 30-х годов подчинить фирму своему влиянию (см. [227, с. 120, 121, 197]).

«Наньян сунди» — типичный пример крупного китайского капитала Гонконга. Ее центр находился в Гонконге, что давало ей определенную защиту от политических беспорядков в Китае; она сотрудничала с английскими банками (ей давали займы и «Хуэйфэн», и Чартерный банк). На предприятиях «Братьев» царила жестокая эксплуатация, без которой невозможна была конкуренция с иностранными компаниями. Рабочее движение подавлялось путем подкупа рабочих и увольнения профсоюзных организаторов, создания контролируемых администрацией «клубов служащих и рабочих табачного производства Южных морей»⁵ [227, с. 154].

Крупная китайская буржуазия Гонконга составляла небольшую группу. Гораздо более многочисленной и разнообразной была прослойка средних и мелких предпринимателей. Подавляющее большинство их владело мелкими семейными мастерскими (до 80% в 1920—1930 гг.) [11, с. 263].

В области промышленного производства китайский капитал в колонии в конце 20-х — начале 30-х годов распределялся следующим образом: в производстве лекарств и благовоний — 11,5%, галантереи — 40,3, типографской техники и пищебумажных принадлежностей — 9,5, кирпича и черепицы — 9,5, чая и пищевых продуктов — 4,6, прохладительных напитков — 3,3, консервов — 2,3, резиновой обуви — 2, и металлоизделий — 1,7, в текстильной промышленности — 11,4, прочего — 3,9% [11, с. 264].

Китайская буржуазия составляла основание пирамиды, вершину которой образовывала английская предпринимательская

элита, сохранявшая господствующие позиции в экономике колонии и ее торговых и финансовых связях с внешним миром.

В период между Синьхайской революцией и революцией 1925—1927 гг. гонконгский капитал сохраняет свою активность в борьбе за влияние в Китае. Это видно на примере деятельности банка «Хуэйфэн», а также ряда называвшихся выше фирм. Когда 18 июня 1912 г. консорциум пяти держав предоставил китайскому правительству заем в 1,2 млн. ф. ст., Гонконг-Шанхайская банковская корпорация взяла на себя треть английской доли финансирования [271, с. 239, 258]. Участвовал банк и в огромном (25 млн. ф. ст.) Реорганизационном займе, полученном Юань Шикаем по соглашению от 27 апреля 1913 г. под залог соляного сбора [228, с. 126, 135]. В октябре 1920 г. «Хуэйфэн» вновь взял на себя треть английской доли в займе нового консорциума империалистических держав, который, как предполагалось, должен был также и контролировать использование китайским правительством предоставляемых ему средств. Однако полная дестабилизация ситуации внутри страны воспрепятствовала реализации этого плана. Прибыли «Хуэйфэна» постоянно росли, составив в 1914 г. 7,3 млн., а в 1922 г.—12,9 млн. гонк. долл. [228, с. 152]. Практически весь регион Дальнего Востока являлся сферой деятельности банка. Однако приоритетная роль оставалась за Китаем. Уже после Синьхайской революции открылись новые отделения банка: в Циндао (1914 г.), Харбине (1915 г.), Мукдене (1926 г.).

Влияние гонконгских банков в Китае базировалось, помимо прочего, на валютной экспансии⁶. Только в Гуандуне к 1924—1925 гг. обращалось примерно 60 млн. гонк. долл. В то же время пользование китайской валютой в самой колонии закрещалось.

Среди крупнейших английских фирм выделялась «Э. Д. Сэссун энд К^о», вкладывавшая капиталы помимо судоремонта, судостроения и железнодорожного строительства также и в металлургию, страхование, банковское дело, строительство мостов, предприятия коммунального хозяйства и пищевой промышленности. Сэссуну владели большими участками земли и прочей недвижимостью в Шанхае и Гонконге. В 1930 г. для обслуживания операций концерна был создан собственный банк. В 20-е годы они постепенно подчинили своему влиянию крупнейший шанхайский концерн «Аньли сюнди» («Братья Аньли»), включавший банк, машиностроительный завод, портовое оборудование, металлообрабатывающее производство с общим капиталом 33 млн. лянов. В 1935 г. произошло слияние «Э. Д. Сэссун энд К^о» и «Аньли сюнди» [11, с. 64—65].

«ДМК» укрепила свои позиции в экспорте шелка и текстильной промышленности в основном за счет ее предприятий, находившихся в Шанхае. В 1921 г. они были объединены в рамках компании «Ихэ фанчжи юсянь гунсы»⁷ [11, с. 46, 48]. Подчинившиеся «ДМК» страховые общества увеличили свой капитал

к 1930 г. до 10 млн. юаней [11, с. 46, 48]. Одновременно шло внедрение компании во все новые сферы экономики крупнейшего промышленного центра Китая — Шанхая. В 1920 г. там была открыта фирма «Ихэ лэнцан гунсы», занимавшаяся хранением продуктов в рефрижираторах и производством искусственного льда. Налажено производство и экспорт альбуминовых продуктов [11, с. 49]. Впоследствии «ДМК» включалась и в производство оборудования для текстильной промышленности и других машин, создав в 1924 г. в Гонконге «Ихэ гунчэн гунсы» («Эво Енджиниринг К^о»), а также в самолетостроение, занялась и воздушными перевозками.

Очень важную роль в экономике Гонконга продолжал играть порт. Его обслуживало множество банков, страховых компаний, мастерских и контор. Грузооборот порта на протяжении первых тридцати лет XX в. продолжал возрастать, составив в 1910 г. 20,9 млн. т (17 557 судов), в 1920 г. — 21,5 млн. т (21 498 судов) и в 1930 г. — 37,9 млн. т (28 374 судна) (см. [22]). Увеличение грузооборота порта усиливало потребность в рабочей силе, что вело к переселению в Гонконг многих жителей близлежащих районов Гуандуна. Численность жителей Гонконга составила в 1910 г. 434 тыс., в 1920 г. достигла 630,3 тыс., а в 1930 г. — уже 838,8 тыс.

Развитие порта требовало строительства новых пристаней и складов, выполненного компанией «Гонконг энд Коулун уарф энд годаун». Кроме того, в 1915 г. было возведено специальное укрытие от штормов и тайфунов для малых судов (в 1900—1908 гг. их погибло около 3 тыс.). И тем не менее, как отмечается в исследовании, посвященном истории гонконгского порта, к 1924 г., когда ежедневно на рейде находилось более 70 судов, их потребности в портовом обслуживании удовлетворялись лишь на 50% [224, с. 44]. Однако дальнейшее строительство в связи с застойными явлениями в торговле не предпринималось.

Гонконг оставался важным пунктом связи между Китаем и внешним миром. Именно там заканчивались океанские маршруты, связывавшие Китай с Европой, Америкой, Австралией (компании «П. энд О.», «Блю фаннел лайн», «Глен лайн», «Кэ-нэдиан пасифик», «Бэнк лайн» и др.). Одновременно огромную роль продолжали играть каботажные перевозки, общий объем которых в 1919 г. на 46% превысил объем океанских перевозок. Однако в 1929 г. вследствие уменьшения объема торговли с Китаем их соотношение резко изменилось — $\frac{2}{3} : 1$ [224, с. 34, 46].

Гонконгская буржуазия сохраняла монопольные позиции в водном транспорте Китая. Только на Янцзы пароходства, принадлежавшие «ДМК» и «Баттерфилд энд Суайр», производили соответственно 21,4 и 21,8% перевозок в 1918 г., 26,4 и 24,6% в 1928 г. (в этом году у «ДМК» на Янцзы было 14 пароходов, водоизмещением 20 796 т, а у «Баттерфилд энд Суайр» — 20, водоизмещением 22 343 т). Всего к началу 30-х годов указанные

две фирмы имели в Китае в целом соответственно 42 судна (94 734 т) и 87 судов (155 641 т) [4, с. 239]. Доля предпринимателей из Гонконга в водных перевозках Китая сохранялась в первой трети XX в. примерно на одном уровне — в среднем 31—32% [4, с. 11]. Принадлежавшие «Баттерфилд энд Суайр» доки «Тайгу», основанные в 1908 г., стали крупнейшими в Гонконге, они были оборудованы современной техникой, в том числе подъемным краном мощностью 100 т [4, с. 60—67]⁸. «Баттерфилд энд Суайр» создала специальную техническую школу, впоследствии преобразованную в Технический колледж, где формировались квалифицированные кадры для судостроительной промышленности.

Вплоть до второй мировой войны Гонконг оставался крупнейшим центром судостроения не только в Китае, но и в Британской империи за пределами Англии. Только на предприятиях, принадлежавших «ДМК» и «Баттерфилд энд Суайр», работали 16 тыс. китайских рабочих.

Деловые круги Гонконга рассчитывали на возможность усиления проникновения в китайскую экономику в результате постройки Цюлун—Гуанчжоуской железной дороги⁹. Однако этот план удалось реализовать лишь частично.

Движение поездов началось по всей линии 14 августа 1911 г. и не прерывалось до 14 октября 1949 г., за исключением периода японской оккупации. В основном осуществлялись пассажирские перевозки: 1,6 млн. человек в 1911 г., 2,2 млн. в 1920 г. Грузооборот возрастал в первые годы существования дороги (с 29 тыс. т в 1911 г. до 73 тыс. т в 1914 г.), однако впоследствии стабилизировался на уровне в среднем 70—90 тыс. т в год [167, с. 643].

Англичанам, однако, очень долго не удавалось добиться соединения Цюлун—Гуанчжоуской и Гуанчжоу—Ханькоуской железных дорог. Китайские власти с полным основанием в течение длительного времени отказывались от этого, ибо соединение двух веток крайне негативно сказалось бы на экономическом положении Гуанчжоу, поскольку торговля между Гонконгом и внутренними центральными районами Китая пошла бы мимо этого города. Железные дороги были соединены лишь в 1937 г., т. е. непосредственно перед началом антияпонской войны.

Поскольку англичане не смогли соединить Гонконг посредством железной дороги с внутренними районами Китая, Цюлун—Гуанчжоуская дорога так и не приобрела значения крупной транспортной артерии. Сообщение по ней постоянно прерывалось в результате военных столкновений между местными милитаристами, нападений бандитских шайк на составы и пр. К 1925 г. подвижной состав китайской части дороги оказался в таком состоянии, что из соображений безопасности пассажиров на границе Гонконга пересаживали в английский поезд. Из 14 имевшихся у китайской администрации паровозов к

1927 г. ни один не был в рабочем состоянии, что повлекло за собой аренду английских локомотивов в Гонконге (см. [167, с. 640, 643; 224, с. 56]).

В начале китайская сторона несла большие убытки от содержания Цзюлун—Гуанчжоуской дороги, достигшие в 1914 г. огромной суммы — 1,4 млн. юаней. Это объяснялось и внутренней нестабильностью в Гуандуне, и недостатком местных капиталовложений в дорогу, которая лишь к началу 20-х годов перестала приносить убытки, а также конкуренцией дешевого морского транспорта [167, с. 646]. Полное преобладание последнего в стоимостных объемах перевозок явствует из приводимых данных (тыс. ф. ст.) [224, с. 56]:

Средство перевозки	1918 г.	1919 г.
Пароходы	12 435,5	13 083,3
Джонки	8 660,8	7 600,2
Железная дорога	326,1	571,8

XX век принес новые проблемы, осложнившие ход развития международной торговли в Гонконге. Немаловажную роль в дестабилизации положения играли кризисные явления в мировом капиталистическом хозяйстве и, в частности, на мировом рынке текстиля (резкие взлеты и падения цен на хлопчатобумажные ткани 1903—1904 гг.; удешевление индийской пряжи в 1906 г.; финансовый кризис в США в 1907 г.; падение цен на текстиль в Манчестере в 1919 г.; обострение конкуренции между гонконгскими, японскими и американскими скупщиками шелка-сырца в Китае в 1921 г. и т. п.). Первая мировая война способствовала быстрому развитию китайской экономики, однако негативно сказалась на Гонконге. Его транспортные связи с Европой в эти годы ослабли (отсюда застой в торговле), а это открыло для конкурентов из Японии и Соединенных Штатов Америки широкие возможности укрепления своего влияния на китайском рынке.

Политические события в Китае после Синьхайской революции также по ряду причин замедляли развитие его торговли с Гонконгом. Дестабилизация положения в Южном Китае, войны между милитаристами вели к снижению активности на внутреннем рынке. Сокращались закупки товаров в Гонконге, в отдельные периоды наблюдался спад и в китайском экспорте. Ухудшилось и качество товаров (так, в 1924 г. из-за низкой сортности китайского шелка гонконгские торговцы лишились заказов в США).

Подъем национально-освободительного движения, накал революционной борьбы в 20-е годы, выразившиеся, помимо прочего, в активизации рабочего движения, также оказывали сдерживающее воздействие на гонконгско-китайскую торговлю.

Объем торговли Гонконга с Китаем увеличивался довольно медленно, составив в 1910 г. 280,1 млн. тамож. лянгов, в 1920 г.— 295,7 млн., в 1921 г.— 384 млн., а в 1928 г.— 408,2 млн. тамож. лянгов. За исключением периода гонконг-гуанчжоуской забастовки 1925—1926 гг. (когда объем товарооборота сократился с 417 млн. тамож. лянгов в 1924 г. до 291 млн. в 1925 г. и 218,2 млн. в 1926 г.), вплоть до 1928 г. торговля все же развивалась по восходящей линии. 1929—1930 годы были временем сохранения достигнутого уровня — примерно 370 млн. тамож. лянгов в год, после чего, в частности под влиянием японской оккупации Маньчжурии, товарооборот стал резко сокращаться (см. [37, с. 148—150]).

Гонконг имел в торговле с Китаем устойчивое положительное сальдо, составившее в 1910 г. 62,7 млн. тамож. лянгов, в 1921 г. 78,2 млн., а в 1930 г. 60,3 млн. тамож. лянгов. В конце 20-х годов в результате протекционистской политики гоминьдановского правительства произошло падение гонконгского экспорта в Китае (в 1931 г. по сравнению с 1921 г., по одним данным,— на 7%, а по другим — на 43,75% [241] (см. [37, с. 148—150; 233, с. 291])). Сократились, например, поставки в Китай через Гонконг тайландского и индокитайского риса, угля с Борнео. В самой колонии сахарная промышленность начала страдать от увеличения соответствующего производства в самом Китае [224, с. 601].

В рассматриваемый период продолжалось начавшееся на рубеже XIX—XX вв. сокращение доли Гонконга во внешней торговле Китая (33,2% в 1910 г., 22,6% в 1920 и 17% в 1930 г.). За эти годы удельный вес Гонконга в китайском импорте составил соответственно 37, 20,9 и 16,6%, а в экспорте 28,5, 25,1 и 17,6%. Продолжало падать значение для Китая и порта в Цзюлуэне: его доля во внешнеторговом обороте Китая к 1930 г. сократилась до 2,2%¹⁰.

Противоборство между Гонконгом и Гуанчжоу в 20—30-е годы приобрело особо ожесточенный характер. В течение нескольких десятилетий Гонконг выступал в качестве своеобразного фильтра, паразитировал на внешнеэкономических связях Южного Китая, в первую очередь порта Гуанчжоу. Коммерсанты колонии постоянно следили за тем, чтобы «недопустимая тенденция» следовать непосредственно в Гуанчжоу, минуя Гонконг, своевременно пресекалась.

Осложнения в отношениях с Китаем стали дополнительным стимулом для расширения торгово-экономических связей с другими странами азиатско-тихоокеанского региона. Любопытно, что это отразилось и на снижении доли метрополии во внешней торговле Гонконга: например, удельный вес английских товаров в экспорте в Китай уменьшился с 57,8% в 1900 г. до 49,6% в 1930 г. (см. [221]).

Географическую структуру внешней торговли Гонконга в 1927 г. характеризуют следующие данные [27, с. 8]:

Страна	Импорт, млн. ф. ст.	Экспорт, млн. ф. ст.	Товарооборот, млн. ф. ст.	Удельный вес в това- рообороте, %
Всего	88,9	63,4	152,3	100,0
В том числе				
Китай	25,9	39,6	65,5	43,0
Великобритания	9,45	0,7	10,2	6,6
США	5,9	2,5	8,4	5,5
Япония	9,1	3,5	12,6	8,2
Германия	1,8	0,13	1,93	1,3
Австралия	1,0	0,4	1,4	1,0
Французский Индокитай	10,9	5,1	16	10,5
Таиланд	6,2	2,5	8,7	5,7
Сингапур	1,7	2,9	4,6	3,0
Бирма	1,0	0,2	1,2	0,8
Индия	2,0	0,8	2,8	1,8
Канада	0,7	0,4	1,1	0,7
Голландская Ост-Индия	9,5	1,0	10,5	6,9

* * *

В течение первой четверти XX в. в гонконгском обществе наблюдалось обострение социально-экономических проблем. Немаловажную роль при этом играли революционные события в Китае, развертывание там антиимпериалистического движения. Возникшая атмосфера конфронтационности привела к тому, что еще в начале XX в. в Гонконге начали возникать военно-репрессивные объединения европейцев: солдатский клуб (1900 г.), Ассоциация добровольцев резервистов (1904 г.), Клуб полицейских резервистов (1916 г.). В целом же наблюдалась консолидация европейской, в первую очередь английской, буржуазии под лозунгом движения за самоуправление. Местные буржуа все отчетливее осознавали важность для их интересов стабильности английской администрации, возникали объединения жителей колонии, в функции которых входило отстаивать точку зрения различных слоев местного общества перед властями. Так, 1 декабря 1919 г. была создана первая из них — Ассоциация жителей Цзюлуна, она представляла интересы торгово-предпринимательских кругов, деятельность которых разворачивалась в Цзюлуна и на «Новых территориях». Они настаивали, в частности, на увеличении вложений властей в строительство и развитие инфраструктуры в этом районе колонии.

Второй организацией стала элитарная Ассоциация жителей Пика, в которую входили крупнейшие банкиры, фабриканты и адвокаты (их резиденции находились на горе Пик, возвышающейся над Гонконгом, где стоимость земли была чрезвычайно высока). Фактически это была ассоциация хозяев Гонконга.

Политическая активизация местной английской буржуазии явилась не только результатом оформления влиятельных группировок предпринимателей. Деловые круги колонии оказывали метрополии существенную финансовую поддержку в годы пер-

вой мировой войны¹¹. Такое участие в «имперской обороне» подняло самосознание населявших Гонконг англичан, они стали настаивать на большем самоуправлении. И поскольку в очередном королевском патенте на управление Гонконгом было зафиксировано, что губернатор является высшим административным и законодательным лицом в колонии, а в законодательном и административном совете по-прежнему в меньшинстве остались «неофициальные» члены, в Гонконге развернулось движение за самоуправление.

3 мая 1917 г. возникла Гонконгская ассоциация конституционной реформы, возглавленная двумя избранными депутатами законодательного совета Г. Холиоком и Г. Поллаком. В течение ряда лет они организовывали бурные собрания, принимавшие петиции к губернатору, в парламент. Однако в феврале 1921 г. был получен официальный отказ британского парламента. В Лондоне сочли нецелесообразным передавать власть в руки кучки предпринимателей и адвокатов, что могло бы лишь осложнить ситуацию в колонии, где начались частые забастовки. Англия по-прежнему придавала большое значение Гонконгу, как одной из главных опор своего влияния на Дальнем Востоке, своего рода «крепости», управляемой губернатором, подчиненным непосредственно Лондону.

Позднее в виде уступки в составе административного и законодательного совета были произведены изменения, существенно не повлиявшие на существо колониальной системы управления. В 1928 г. число чиновников в законодательном совете увеличилось до 9, а неофициальных членов — до 8 (теперь губернатор назначал 6 из них, причем трое были китайцами). Так администрация Гонконга продемонстрировала «желание учесть рост националистических настроений» в Китае. Еще одним свидетельством стремления англичан заручиться поддержкой китайской буржуазии колонии в период революционного подъема в Китае стало включение уже упоминавшегося выше Чжоу Шоучэня в 1926 г. в состав административного совета, куда раньше китайцы не входили.

Отношения администрации колонии с местным населением оставались напряженными. Это объяснялось не только национальным антагонизмом, но и нежеланием властей урегулировать актуальные для местных жителей проблемы. Гонконгские китайцы ответили на это созданием разного рода неофициальных органов самоуправления. Ранее мы говорили уже о Комитете больницы «Дунхуа», об обществе «Баолянцзюй». В первой трети XX в. движение за самоуправление как результат неудовлетворенности официальной политикой активизируется также и в «Новых территориях»¹².

В целом английские власти в первой трети XX в. согласны были на ограниченные формы привлечения к управлению китайского общества, да и то лишь представителей его верхушки: крупных коммерсантов, юристов, сельских знати. Между тем

враждебность во взаимоотношениях колонизаторов с трудящимся Гонконга нарастала. Ряд событий в истории колонии стал целью кульминаций этого конфликта. Гонконг вовлекается в революционные события в Китае.

Гонконг и антиимпериалистическая борьба в Китае

Продолжение острой политической и вооруженной борьбы в Китае между различными группировками бюрократов и милитаристов не оставило Гонконг в стороне. Китайское население колонии живо реагировало на события в Китае. К началу Синьхайской революции подъем националистических и антиимпериалистических настроений был достаточно высок и впоследствии продолжал нарастать. Распространенной формой проявления протеста были бойкоты.

Одним из проявлений **национального протеста** стал бойкот китайским населением гонконгского трамвая в декабре 1912 г. в связи с запретом пользоваться китайской мелкой монетой. Бойкот удалось прекратить лишь в январе следующего года после введения специального репрессивного указа от 14 декабря 1912 г. (см. [3, д. 165, л. 2, 5, 13, 15]).

Несмотря на запрещение властей, китайские жители Гонконга продолжали при посредстве бойкотов выражать протест против политики держав в Китае. Например, в мае 1915 г. они организовали антияпонский бойкот, сопровождавшийся погромом магазинов [166, т. 1, с. 159]. Местный рабочий класс, средняя и мелкая буржуазия показали способность решительно выступать против посягательства на суверенитет Китая («21 требование» Японии, предъявленное правительству Юань Шикая) ¹³.

Многие оппозиционные деятели Китая скрывались от преследований в Гонконге. Находясь там, они часто выступали в печати с заявлениями, собирали вокруг себя группы сторонников. Например, Гонконг стал важным опорным пунктом в конспиративной сети революционной партии «Чжунхуа гэмಿಂದан», созданной Сунь Ятсеном 8 июня 1914 г. в эмиграции после поражения Синьхайской революции. Отделение партии в Гонконге и Макао возглавлял Е Сяшэн, его заместителем был Ли Хайюнь. Гонконг-Шанхайский транспортный комитет, отвечавший за конспиративные перевозки и тайное перемещение людей, возглавлял Чжао Чжи. В руководящий состав гонконгского отделения входили Чэнь Юнхуэй, Лу Жэньчжоу, Лу Цзюэшэн, Дэн Жэньсюэ, Чэнь Яопин, Ли Баосян [126, т. 3, с. 433, 436].

В Гонконге находили прибежище и другие противники реставрации монархии ¹⁴.

Антияпонское патриотическое «движение 4 мая» 1919 г., охватившее весь Китай, распространилось и на Гонконг. Китай-

цы — жители колонии организовали бойкот японских товаров, громили магазины в Ваньцзы — основном районе проживания японцев в Гонконге. Учащиеся устраивали на улицах публичные аутодафе японских товаров. Представители фирм «Юнань», «Сяньши» и других объявили, что будут торговать только китайской мануфактурной продукцией.

Учащиеся ряда колледжей, в том числе Королевского, возрожденного Англо-китайского, св. Стефана и св. Павла, образовали «Объединенный союз студентов», проводили массовые демонстрации [113, с. 109].

Все это не могло не беспокоить английские власти, поскольку выступления носили в целом антиимпериалистический характер. Полиция усиленно патрулировала районы проживания японцев для предотвращения особо острых эксцессов. Тем более, что Япония в виде угрозы ввела три военных корабля в пролив Лиюймэнь на северо-востоке Гонконга. Японский консул в Гонконге потребовал запрещения преподавания в китайских школах колонии по изданным в Шанхае учебникам, содержащим призывы к антияпонскому бойкоту [113, с. 111].

Английские колониальные власти выполнили все японские требования. Учебники изъяли, преподавателям, известным своими патриотическими настроениями, сделали предупреждения. Китайским газетам «Хуацзы жибао» и «Сюньхуань жибао» цензура запретила публиковать антияпонские статьи и сообщать о ходе движения в других частях Китая [113, с. 113].

События весны 1919 г. привели английские колониальные власти к осознанию необходимости установления жесткого контроля над системой образования, чтобы не допустить превращения гонконгских школ в благоприятную для распространения патриотических и антиимпериалистических настроений среду. Прибывший в Гонконг осенью 1919 г. новый губернатор Р. Стаббе самолично занялся этим вопросом. Во всех школах с 1-го по 3-й класс были объявлены обязательными составленные англичанами учебники китайского языка, нейтральные в идеологическом плане. Увеличилось количество часов, отводимых на изучение классических канонов, идей Конфуция и Мэн-цзы. Для борьбы с распространением идей новой культуры под руководством компрадора Фэн Цичжо было образовано Китайское общество священных учений (Чжунхуа шэнцзяохуэй), популяризовавшее конфуцианство в журнале «Лэтянь бао» [113, с. 114—115].

Мощной силой, участвовавшей в антиимпериалистической борьбе, был рабочий класс Гонконга. В колонии базировалось много современных транспортных и промышленных предприятий с большим числом занятых. Во второй половине 10-х годов начала разворачиваться борьба рабочих Гонконга за свои экономические права, повышение заработной платы, улучшение условий жизни, признание властями профсоюзных организаций. Так, в мае 1916 г. закончилась победой забастовка лоцманов,

добивавшихся прибавления заработной платы, признания своего профюоза. В июле 1918 г. колонию охватили беспорядки, вызванные повышением цен на рис, один из основных продуктов питания китайского населения. В мае 1920 г. прекратили работу, требуя улучшения условий труда и повышения его оплаты, представители наиболее передовой части гонконгского рабочего класса — механики и монтеры доков, а вскоре к ним присоединились монтеры гонконгского трамвая.

В жизни рабочего класса Гонконга переплетались элементы современного и традиционного. С одной стороны, трудящиеся колонии приобщались к современным формам производства, через развитую систему международных связей Гонконга получали информацию о рабочем движении в других частях мира. С другой стороны, в их среде сохранялось влияние земляческих связей (рабочие были в большинстве своем выходцами из сельских районов пров. Гуандун), разного рода цеховых корпораций, тайных обществ.

Роль последних в развитии рабочего движения в колонии заслуживает особого рассмотрения. Как уже отмечалось, в истории хуэйданов Гонконга в начале XX в. наметились две тенденции. Одна часть тайных обществ занимала патриотические позиции, участвовала в революционном движении, другая шла по пути превращения в преступные объединения. После Синьхайской революции, когда маньчжурская династия была свергнута, часть хуэйданов патриотического направления стала сворачивать свою деятельность либо исчезать под давлением со стороны мафии¹⁵.

Известны и факты «конвергенции» патриотических тайных обществ. Например, некогда выступавшая в роли союзника Сунь Ятсена «Ложа верности и гармонии» («Чжунхэтан») постепенно превратилась в крупное преступное объединение, существующее в Гонконге и поныне под названием «Хэшэнхэ» («Гармония, преодолевающая гармонию») [267, с. 65].

В 20-е годы крупные тайные общества, относящиеся к группе «Триады», разделили Гонконг на сферы влияния. Число этих объединений несколько возросло с момента возникновения уже упоминавшихся «пяти больших компаний» — хуэйданов «Хэ» («Гармония»), «Тун» («Единство»), «Цюань» («Всеобщность»), «Шэн» («Преодоление»), «Иань» («Справедливость и спокойствие»), «Лянь» («Объединение»), «Фуисин» («Счастье, справедливость и возрождение»). В этих обществах существовала строгая иерархия, царил жесткая дисциплина. Сферы влияния хуэйданов были разграничены, что позволяло им действовать скрытно и эффективно. Часто они даже регистрировались у властей под видом обществ, клубов и т. д. Так, «Фуисин» значился как Генеральная ассоциация промышленности и торговли «Фуи», имевшая около 12 отделений, разбросанных по всей колонии. Членами такого рода легальных объединений становились многие желающие пользоваться покровительством хуэйда-

нов, в результате чего влияние последних еще более возросло.

Тайные общества традиционно контролировали игорные и публичные дома, опикурильни и уличную проституцию. Одним из важнейших источников дохода мафии стала дань, получаемая от разносчиков, носильщиков, маляров и др.

Необходимость сопротивляться вымогательствам привела к объединению представителей ряда профессий в союзы самозащиты, постепенно приобретшие характер хуэйданов. Такими организациями были, например, «Лянь» («Объединение») у металлургов, «Гуан» («Широта») у маляров. Подобные союзы самозащиты можно рассматривать и как прототипы будущих профсоюзов.

Сказанное не означает отсутствия в первой четверти XX в. профсоюзов как новой и прогрессивной формы рабочего движения.

Сильнейшее потрясение вызвала в Гонконге забастовка моряков, начавшаяся в январе 1922 г. С этим событием в исторической литературе принято связывать начало первого общекитайского подъема рабочего движения.

Причиной забастовки послужили тяжелейшие условия, в которых трудились гонконгские матросы (их положение было отнюдь не самым плохим по сравнению с представителями других профессий). Месячный заработок составлял примерно 20—30 гонк. долл., тогда как цена на рис возросла со времен первой мировой войны с 4,5 до 9 гонк. долл. за фунт, на масло с 0,18 до 0,24 гонк. долл. за фунт, плата за небольшую комнату в китайском квартале с 7 до 12 гонк. долл. в месяц [183, с. 534].

Кроме этого матросы оказались втянутыми в кабальную, исторически сложившуюся систему найма на суда, главную роль в которой играли посреднические конторы¹⁶.

Эксплуатация хозяевами и посредниками кораблей дополнялась многочисленными проявлениями расовой дискриминации. Заработок моряков-китайцев был в пять раз ниже, чем у занимавших те же должности европейцев. Подчас они не имели на судне даже койки, где могли бы прилечь. В ряде стран им не разрешалось даже сходить на берег (например, в США).

Усилению эксплуатации способствовал и явный перевес предложения над спросом на рынке рабочей силы. Гонконг наводняли разорившиеся крестьяне и кустари из Гуандуна. Обычно число безработных матросов колебалось, не опускаясь ниже 10—20 тыс. [183, с. 535].

На решение гонконгских матросов начать борьбу за свои права в немалой степени повлияли и патриотический подъем, связанный с «движением 4 мая», и успех выступления механиков в 1920 г., добившихся 30% надбавки в зарплате, и забастовки на английской концессии в Ханькоу, на железных дорогах Ухань—Чанша и Гуанчжоу—Ханькоу, на англо-американской табачной фабрике в Шанхае [39, с. 26].

При активном участии выдающихся деятелей рабочего дви-

жения Китая Су Чжаочжэна и Линь Вэйминя в марте 1921 г. был создан Генеральный профессиональный союз китайских моряков (см. [139, с. 70—78]). Представители союза стали выступать в качестве защитников интересов рабочих, протестовали против побоев, произвольных увольнений. Немало усилий пришлось приложить для преодоления весьма характерной для профсоюзов Гонконга групповщины. 17 мая 1921 г. исполком профсоюза принял решение выдвинуть требование о повышении зарплаты. Это решение одобрило общее собрание членов союза 4 июня 1921 г.

В сентябре работодателям предложили следующие требования: поднять заработную плату разным категориям матросов от 10 до 50%, признать профсоюз представителем интересов трудящихся, допустить рабочих лидеров к разработке трудового законодательства. Однако судовладельцы не ответили ни в первый, ни во второй — в ноябре, ни в третий раз — 12 января 1922 г., когда им был предъявлен 24-часовой ультиматум.

По истечении срока ультиматума забастовали все суда морских и речных пароходств Гонконга. В начале забастовки прекратили работу 1500 матросов на 90 судах, а через неделю уже бастовали 6500 человек на 123 судах [183, с. 538].

Профсоюз провел основательную подготовительную работу перед забастовкой, справедливо полагая, что предприниматели так просто не сдадутся. Были образованы «группы борьбы за повышение зарплаты матросов», «группа убеждения» (агитационная), «группа захвата», «группа пропаганды», транспортная группа, группа борьбы со штрейкбрехерами, секретные органы. Штаб забастовки расположился вдали от преследований гонконгских властей — в Гуанчжоу. Матросы связались с рабочими в других частях Китая, с товарищами по профессии в других портах. В результате успешной подготовки матросы судов, покинувших Гонконг, прекратили работу на первой же стоянке.

В результате забастовка охватила всего 20 тыс. моряков. Почти половина из них к концу января покинула Гонконг и переехала в Гуанчжоу, правительство которого поддерживало бастующих, предоставив им жилье и питание.

В результате забастовки в Гонконге сложилась довольно сложная ситуация. Прилегающие районы Гуандуна прекратили поставки продовольствия. Представители бастующих в китайских портах препятствовали отправке грузов в английскую колонию. Следствием стал стремительный рост цен на продукты питания¹⁷.

Колониальное правительство направило в Гуанчжоу секретаря по делам китайского населения в целях достижения компромисса. Однако лидер бастующих Су Чжаочжэн настаивал на полном удовлетворении требований рабочих.

Тогда англичане решили действовать при помощи кнута и пряника. С одной стороны, 16 января они объявили чрезвычай-

ное положение и запретили покидать колонию без специального разрешения; с другой стороны, 17 января судовладельцы выдвинули свои предложения по урегулированию, которые заключались в согласии увеличить зарплату в среднем на 15% меньше того, что требовал профсоюз.

Отчаявшись достичь соглашения с рабочими, хозяева судов решили завезти штрейкбрехеров из Шанхая, Индии и с Филиппин. Однако шанхайцы под влиянием агитации Всекитайского секретариата профсоюзов отказались выполнять отведенную им роль. Набранные же в Индии и на Филиппинах матросы не имели достаточной квалификации.

Ответной мерой забастовщиков стала договоренность с транспортниками Гонконга о прекращении работы. Этого было нелегко добиться вследствие сопротивления старшинок и мелких компрадоров. Однако забастовка сочувствия началась 27 января — теперь уже не работало 30 тыс. человек [183, с. 543].

Губернатор Гонконга объявил профсоюз матросов вне закона и отдал распоряжение о разгроме его штаб-квартиры. Под запрет попали также профсоюзы транспортников «Хайлу лихонхуэй» («Союз доставки товаров с кораблей на берег»), «Тундэ гунхуэй» («Рабочий союз „Единство и добродетель“»), рабочий союз «Цзисянь».

Властям не удалось уговорить транспортников возобновить работу. Более того, к 15 февраля 6 тыс. из них, невзирая на запрет, переместились в Гуанчжоу.

Между тем в гонконгском порту создалась критическая ситуация: к 10 февраля там находились 168 судов, не имевших никакой надежды на разгрузку находившихся на них 260 тыс. т груза (из них английских судов было 76 со 127 тыс. т груза) (см. [138, с. 97; 183, с. 543]). Прекратилось сообщение по пяти океанским и девяти прибрежным линиям. Предприниматели несли огромные убытки. Только перерыв в сообщении между Гонконгом и Шанхаем обошелся им в 1 млн. гонк. долл. Убытки торговцев исчислялись десятками миллионов гонк. долл. В колонии продолжали расти цены, увеличившись на рис в 2 раза, рыбу и овощи в 3, топливо — в 5 раз (см. [183, с. 543—544]).

Гонконгские предприниматели-китайцы направили в Гуанчжоу делегацию с целью достичь договоренности, однако не имели успеха. В то же время забастовщики испытывали на себе давление и со стороны гуанчжоуской буржуазии, которая также несла весьма существенные убытки. В конце концов 15 февраля начались переговоры в Гонконге между делегацией рабочих и представителями колониальной администрации.

Бастующие по-прежнему требовали повышения зарплаты, однако лишь на 30—40%, настаивали на прекращении беспричинных увольнений, признании профсоюзов и приостановке репрессий в отношении их руководителей. Поднимался также вопрос о пресечении расовой дискриминации [183, с. 545].

Поскольку основные требования бастующих — о повышении зарплаты и снятии запрета с деятельности профсоюза — не были удовлетворены, переговоры не дали результата. Делегация рабочих 16 февраля вернулась в Гуанчжоу.

Хотя бастующие мужественно продолжали бороться за свои права, положение их становилось довольно затруднительным. Средств, выделенных гуанчжоуским правительством, оказалось явно недостаточно для содержания всей массы беженцев из Гонконга, ежедневные совокупные расходы которых составляли примерно 4 тыс. юаней. К тому же наступили холода, не хватало теплой одежды и т. п. Движение помощи гонконгским морякам развернулось в Шанхае, Чансиньдяне, Кайфэне, среди рабочих Пекин—Ханькоуской железной дороги. В Гуанчжоу поступали пожертвования, в том числе и от хуацяо.

Поскольку положение бастующих ухудшалось, профсоюз решил пойти на обострение конфликта. С другими профсоюзами Гонконга было достигнуто соглашение о всеобщей забастовке. Однако начало ее отложили до конца месяца, когда большинство рабочих получали зарплату.

Узнав об этих планах, колониальные власти немедленно начали предпринимать контрмеры. Используя свое влияние в привилегированном Союзе китайских механиков (создан в 1909 г.), власти создали при помощи его руководства «Общегонконгский рабочий союз по урегулированию забастовки матросов». Поскольку бастующие отказались от услуг этого союза, он распался, а лидерам Союза китайских механиков пришлось поддержать идею всеобщей забастовки.

Власти вновь ввели отмененное было чрезвычайное положение, в Гонконг направились все английские военные суда, находившиеся у берегов Китая. Началось патрулирование границы колонии.

Несмотря на все эти меры, всеобщая забастовка началась 28 февраля. В ней участвовали Генеральный союз работников ресторанов, Союз работников чайных, Профсоюз служащих европейских фирм и некоторые другие. За несколько дней была парализована работа банков, почты, ресторанов, чайных, трамвая, телеграфа, типографий. Прекратилась торговля овощами. Не выпекался хлеб, молочная ферма прекратила производство молочных продуктов, бойня не давала мяса, из домов ушла китайская прислуга. В начале марта число бастующих превысило 100 тыс. Как писала 2 марта 1922 г. газета «Таймс», всегда сиявший ночными огнями Гонконг стал безжизненным и погрузился во мрак.

Несмотря на запрещение покидать пределы колонии, значительное число рабочих направилось через границу. 4 марта войска расстреляли толпу беженцев в районе Шатянь. Убито было 6, ранено несколько сотен человек. Это событие вызвало еще большее обострение антианглийских настроений, что вынудило в конце концов гонконгские власти пойти на уступки. При по-

средничестве гуанчжоуского правительства начались переговоры в Гонконге. Делегацию рабочих возглавлял Линь Вэйминь.

В соответствии с соглашением, достигнутым 5 марта, матросам речного судоходства и судов, принадлежавших китайским компаниям (водоизмещением до 1 тыс. т), — увеличили зарплату на 30%, судов прибрежного сообщения и английских фирм — на 20%. Матросы, работавшие на международных линиях, получили надбавку в 15%. Рабочим возместили 50% заработной платы за время забастовки [183, с. 556]. Предприниматели обещывались взять каждого на то же место, где он работал ранее. Профсоюз матросов был восстановлен в правах. Таким образом, забастовка закончилась победой. Однако вскоре многие судовладельцы отказались от положений соглашения. Например, в апреле 1923 г. в доках «Тайгу» отменили надбавки к зарплате. Против профсоюза хозяева судов боролись при помощи «Ханхай гунхуэй» («Морской гильдии») — организации посреднического типа.

Ослабели и позиции профсоюза матросов. Одной из причин этого был отход от руководства им таких признанных лидеров, как Су Чжаочжэн.

Особое беспокойство у англичан вызвало то, что бастующие получили широкую поддержку китайского населения в Гонконге. Это свидетельствовало об особой остроте противоречий между колонизаторами и местными жителями, трудящимися, мелкой и средней буржуазией. Забастовка фактически переросла в антианглийский бойкот, парализовавший весь Гонконг. Поддержка бастующих со стороны правительства в Гуанчжоу также стала источником серьезной озабоченности колониальной администрации.

Чтобы воспрепятствовать повторению кризисов, подобных забастовке матросов, она стала искать возможности для свержения революционного правительства в Гуанчжоу. В этом стремлении они нашли союзников среди крупной китайской буржуазии. В августе 1924 г. в Гуанчжоу произошел путч вооруженных отрядов (*шангуаней*) компрадорского купечества, возглавлявшийся ставленником гонконгского финансового капитала Чэнь Лянбо, который получил от предпринимателей Гонконга 2 млн. долл. Когда поражение мятежа стало очевидным, английский генеральный консул попытался запугать гуанчжоуское правительство. В своем письме он угрожал, что английский флот, базирующийся в Гонконге, будет вынужден вмешаться в случае обстрела Гуанчжоу гоминьдановской артиллерией. В июне 1925 г. окончилась неудачей попытка мятежа в Гуанчжоу милитаристов Ян Симиня и Лю Чжэньхуаня, которых также финансировали из Гонконга.

Наблюдавшаяся среди местных предпринимателей тенденция к немедленному отказу от уступок рабочим неизбежно влекла за собой противодействие — новые забастовки.

Весной 1922 г. бастовали портовые грузчики, мотористы

паровых баркасов и моторных лодок, торговые приказчики на судах, в июне—августе того же года — служащие отелей, пекашки, в течение двух месяцев не работали кули — грузчики риса. Были выступления среди рабочих трамвайного депо, парикмахеров, обойщиков, лакировщиков [39, с. 28].

Подавляющее большинство 250-тысячного гонконгского рабочего класса работало за мизерную по сравнению с заработком европейцев плату по 12—14 часов в сутки, без отпусков и выходных дней. По мнению Т. Н. Акатовой, эксплуатация на иностранных предприятиях была особенно жестокой [39, с. 23]. С этим нельзя согласиться, ибо местные китайские предприниматели, подчас не обладая столь же современной техникой, как их иностранные конкуренты, старались в целях выживания выжать из своих рабочих все, что могли, применяя ненормированный рабочий день, внеэкономические формы принуждения (семейные и клановые предприятия, эксплуатацию труда «моцзы», о которых говорилось выше). В Гонконге широко использовался женский труд (в некоторых отраслях преимущественно, например, в текстильной). Несмотря на указ 1922 г., запрещающий труд на фабриках детей до 10 лет, а на опасных производствах — до 15 лет, при ограничении рабочего дня 10 часами, эффективного механизма контроля создано не было, и производ царил по-прежнему (см. [22]).

В годы после забастовки матросов гонконгские рабочие стали активными участниками общекитайского рабочего движения. Они составили, например, 80% делегатов на I Всекитайском съезде профсоюзов в Гуанчжоу в мае 1922 г. На II съезде профсоюзов в мае 1925 г. было принято решение об объединении гонконгских профсоюзов под руководством Всекитайской федерации профсоюзов.

Результатом развития рабочего движения в колонии стало возникновение профсоюзных объединений. Речь идет о Гонконгской федерации рабочих союзов (включала около 70 организаций, в основном представлявших рабочих ремесленного и мануфактурного производств, единственной пролетарской организацией среди них был Союз моряков) и Генеральном союзе китайских рабочих (около 30 союзов работников ремонтных мастерских, промышленных предприятий, в том числе Союз трамвайщиков). Примерно 20 профсоюзов имели «независимый» статус — объединения механиков, грузчиков, угольщиков, работников иностранных компаний и др. [39, с. 44].

Таким образом, рабочее движение Гонконга находилось лишь на начальной стадии концентрации союзов, характеризовалось раздробленностью. Руководство отраслевых профсоюзов стремилось в первую очередь к защите интересов своей узкой профессиональной группы. Нередко вспыхивали конфликты между отдельными рабочими организациями.

Несмотря на определенные организационные слабости, гонконгские трудящиеся смогли в 1925 г. вновь перейти в насту-

пление, создать в колонии ситуацию острого кризиса. Если на забастовку матросов катализирующее воздействие оказало «движение 4 мая», то мощным толчком для подъема рабочих масс в 1925 г. стали «события 30 мая», когда английская полиция международного сэттльмента в Шанхае расстреляла демонстрацию протеста против расправы империалистов над рабочими Шанхая и Циндао. Это событие дало толчок новому подъему революционного патриотического движения в Китае.

Всекитайская федерация профсоюзов и гуандунский комитет КПК разработали план забастовки протеста. Он получил решительную поддержку Национального правительства. В созданный 23 июня 1925 г. стачечный комитет в качестве советников вошли глава правительства Ван Цзинвэй и министр финансов Ляо Чжункай.

Назревавшая забастовка стала столкновением не только между китайскими трудящимися и колонизаторами, но и между гоминьдановским правительством и гонконгскими властями.

Всю агитационную работу по подготовке забастовки в Гонконге вели коммунисты, выступавшие, однако, в роли представителей гоминьдана. В колонию прибыла группа организаторов (Чэнь Яньнянь, Дэн Чжунся, Дэн Фа, Ян Инь и др.). Они работали в сотрудничестве с небольшой гонконгской партийной организацией (около 10 чел.), которую возглавлял Хуан Пин. КПК имела связи лишь с руководством профсоюзов матросов, трамвайщиков, типографских рабочих и рабочих иностранных предприятий. С лидерами других союзов пришлось вести длительные переговоры, завершившиеся, однако, успешно. Большую роль в мобилизации рабочих сыграло возвращение на профсоюзную работу Су Чжаочжэна.

Узнав о приближающейся забастовке, власти стремились сделать все возможное для ее предотвращения. Усилился полицейский надзор за рабочими кварталами и предприятиями, в Гонконге высадились на берег отряды морской пехоты. В рабочую среду внедрялись шпионы, старавшиеся вести антизабастовочную пропаганду.

Тем не менее агитация за забастовку носила повсеместный характер и была успешной. 19 июня забастовали моряки, трамвайщики, служащие иностранных фирм. Выдвинутые ими шесть требований свидетельствовали о значительном пути, пройденном рабочим движением и в Гонконге и в Китае в целом со времени забастовки моряков. Ощущалась и руководящая роль коммунистической партии, направлявшей рабочих на борьбу за политические права: 1) предоставить китайским рабочим и всему китайскому населению Гонконга свободу организаций, собраний, слова, печати и забастовок; 2) обеспечить китайцам и иностранным гражданам равенство перед законом; 3) предоставить населению избрать членов законодательного совета; 4) установить восьмичасовой рабочий день, минимум заработной платы, улучшить условия труда женщин и детей, принять

закон об охране труда, уничтожить контрактную систему найма; 5) отменить назначенное на 1 июля 1925 г. повышение квартирной платы в масштабах всей колонии; 6) уничтожить национальное неравноправие, выражающееся, в частности, в запрещении китайцам жить в некоторых районах Гонконга [39, с. 55].

В первый же день забастовало 100 тыс. человек. Рабочие порта и механики примкнули к забастовке вопреки сопротивлению руководства своих профсоюзов. Встали пароходы в порту, прекратилось движение трамвая. Закрылись иностранные предприятия. 21 июня началась забастовка в Шамяни.

Англичане приняли дополнительные контрмеры: с 21 июня войска начали патрулировать улицы. Было введено чрезвычайное положение, запрещен вывоз продовольствия, серебра и ценных бумаг. Из числа иностранцев начали создаваться добровольческие отряды. За публикацию сообщения о требованиях бастующих цензура запретила китайскую газету «Чжунго синь-вэнь бао» [103, с. 124].

Тем не менее бастующие по призыву Национального правительства покидали Гонконг, за ними последовали мелкие и средние торговцы — на 22 июня в торговых районах закрылось до 80% магазинов [103, с. 126]. Прекратились занятия, и учащиеся, студенты старших курсов Королевского колледжа также ушли в Гуанчжоу.

Английские власти сделали попытку договориться с рабочими. Они направили своего представителя из числа компрадоров в порт, чтобы уговорить матросов возобновить работу, поскольку «власти Гонконга не причастны к событиям в Шанхае» [78, с. 127]. После неудачи этой миссии в правительственном официальном издании (листочке, печатавшемся литографским способом, так как печатники бастовали и газеты перестали выходить) было опубликовано несколько статей, в которых, со ссылками на «беседы с рабочими», «разъяснялось», что большинству трудящихся забастовка навязана коммунистическими агитаторами, что «народ против» [103, с. 127]. Конечно, среди бастующих были и те, кто был вынужден присоединиться к большинству, т. е. «колеблющиеся», были и профсоюзные деятели, на деле мало заботившиеся об интересах рабочих и рассматривающие забастовку лишь как возможность заработать политический капитал [6, с. 207]. Однако даже на эти категории бастующих подобная агитация в те дни подействовать не могла.

Тогда начались аресты, обыски в рабочих кварталах. Поскольку гоминьдановское правительство в Гуанчжоу поддержало забастовку, гонконгские власти прекратили поставки риса в Гуандун, прервали почтовое и телеграфное сообщение, тем самым изолировав юг Китая от внешнего мира. Английские военные корабли подошли к концессии Шамянь и направили орудия на город.

23 июня англо-французский гарнизон Шамяни расстрелял

массовую антиимпериалистическую демонстрацию на улице Шацзи у границ концессии. После кровавой расправы над трудящимися к забастовке присоединились те, кто до этого еще колебался. Прекратилось теплоходное сообщение между Цюлуном и собственно Гонконгом, закрылись почта и телеграф, остановились рыбная и овощная торговля. Бегство китайцев из колонии стало массовым. Ему не могли воспрепятствовать ни увеличение в 4 раза стоимости железнодорожного билета, ни прекращение морского сообщения в Гуанчжоу. Начался антианглийский бойкот [103, с. 128].

Если мелкая и средняя буржуазия сочувствовала рабочим, то компрадоры выступали за скорейшее подавление забастовки, стремились помешать ее успеху. Например, все банки, в том числе и китайские, отказали китайцам в выдаче вкладов [39, с. 62].

Несмотря на сопротивление колонизаторов и их союзников, забастовка продолжала успешно развиваться. 27 июня закрылись рестораны и чайные, парикмахерские и механические мастерские. На следующий день не вышли на работу докеры «Тайгу», подметальщики улиц и ассенизаторы. Гонконг превратился из «ароматного порта» (Сянган) в «зловонный» (Чоуган) [103, с. 131].

Между тем в Гуанчжоу собралось около 130 тыс. рабочих. Часть из них, имевшая родных в сельской местности, рассеялась по деревням, но большинство оставались в городе. Забастовщиками руководил Совет представителей бастующих рабочих в составе 13 человек, возглавлявшийся Су Чжаочжэном. Совет организовал регистрацию рабочих в восьми районах города, общежития, общественные столовые. После переезда бастующих рабочих из Гонконга в Гуанчжоу и создания стачкома антианглийский бойкот стал общеобязательным на территории, управлявшейся Национальным правительством.

Все связи с Гонконгом были прерваны, что в течение недели приносило империалистам такой же ущерб, какой бойкот английских товаров в самом Гуандуне мог бы принести в течение целого года [39, с. 72]. Революционные пикеты контролировали границу с Гонконгом, препятствуя деятельности контрабандистов, нарушавших антианглийский бойкот. По разным оценкам, убытки Гонконга составляли от 2,5 до 7 млн. долл. в день (см. [39, с. 78—79; 19, с. 79]). Значительно сократился внешнеторговый оборот колонии: по сравнению с 1924 г. импорт в 1925 г. уменьшился на 28%, экспорт — на 34, товарооборот с Великобританией — на 28%. Это в первую очередь было связано с прекращением экономических связей с южным Китаем, о чем свидетельствует статистика торговли шелком, основной статьи китайского экспорта. За первую половину 1925 г. Гонконг купил в Гуанчжоу 25 тыс. т шелка, а во второй половине — только 505 т. Число судов, заходивших в гонконгский порт, по сравнению с 1924 г. сократилось в 1925 г.

в 6,5 раза. По приводимым Дэн Чжунся данным, за 18—20 июля 1925 г. в гонконгский порт вошли соответственно 10, 11 и 12 судов в день с грузом 7,4, 5,0 и 15,4 тыс. т, тогда как средний ежедневный показатель на 1924 г. составлял 210 судов со 156 тыс. т груза (таков был результат участия в забастовке примерно 5300 моряков) [65, с. 2—3].

Гонконгские власти и представители крупной буржуазии настаивали на вооруженном вмешательстве для защиты английских торговых интересов и для поддержания имперского престижа. Установка Национального правительства в Гуанчжоу на союз с Советской Россией, союз гоминьдана с компартией вызвали вполне обоснованный страх у колониальной администрации, которая видела в нем залог успешного развития борьбы китайского народа против империализма, за национальное освобождение¹⁸. В июле 1925 г. губернатор Гонконга Р. Стаббс заявил: «Произведенная на нас сторонниками мятежа и анархии атака представляет собой угрозу цивилизации. Несомненно, что мы избраны для нападения... по причине нашей близости к району, где в результате долгого периода войн и отсутствия нормального правительства создалась благоприятная ситуация для роста всех наихудших плодов большевизма, анархизма и коммунизма» (цит. по [39, с. 80]). 15 августа 1925 г. представляющая интересы промышленников и банкиров Ассоциация жителей Гонконга потребовала от властей начала военных действий против Национального правительства в Гуанчжоу как оплота забастовки¹⁹.

Однако правительство Великобритании не решилось на открытую интервенцию, поскольку опасалось обострения противоречий с другими империалистическими державами. Япония и США готовы были использовать любую возможность для ослабления влияния Англии в Китае к выгоде для себя²⁰. Поэтому Лондон ограничился финансовой помощью бизнесменам колонии в размере 3 млн. ф. ст. [103, с. 132].

Тем не менее гонконгские власти и командование гарнизона фактически вступили в вооруженную конфронтацию с Национальным правительством, перехватывая транспорты с продовольствием, направлявшиеся в Гуанчжоу, оказывая с военных кораблей и самолетов поддержку вооруженным антиправительственным бандам в прибрежных районах Гуандуна.

Обострение ситуации в Гуанчжоу после убийства Ляо Чжункая 20 августа 1925 г., а также мятежей, поднятых милитаристами Чэнь Цзюньмином²¹, Дэн Бэньинем и Сюнь Кэу в сентябре — ноябре того же года, ничего не изменило в отношениях между Национальным правительством и Гонконгом.

Вскоре для англичан стало очевидным, что конфронтация не дает результатов, а убытки растут, как снежный ком. В конце сентября в Гуанчжоу прибыла делегация китайских предпринимателей Гонконга для ведения переговоров о прекращении забастовки. Рабочие не отказывались от урегулирования, орган

стачкома «Гунжэньчжи лу» («Рабочий путь») приветствовал прибытие делегации. Однако ее члены не имели официального статуса, который позволил бы им выступать от имени властей колонии, и встреча закончилась ничем [103, с. 134].

Между тем забастовщики к своим прежним требованиям добавили следующие: отменить практику депортации неугодных лиц за пределы Гонконга (она была подкреплена обширным корпусом законодательных актов), прекратить телесные наказания и наказания без суда, разрешить всем бастующим беспрепятственно вернуться на работу с уплатой заработка за период забастовки, освободить арестованных рабочих, возместить рабочим понесенные ими убытки, обязать владельцев предприятий с более чем ста рабочими открыть бесплатные общежития, уволить штрейкбрехеров, допустить свободное обращение китайской национальной валюты в пределах колонии [39, с. 91]. Эти требования, естественно, вызвали лишь дополнительное раздражение в Гонконге и не приблизили момент достижения соглашения. Вплоть до декабря 1925 г. ездили в Гуанчжоу делегации компрадоров из Гонконга, однако компромисс достигнут не был.

С 30 декабря 1925 г. по 2 января 1926 г. проводились переговоры стачкома с представителями гонконгских властей. Англичане отказались рассматривать требования бастующих, выдвигая предварительное условие — прекращение бойкота и забастовки. Провал переговоров привел к новому подъему забастовочного движения. Новые массы рабочих и около 10 тыс торговцев покинули колонию. Губернатор (в октябре 1925 г. Р. Стабса сменил имевший длительный опыт работы в Китае С. Клементи) вторично, после отмены 25 июня, ввел чрезвычайное положение. С. Клементи удалось достичь лишь некоторого улучшения в снабжении продовольствием, поскольку он использовал личные связи с сельскими старейшинами «Новых территорий» [106, с. 14]. Что же касается экономической ситуации в целом, то кризис оставался неразрешенным.

Члены Китайской ассоциации в Лондоне негодовали. В конце января 1926 г. с участием крупных монополистов и банкиров был создан Комитет по решению китайской проблемы. Английский банк перевел «Хуэйфэну» 0,6 млн. ф. ст. для содействия местным коммерсантам. Колониальная администрация добилась от правительства дополнительных мер по укреплению обороны Гонконга [39, с. 105].

21 февраля 1926 г. англичане, в руках которых находился в соответствии с неравноправными договорами контроль над китайскими морскими таможнями, закрыли таможни в Гуанчжоу и Хуанпу, стремясь тем самым парализовать внешнеэкономические связи Гуандуна. Был также расчет и на то, что сопротивление действиям англичан со стороны Национального правительства приведет к коллективному вмешательству держав. Однако международная кампания в поддержку забастовки и ком-

промиссная позиция гуанчжоуского правительства, распорядившегося возвратить конфискованные грузы на таможенную и признавшего за ней право первичного осмотра грузов, исчерпали конфликт.

К весне 1926 г. сложилась ситуация, в которой продолжение забастовки стало исключительно сложным. Национальное правительство готовилось к Северному походу. Для этого требовалось обеспечить безопасный тыл, а при сохранении конфронтации с Гонконгом постоянно присутствовала опасность английской интервенции. Кроме того, национальная буржуазия, удовлетворенная объединением Гуандуна и стабилизацией внутреннего положения в провинции, видела в бастующих угрозу своему положению. Гуандунское крестьянство и торговцы, лишенные возможности торговать с Гонконгом, начали выступать против антианглийского бойкота. Осложнилось и финансовое положение рабочих, несмотря на значительные средства, имевшиеся в его распоряжении, стачком не мог столь долго содержать 150 тыс. человек. А трудоустроить беженцев из Гонконга было не всегда возможно. В то же время английская буржуазия Гонконга смогла преодолеть первые негативные последствия забастовки, завозя рабочих из-за границы. Таким образом бастующие лишались рабочих мест в колонии.

Все эти обстоятельства подготовили решение III Всекитайского съезда профсоюзов от 1 мая 1926 г. о возобновлении переговоров с гонконгскими властями. Переговоры делегации Национального правительства, возглавлявшейся министром иностранных дел Чэнь Южэнем, с англичанами состоялись во второй половине июня 1926 г. и закончились полным провалом.

Китайской стороне не удалось добиться признания Гонконгом ответственности за расстрел на улице Шацзи, согласия англичан на создание международной арбитражной комиссии и возмещение рабочим понесенного ими ущерба.

Англичане, со своей стороны, не смогли использовать переговоры для извлечения новых выгод из отношений с Китаем. Они предложили заем на соединение Гуанчжоу—Ханькоуской и Цзюлун—Гуанчжоуской железной дорог при условии установления английского контроля над этим участком. Британские империалисты давно мечтали о соединении этих дорог, что еще более увеличило бы зависимость китайского рынка от Гонконга и еще более ослабило бы экономические позиции Гуанчжоу. Предложение было отвергнуто китайской стороной (см. [65, с. 29, 31; 103, с. 134]).

Начавшийся 1 июля 1926 г. Северный поход национально-революционной армии развивался успешно. Войска Национального правительства подошли к Янцзы — зоне английского влияния, в сентябре взяли Ханькоу и Ханьян, осадили Учан. В ответ англичане блокировали Гуанчжоу с моря. Возникла угроза империалистической интервенции. В связи с этим 10 октября стачком объявил о прекращении забастовки и бойкота.

Поскольку англичане отказались принять требования рабочих, компенсация бастовавшим выплачивалась Национальным правительством из средств от введенного 11 октября дополнительного внешнеторгового налога в Гуандуне в размере 25% стоимости товаров. В результате каждый забастовщик получил по 100 лянгов — среднюю зарплату простого рабочего за 10 месяцев [103, с. 134].

Гонконг-гуанчжоуская забастовка продолжалась 16 месяцев. Хотя английские империалисты и не пошли на уступки бастующим, значение стачки было велико. Как отмечалось в «Письме Коммунистической партии Китая бастующим рабочим Гонконга и Гуандуна», забастовка помогла гоминьдановскому правительству в борьбе с силами внутренней реакции, укрепила гуандунскую революционную базу, способствовала объединению провинции Гуандун под властью Национального правительства, ослабила экономические позиции Гонконга. Кроме того, возросла организованность рабочего класса, застрельщика и движущей силы антиимпериалистической борьбы, окрепли профсоюзные организации [184, с. 194].

15 апреля 1926 г. в Гуанчжоу при содействии коммунистов прошел I съезд Генерального совета гонконгских профсоюзов. Возникли новые или были реорганизованы отраслевые объединения — служащих иностранных компаний, грузчиков, строителей, текстильщиков, судостроителей, железнодорожников и др.

Кризис и поражение революции в Китае в апреле—июне 1927 г. совпали с началом наступления гонконгских колониальных властей на рабочее движение. В 1927 г. был принят указ «О незаконных забастовках и локаутах», 31 марта запрещен Генеральный совет гонконгских профсоюзов, а 26 мая — Союз матросов. Англичане не смогли, конечно, полностью гарантировать себя от трудовых конфликтов, пока на юге Китая продолжалось революционное движение. В частности, Гонконг не избежал дезорганизующего влияния забастовки моряков пароходства, обслуживающего сообщение между Гуанчжоу, Гонконгом и Макао, которая произошла с 22 июня по 6 июля, и забастовки «Чжаошанцзюй», длившейся с 29 июня по 7 сентября 1927 г. [27, с. 16].

Империалисты не только запрещали революционные профсоюзы, но и стимулировали возникновение традиционных организаций цехового типа, что отбрасывало рабочее движение колонии назад. Кроме того, власти направляли усилия на сокращение коммунистического влияния в рабочей среде. Например, в августе 1928 г. был создан Ассоциированный союз китайских матросов, в задачи которого входило «объединить разнородные массы китайских моряков, очистить их от всех нежелательных элементов, в первую очередь симпатизирующих коммунизму». Союз провозгласил своей целью установление «гармоничных отношений между капиталом и трудом» [325, 24.08.1928].

Наступление реакции в Китае заставило китайских комму-

нистов уйти в глубокое подполье, используя Гонконг в качестве опорной базы. Разрыв единого фронта между гоминьданом и компартией, начало военной конфронтации между ними и поражение наньчанского восстания привели к тому, что во многих районах южного Китая коммунисты стали объектом репрессий. В письме ЦК КПК Гуандунскому комитету партии от 12 октября 1927 г. указывалось, что поражение войск Е Тина и Хэ Луна делает невозможным успешный захват Гуандуна и отступление представляется неизбежным. Для спасения беженцев предлагалось силами Южнокитайского бюро КПК создать убежища в Сямэне, Шаньтоу и Гонконге [7, с. 230]. Исходя из этого можно предположить, что коммунисты располагали в колонии достаточно разветвленной подпольной организацией для выполнения данной задачи.

Однако буквально в течение нескольких дней ситуация резко изменилась. 15 октября в Гонконге под руководством Чжан Тайлэя было проведено объединенное заседание Южнокитайского бюро и Гуандунского комитета партии. Участники заседания проанализировали причины поражения наньчанского восстания и приняли решение о проведении восстания в Гуанчжоу. В его подготовке приняли активное участие ветераны рабочего движения в Гонконге Су Чжаочжэн, Ян Инь и др. [78, с. 69].

Восстание началось в ночь с 10 на 11 декабря 1927 г., и через несколько дней его при поддержке империалистических держав подавили милитаристы. Рабочие Гуанчжоу, руководимые коммунистами, показали в ходе восстания исключительные боевые качества и революционную решимость. Однако силы были неравными. Поражение восстания свидетельствовало о спаде революционной волны. Кантонская коммуна стала последним крупным боем революции 1925—1927 гг.

Спасаясь от расправы, многие участники восстания, коммунисты, либо бежали через Гонконг в другие части Китая, как, например, Е Цзяньин и Хэ Лун [7, с. 236], либо скрылись в самой колонии (мы уже отмечали выше, что при всем своем враждебном отношении к революционерам гонконгская полиция не могла полностью контролировать их деятельность на территории колонии²²). В колонии стали создаваться подпольные общезжития для повстанцев. Большую роль в этой работе сыграл ветеран коммунистического движения в Китае Юнь Дайин. В Гонконг прибыли многие функционеры партии. Для теоретического обобщения опыта борьбы, проведения политических занятий было создано свыше десяти небольших «учебных групп ганьбу» по 10 человек каждая [196, с. 334].

Сложность партийной работы в Гонконге заключалась в том, что английские власти начали сотрудничать с гоминьдановской полицией, выдавая ей на расправу «нежелательные элементы». Для этого в 1927 г. англичане специально внесли поправки в указ «О выдаче китайцев» (см. [22]). И от коммунистов требовалась строжайшая конспирация²³.

Борьбу с предателями вели работники созданного в 1928 г. под руководством Чжоу Эньлая «Особого отдела». Они собирали секретную информацию, ликвидировали предателей, помогали товарищам в беде, словом, обеспечивали безопасность членов партии. В Гонконге эту работу вел Дэн Фа²⁴. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Однажды, когда полицейские было уже приготовились к разгрому подпольной типографии, их заманили в уединенную чайную и перебили без свидетелей [196, с. 354].

Требовалось продолжать и профсоюзную работу, что также запрещалось. Коммунистам удалось внедриться в некоторые профсоюзы и создать там партийные организации. Так, Линь Цзяньюнь стал секретарем партийной ячейки в профсоюзе работников иностранных предприятий, одновременно возглавив партийную организацию Цзюлуна. В целях конспирации в мае 1930 г. он нанялся официантом в Английский военно-морской клуб [177, с. 257]. В мае 1929 г. он стал партийным секретарем Союза рабочих представителей Гонконга²⁵.

В Гонконге работал Гуандунский комитет помощи пострадавшим, взявший на себя посылку передач в тюрьму для арестованных, содействие их семьям, наем адвокатов и пр.

Хотя в целом рабочее движение в Гонконге после поражения революции под нажимом реакции пошло на спад, сохранились подпольные связи с Всекитайской федерацией профсоюзов. Однако процесс восстановления профсоюзного движения и укрепления в нем партийного руководства прервался после того, как под влиянием тогдашнего руководства КПК, возглавлявшегося Ли Лисанем (который ошибочно полагал, что в Китае сложилась непосредственно революционная ситуация), гонконгские коммунисты организовали в начале 1931 г. забастовку. Она потерпела поражение, горком партии был разгромлен. Бежавший весной в Шанхай Линь Цзяньюнь вернулся вскоре для восстановления подпольной партийной сети, но в декабре его снова арестовали и выслали из Гонконга [196, с. 258].

Дальнейшая судьба организации КПК в Гонконге была печальной. Дэн Фа попал в гомиьдановский застенок, Линь Цзяньюня депортировали. В колонии активизировались гомиьдановские агенты, более активными стали и действия против подпольщиков местной полиции. В марте 1931 г. для руководства гуандунской партийной организацией в Гонконг прибыл Цай Хэсэнь, однако уже в июне на него донес полиции предатель Гу Шуньчжан. Английские власти выдали Цай Хэсэня гуандунскому милитаристу Чэнь Цзитану, и он погиб в тюрьме [81, с. 44].

К началу 30-х годов рабочее движение в Гонконге пошло на убыль. Основными причинами этого стали репрессивная политика колониальной администрации, сотрудничавшей с гомиьдановскими карательными органами, а также мировой экономический кризис, вынудивший трудящихся колонии уменьшить ак-

тивность. Начало японской агрессии в Китае еще более снизило потенциал борьбы трудящихся за свои права по причине дальнейшего осложнения экономической ситуации в колонии, снижения уровня жизни и роста безработицы. Коммунисты же, хотя и продолжали сохранять конспиративную организацию в Гонконге, не имели большого влияния в профсоюзах, были лишены практических возможностей активной работы.

Борьба Китая за деколонизацию Гонконга в первой трети XX в.

Необходимо еще остановиться на статусе Гонконга как иностранного владения в Китае в 10—20-е годы, рассмотреть вопрос о том, предпринимались ли с китайской стороны какие-либо попытки вернуть эту территорию под суверенитет Китая.

В ходе патриотического «движения 4 мая» выдвигались многие антиимпериалистические требования, в том числе и о ликвидации концессий и колоний на территории Китая. Еще до этого, в апреле 1919 г. китайский представитель на Версальской конференции передал ее председателю, премьер-министру Франции Ж. Клемансо меморандум с требованием о возвращении концессий, в том числе и «Новых территорий». Пекинское правительство мотивировало свое требование тем, что аренда над «Новыми территориями» была получена силой и лишь для одной цели — поддержания баланса сил между империалистическими державами, боровшимися за раздел Китая. Между тем, отмечалось в меморандуме, английский контроль над «Новыми территориями» наносит вред интересам Китая, его обороне, суверенитету и территориальной целостности.

Следует учесть, что именно в это время британский посланник в Пекине Дж. Джордан выдвинул план возвращения «Новых территорий» Китаю, полагая, что эта «жертва» будет способствовать «решению китайского вопроса». Однако министерство иностранных дел Англии и министерство колоний сразу же отвергли эту «филантропическую фантазию» [114, с. 53, 55]. Более того, британская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы заставить государственного секретаря США Дж. Хэя, известного своей приверженностью «политике открытых дверей» в Китае, признать, что Гонконг и «Новые территории» неразделимы и представляют собой единое целое.

В результате 14 мая 1919 г. китайская делегация получила ничего не значащий ответ Ж. Клемансо о том, что вопрос о «Новых территориях» крайне важен и заслуживает последующего рассмотрения Лигой наций.

12 ноября 1921 г. открылась Вашингтонская конференция, посвященная ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам. На ее заседании 3 декабря посол Китая Гу Вэйцзюнь потребовал отмены концессий. Английский

представитель А. Дж. Бальфур возражал, что Цзюлун и «Новые территории» давно стали частью Гонконга, они исключительно важны для обороны колонии, что соответствует не только интересам Англии, но и всего международного сообщества, поскольку Гонконг — центр торговли в регионе.

Охваченный войнами между кликами милитаристов, практически лишенный единства и крайне ослабленный экономически, Китай, конечно, не мог выступать на равных в отношениях с империалистическими державами. Попытки решить проблемы Гонконга закончились неудачей.

Требование о восстановлении суверенитета Китая над Гонконгом выдвинуло правительство Сунь Ятсена. В декларации I конгресса гоминьдана от 20 января 1924 г. содержался призыв к пересмотру всех неравноправных договоров, наносящих ущерб суверенитету Китая. Реакция империалистов была однозначной — у берегов Гуанчжоу состоялась демонстрация английских и американских военных судов [110, с. 67].

24 июня 1925 г. Национальное правительство в Гуанчжоу предложило державам исчерпать «события 30 мая» путем отказа от неравноправных договоров. Однако не получило ответа на свое предложение.

В связи с завершением Северного похода, разрывом между гоминьданом и компартией и приходом к власти правительства Чан Кайши отношения между Англией и Китаем несколько улучшились. Гонконгская пресса пестрела радостными сообщениями о кровавых расправах над коммунистами в Гуандуне, о резком ухудшении отношений гоминьдановского правительства с Советским Союзом. Правые гоминьдановцы, в свою очередь, осознавали необходимость пойти на уступки британским империалистам. В марте 1928 г. было достигнуто долгожданное для англичан соглашение о соединении Гуанчжоу-Ханькоуской и Цзюлун-Гуанчжоуской железных дорог. Начались контакты между гуандунским провинциальным правительством и гонконгским губернатором С. Клементи.

Он являлся сторонником жесткой политики в отношении Китая и не только не допускал возможности возвращения хотя бы клочка земли из-под английского управления, но и мечтал о расширении «Новых территорий». Следует отметить, что в среде британской колониальной администрации эти планы получили широкое распространение еще в 1909 г. А в 1927 г. С. Клементи безуспешно призывал Лондон к прямому вооруженному давлению на Китай с целью пересмотра договора о «Новых территориях». В ноябре того же года он отправился на встречу с маньчжурским милитаристом Чжан Цзолинем, рассчитывая на его поддержку (и здесь губернатора постигла неудача — японцы устранили генерала в 1928 г.). Последние надежды связывались с передачей Китаю в 1929 г. находившегося под управлением Великобритании порта Вэйхайвэй. Англичане надеялись, что китайское правительство в обмен на это согласится

на территориальные уступки на границе с Гонконгом, что было совершенно обосновательно. Ненавидевший англичан Чан Кай-ши мечтал о возвращении всего Гонконга и ни на минуту не допускал возможности расширения колонии. По поводу возвращения Вэйхайвэя министр иностранных дел Китая Ван Чжэнтин заявил, что «сделан первый шаг к ликвидации всех иностранных концессий в Китае» [107, с. 72—75].

И действительно, в результате переговоров о ликвидации консульской юрисдикции и о возвращении концессий к 25 апреля 1930 г. был решен вопрос о всех иностранных владениях в Китае, кроме оставшихся под властью японцев — Люйда, французов — Гуанчжоуваня, португальцев — Макао и англичан — Гонконга. Империалистические державы пошли на уступки гоминьдановскому режиму, в котором они видели классового союзника. Но даже в этой ситуации англичане не могли отказаться от своей «искусственной жемчужины» — Гонконга.

Россия и Гонконг

Результатом расширения международных связей Гонконга, превращения его в важный региональный торговый и транспортный центр стал рост числа консульских учреждений европейских и американских государств. Было среди них и российское консульство, материалы которого позволяют восстановить некоторые моменты из истории взаимоотношений России с Гонконгом.

Оно было учреждено еще в 1857 г., однако вплоть до начала XX в. обязанности российских консулов выполняли иностранцы. Возможно, создание консульства следует связывать с визитом в колонию в ноябре 1857 г. графа Е. Путятина, прибывшего туда на пароходе «Америка». Он имел переговоры с британским послом Эльджином, являясь гостем американской фирмы «Расселл энд К°» [214, с. 245].

Начиная с 1900 г. в Гонконге функционировало штатное российское консульство. В должности консула служили М. Устинов, К. Бологовский, П. Тидеман и В. фон Эттинген. В обязанности консулов между прочим входила «обязанность внимательно следить за всем происходящим в южных провинциях Китая — Квантунской, Квансийской и Юнь-наньской (т. е. Гуандун, Гуанси и Юньнань. — *П. И.*)... доносить... о всех заслуживающих внимания фактах политической и экономической жизни в этих провинциях» [3, д. 34, л. 63]. Исполняли они и чисто полицейские функции. Так, в феврале 1905 г. в связи со следованием через Гонконг русских пленных из Японии правительство предложило консулу выяснить, есть ли в продаже в колонии «противоправительственные русские издания», и в случае наличия таковых «изъять... путем единовременной, конечно неофициальной, покупки» [3, д. 34, л. 2, 3].

По роду своей непосредственной деятельности русским, как

и другим, консулам приходилось сталкиваться со многими неудобными ситуациями, свойственными для Гонконга тех лет — места, куда стекались многие путешественники²⁶.

Торгово-экономические отношения между Гонконгом и Россией были развиты в начале XX в. весьма слабо. Россия ввозила в колонию «маральи рога для дальнейшего экспорта их в Китай», вывозились преимущественно корица, арахис, растительное масло, имбирь, анис и некоторые другие продукты традиционного китайского экспорта. «Этот экспорт находился в Гонконге почти исключительно в руках германских фирм... причем цены и вообще этот рынок регулировался в Гамбурге» [3, д. 453, л. 5]. Наличие незначительного товарообмена все же побудило Товарищество Добровольного флота включить Гонконг в 1912 г. в число портов срочных заходов по линии Владивосток—Одесса. До этого перевозки производились Русским Восточно-Азиатским пароходством между колонией и Владивостоком. Согласно отчету за 1908 г., из Гонконга в Россию были доставлены мука, рис, анапасы, перец, сахар, джутовые мешки, мануфактурные товары, лес. В обратном направлении — ничего, кроме багажа [3, д. 96, л. 4].

Многие русские предприниматели делали попытки закрепиться на гонконгском рынке. В мае 1909 г. туда прибыл представитель известнейшей ювелирной фирмы «Фаберже» [3, д. 81, л. 39]; Торговый дом «И. Я. Чурин и К^о», специализировавшийся на торговле с Китаем, обратился в августе 1910 г. к «ДМК» и «Баттерфилд энд Суайр» с предложением начать закупки сахара, в мае 1909 г. российский консула просило о содействии в установлении деловых связей Русское торговое общество «Восток» в Одессе [3, д. 81, л. 40]. В апреле 1914 г. в Гонконге был открыт склад Московского Товарищества мануфактуры «Эмиль Циндель» [3, д. 244, л. 2].

Созданный в 1895 г. при участии китайского правительства и возглавлявшийся А. Путиловым Русско-китайский банк с капиталом в 15 млн. рублей и 2 млн. таможенных лянов [3, д. 98, л. 7] с 1909 г. имел свое отделение в Гонконге (впоследствии — в результате объединения с французским капиталом — банк приобрел новое название — Русско-азиатский банк). В ноябре 1912 г. банк стал объектом бойкота со стороны вкладчиков, изъявших в течение одного дня 1 млн. долл. вкладов. Это была организованная акция протеста против русско-монгольского соглашения, по которому царское правительство, стремясь укрепить свое влияние во Внешней Монголии, обещало ее правительству поддержку в борьбе за автономию [3, д. 165, л. 2]. В 1910 г. в Гонконге на базе немецкой фирмы «Мельхерс унд К^о» образовалось представительство крупнейшего русского страхового общества «Россия», капитал и активы которого составляли 7,3 млн. ф. ст. [3, д. 99, л. 7, 9]. Вскоре появилось представительство страхового общества «Русский Ллойд» [3, д. 129, л. 8].

Проявляли интерес к развитию торговых связей с Россией и местные коммерсанты, в том числе китайские. Так, в марте 1917 г. «Гонконг меркантайл К^о», основанная на китайские капиталы и специализировавшаяся в экспорте традиционных китайских товаров, заявила о своем желании торговать с Владивостоком [3, д. 127, л. 57—58]. Однако революционные события и последовавшая вскоре гражданская война не дали развиваться этим начинаниям.

Гонконг имел косвенное отношение к революционным событиям 1917 г. в России. В соответствии с распоряжением министерства иностранных дел Временного правительства от 11 марта 1917 г. российской миссия в Пекине приказала консульству в Гонконге оказывать всемерное содействие русским эмигрантам, возвращавшимся на родину. Правда, уже 1 августа пришло сообщение об отмене «льготного порядка выдачи паспортов на въезд в Россию» политэмигрантам, на чем настоял занявший пост военного министра А. Ф. Керенский. Эта мера мотивировалась «соображениями государственной обороны», а фактически преследовала цель воспрепятствовать возвращению в Россию эмигрантов-революционеров. Тем не менее через Гонконг успели проехать в Россию несколько больших групп русских, в основном из Австралии, по 30—50 человек на каждом судне, прибывшем оттуда весной 1917 г. Среди них был ставший впоследствии крупным деятелем Советского государства Ф. А. Сергеев (Артем), находившийся проездом в колонии в начале третьей декады мая (см. [3, д. 422, л. 2, 47; д. 423, л. 9, 12]). Типичным примером судеб людей, стремившихся домой, явилась история В. М. Царевского, студента Томского технологического института, бежавшего из России в 1906 г., так как ему угрожала тюрьма за «хранение и распространение сочинений, имеющих целью свержение существующего строя». Окончив Электротехнический институт в Тулузе и Ливерпульский университет, он работал инженером по горному делу во Французском Индокитае [3, д. 422, л. 64]. Было среди эмигрантов, однако, много рабочих и крестьян, которым консульство оказывало материальную помощь для возвращения в Россию.

После Великой Октябрьской социалистической революции консульство в Гонконге сразу же заняло резко враждебную новой власти позицию. Консул В. фон Эттинген сыграл немаловажную роль в подавлении революционного выступления матросов на крейсере «Орел». Крейсер вышел в учебное плавание из Владивостока (на борту находились ученики старших классов морского кадетского корпуса — гардемарины) в ноябре 1917 г. К моменту прибытия в Нагасаки матросы разоружили офицеров. В конце декабря 1917 г. «Орел» прибыл в Гонконг. К этому времени общим собранием нижних чинов отряда (вместе с крейсером шли еще два торпедных катера) было «предложено распорядительному комитету отряда взять в свое ведение и наблюдение обучение гардемарин под руководством специали-

стов из матросов, которые бы уничтожили изоляцию гардемарин от команды и содействовали бы усвоению гардемаринами чисто демократических принципов флота» [3, д. 526, л. 2; см. также 3, д. 568, л. 122]. Матросы пытались не дать офицерам воспрепятствовать революционной пропаганде среди кадетов. Имели место кровавые столкновения [3, д. 568, л. 44]. В целом будучи на стороне белогвардейцев, русский консул поспешил прибегнуть к помощи английских властей. Необходимо было действовать быстро, поскольку матросы требовали возвращения на родину, что, как писал консул в Лондон российскому поверенному в делах Набокову, «равносильно преданию растерзанню 40 офицеров, 200 гардемарин, против которых во Владивостоке сильнейшая злоба». При этом он констатировал, что «Орел» еще может быть полезен для белых: «Состояние команды²⁷ благодаря полной отрезанности от России и большевиков пока хорошее» [3, д. 446, л. 7]. На крейсере началась подготовка революционного восстания, которое не состоялось, поскольку командованию при содействии гонконгских властей удалось перевести 350 матросов на английский крейсер и отправить во Владивосток [3, д. 446, л. 12—13]. В конце февраля «Орел», лишенный финансовой поддержки в связи с революцией, ушел в Индокитай, где осуществлял грузовые перевозки, частично по заказу французских властей.

С началом гражданской войны Гонконг стал выполнять роль перевалочного пункта на пути между Европой и центрами белогвардейского движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, в марте 1918 г. «находящийся на английской службе и спешно отправляющийся в Индию» адмирал Колчак проехал через Гонконг, где имел встречу с консулом (см. [3, д. 443, л. 2, 4, 5]).

18 ноября 1918 г. пала омская Директория, попали под арест входившие в ее состав эсеры Авксентьев, Зензинов и Аргунов. Верховным правителем был объявлен Колчак. В начале 1919 г. свергнутые члены Директории проследовали через Гонконг во Францию, получив английскую транзитную визу, несмотря на сопротивление консула, поддерживавшего колчаковский режим (см. [3, д. 451, л. 10, 16, 17]).

Весной 1919 г. через Гонконг проехали посланцы других белогвардейских центров, направлявшиеся к Колчаку. В первой декаде мая в колонии транзитом находились представитель Донского правительства генерал-лейтенант Сычев и «посланный генералом Деникиным в распоряжение Верховного правителя адмирала Колчака» генерал-лейтенант Карцев [3, д. 496, л. 8, 26].

Между тем положение русских в Гонконге резко изменилось уже в начале 1918 г. Под предлогом того, что в России нет центрального правительства, английские власти конфисковали прибывшие в гонконгский порт суда «Тобольск» (его передали «ДМК») и «Индирикка», на которых подняли английский флаг. В связи с заключением Брестского мира представитель гонконгской администрации объявил консулу, что он переходит на по-

ложение представителя нейтрального государства. Заявления о том, что он «не признает действительным пакт, заключенный так называемыми „народными комиссарами“ с вражеским правительством», не были приняты во внимание (см. [3, д. 450, л. 11, 13, 17]).

После начала интервенции и установления сотрудничества между Колчаком и англичанами положение консула временно изменилось к лучшему. «Тобольск» и «Индиگیرку» возвратили переехавшей в эмиграцию дирекции Товарищества Добровольного Флота. Принадлежавшие ему суда в 1920 г. еще курсировали у берегов Дальнего Востока. В октябре 1920 г. на гонконгском рейде стояли «Симферополь», «Пенза», «Тобольск», «Георгий» [3, д. 460, л. 24]. Последней важной акцией белогвардейского представителя в колонии в 1919 г. стала уплата англо-американскому банковскому синдикату («Братья Беринг», «Киддер и Пибоди») займа, полученного ранее Колчаком. Для этого в Гонконг на судах «Орел», «Кимун» и «Телемакус» было доставлено золото, совокупной стоимостью 3,2 млн. ф. ст. и 2,6 млн. долл. (см. [3, д. 458, л. 145, 149, 209—211]).

В декабре 1920 г. российское консульство прекратило свое существование, а консул В. фон Эттинген уехал во Францию, получив от белогвардейского представителя в Токио Крупенского трехмесячное содержание и билет до Марселя в обмен на «подписку об отказе служить большевикам» [3, д. 458, л. 198].

ГОНКОНГ И ВОЙНА

Гонконг и японская агрессия в Китае

Выгодное географическое положение, статус свободного порта и представлявшиеся английскими властями гарантии безопасности предпринимательства — именно эти три обстоятельства позволяли Гонконгу и в 30-е годы оставаться важным центром международной торговли у берегов Южного Китая. Гонконг также символизировал военное присутствие британского империализма на Дальнем Востоке, будучи штаб-квартирой «китайского полка», являвшегося резервом обороны иностранных концессий в Китае.

В то же время в 30-е годы стало особенно очевидным, что процветание Гонконга в значительной степени начинает зависеть от факторов, которые Англия не в состоянии контролировать.

Во-первых, постепенно нарастало могущество Японии на море, что лишало Великобританию возможности эффективно оборонять колонию, являющуюся крайним опорным пунктом ее морских коммуникаций. Расстояние между Гонконгом и военноморской базой в Сингапуре составляло 1500 миль, а от берегов Японии — 1200 миль, не говоря уже о японских войсках на Тайване, от которого до Гонконга было всего 400 миль. К концу десятилетия под японским контролем оказались также порты Индокитая и о-в Хайнань.

На протяжении 30-х годов положение Гонконга становилось все более неустойчивым, все более очевидной становилась практическая неизбежность столкновения Англии с японским милитаризмом.

Во-вторых, свою негативную роль сыграла сильная зависимость экономики Гонконга от торговли, в первую очередь реэкспорта в Китай, а также валютных операций. Мировой экономический кризис, политическая нестабильность в Китае (Гуандун попал под контроль центрального гоминьдановского правительства лишь в 1936 г.), а также мероприятия нанкинского руководства, направленные на всемерное стимулирование местной промышленности (введение после 1929 г. высоких таможенных пошлин на импортируемые товары, в основном текстиль

и продовольствие), способствовали резкому сокращению оборота внешней торговли Гонконга (до 69,9 млн. ф. ст. в 1939 г.) [266, с. 375].

Рассмотрим, что же представлял собой Гонконг накануне оккупации.

В 1931 г. население колонии насчитывало 849,7 тыс., 96,6% которого составляли китайцы. Доходы местных жителей в основном были связаны с торговлей. Значительная часть трудового населения выполняла поденную работу, что угрожало им голодной смертью из-за потери работы в случае войны, экономического кризиса и т. п. В данной связи большинство гонконгских китайцев, за исключением незначительной прослойки крупной и средней буржуазии и интеллигенции, по-прежнему рассматривало колонию как временное место пребывания, где можно неплохо заработать, чтобы потом вернуться домой с деньгами. По данным 1931 г., в центральной части — на острове Гонконг — лишь 6,4% населения прожили 30 лет, 16% — 20 и 38,5% — 10 лет [266, с. 389].

Типичной чертой Гонконга оставался крайне высокий уровень миграции населения. В 1935 г., например, в колонию приехало на жительство 3,35 млн., а уехало 3,4 млн. С начала антияпонской войны ситуация еще более обострилась. В 1938 г. в Гонконге проживало 1,03 млн. и еще 0,6 млн. беженцев. В 30-е годы новым явлением стало увеличение числа китайцев, стремившихся к получению британского подданства, что ранее не наблюдалось. 33% китайского населения в 1931 г. заявили, что родились в Гонконге и имеют право на английский паспорт [266, с. 391]. Это объяснялось прежде всего резким ухудшением ситуации в Китае и стремлением многих китайцев найти убежище от войн, грабежей, конфискации.

В 30-е годы Гонконг по-прежнему выступал в качестве перевалочного пункта внешней торговли¹ провинций Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Гуйчжоу, Хунань, а также Северного Китая. Однако в целом на протяжении десятилетия ежегодный оборот торговли между Китаем и Гонконгом не превышал 50—70 млн. ф. ст., не имея тенденции к значительному росту [266, с. 437].

В то же время, если доля колонии в импорте Китая составляла в 1929—1931 гг. 16,1%, то за 1933—1936 гг. она сократилась с 3,6 до 1,9% [10, т. 3, с. 472]. Объяснением этому могут служить как внутренние факторы (рост протекционизма в политике гоминьдановского правительства, дестабилизация китайской валюты²), так и воздействие мирового экономического кризиса, конкуренция со стороны других империалистических держав, в том числе США, а также Японии, установившей жесткий контроль над рынком оккупированных ею территорий.

С началом антияпонской войны вновь возросла роль Гонконга во внешнеэкономических связях Китая. Если в 1937 г. через

колонию прошло 3% китайского импорта и 12% экспорта, то в 1938 г. уже соответственно 45 и 41,3% [15, с. 213].

Война превратила Гонконг в канал поставок во внутренние районы Китая важных промышленных и продовольственных товаров, в частности производившихся на китайских территориях, захваченных Японией. Хлопчатобумажные изделия, пряжа, бумага, химикаты, медикаменты, сахар снабжались гонконгскими этикетками и отправлялись в Китай (исключением был лишь период октября 1938—июня 1939 г.). В 1938—1941 гг. через Гонконг проходило 1,8% импорта и 14,1% экспорта оккупационной зоны [15, с. 63].

В 1937 г. наконец были соединены Гуанчжоу—Ханькоуская и Цзюлун—Гуанчжоуская железные дороги. В связи с этим возросло значение последней. Хотя она и постоянно подвергалась бомбардировкам японской авиации, но функционировала вплоть до оккупации Гуанчжоу в октябре 1938 г. Лишь после того, как Япония летом 1939 г. блокировала все порты Южного Китая, торговля в Гонконге значительно сократилась.

Однако отправка оружия продолжалась до января 1940 г. (до заключения соответствующего японо-английского соглашения). Когда срок моратория на поставки истек, японская сторона 24 июня 1940 г. вновь потребовала прекратить их. В результате 17 июля 1940 г. соглашение о временном прекращении вывоза из Гонконга в Китай военных материалов было продлено «на будущее» [47, с. 104, 105].

Значение китайского рынка для гонконгской торговли, все еще оставаясь значительным, постепенно сокращалось (табл. 2). Не в последнюю очередь это было связано с упадком англо-китайской торговли вообще. Великобритания во внешней торговле Китая отошла на четвертое место: ее обогнали США, Япония и Германия. Последняя исключительно успешно развивала свой экспорт в Китай, в том числе через Гонконг. Немецкие предприниматели заняли ведущие позиции в таких приоритетных для гоминьдановского правительства (а следовательно, для реэкспорта Гонконгом) в те годы сферах, как поставки промышленного оборудования и самолетов, продукции химической промышленности. Импорт из Японии в Гонконг в начале 30-х годов временно уменьшился в результате бойкота со стороны китайских предпринимателей в знак протеста против оккупации Маньчжурии. Однако вскоре ситуация изменилась, причем настолько, что в 1936 г. из Японии и оккупированных ею районов Северного Китая поступало 95% гонконгского импорта хлопчатобумажных тканей, а из Англии всего лишь 2% (!) [266, с. 446]. Иными словами, рынок текстиля в Гонконге оказался практически монополизированным Японией.

Торговля Гонконга с метрополией резко сократилась. Импорт британских товаров составлял в 1924 г. 9,4 млн. ф. ст., в 1931 г.—4,2 млн., а в 1938 уже всего лишь 3,5 млн. ф. ст.

В целом 1937—1940 годы были весьма неблагоприятными

Структура внешней торговли Гонконга в 30-е годы*,

Страна, территория	1931 г.		1934 г.		1936 г.		1938 г.	
	Экс-порт	Импорт	Экс-порт	Импорт	Экс-порт	Импорт	Экс-порт	Импорт
Китай	54,2	26,9	48,0	35,2	42,7	33,6	45,1	37,0
Макао	4,7	—	5,3	—	3,7	—	4,1	—
Гуанчжоувань	3,4	—	2,5	—	3,0	—	1,9	—
Япония	5,0	9,3	3,5	8,8	5,1	12,8	2,6	3,7
Голландская Ост-Индия	2,6	10,9	2,6	8,3	3,3	8,5	2,0	6,6
Англия	0,9	10,6	2,0	7,8	3,8	6,4	4,1	9,1
Британские колонии и доминионы	10,6	5,1	12,2	7,0	13,7	4,9	12,2	8,1
США	3,7	7,8	5,7	7,1	8,1	7,1	10,2	8,8
Индокитай	6,2	7,1	7,4	6,8	5,0	5,7	4,9	5,6
Таиланд	4,2	6,4	4,5	8,0	4,1	6,6	3,1	5,9
Филиппины	—	—	1,6	—	3,3	—	1,9	—
Германия	—	5,1	—	3,3	—	5,2	—	6,3
Прочие	4,5	10,8	4,7	8,2	4,2	9,2	7,9	8,9

* Составлено по [22].

для торговли колонии, уменьшившейся с 1767,8 млн. до 1374,6 млн. гонк. долл. Соответственно сократился и грузооборот порта (в 1939 г. на 20% по сравнению с 1927 г.).

Выживанию гонконгской экономики способствовало развитие местной промышленности при участии китайского капитала и дешевой рабочей силы — беженцев (см. [66, с. 60, 62]).

Бегство китайской буржуазии в Гонконг имело следствием увеличение числа промышленных предприятий в 1937—1939 гг. с 769 до 1024, а если принять во внимание и незарегистрированные, то до 2000 [66, с. 62]. Основными отраслями производства были текстильная, резиновая, электротехническая, фармацевтическая, парфюмерная и консервная промышленность. За исключением консервированного имбиря, вся продукция предназначалась для китайского рынка.

Возникновение ряда препятствий в торговле с Китаем вынуждало гонконгских промышленников искать выходы на рынки Юго-Восточной Азии. Однако такие возможности сокращались по мере усиления японской экспансии. Весьма существенную роль в поддержке местной промышленности сыграли введенные в 1932 г. имперские преференции, предоставлявшие внутри Британской империи налоговые льготы товарам, произведенным на ее территории.

Все сказанное относится к проблемам китайской буржуазии Гонконга. Интересы английских предпринимателей были по-прежнему в первую очередь связаны с транспортным обслужи-

ванием и финансами. Из отраслей промышленности, где господствовали англичане, вплоть до оккупации процветали судостроение и судоремонт. Снизилось производство сахара (из-за роста пошлин в Китае) и цемента (из-за японской конкуренции).

Но не промышленность и не торговля в конечном счете определяли судьбу Гонконга. Главным фактором стабильности оставалась финансово-валютная система колонии, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (на 1936 г.) [10, т. 2, с. 254]:

	Число крупнейших фирм	Стоимость основных фондов, млн. гонк. долл.	Оборотные средства, млн. гонк. долл.
Промышленность	12	10,33	33,89
Коммунальное обслуживание	7	24,94	38,63
Водный транспорт	5	9,97	17,43
Финансы	5	33,54	1164,73
Торговля	32	40,75	40,51
Прочие	8	29,48	50,05

Гонконгские банки представляли собой весьма влиятельную силу, значение которой в военные годы только росло. Гонконг-Шанхайская банковская корпорация получила огромные прибыли, предоставив убежище «беженским капиталам». Кроме того, банк вновь начал финансировать китайское правительство. В 1939 г. с участием «Хуэйфэна», Чартерного банка, Банка Китая и Банка коммуникаций был создан Китайско-британский стабилизационный совет, предоставивший Чан Кайши заем в 10 млн. ф. ст. В 1941 г. образовался трехсторонний Китайско-британско-американский стабилизационный совет, выдавший гоминьдановскому правительству 50 млн. долл. и 5 млн. ф. ст. [216, т. 3, с. 66].

Отличие от гонконгских банков и крупных компаний правительство колонии испытывало на протяжении 30-х годов серьезные финансовые трудности. Налогообложение в Гонконге было одним из самых низких в Британской империи, что диктовалось необходимостью поддержания статуса открытого порта. Кроме налогов, из которых косвенные распространялись только на вина и табак, горючее и автомобили, произведенные за пределами Британской империи, администрация извлекала средства из продажи права пользования земельными участками, монополии на торговлю опиумом и эксплуатации английской части Цзюлун—Гуанчжоуской железной дороги. Вследствие кризиса доходы правительства упали с 33 млн. ф. ст. в 1931—1932 гг. до 28—29 млн. ф. ст. в 1934—1935 гг. [266, с. 424]. В 1937—1938 гг. произошел лишь временный рост налоговых поступлений, связанный как с увеличением экспорта в Китай, так и с прибытием в колонию большого числа китайских пред-

принимателей и банкиров, обладавших огромными средствами.

В расходах правительства (по данным на 1938 г.) главное место занимала оплата аппарата управления (17,31%), строительство (15,93%), содержание полиции, судов, пожарной команды и проч. (14,56%). Значительные суммы переводились в Лондон на нужды имперской обороны (18,54%). Расходы же на образование и здравоохранение соответственно составляли 5,7 и 9,67% [266, с. 428—429]. Постоянные затруднения испытывал Гонконгский университет, которому власти предоставляли незначительную дотацию (в 30-е годы выяснилось, что университет не выполняет поставленной перед ним задачи, поскольку в отличие от планов его основателей более 40% выпускников не уезжали работать в Китай, а оставались в колонии, пополняя ряды безработной интеллигенции, что даже вынудило правительство расширить число мест в колониальной администрации, которые могли занимать лица китайской национальности).

Значительных усилий требовали борьба с антисанитарией и налаживание регулярного водоснабжения. Несмотря на строительство резервуаров питьевой воды (в 1904, 1906, 1907, 1908, 1911, 1925 гг.), в 1932 г. пришлось из-за нехватки воды установить водопроводные счетчики. В 1930 г. Гонконг соединили подводным водопроводом с материком, в 1937 г. закончилось строительство резервуара Чэнмэн, что, казалось, могло привести к полному обеспечению водой. Однако приток беженцев, вызванный японской агрессией в Китае, свел на нет и эти усилия.

События 30-х годов в Китае и на Дальнем Востоке в целом еще раз послужили свидетельством паразитического характера существования Гонконга. Колония по-прежнему зависела от китайской экономики. Так, кризисные явления в Китае, в частности разруха, вызванная войной, нанесли удар по ее торговле, а бегство капиталов из оккупированных районов вызвало временное лихорадочное оживление хозяйственной жизни. Однако перспективы на будущее оставались крайне неблагоприятными. Контакты с Китаем в период японской агрессии становились все более ограниченными. В то же время не удавалось наладить экономические связи с другими странами региона, поскольку Япония монополизировала рынки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Банковская система еще продолжала успешно функционировать как символ былого процветания, но долго паразитировать на прошлом было невозможно. Гонконг превратился к началу 40-х годов в остров соковищ в море войны.

**Движение за укрепление
антияпонского национального единого фронта**

После падения Шанхая и в связи с переездом гоминьдановского правительства в Чунцин Гонконг стал выполнять для Ки-

тая роль «окна в мир». Кроме того, в 1937 г. туда из Шанхая переселились многие видные политические и общественные деятели, развернулась антияпонская пропаганда. Из Шанхая приехали в Гонконг вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, выдающийся педагог Цай Юаньпэй, вдова лидера левых гоминьдановцев Ляо Чжункая Хэ Сянин, прогрессивный журналист Цзоу Таофэнь, историк и видный общественный деятель Го Можо и др.

В июне 1938 г. в Гонконге была обнародована «Декларация о создании Лиги защиты Китая». Председателем Лиги стала Сун Цинлин, президентом — Сун Цзывэнь (тогда управляющий Банком Китая). Фактически работой руководил сын Ляо Чжункая, коммунист Ляо Чэнчжи [117, с. 51]. Организаторы Лиги поставили цель при помощи пропаганды, а также за счет личных связей собирать денежные средства для оказания материальной помощи фронту, в первую очередь 8-й и Новой 4-й армиям. Была организована кампания по спасению сирот войны, для чего в Гонконге открыли бесплатные столовые.

Лига защиты Китая решительно выступала за укрепление единого национального фронта сопротивления японской агрессии. В связи с этим Сун Цинлин и ее сторонники выступали за активную помощь партизанам и вооруженным силам КПК. Свои взгляды деятели Лиги пролагандировали в издававшихся 2 раза в месяц на английском и китайском языках «Известиях Лиги защиты Китая» (см. [125]). В течение первого года своей деятельности Лига собрала 250 тыс. гонк. долл. (80 тыс. ам. долл.) (см. [125, с. 2, 6, 10]).

Критика пораженческой позиции Чан Кайши, прояпонской политики министра обороны Китая Хэ Инциня, широкая пропаганда успехов 8-й и Новой 4-й армий создали Лиге защиты Китая репутацию прокоммунистической организации, которую спасало от разгрома лишь то, что ее возглавляла вдова Сунь Ятсена. Местная гонконгская печать игнорировала ее деятельность. Так, выступление Сун Цинлин 8 марта 1939 г. по случаю Международного женского дня, в котором она призывала международное сообщество к более действенной помощи борющемуся Китаю и указывала на неизбежность падения Гонконга в случае дальнейшего развития японской экспансии в Китае, не нашло отражения в газетах того времени [124, с. 110—111]. Незадолго до начала войны на Тихом океане отношения между Лигой и гоминьданом значительно ухудшились. 30 мая 1941 г. Сун Цзывэнь заявил в Вашингтоне о своем выходе из состава Лиги в связи с тем, что она приобрела слишком явную прокоммунистическую ориентацию, что не устраивало окружение Чан Кайши.

Следует отметить, что подобная оценка Лиги не была безосновательной. Вице-президент Академии медицинских наук КНР, а в прошлом начальник санчасти Новой 4-й армии Чэн Цичжэнь вспоминал, как зимой 1939 г. по дороге из Чунцина в Яньань он и командующий армией Е Тин встречались в Гон-

конге с Сун Цинлин и обсуждали пути расширения помощи силам КПК (см. [125, с. 70—73]).

Уже в середине 30-х годов Гонконг стал убежищем для оппозиционных Чан Кайши политических деятелей. Так, в 1935 г. представителем «третьей партии», занимавшей промежуточную позицию между гоминьданом и КПК, Чжан Боцзюнь и Пэн Цзэминь создали Временный комитет действия гоминьдана (переименованный впоследствии в Комитет действия по национальному освобождению Китая) [312, 11.01.1986], который поддержал декларацию КПК от 1 августа о совместной с гоминьданом борьбе против Японии. В деятельности комитета участвовали такие видные политические фигуры, как милитарист Фэн Юйсян, а также деятели созданного в провинции Фуцзянь в 1933—1934 гг. Народно-революционного правительства Китайской республики, выступавшего за демократизацию Китая и сопротивление японской агрессии и разгромленного гоминьданом,— генералы Ли Цзишэнь, Цай Тинкай и Чэнь Миншу, бывший министр иностранных дел Китая Чэнь Южэнь и другие [162, с. 439]. На средства Цай Тинкая началось издание прогрессивной газеты «Дачжун жибао». В 1935 г. они создали в Гонконге Народно-революционную лигу Китая, просуществовавшую до 1937 г.

С апреля по июль 1936 г. в колонии находился прогрессивный демократический деятель, организатор издательства «Шэнхо шудянь» Цзоу Таофэнь. Он зарегистрировал в колонии газету «Шэнхо жибао», изданием которой руководил Цзинь Чжунхуа [119, с. 84—86]. В качестве полиграфической базы использовалась типография Цай Тинкая.

Вскоре «Шэнхо жибао» опубликовала письмо Цзоу Таофэню от Лю Шаоци (под псевдонимом Мо Вэньхуа) от 29 мая 1936 г. В письме выражалась надежда, что газета будет способствовать укреплению единого фронта и борьбе за освобождение Китая. И действительно, уже в июне 1936 г. газета активно выступила в поддержку идеи единого фронта во время «сианьского инцидента». «Шэнхо жибао» пользовалась значительной популярностью в Гонконге. Только еженедельное приложение к ней — «Шэнхо жибао синци цзэнкань» — выходило тиражом 20 тыс. экземпляров.

Милитаристы Южного Китая видели в Цзоу Таофэне деятеля с большим влиянием в стране. Председатель гуандунского правительства Чэнь Цзитан, гуансийские милитаристы Ли Цзунжэнь и Бай Чунси направляли к нему в Гонконг своих представителей с предложениями сотрудничества в борьбе за свержение Чан Кайши и укрепление антияпонского единого фронта.

Вместе с публицистом Ху Юйчжи, который пропагандировал идеи единого фронта в странах Юго-Восточной Азии, журналистами Цзинь Чжунхуа и Лю Ши Цзоу Таофэнь и Тао Синчжи³ составили документ под названием «Некоторые основные условия и минимальные требования солидарности в борьбе про-

тив уничтожения», который был отправлен в Шанхай в Общество спасения государства (см. [165, с. 88—91]). Вскоре по предложению компартии газета Цзоу Таофэня была переведена в Шанхай, а в Гонконге продолжал издаваться еженедельник «Шэнхо жибао чжоукань».

После падения Шанхая в Гонконг переселился ветеран революционного движения Пань Ханьянь, который, находясь вне компартии, тем не менее поддерживал связь с Хуайнаньским и Субэйским освободительными районами, куда он передавал собираемую в Гонконге секретную информацию о деятельности японцев и марионеточного правительства Ван Цзинвэя. Кроме того, жена Пань Ханьяня, будучи дочерью гонконгского банкира, помогала доставать средства для партии (см. [312, 23.11.1982; 137]).

В январе 1938 г. для организации работы КПК в Гонконге прибыл Ляо Чэнчжи. К тому времени в колонии уже находились его мать Хэ Сяньин и будущая жена Цзинь Пучунь. По воспоминаниям последней, Ляо Чэнчжи активно занимался формированием подпольной организации, финансовыми вопросами и т. п. (см. [163]).

Ляо Чэнчжи создал в Гонконге канцелярию 8-й армии, занимался переправкой в Ухань и Чунцин закупленных для 4-й Новой и 8-й армий машин, одежды и медикаментов. Английские власти не препятствовали деятельности канцелярии, поскольку в те годы гоминьдан и КПК официально сотрудничали. Чжоу Эньлай специально просил английского посла в Чунцине Керра передать губернатору Гонконга пожелание о содействии Ляо Чэнчжи в его работе. Канцелярия действовала под вывеской «Юэхуа гунсы» («Гуандунская компания») (см. [117, с. 24, 27, 32]).

После начала антияпонской войны в Гонконг переселились многие патриотически настроенные деятели культуры. Из Шанхая в 1938 г. были перемещены сюда издававшийся писателем Мао Дунем журнал «Вэньи чжэньди», популярная газета «Либао» (в Гонконге стала выходить как «Гуанмин бао»), главным редактором которой был известный журналист Са Кунляо. Приложение к этой газете, называвшееся «Яньлинь», также редактировалось Мао Дунем. Под руководством Тао Синчжи в 1938 г. начала свою работу вечерняя школа «Чжунхуа» в Цзюлуэ. В школе преподавали обществоведение, экономику, литературу, журналистику, театроведение, иностранные языки. Среди лекторов были Цзинь Чжунхуа, Лю Сыму, Тань Сывэнь (специальность всех троих — журналистика и обществоведение), Мао Дунь (литература) (см. [72, с. 2, 3, 28]). В 1940—1941 гг. в Гонконг перенесло свою деятельность крупнейшее издательство Китая «Шаньу иньшугуань». Туда же была вывезена библиотека Пекинского университета.

Большую работу по пропаганде идей марксизма и политики единого фронта вел партийный публицист Цяо Гуаньхуа,

ежедневно печатавший политические обзоры в газете «Шиши ваньбао», преподававший в Гонконгском товариществе вечернего образования («Сянган еой лянъишэ»), созданном из молодых служащих — беженцев из Шанхая. Цяо Гуаньхуа активно участвовал в работе гонконгского отделения Всекитайской ассоциации работников культуры по сопротивлению врагу [147, с. 185].

Огромный вклад в патриотическое движение внес профессор Сюй Дишань. Изгнанный за прогрессивные взгляды из Яньцзиньского университета в Пекине, в 1935 г. он стал главным профессором Школы китайского языка при Гонконгском университете. Он ввел отдельное преподавание истории, философии и литературы Китая, боролся с традициями этого учебного заведения, о котором Лу Синь сказал: «Школа абсолютно рабского образования».

До своей смерти в 1941 г. Сюй Дишань руководил Гонконгской англо-китайской культурной ассоциацией и Гонконгским отделением Всекитайской ассоциации работников культуры за сопротивление врагу (см. [127]). Он принимал активное участие в работе Научного общества новой письменности, учрежденного в 1939 г. и являвшегося одним из конспиративных центров работы КПК в Гонконге.

В 1938 г. в Гонконге состоялась антияпонская выставка произведений художников Чжан Гуанчжоу, Чэнь Яньцяо, Ли Бинхуна и Е Цяньюй. Известный карикатурист Дин Цун издавал в колонии антияпонский иллюстрированный журнал «Лянъю хуабao» [299, 02.07.1985]. В 1937—1938 гг. киностудии Гонконга сняли целый ряд патриотических фильмов о войне, призывавших к сопротивлению врагу⁴.

Вообще говоря, в Гонконге тех лет были представлены китайские политические группировки всех направлений. В начале 1939 г. Тао Сишэн, профессор, ставший впоследствии идеологом гоминьдана, и один из лидеров группировки реорганизационистов, Чжоу Фохай, организовали кампанию в поддержку соглашательской позиции Ван Цзинвэя, выступавшего за примирение с Японией. После создания марионеточного правительства в Нанкине Тао Сишэн стал начальником отдела пропаганды ванцинвэевского гоминьдана. Разочаровавшись в своем патроне, заключившем с японцами договор, практически превращавший Китай в колонию Японии, Тао Сишэн бежал в январе 1940 г. в Гонконг (в чем ему помог глава шанхайской мафии Ду Юэшэн), где и обнародовал текст секретного соглашения. До своего бегства в Чунцин после японской оккупации колонии он издавал в Гонконге еженедельник «Гоцзи тунсюнь».

Наконец, высокопоставленные гоминьдановские деятели просто приезжали в Гонконг, чтобы отвлечься от тягостей военного быта в Чунцине, повстречаться с оппозиционными лидерами, а может быть, и с представителями Японии или режима Ван Цзинвэя, с дипломатами держав. Так, с апреля 1940 до конца 1941 г.

в колонии находились Сун Мэйлин и ее старшая сестра Сун Айлин, супруга банкира Кун Сянси [216, т. 3, с. 145].

Гоминьдановское правительство широко использовало Гонконг для приобретения военных материалов и сбора информации. Го Можо, который в 1938 г. был сотрудником гоминьдановского политуправления, вспоминал, что на средства, составлявшиеся из пожертвований частных лиц, политуправление производило в Гонконге закупки медикаментов, автомобилей и проч. [43, с. 85]. Гонконгским отделением китайского Красного Креста и валютными операциями гоминьдановских правительственных учреждений в Гонконге заведовал Ду Юэшэн и его подручные, что приносило им немалые барыши (см. [216, т. 3, с. 249, 252]).

Гонконг имел для Чан Кайши огромное значение с точки зрения приобретения сведений о политических противниках и проведения секретных операций. Именно там были схвачены участники неудавшегося в ноябре 1935 г. покушения на Ван Цзинвэя и Чан Кайши, организованного шанхайской мафией. В Гонконге же была завербована Цзинь Шисинь, жена главаря анхойской мафии в Шанхае Ван Яцяо (она помогла гоминьдановским агентам ликвидировать его в январе 1944 г.). Через гонконгскую агентуру был обезврежен восставший против Чан Кайши в июне 1936 г. «король Южного Китая» Чэнь Цэитан, которого предала вся его авиация, подкупленная гоминьдановскими спецслужбами (см. [194, с. 12, 134, 188]).

Деятельностью китайской разведки в Гонконге руководили представитель гоминьдана в Гонконге и Макао У Тэчэн и генерал-майор Ван Синьхэн, в свое время учившийся вместе с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго в университете им. Сунь Ятсена в Москве. Штаб-квартира *цзюньтуна* (военного статистического бюро, так называлась военная спецслужба Чан Кайши) действовала в колонии под вывеской «Юго-западного транспортного бюро». Среди наиболее крупных гоминьдановских агентов в Гонконге в те годы следует упомянуть выпускников военной школы Хуанпу Лянь Моу, в свое время высланного английскими властями из Сингапура за чрезмерно активную антианглийскую пропаганду среди местных китайцев, и Го Биня, избравшего центром своей разведывательной работы русский белоэмигрантский бар в Цзюлуэ (см. [59; 66, с. 323]). Незадолго до японской оккупации побывал в Гонконге сам глава *цзюньтуна* Дай Ли (или Дай Юйчун). К этому времени в руках английских властей оказалась информация о том, что по распоряжению Дай Ли в Гонконге была установлена направленная против японцев разведывательная радиостанция. Дай Ли арестовали сразу же по прибытии в аэропорт Кайтак. Понадобилось вмешательство Сун Цзывэня, занимавшего тогда пост премьер-министра Китая, чтобы шеф разведки был освобожден.

Колония являлась полем пропагандистских сражений гоминьдана, представленного в Гонконге газетой «Миньго жибао»

(главный редактор Тао Байчуань), с внутренней оппозицией и внешним врагом. Там же издавалась прояпонская газета «Сянган жибао», функционировало информационное агентство «Домэй». Марионеточное правительство в Нанкине содержало отделение агентства «Тунсюнь шэ» и газеты «Наньхуа жибао», «Синьвань бао», «Тяньинь жибао».

С января 1941 г. в Гонконге особенно активизировались оппозиционные гоминьдану силы. Переезд в колонию большого числа политических и общественных деятелей, связанных с КПК, стал последствием событий на юге пров. Аньхой. В январе 1941 г. там произошли столкновения гоминьдановских войск с 4-й Новой армией, а за этим последовало ухудшение положения коммунистов и их союзников в Чунцине и других городах Китая. В связи с этим Чжоу Эньлай отдал распоряжение о переезде группы прогрессивных деятелей в Гонконг.

Вместе с известным литературным критиком Ху Фэном тайно бежал из Чунцина Цзоу Таофэнь. Он не сразу смог развернуть издательскую деятельность [82, с. 151], поскольку гонконгские власти, опасаясь, что чрезмерная активизация оппозиции вызовет недовольство Чан Кайши, создали множество бюрократических препятствий для беженцев, желавших издавать газеты в колонии. Лишь к маю 1941 г. удалось возобновить в Гонконге издание газеты «Дачжун шэнхо», в которой активно сотрудничали Цзинь Чжунхуа и Цяо Гуаньхуа, а Мао Дунь начал там печатать роман «Распад», в котором разоблачались репрессии гоминьдановского режима. Цзоу Таофэнь и его соратники пропагандировали идеи единого антияпонского национального фронта, критиковали сторонников примирения с Японией и ее марионетками. Их позиция была четко сформулирована в подписанном девятью представителями Общества спасения государства заявлении от 29 мая 1941 г. «Наша позиция и требования в отношении государственных дел». Именно под руководством Цзоу Таофэня в Гонконге развернул свою деятельность рабочий комитет Общества спасения государства (см. [298, 2.03.1986; 141, с. 132, 134—136]).

Прибытие в Гонконг большой группы деятелей единого фронта поставило перед местной подпольной партийной организацией (руководитель Лян Гуань) и главой парторганизации южного Гуандуна Ляо Чэнчжи совершенно новые задачи. Во-первых, беженцев нужно было устроить в Гонконге, обеспечив работой. В этом активное участие принимала видная деятельница женского движения в Китае Хань Ютун. Во-вторых, силы большой группы писателей, журналистов, художников предстояло направить в русло борьбы против японской агрессии, за освобождение Китая, за укрепление единого фронта [298, 02.03.1986].

Ситуация сложилась так, что многие беженцы, подобно Цзоу Таофэню, начали издавать свои журналы и газеты: Мао Дунь — двухнедельник «Битань», журнал «Вэньи чжэньди»,

Чжан Минъян — «Шицзе чжиши», Чжан Тешэн — «Циннянь чжиши», Ма Голян — «Дади хуабао», Ю Фэн — «Гэнъюнь» (см. [66, с. 285; 134, с. 154—161]). В то же время КПК не имела в Гонконге своего печатного органа. Выпуск же такой газеты был просто необходим, поскольку гоминьдановские власти запретили пропагандировавшие идеи единого общенационального фронта и издававшиеся непосредственно в Китае газеты «Цзюван жибао» и «Синьхуа жибао».

При участии Ляо Чэнчжи, писателя-коммуниста Ся Яня, публицистов Цяо Гуаньхуа и Цзинь Чжунхуа, юриста Чжан Ююя и журналиста-международника Фань Чанцзяна началось издание газеты «Хуашан бао». Партии не хвагало средств на содержание этого издания. Деньги вскоре были получены от крупного сингапурского капиталиста-хуацяо Чэнь Цзягэна, который пожертвовал 200 тыс. гонк. долл. (см. [66, с. 285; 299, 02.08.1985]).

Китайская пресса Гонконга в отличие от английской жестко цензурировалась. Было запрещено обозначать Японию иероглифом «ди» — враг, называть марионеточное правительство Ван Цзинвэя «предателями родины» и т. п. [121, с. 26, 50]. Чтобы пройти через бюрократические и цензурные препоны, «Хуашан бао» зарегистрировали как издание, отражающее интересы торгово-промышленных слоев колонии. Ее номинальным владельцем стал гонконгский предприниматель Дэн Вэньцзянь. Официально «Хуашан бао» начала выходить 8 апреля 1941 г.

Постепенно в работу редакции включились прибывшие в Гонконг из Гуйлина сотрудники «Цзюван жибао», выдающийся литературовед и переводчик Гэ Баоцюань, а также драматург Сун Чжиди, Юй Лин и др.

Сторонники единого фронта в Гонконге поддерживали тесные связи со следовавшими проездом единомышленниками из Юго-Восточной Азии, где они вели патриотическую пропаганду среди китайской эмиграции (в Гонконге, в частности, побывали Ху Юйчжи, сотрудничавший в сингапурской «Наньян шанбао», Линь Линь и Чжан Миньсы, работавшие в китайских газетах на Филиппинах) (см. [298, 23.01.1986; 134, с. 158]).

Коммунисты, находившиеся в Гонконге, поддерживали постоянный контакт с партизанскими отрядами, действовавшими в бассейне реки Дунцзян (командиры Цзэн Шэн и Ван Цзяо, политкомиссар Линь Пин). При содействии Ляо Чэнчжи в Гонконге печатался партизанский журнал «Дунвэй» и редактировавшееся самим Ляо издание «Канчжань дасюэ» [117, с. 48].

В 1940—1941 гг. ощущение взрывоопасности ситуации вокруг Гонконга становилось все отчетливее. Печать открыто начала выступать в поддержку борьбы Китая против Японии. Жители Гонконга проводили необъявленный бойкот японских товаров. В колонии распространялись облигации военного займа чунцинского правительства. Там было создано в 1941 г. Общество хуацяо за экономическую реконструкцию, проводившее

сбор средств в помощь Китаю (см. [66, с. 57; 325, 23.04.1941].

В Гонконге находилась группа противников вишистского правительства Франции, объединившихся в Свободный французский легион. В феврале 1941 г. Гонконг посетил специальный представитель генерала де Голля Г. де Шомпре [325, 21.02.1941]. Колония служила для этих людей убежищем от репрессий со стороны вишистов и японцев.

Между тем волна японской агрессии стремительно продвигалась на юг.

Японская оккупация колонии

Распространение японской оккупации на юге Китая заставило гонконгскую колониальную администрацию всерьез взглянуть на перспективу вооруженного столкновения с Японией. Реалистически оценивая возможный исход боевых действий, губернатор Гонконга Дж. Норткот обратился в октябре 1940 г. в Лондон с просьбой вывести из колонии гарнизон, присутствие которого спровоцировало бы особую жестокость японского нападения и «привело лишь к истреблению мирного населения и разрушению собственности» [238, с. 5]. Подобным же образом оценивали ситуацию и некоторые высокопоставленные чиновники в Лондоне. Начальник генерального штаба Х. Измэй заявил в 1940 г. на заседании в министерстве обороны, что бесполезно пытаться оборонять Гонконг. Сходной точки зрения придерживался и премьер-министр У. Черчилль, отмечавший 7 января 1941 г., что ошибаются те, кто считает возможной сколько-нибудь длительную оборону колонии. Он полагал, что усилением гарнизона не остановить Японию, если она примет решение о нападении. «Сократить гарнизон до символических размеров», — таков был вывод [238, с. 6].

Между тем военные власти Гонконга как могли готовились к отпору врага. В 1938 г. было начато строительство оборонительных укреплений в «Новых территориях», продиктованное скорее увлечением главнокомандующего генерал-майора Э. Грассетта идеей «линии Мажино», нежели реальными нуждами и возможностями колонии. Строительство не закончилось, поскольку выяснилось, что в Гонконге недостаточно войск для удержания фортификаций в случае вооруженного конфликта [238, с. 38].

В апреле 1940 г. были приняты дополнения к указу о чрезвычайных полномочиях администрации во время обороны колонии, касавшиеся прежде всего борьбы с саботажем, введения комендантского часа, пропускной системы, создания специально охраняемых зон, прежде всего в районе объектов стратегического значения (порта, аэродромов и т. п.). Развернулась деятельность Добровольческого корпуса обороны Гонконга, который постоянно проводил военные учения (в него призвали

всех европейцев в возрасте от 18 до 41 года). Строилось значительное число бомбоубежищ. В начале 1940 г. Комитет налоговых поступлений военного времени постановил увеличить налог на недвижимость на 5%, подоходный на 4—10%. В результате власти увеличили свои доходы на 6 млн. гонк. долл. ($\frac{2}{3}$ этой суммы приходилось переводить в Лондон, а оставшаяся часть использовалась в Гонконге) [66, с. 53].

Несмотря на то что японская артиллерия в 1940 г. активно обстреливала приграничные районы Гонконга (раненые с китайской территории поступали непосредственно в больницы Цзюлуна), в колонии продолжали звучать голоса, призывавшие к спокойствию. Э. Грассетт самонадеянно заявил, что «император Японии осознает, что ничто не соответствует так его интересам на Востоке, как сохранение дружбы с Англией и США... а все угрозы — это пустое позерство» [238, с. 6]. Всего за несколько месяцев до начала войны гонконгская газета «Дейли пресс» писала: «До тех пор пока Япония ведет... кампанию в Китае... вступление в войну с державами будет для нее самоубийством» [323, 25.07.1941].

При этом, однако, по распоряжению губернатора все жены служащих колониальной администрации были эвакуированы в Австралию⁵. 15 февраля 1941 г. генеральное консульство США в Гонконге известило находившихся там американцев о необходимости выполнять инструкцию госдепартамента от 9 октября 1940 г. об эвакуации с Дальнего Востока женщин и детей — американских граждан [323, 21.02.1941].

После оккупации Гуанчжоу в октябре 1938 г. важным дестабилизирующим фактором, воздействовавшим на положение в Гонконге, стал массовый приток беженцев. Население колонии возросло к 1941 г. почти на 50%, достигнув 1,64 млн. [66, с. 55]. Подавляющее большинство их не имели крова и пропитания. Усилия благотворительных организаций и администрации были каплей в море. Вместе с беженцами в Гонконг прибыли члены тайных обществ, многие из которых пополняли ряды преступных шаек. Грабежи и убийства стали нормой жизни Гонконга. Конфликты между бандами, боровшимися за контроль над лагерями беженцев, часто выливались в кровопролитные схватки. Как никогда оживились морские пираты, которые теперь зарабатывали и на контрабанде оружием. Нападения на морские суда, а также на джонки, перевозившие товары, стали обычным делом. По статистике, в среднем ограблению ежедневно подвергались два судна (см. [323, 12.01.1940, 24.04.1940, 20.12.1940]).

Бандиты особенно свирепствовали в пограничных районах, обирая беженцев, направлявшихся в Гонконг. В целом спектр преступлений был исключительно широк. Так, перед праздником рождества в 1939 г. в банки Гонконга поступили фальшивые чеки на сумму 10 тыс. долл. Грабители похитили у военных кабель стоимостью 4 тыс. долл. Постоянно совершались убийства

любителей мацзяна в игорных притонах и т. п. [323, 20.12.1940]. На заседании законодательного совета в феврале 1941 г. указывалось на настоятельную необходимость бороться с распространением разнообразных форм преступности [323, 28.02.1940].

В результате перенаселения возникла угроза возникновения эпидемий. В данной связи правительство заявило 21 июня 1940 г. о своем намерении вводить меры по ограничению роста населения. Тем не менее беженцы продолжали прибывать [323, 28.06.1940]. Для того чтобы как-то нормализовать пребывание в Гонконге беженцев из южных провинций Китая, власти прибегли к помощи землячества⁶. Некоторые из них были созданы после начала войны. Например, в ноябре 1939 г. возникло объединение уроженцев уезда Наньхай пров. Гуандун «Наньхай тянсянхуэй», в целях помощи беженцам было образовано объединение хакка «Чунчжэн цзунхуэй цзюцзи наньминьхуэй». Эти организации собирали информацию о положении на оккупированной территории, о деятельности партизанских отрядов, которые публиковались в периодических изданиях землячеств, таких, как «Наньхай тунсянхуэй хуэйкань», «Чунчжэн юэкань» и др. Землячество хакка «Чунчжэн цзунхуэй...» собирало средства среди китайских эмигрантов для помощи беженцам (около 16 тыс. гонк. долл. в 1938 г.), сотрудничало с английскими организациями помощи жертвам войны, бригадой фронтового обслуживания Чжуншаньского университета (землячество имело и собственную спасательную бригаду), финансировало содержание больницы в Лунчуане, Хуэйянское общество помощи беженцам.

В конце 30-х годов хуацяо из Малайи и голландской Ост-Индии (выходцы из Хайлуфэна, Хуэйчжоу и Даньшуй) создали хуэйянский и хайлуфэнский отряды (около 500 чел. молодых эмигрантов), сражавшиеся против японцев в районе Дунцзяна. Они получали из Гонконга оружие, медикаменты и пр. В колонии их делами ведала «Контора по обслуживанию хуацяо Дунцзяна, вернувшихся на родину». Начиная с зимы 1940 г. отряды были вынуждены прекратить боевые действия под давлением гоминьдана, выразившего недовольство по поводу сотрудничества бойцов-хуацяо с коммунистами-партизанами (см. [131, т. 9, с. 78, 86]).

Большинство землячеств выступали за укрепление единого антияпонского фронта. Орган землячества уезда Чжуншань пров. Гуандун «Цзиньжи Чжуншань» писал в 1940 г. «Наша позиция такова. Первое. Интересы государства и науки превыше всего. Второе. Следовать программе сопротивления врагу и строительства государства. Воплощать в жизнь „три народных принципа“. Третье. Продолжать войну сопротивления, отстаивать единство» [202, с. 39]. В основном землячества, несомненно, ориентировались на гоминьдан, о чем свидетельствует большинство их публикаций. Например, орган Генерального союза служащих ресторанов и чайных «Цзюлоу юэкань» публиковал

обращение гоминьдановского правительства, выступления министров и генералов (см. [203])⁷.

Однако усилия властей и земляческих организаций были совершенно недостаточными для решения проблемы беженцев. Рост цен, вызванный прекращением поставок продовольствия из Китая, лишь еще более осложнил положение. К лету 1941 г., например, голодные смерти стали нормой в части Гонконга, населенной китайцами. В августе Сун Цинлин начала кампанию, проходившую под лозунгом «Одна чашка риса», организовав аукцион личных вещей Сунь Ятсена, вырученные средства от которого пошли в фонд помощи голодающим.

В колонии с волнением следили за эскалацией фашистской агрессии в Европе. Нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало пристальное внимание в Гонконге. «Дейли пресс» писала 26 июня 1941 г.: «Современный русский солдат, безусловно, превосходит своего предшественника, являясь членом народной армии, а не просто профессиональным солдатом». Высказывалось предположение, что с наступлением зимы Гитлер еще пожалеет о том, что вторгся в Россию.

В связи с началом Великой Отечественной войны в колонии также выражалось беспокойство относительно возможного прекращения поставок продовольствия из СССР, в том числе и зерна (в Гонконге осуществляла операции советская фирма «Экспортхлеб»). Эти опасения оказались обоснованными лишь частично: поставки действительно прекратились, но в результате японской оккупации Гонконга. Как вспоминает Са Кунляо, в день штурма японцами Гонконга в порту находились два советских торговых судна (см. [121, с. 24; 325, 15.08.1941]).

По мере того как становилась очевидной бесплодность попытки английского правительства достичь примирения с Японией, менялась официальная позиция властей Гонконга. 26 июля 1941 г. были заморожены все японские вклады в колонии, а 31 июня по просьбе китайского правительства — также и китайские вклады, чтобы не допустить оттока китайской национальной валюты в оккупированные Японией районы (см. [325, 01, 08.08.1941]).

Японское правительство, в свою очередь, к 19 августа полностью эвакуировало женщин и детей из Гонконга в Гуанчжоу, а с 19 сентября по 6 декабря английскую колонию покинули все японские подданные, за исключением 36 человек, в основном персонала консульства. В сентябре 1941 г. японские военные власти в прилегающих к Гонконгу территориях стали задерживать направлявшиеся в колонию джонки с продовольствием (см. [325, 22.08.1941, 26.09.1941; 263, с. 5]).

19 сентября колониальная администрация Гонконга разрешила массовую антияпонскую демонстрацию по случаю 10-летия оккупации Маньчжурии. В ней приняло участие 2 тыс. студентов из Северо-Восточного Китая, а также некоторые представители гоминьдановского правительства, в том числе адми-

рал Чэнь Цэ, член ЦИК гоминьдана. Это событие означало откровенный переход администрации Гонконга на позиции поддержки Китая и осуждения японской агрессии: ранее такого рода демонстрации не дозволялись.

Несмотря на возрастание напряженности, большинство обитателей Гонконга, уверенных в непоколебимости Британской империи, продолжали жить, не испытывая серьезного беспокойства. Хотя «ДМК» запланировала специальный рейс большого парохода для эвакуации жителей колонии, желающих не нашлось, и 2 декабря — за неделю до войны — представитель компании заявил, что предполагавшийся рейс отменяется ввиду отсутствия достаточного числа пассажиров [263, с. 12—13].

Между тем в ноябре 1941 г., когда англичане готовились к рождеству, японцы начали сосредоточивать на границе Гонконга пехоту, артиллерию, подвозить продовольствие и боеприпасы. Одновременно, возможно по случайности, гоминьдановские части были полностью выведены из тех районов, откуда они могли бы нанести эффективные удары в тыл атакующим колонию японцам. К декабрю 1941 г. 12—13 тыс. солдат гонконгского гарнизона (включая добровольцев) противостояло 30—50 тыс. японских солдат (см. [66, с. 28; 264, с. 214]).

Гонконгские власти, руководствуясь меморандумом из Лондона от 26 октября, гласившим, что «война на Дальнем Востоке в настоящий момент маловероятна», полагали, что Япония готовится к наступлению на Таиланд и в северном направлении против войск Чан Кайши. Таким образом, в очередной раз подтвердились слова английского исследователя Т. Кэрю, писавшего, что «печальное триединство человеческих слабостей — некомпетентности верхов, неподготовленности и самодовольства — сопутствовало начальным стадиям всех британских военных кампаний XX в.». [220, с. 11].

Утром 8 декабря японская авиация совершила первый налет на «Новые территории» и Цзюлун. Но жители приняли происходящее за военные учения британских войск: они не могли и не хотели признать возможность агрессии. Между тем противник уничтожил все самолеты на аэродроме Кайтак. Разбрасывались листовки на английском и китайском языках, призывавшие население сдаваться.

Нападение Японии стало неожиданностью и для находившихся в Гонконге китайских общественных и политических деятелей. Еще 6 декабря в последнем номере «Дачжун шэнхо» Цяо Гуаньхуа в статье «О японо-американских переговорах» писал, что в ближайшем будущем вооруженный конфликт совершенно исключен.

Японская армия была прекрасно подготовлена к операции по захвату колонии. В течение длительного времени в Гонконге действовала разветвленная сеть японской разведслужбы. Дешевые солдатские рестораны в Ваньцзы, парикмахерские и салоны массажа, посещавшиеся британскими военнослужащими,

стали пунктами сбора шпионской информации⁸. На японцев работали многие члены тайных обществ, служившие в домах высокопоставленных английских чиновников. Полковник Судзюки практически в открытую руководил сбором сведений, большую помощь оказывали ему в этом генеральный консул Яно и консул Кимура. В результате у японского командования имелись подробные планы оборонительных позиций, линий телефонной связи, точные данные о численности войск. Использовались и сведения о стратегических объектах Гонконга, полученные в прошлые годы⁹.

С началом военных действий сразу же дали о себе знать агенты Японии в городе. Представители «пятой колонны» (их было, по некоторым оценкам, около 40 тыс.) нападали на английских военнослужащих, приводили в негодность двигатели автомобилей¹⁰, высвечивали ночью стратегические объекты, мешали ведению взрывных работ, подслушивали телефонные разговоры, вывешивали японские флаги и разбрасывали прокламации (см. [238, с. 115, 127]).

За шпионаж в пользу японцев был арестован крупный китайский финансист, председатель Гуанчжоуской торговой палаты, компрадор «Гонконг-Шанхайской банковской корпорации» Чэнь Лянбо. Для пресечения саботажа полиции издала приказ, запрещающий китайцам, находясь на улице, держать руки за спиной или в карманах, что мало помогло делу и лишь усилило неприязнь местного населения к колонизаторам.

После начала военных действий из Гонконга были срочно эвакуированы такие высокопоставленные лица гоминьдановского Китая, как Сун Цинлин и ее сестры Сун Айлин и Сун Мэйлин, а также представитель английской армии подполковник Г. Хьюз. Чан Кайши выслал за ними специальный самолет¹¹. Скрылись от оккупантов видный деятель Ложи справедливости тайного общества Хунмэн в США, сподвижник Сунь Ятсена Сыту Мэйтан, профессор Тао Сишэн и многие другие.

И перед представителями КПК встала проблема немедленной эвакуации тех, кто мог в первую очередь стать жертвой репрессий со стороны оккупантов. Операцией руководил Ляо Чэнчжи в сотрудничестве с руководителями дунцзянских партизан.

Следует сказать, что партизаны шли вслед за наступавшей японской армией и создавали на территории колонии свои опорные базы (в районах Сигунцунь, Юаньлан и Шатоуцзяо) [58, с. 158—159]. Связные, действовавшие в Гонконге и до начала военных действий, после падения Гонконга собрали большое количество оружия, брошенного отступавшими англичанами, что значительно укрепило боеспособность партизанских отрядов. В «Новых территориях» они вытеснили с горы Даушань бандитскую шайку Хуан Мужуна и создали свою главную опорную базу. В 18 близлежащих поселках местные храмы стали центрами антияпонской пропаганды, сбора средств и т. д. Была

достигнута договоренность о сотрудничестве с некоторыми членами тайных обществ.

Распорядившись об эвакуации видных деятелей культуры, прогрессивных общественных деятелей, ЦК КПК специально выделил определенную сумму денег на это. Однако они не были вовремя получены партизанами, отвечавшими за выполнение данного задания, вследствие чего средства им пришлось изыскивать самостоятельно [58, с. 165].

Были созданы таможенные пункты, на которых взимались пошлины с местных торговцев, однако в условиях войны больших доходов это не приносило. Тогда увеличили число таких пунктов, а также прибегли к изъятию денег и зерна у местных помещиков. В партизанских отрядах ввели строжайший режим экономии, сократили пищевой рацион.

Левых гоминьдановцев и деятелей других партий предполагалось отправить по маршруту Сигун — Шантун-Пиншань — Хуэйчжоу, а журналистов, писателей и других деятелей культуры по маршруту Цюаньвань — Юаньлан и далее через оккупированную территорию до опорной базы партизан в тылу у врага в Байшилуэ. Были и другие маршруты.

Примерно 18 декабря Ляо Чэнчи встретился в центре Гонконга с теми, кому предстояло в скором времени покинуть колонию, и дал им необходимые инструкции. Следует отметить, что, несмотря на подготовку к бегству, продолжала работать редакция газеты «Хуаншан бао», которая выходила еще в течение нескольких дней после начала военных действий.

Первая партия переодетых рыбаками и торговцами беженцев отбыла из уже оккупированного Гонконга 9 января 1942 г.¹² Но вскоре в Байшилуэ собралось уже около 300 человек, в том числе Чжан Юйю, Сун Чжиди, Цзинь Чжунхуа, Ху Чжунчи, Ляо Моша, Чжан Тешэн и др. Вынужденные скрываться от гоминьдановцев, Цзоу Таофэнь, Гэ Баоцюань, Ху Шэн и Чэн Чжиюань в течение двух месяцев жили в партизанском лагере, вели культурно-просветительскую и политическую работу. Цзоу Таофэнь редактировал газету «Синьбайсин бао», которую, по его предложению, объединили с «Туанцзе бао» в новую партизанскую газету «Дунцзян миньбао» [58, с. 166—168].

В последующий период времени через занятые партизанами районы прошли тысячи беженцев из Гонконга, рабочих, студентов, английских военнослужащих, иностранных граждан. Многие китайцы из Гонконга влились в партизанские отряды.

Но вернемся к военным действиям. В Гонконге находились 2/14-й Пенджабский батальон, 5/7-й Раджпутский батальон, 2-й Батальон королевских шотландцев, 1-й Миддлсекский батальон, а также прибывшие из Канады части Виннипегских гренадеров и Канадских королевских стрелков. Японские соединения превосходили их по численности, как уже отмечалось, в 4 раза. Авиация англичан была крайне слаба: на аэродроме Кайтак до налета противника находились 7 военных самолетов

без орудий и боеприпасов. Морская оборона обеспечивалась лишь торпедными катерами и тяжелой береговой артиллерией. У японцев же было 70 самолетов.

Британское командование направило к Гонконгу дредноут «Принц Уэльский» и крейсер «Рипалс», находившиеся в Юго-Восточной Азии. Однако японская авиация уничтожила их 10 декабря еще в пути.

Японские войска (две дивизии под командованием генерал-лейтенанта Сакаи) быстро углубились в «Новые территории». Оборонительные укрепления были моментально преодолены, поскольку японцы имели их план задолго до нападения и отретировали атаку на учебном плацдарме в Гуанчжоу. Не имея возможности ведения открытого боя с превосходящим по численности и вооружениям противником, руководивший обороной «Новых территорий» майор Грэй использовал тактику временного задерживания противника в ряде пунктов для того, чтобы успеть взорвать мосты, тоннели и т. п. К ночи с 8 на 9 декабря англичане укрепились на оборонительной линии Джиндринкерс, отделяющей «Новые территории» от Цзюлуна. Была отбита попытка противника высадиться в Цзюлуна с моря и зайти англичанам в тыл. Тем не менее в ходе боев ночью с 9 на 10 декабря японские войска преодолели редут Чэнмэн и ворвались в город. 11—12 декабря из Цзюлуна эвакуировались войска и население [253, с. 26—27].

С 12 по 14 декабря Цзюлун находился в руках тайных обществ, подвергших его полному разграблению. С оставшихся в городе жителей собирали «плату за охрану».

Положение на о-ве Гонконг становилось все более сложным. В городе образовалось огромное избыточное население (поскольку там скопились не только беженцы из внутренних районов Китая, но и жители Цзюлуна и «Новых территорий»). В связи с нарушением нормального ритма жизни колонии на грани голодной смерти оказались тысячи китайцев, существовавших на поденную оплату своего труда. Правительство приняло меры по пресечению спекуляции, издав указ о стабильных ценах на продовольствие и установив время обязательной работы магазинов. Однако скоро запасы товаров и пищевых продуктов на частных складах стали иссякать. Администрация открыла бесплатные столовые для бедных. Но и их оказалось недостаточно, так как работали они слишком мало и, несмотря на огромное количество продуктов питания в распоряжении правительства, не могли обеспечить всех желающих.

Из особняков на Пике была выселена гонконгская элита, и они использовались армией и правительством.

Колониальная администрация находилась в смятении. Царила полная неразбериха¹³. Английская же пропаганда утверждала, что оборона крепка как никогда, что британский флот на подходе, японцы бегут и китайцы идут на помощь. 12 декабря «Саут Чайна морнинг пост» сообщала, что к Гонконгу движет-

ся большая армия под командованием Чан Кайши. 13 декабря она успокаивала своих читателей: «Мы успешно эвакуировались... из Цзюлуна. Есть все основания для уверенности... Перед нами стоит простая задача — стойко держаться». Между тем бегство из Цзюлуна означало, что падение самого Гонконга, практически ничем не защищенного, неминуемо.

13 декабря японская артиллерия начала обстреливать Гонконг из Цзюлуна. Сакаи направил губернатору Янгу ультиматум, который тот отверг. В условиях активного наступления противника колониальная администрация решила обратиться за помощью к коммунистам, рассчитывая на их содействие в мобилизации китайского населения на сопротивление врагу¹⁴. Через австралийского журналиста они установили связь с Ляо Чэнчжи, который вместе с Цяо Гуаньхуа и Ся Янем встретился 13 или 14 (по разным данным) декабря с представителем губернатора. Ляо Чэнчжи дал согласие на помощь в случае предоставления оружия, на что англичане не решились [134, с. 167]. В течение последующих дней японцы безуспешно пытались пересечь пролив на джонках и катерах и высадиться в Гонконге. 17 декабря Янг получил второй ультиматум, на который последовал ответ: «Губернатор и главнокомандующий Гонконга категорически отказываются вступать в переговоры о сдаче Гонконга, а также пользуется этой возможностью, дабы сообщить генерал-лейтенанту Сакаи и вице-адмиралу Масаити Миими, что он более не намерен вступать с ними в контакт по этому вопросу» [66, с. 123]. Гонконгская администрация руководствовалась инструкциями из Лондона¹⁵, а также питала надежды на помощь Китая. Однако обещания Чан Кайши оказать англичанам поддержку были совершенно беспочвенными. 20 декабря военный представитель китайского правительства в Гонконге адмирал Чэнь Цэ сообщил о якобы начавшемся выступлении в направлении колонии армии генерала Юй Ханьмоу численностью 60 тыс., а уже 21 декабря британский военный атташе телеграфировал из Чунцина, что китайцы выступят не раньше 1 января, но обещали выделить 20 бомбардировщиков для налета на японские аэродромы и т. д. (см. [264, с. 206, 208]).

16 декабря началось сосредоточение японских войск в районе пролива Лиуймэнь. 18 декабря лазутчики подождгли нефтехранилища в Бэйцзюа, после чего под прикрытием дыма началась переправа. Специальное подразделение, состоявшее из лодцов жемчуга, разминировало пролив. В прорыв была брошена отборная 30-я дивизия под командованием генерал-майора Ито Такео. Героическими усилиями нескольких торпедных катеров англичанам удалось потопить два транспортных японских судна. Это, однако, не помешало противнику завершить операцию и, прорвав береговую оборону, начать продвигаться в глубь острова. По пути они зверски убивали раненых и пленных. Подверглись бесчеловечному истреблению больные и медицинский персонал больницы Силезской миссии.

В Гонконге начались голод, разруха и эпидемии¹⁶.

22 декабря генерал-майор Мэлтби принял решение о сосредоточении войск на юго-востоке Гонконга, на мысе Чичжу (Стэнли). Судьба колонии была решена. К 25 декабря японцы практически полностью оккупировали Гонконг. Команды нескольких торпедных катеров и группа китайских военных, возглавляемая адмиралом Чэнь Цэ, бежали в Китай. Подавляющая же масса английских военнослужащих попала в плен. Англичане потеряли убитыми около 2,1 тыс. чел., японская армия — около 3 тыс. чел. [263, с. 231].

В ночь на 25 декабря губернатор Янг заявил: «С гордостью и восхищением шлю я рождественские поздравления всем, кто сражается и благородно трудится, чтобы Гонконг выстоял в бою с врагом. В бой!». После этого он принял решение о капитуляции и сдался японцам [220, с. 204].

После захвата Гонконга перед японским командованием встала задача максимального укрепления обороны колонии, наиболее эффективного использования ее экономического потенциала в целях продолжения войны, превращения Гонконга в плацдарм для экспансии в Юго-Восточной Азии и Океании.

Оккупанты конфисковали особняки богатей, признали недействительными все банкноты¹⁷ достоинством выше 10 долларов, ввели сильно заниженный обменный курс доллара на военные бонусы. В начальный период оккупации японцы умышленно не препятствовали росту анархии в городе¹⁸. Представители китайской элиты Гонконга были вынуждены сами обратиться к военным властям с просьбой навести порядок.

2 января 1942 г. японцы учредили Управление местной администрации Гонконга, которое возглавил генерал-майор Ядзаки. К нему-то и обратился 10 января председатель исполнительного комитета Китайской торговой палаты Дун Чжунвэй с просьбой навести порядок в городе, наладить снабжение продовольствием, топливом, водой, электричеством, восстановить телефонную связь и пр.

Следует иметь в виду, что к тому времени все склады, как частные, так и принадлежавшие гонконгским властям, были опечатаны и объявлены собственностью Японии. Разграблению подверглись частные дома. Почти сразу же начался вывоз морем в Японию автомобилей, а также имевшихся в Гонконге огромных запасов продовольствия.

Объявив о создании японской администрации, оккупанты приступили к вербовке коллаборационистов. С этой целью командующий войсками генерал-лейтенант Такаси Сакаи устроил 10 января банкет, на который пригласил 180 ведущих бизнесменов, адвокатов, врачей из среды гонконгских китайцев. Явились только 133, остальные скрылись из города. Такаси Сакаи объявил собравшимся, что в Гонконге будет наведен порядок, провозгласил лозунг «соцветания всех народов Азии» [238, с. 221].

12 января 1942 г. состоялось заседание Китайской торговой палаты, избравшее по указке японцев Консультативный совет по восстановлению в составе 9 человек (5 февраля увеличен до 12 членов) под председательством Ло Сюйхэ (заместитель Чжоу Шоучэнь).

Но отнюдь не всех оказавшихся на оккупированной территории захватчикам удалось заставить сотрудничать с ними. Отказался выступать на сцене великий актер Мэй Ланьфан. Не удалось японцам снять фильм о поездке в Токио знаменитой киноактрисы Ху Де, которая в 1943 г. бежала из Гонконга. Не согласился стать главой гонконгской ассоциации врачей сподвижник Сунь Ятсена, видный хирург Ли Шуфань, также перебранный впоследствии в Чунцин (см. [312, 30.09.1985; 216, т. 1, с. 183, т. 2, с. 175; 297, с. 49]). Были казнены многие оказавшиеся в Гонконге хуацяо из Австралии, которые отказались помогать японцам, готовившим нападение на пятый континент. Не вернулся в Гонконг находившийся в начале войны в Макао крупнейший предприниматель и видный общественный деятель Хэ Дун [263, с. 172]. Японцы арестовали по обвинению в подрывной деятельности издателя журнала «Тянься мансли» философа У Цзинсюна (см. [216, т. 1, с. 76, т. 3, с. 421]).

Оккупанты произвели в колонии административную перестройку. Гонконг был разделен на 12 округов, Цзюлун — на 6 (по другим данным, на 10). В каждом округе назначался из числа китайцев глава отдела районного управления. Он отвечал за поддержание порядка, чистоты, распределение риса, выдачу документов жителям, желавшим покинуть Гонконг. Возрождалась система круговой поруки: в самом Гонконге были назначены 2 тыс. квартальных, следивших за тем, что творилось в округе. При Управлении местной администрации было создано бюро по делам округов, осуществлявшее связь между местными властями и оккупационной администрацией. Вскоре выяснилось, что местные органы управления не устраивали японцев, и 16 апреля японцы создали три районных бюро (в Гонконге, Цзюлуни и «Новых территориях»), чтобы жестко направлять деятельность окружных властей.

Военную администрацию 25 февраля сменила гражданская, ее возглавил губернатор Рэнсукэ Исогаи. Вместо Консультативного совета по восстановлению он сформировал Совет китайских представителей, в который вошли Ло Сюйхэ (крупный гонконгский финансист и промышленник), председатель Ассоциации китайских студентов, обучавшихся в Японии, Лау Титшин¹⁹, управляющий Восточно-азиатским банком и директор «Гонконг энд Макао стимбоут К°» Ли Цзэфэн, а также Чэнь Лянбо, выпущенный японцами на свободу из английской тюрьмы. Совет руководил состоявшим из 22 членов Китайским советом по сотрудничеству под председательством Чжоу Шоучэня. Все эти «органы самоуправления» на самом деле никакой власти не имели и служили послушными марионетками в руках

оккупантов. Постановления «китайских представителей» принимались по указке японского губернатора (см. [287, с. 62—64]).

Из числа индусов и филиппинцев, находившихся в колонии, были созданы Лига независимости Индии и Ассоциация филиппинцев Гонконга — прояпонские националистические организации, выступавшие в поддержку идеи «великой Азии».

Главная проблема, с которой столкнулись оккупанты, состояла в необходимости кормить огромное население Гонконга. Предпочитая вывозить продовольствие, нежели раздавать его жителям, японцы решили насильственными методами репатриировать население во внутренние районы Китая. С данной целью всем жителям Гонконга приказали зарегистрироваться в жандармерии, однако китайцы саботировали это мероприятие властей. Тогда китайцев, в первую очередь безработных или не имевших документов, стали задерживать на улицах, особенно в бедных районах, и вывозить за пределы колонии. Власти поставили целью сократить население на 50%. Молодежь вербовали «на заработки» на о-в Хайнань, где ее ждал рабский труд на угольных копях. С течением времени, правда, многие стали добровольно покидать голодающий Гонконг. Для оформления документов японцы использовали землячества. Кроме того, специально была создана Ассоциация жителей провинций Чжэцзян и Цзянсу, которая содействовала отправке в Шанхай в первой половине 1942 г. 1300 человек. Всего же весной этого года из Гонконга убыло 250 тыс. человек (см. [66, с. 105, 127; 287, с. 89, 94]).

Однако проблему голода не удалось разрешить. По некоторым оценкам, 80% населения страдало от истощения. Японские власти были вынуждены разрешить местным предпринимателям закупать рис в Таиланде, а также открыли 100 лавок, где рис продавался в 5—10 раз дешевле, чем на черном рынке (на семью выдавалось 0,6 кг). Однако из-за воровства служащих пришлось снова внести коррективы. Ввели карточки: каждый человек получал 100—200 г риса в день (см. [287, с. 99, 106]). С июня 1942 г. началось нормированное распределение сахара. Администрация всемерно поощряла развитие земледелия и рыболовства, но безуспешно. Рыболовецкий флот слишком сильно пострадал во время военных действий, многие рыбаки ушли в китайские воды²⁰, выращивание тайваньского сорта риса привело не столько к росту урожайности, сколько к распространению ранее не свойственных Гонконгу вредителей.

15 апреля 1943 г., убедившись в бесполезности всех своих символических попыток накормить Гонконг, японцы отменили распределение продовольствия вообще (за исключением служащих администрации и рабочих предприятий, обслуживавших армию). Торговля продуктами питания была передана Гонконгской гражданской ассоциации продовольственной помощи, возглавлявшейся сингапурским миллионером Ху Вэньху. Катастрофический рост цен и нехватка риса и других продуктов сохра-

нялись [66, с. 105]. Зимой 1944 г. созданная японцами компания «Синфа» монополизировала торговлю рисом, еще более взвинтив цены и запретив другим предпринимателям ввозить зерно в Гонконг [66, с. 108].

В Гонконге царил полный произвол оккупационных властей. Свирепствовала жандармерия, которой подчинялись все подразделения полиции. Дела решались в основном военными трибуналами, хотя номинально существовали и гражданские суды. Минимальным наказанием за «нарушение порядка» был штраф в 500 иен или три месяца тюрьмы. Всем жителям было приказано кланяться японским военным, поскольку мундир считался символом императора. Невыполнявших подвергали унижительным избиениям.

Оккупанты не принимали действенных мер по борьбе с тайными обществами, которые стали исключительно активными (многие их члены сотрудничали с японской полицией). Наиболее могущественные в те годы гуандунская и фуцзяньская мафии, разделив город на сферы влияния, контролировали многие улицы и перекрестки, собирали дань с прохожих [121, с. 140]. Большое распространение получили игорные дома и опикурильни. Японцы особенно были заинтересованы в распространении наркотиков (опиум доставляли из Северного Китая военными самолетами), поскольку получали от этого немалый доход. Район Ваньцзы был превращен в средоточие публичных домов (около 500). В Гонконге получили широкое распространение венерические заболевания (см. [93, с. 142; 260, с. 111, 116, 138—139]).

Все английские военнослужащие, моряки голландской подводной лодки, оказавшиеся в Гонконге к началу военных действий, а также граждане враждебных Японии государств попали в концентрационные лагеря, где содержались 2100 взрослых и 420 детей, в том числе 80 грудных (главный лагерь — в Чичжу). Условия жизни заключенных были крайне тяжелыми. В лагере в Бэйцзяо свирепствовала дизентерия. В Шэншуй-по от истощения в течение года умерли 352 человека. В июне 1942 г. часть заключенных, в основном американцев, обменяли на японских пленных (см. [263, с. 167, 191]). Губернатора Янга отправили в Корею, а генерал-майора Мэлтби — на Тайвань.

Заключенных заставляли восстанавливать дороги, расширять аэропорт Кайтак, ремонтировать Цзюлун—Гуанчжоускую железную дорогу. В августе 1942 г. 1 тыс. чел. была отправлена на работу в доки Июкогамы. Отбывшее 27 сентября из Гонконга судно «Рисубон Мару» с 1816 пленными на борту было потоплено американской подводной лодкой, погибло 1092 человека.

В январе 1942 г. полковник Рейд и еще несколько английских военнослужащих бежали из лагеря в Чунцин, где им было поручено вернуться в Южный Китай и создать Группу помощи британской армии (ГПБА). Ее разветвленная агентура

обеспечивала в Гонконге связь с заключенными в лагерях, организацию побегов, сбор информации о передвижениях в порту, слежку за агентурой японской жандармерии. Многие бойцы сопротивления (как англичане, так и китайцы) погибли в застенках, замученные палачами. В лагере Матачун японцы пытками заставляли солдат-индусов вступать в Лигу независимости Индии [241, с. 142].

ГПБА действовала под руководством британского военного командования и не могла тесно сотрудничать с партизанскими отрядами, ибо англичане боялись недовольства со стороны Чан Кайши, ненавидевшего коммунистов. Поэтому ГПБА не удовлетворила просьбу партизан об оружии [241, с. 94], а те в ответ отказались принимать англичан в отряды, опасаясь проникновения в свои ряды гоминьдановских шпионов [58, с. 252].

Китайские силы сопротивления активно действовали в Гонконге. В Цюлуне регулярно проводились заседания военно-политического комитета района Дунцзяна. В районах Сяоцивань, Тунловань, Чжунхуань, Цзяньшацзу партизаны разбрасывали листовки, взрывали японские склады, убивали солдат. Особенно много диверсий было совершено отрядом под командованием Лю Хэйцзы. Для пополнения запасов взрывчатки часто приходилось «добывать» ее из морских мин. Партизаны помогли бежать из Гонконга многим англичанам и индусам, расправлялись с китайцами-предателями и японскими жандармами. В апреле 1944 г. они взорвали железнодорожный мост в Цюлуне, постоянно совершали диверсии на Цюлун—Гуанчжоуской ветке. Используя брошенное англичанами оружие, они на маленьких лодчонках совершали нападения на суда, принадлежавшие японцам, коллаборационистам и пиратам, взорвав несколько десyatков из них, захватили три направлявшихся на Филиппины транспортных судна. Устроив бывшего студента из Гонконга Го Цзе, хорошо говорившего по-японски, переводчиком к командующему войсками в Шэньчжэне, партизаны имели самую достоверную информацию о событиях в лагере противника. Видимо, опасаясь роста движения сопротивления, японцы объявили о роспуске 30 апреля 1942 г. местных сил самообороны, ставших к тому же ареной борьбы партизан с предателями из тайных обществ (см. [58, с. 199, 214, 215]).

Оккупационные власти сразу же установили жесткий контроль над экономикой. Первоначально вообще запретили изъятие денег из банков, 30 января 1942 г. разрешили получать по 50 долл. на вкладчика, а 17 марта — по 150. Предпринимателям разрешалось снимать со счетов дополнительно по 50 долл. на каждого работающего у них по найму²¹. Все банковские операции производились только с разрешения экономического бюро оккупационной администрации. В феврале 1942 г. японцы разрешили 22 банкам возобновить свою деятельность, с тем чтобы быстрее и успешнее провести конфискацию денежных вкладов, золота и драгоценностей, принадлежавших гражданам держав

антигитлеровской коалиции. Кроме того, японскими «Иокогама Спешу Бэнк» и Банком Тайваня подготавливалась конфискация авуаров гонконгских банков. В июне были закрыты отделения «Нэшнл сити бэнк», «Чейз Манхэттен бэнк», «Америкэн экспресс», «Гонконг-Шанхайская банковская корпорация»²², а вслед за ними Центральный банк Китая, Промышленный банк и Каптонский банк. Всего к марту 1944 г. было ликвидировано 18 банков (см. [260, с. 156; 287, с. 131—132]).

Японские власти насильственно изымали из обращения гонконгские доллары (администрация использовала их для покупки товаров за границей, ибо это была конвертируемая валюта), обменивая их на военные боны по завышенному курсу (сначала 2, потом 4 долл. за иену). С 1 июня 1943 г. обращение гонконгских долларов вообще запретили.

Очень дорого ценилась на черном рынке гоминьдановская валюта, что объяснялось непрекращающимся бегством населения во внутренние районы Китая.

Для установления эффективного контроля над всеми сферами жизни Гонконга японские власти создали ряд ассоциаций, регистрировавших деятельность бизнесменов и профессионалов и наблюдавших за ней, например, Ассоциацию китайских банков (во главе ее стоял Ли Цзэфэн), Кооперативную ассоциацию китайских банкиров и денежных менял. Члены этих организаций были связаны круговой порукой, отвечая головой за сбежавших в гоминьдановские районы партнеров.

Крайне сложно проходил процесс возобновления промышленного производства. К концу марта 1942 г. в созданной японцами Гонконгской ассоциации промышленников зарегистрировались владельцы 30 фабрик. Вместе они располагали 20 млн. долл. капитала и 30 тыс. рабочих. Местной буржуазии приходилось платить огромные взятки чиновникам, а нередко и брать их в компаньоны, чтобы получить разрешение на возобновление производства. Многие склады оказались либо полностью опустошены, либо опечатаны и объявлены собственностью японской армии. Сырье получить было крайне трудно. Так, лишь к февралю 1942 г. части бизнесменов удалось выкупить у оккупантов содержимое собственных складов²³.

Торговые связи сохранялись только с оккупированными Японией территориями (Маньчжоу-го, Северным Китаем, Нанкином, Шанхаем, Гуанчжоу, Тайванем, Хайнанем, Филиппинами, Индокитаем, Таиландом).оборот торговли с Хайнанем, например, составил в 1943—1944 гг. всего 12 млн. иен (вывозились хлопчатобумажные и другие текстильные изделия, резина, спички, продовольствие, лекарства; импортировались соль, каучук, сахар, другие продукты сельского хозяйства)²⁴. Участвовать во внешней торговле могли только члены Гонконгской торговой ассоциации.

Оккупанты постарались в максимально короткие сроки нормализовать работу транспорта. Аэропорт Кайтак восстановили

и расширили за счет участков земли, которые были насильственно изъяты у 20 тыс. крестьян. С 28 декабря 1943 г. с перебоями началось движение по Цзюлун—Гуанчжоуской железной дороге, все время прерывавшееся диверсиями партизан. С весны 1942 г. оккупанты ввели регистрацию и налогообложение всего транспорта, в особенности рикш и носильщиков (последние оказались не в состоянии выплачивать установленные суммы и вынуждены были покинуть город).

Постепенно налажилось водоснабжение. Цены же на электричество поднялись настолько (5 иен за одну лампочку), что мало кто был в состоянии за него платить. В результате японцы с разочарованием констатировали, что ночью Гонконг погружался в полный мрак. Летом 1944 г. из-за нехватки топлива снабжение энергией временно прекратилось. Горы мусора и нечистот, разложение трупов в завалах разрушенных домов — все это способствовало наряду с голодом распространению холеры, бубонной чумы и т. п. Власти начали проводить массовые принудительные прививки, что несколько улучшило ситуацию. Количество случаев заболеваний заразными болезнями упало до относительно низкого уровня. С февраля 1942 г. началась кампания по борьбе с мухами, которых на вес меняли на рис (см. [66, с. 105, 140—156]). Оставшихся в Гонконге врачей объединили в Китайскую медицинскую ассоциацию и в Китайскую ассоциацию зубных врачей; всем, кто не вступил в эти объединения, практика была запрещена. Работа медицинских учреждений крайне осложнялась нехваткой медикаментов, продовольствия и пр.

Работа школ за время оккупации не возобновлялась — вместо 649 довоенных школ в Гонконге и Цзюлуэ (в которых училось 112,4 тыс. учеников) функционировали только 43, их посещали 16,3 тыс. учеников. Главной целью японцев являлось насильственное обучение японскому языку (см. [66, с. 57; 287, с. 167]). Для учителей открыли двухмесячные курсы, где единственными предметами были японский язык и японоведение. Гонконгская Восточноазиатская академия подготавливала кадры для оккупационной администрации из среды гонконгских китайцев (первоначально после захвата колонии в управленческом аппарате преобладали китайцы — выходцы с Тайваня). Наряду с пропагандой изучения японского всемерно поощрялись местные диалекты, чем отрицалась роль путунхуа как государственного языка, да и сама идея единства Китая.

Китайские газеты «Тяньинь жибао», «Сянган жибао», «Цзюю жибао», «Наньхуа жибао», издававшаяся на базе «Саут Чайна морнинг пост» газета «Гонконг ньус»²⁵, а также Восточноазиатская культурная ассоциация вели активную пропаганду идеи «Азии для азиатов». В Гонконге демонстрировалось довольно много кинофильмов, в 1943 г., например, — 137 (из них 56 японских и 67 китайских), в основном старые киноленты, поскольку отсутствовали условия для съемок новых (в довоен-

ное десятилетие в Гонконге снимали в среднем 16 фильмов в неделю). Любопытно, что с точки зрения оккупантов было возможным показывать американские фильмы («Багдадский вор», «Знак зера», «Серенада солнечной долины»). Однако в основном экран заполняли такими фильмами, как «Битва за Малайю», «Захват Сингапура», «Американское поражение у Пёрл-Харбора», «День победы над Англией» (о падении Гонконга). Местному населению старались внушить мысль о том, что Гонконг навечно вошел в состав Японской империи. С этой целью уничтожили все английские памятники, улицы переименовали на японский лад, а военное командование начало строительство памятника японским солдатам, павшим в боях за Гонконг.

Налеты американской авиации на Гонконг начались летом 1942 г. и особенно усилились в 1944—1945 гг. Было потоплено немало японских военных судов, которые явились главными объектами бомбежек. Однако серьезно пострадали и мирные жители, в некоторых районах подверглись разрушению до 60% зданий, из-за попаданий в школы погибли сотни детей [66, с. 103—104].

Характеризуя период оккупации в целом, можно сказать, что это было время тяжелых испытаний для жителей Гонконга, подвергавшихся постоянным унижениям, издевательствам со стороны японских властей. Сколько-нибудь состоятельные лица могли в любой момент попасть за решетку, где их пытками вынуждали отказаться от всего в пользу чиновников оккупационной администрации и предателей из числа местных китайцев. Голод, а вслед за ним и физическое истощение жителей достигли высокой степени. Гонконг превратился в мертвый город «сферы процветания Восточной Азии»²⁶.

Период послевоенного восстановления

14 августа 1945 г. японский император принял решение о капитуляции, о чем было сообщено телеграммой японским войскам в Гонконге 15 августа. Находившийся в заключении в лагере Чичжу секретарь колониального правительства Ф. Джимсон поспешил поднять над Гонконгом британский флаг и начал налаживать работу аппарата управления. До прибытия английского флота поддержание порядка возложили на японскую армию.

Поспешность Джимсона впоследствии высоко оценили в Лондоне: ведь над колонией мог быть поднят и китайский флаг. В годы войны Чан Кайши неоднократно поднимал вопрос о восстановлении китайского суверенитета над Гонконгом. На Каирской конференции в ноябре 1943 г. Ф. Рузвельт поддержал идею его превращения в управляемый Китаем международный порт. Однако У. Черчилль занял по данному вопросу резко от-

рицательную позицию [47, с. 215]. При обсуждении представителями союзных держав вопросов послевоенного урегулирования в январе 1945 г. Китай снова выдвинул требование о возвращении Гонконга, исходя в первую очередь из того, что это была первая незаконно отторгнутая территория, создавшая прецедент для последующего расчленения Китая. Великобритания отвергла требование Чунцина, мотивируя отказ тем, что для Англии Гонконг имеет огромное экономическое и стратегическое значение, к тому же объем вложенных средств не позволяет в ближайшем будущем передать его Китаю [110, с. 80—83]).

К моменту окончания войны Чан Кайши стало ясно, что о возвращении Гонконга не может быть и речи. Тем не менее, когда 18 августа 1945 г. английский посол передал китайскому правительству ноту, извещавшую, что британские военные части в скором времени войдут в Гонконг, Чан Кайши сделал попытку помешать этому. Английским дипломатическим представителям заявили, что колония находится в зоне, где в соответствии с достигнутым союзниками соглашением капитуляцию Японии должна принимать китайская армия. Чан Кайши в телеграммах от 16 и 20 августа просил вмешательства Г. Трумэна, который занял выжидательную позицию. 21 августа 1945 г. Чан Кайши отдал распоряжение войскам Второго фронта двигаться в направлении Гонконга. Все попытки английских представителей в Китае добиться отмены этого решения не достигли цели. И тем не менее Чан Кайши не добился своего, поскольку начатая генералом Чжан Факуем перегруппировка войск задержала их движение, и англичане успели попасть в колонию первыми (гоминьдановскому правительству пришлось удовлетвориться участием в церемонии капитуляции 16 сентября генерал-майора Пань Гохуа (см. [295, 1986, № 1, 2, с. 100—102]).

Британские суда под командованием контр-адмирала Ч. Харкурта прибыли в Гонконг 30 августа 1945 г. Была создана военная администрация. Для возобновления деятельности гражданских властей из Лондона прибыла специальная комиссия, образованная из чиновников военного министерства и министерства колоний. Постепенно в Гонконге началась работа по наведению порядка. Разоруженных японских солдат направили на расчистку улиц, разборку разрушенных зданий. Были предприняты меры по борьбе с особенно активизировавшимися в период перехода власти преступными бандами. Колониальное правительство, которое вновь возглавил губернатор М. Янг, начало свою работу с 1 мая 1946 г. Армия продолжала оказывать содействие властям. Например, в 1946 г. вооруженные силы выполняли функции полиции (см. [110, с. 80—83]).

Торговля возобновилась уже в конце ноября 1945 г. При этом были введены стабильные цены на основные продовольственные товары (рис, муку, свинину, соль), рис и мука распределялись по карточкам²⁷.

Наряду с нехваткой продовольствия администрации при-

шлось в срочном порядке решить вопрос о денежном обращении, чтобы жизнь Гонконга могла войти в нормальную колею. Японцы практически полностью изъяли из обращения гонконгские доллары, используя их как конвертируемую валюту для внешнеэкономических операций, и заменили их военными бонами. Поэтому англичанам пришлось надпечатывать новую стоимость на купюрах, выпущенных японскими оккупационными властями, и казначейских билетах правительства Ван Цзинвэя, а также обращаться с просьбой о займах к ростовщикам и менялам, аккумулировавшим за время войны огромные суммы гонконгских долларов. Объявленные недействительными банкноты «Гонконг-Шанхайской банковской корпорации» (те, что в начале своего правления пустили в обращение японцы) продолжали циркулировать. Их не удавалось изъять, поскольку фальшивомонетчики подделывали даты выпуска и серии. В результате банку пришлось объявить 2 апреля 1946 г. о принятии этих купюр к оплате. Эта мера была вызвана также и еще одной причиной: после официального объявления 24 сентября 1945 г. о прекращении обращения японских военных бон обнаружилась потребность в денежных знаках (см. [66, с. 162, 165; 18, с. 23]).

В первые послевоенные годы колониальная администрация рассматривала проблему конституционной реформы, с целью создания такой системы управления, в которой было бы шире представлено местное население (обладающее хотя бы правом совещательного голоса). Причин, почему английские власти пошли на это, было несколько. Во-первых, послевоенные годы характеризовались исключительным подъемом борьбы всех народов мира за национальное освобождение. В самом Китае шла гражданская война между коммунистами и сторонниками гоминьдана. Следовало учитывать и резкий рост национального самосознания, чему способствовал также и период японской оккупации Гонконга; враждебность отношения населения к колонизаторам усугублялась пропагандой идеи единства народов Азии в борьбе с европейским колониализмом. Во-вторых, перед Англией стояла задача скорейшего восстановления Гонконга, что было бы невозможно без участия местного населения, как трудящихся, так и буржуазии и интеллигенции.

Выступая на заседании законодательного совета в сентябре 1946 г., губернатор М. Янг высказался за назначение китайцев на должности в административном аппарате, включая самые высокие. С этого момента для местных жителей открылись двери многих ведомств, где ранее на руководящих постах служили только европейцы: управления железной дороги, службы здравоохранения, других подразделений колониальной администрации. Большое число китайцев приняли на работу в полицию.

Отдельные функции колониальной администрации, в первую очередь поддержание порядка, коммунальное хозяйство, М. Янг предлагал передать Городскому совету²⁸, полномочия которого

распространялись бы на собственно Гонконг, а также на Цзюлун (в те годы «Новые территории» являли собою преимущественно сельскую местность).

По его мысли, 30 членов Городского совета избирались бы на 3 года. Половина членов должна была представлять европейское меньшинство, другая половина — китайское население. Две трети членов совета избирались бы корпусом выборщиков (мужчин и женщин), достигших 25 лет, владевших китайской или английской грамотой, а также соответствующих установленному имущественному цензу либо являвшихся присяжными в суде. Для китайского населения должны были быть образованы десять избирательных округов (6 в Гонконге, 4 в Цзюлуна — по одному депутату от каждого), для европейцев — один избирательный округ (с десятью вакансиями). Еще одна треть, или 10 членов, Городского совета назначались бы влиятельными организациями: китайцы — Китайской торговой палатой (1), профсоюзами (2), Гонконгским университетом (1), мировыми судьями (1); европейцы — Гонконгской генеральной торговой палатой (2), Ассоциацией жителей Гонконга (1), Ассоциацией жителей Цзюлуна (1), мировыми судьями (1). Большинство в совете было заранее гарантировано колонизаторам и их союзникам из среды гонконгской буржуазии.

Предложения М. Янга не встретили, однако, одобрения ни в Лондоне, ни в Гонконге. Английская буржуазия колонии не проявляла интереса к политической реформе, поскольку будущее Гонконга представлялось им достаточно неопределенным в связи с событиями в Китае и острыми проблемами послевоенного восстановления. Местные китайские предприниматели, составлявшие большинство деловых кругов, вообще были далеки от того, чтобы относиться к Гонконгу как к постоянному месту жительства. Для них главный интерес представлял бизнес. В Лондоне министерство колоний резко возражало против сопутствовавшей проекту идеи финансовой самостоятельности колонии: Гонконг становился богаче с каждым годом, и метрополия предпочитала сама распоряжаться средствами колонии. Высказывались также опасения, что чрезмерная либерализация и система прямых выборов позволят гоминьдану вмешиваться во внутренние дела Гонконга, внедрив своих агентов в правительство колонии [206, с. 96].

В июле 1947 г. М. Янга сменил новый губернатор А. Грантэм, который не столь рьяно выступал за реформу системы управления. В ходе длительного обсуждения в 1949, 1950 и 1952 гг. реформу признали нецелесообразной. Колониалисты руководствовались при этом теми соображениями, что введение избирательной системы, лишаящей права голоса большинство китайского населения колонии, вызовет осложнения в отношениях с КНР, которые и так были напряженными, в особенности после начала войны в Корее.

Англичане ограничились незначительными изменениями в

структуре законодательного совета. Если раньше из девяти официальных членов совета пятерым членством полагалось по должности, а четверых назначал губернатор, то теперь по должности быть в составе совета полагалось уже семерым чиновникам. Из числа восьми неофициальных членов четверо назначались губернатором, двое — городским советом, один — мировыми судьями, один — Гонконгской генеральной торговой палатой.

Постепенно закладывались основы системы местного самоуправления в сельской местности. В «Новых территориях» сразу после войны проживало 170 тыс. человек. Этот район заново разделили на 38 округов, где местные жители, в основном крестьяне, рыбаки и мелкие торговцы, избирали местных старост, которые потом, в свою очередь, избирали Консультативный совет «Новых территорий».

Процесс восстановления экономики проходил довольно болезненно. Как и в предвоенный период, во второй половине 40-х годов сельское хозяйство и рыболовство, наряду с торговлей, оставались основными видами занятий большинства населения Гонконга. Результаты японской оккупации для аграрного сектора оказались особенно плачевными. Земли истощились, были заражены завезенными с Тайваня паразитами, животноводство пришло в упадок: например, поголовье свиней составляло 20% довоенного уровня. Оставшиеся в Гонконге семьи рыбаков (за годы войны их численность сократилась с 77,9 тыс. чел. до 26,2 тыс. чел.) находились на грани вымирания от голода. Власти немедленно стали предпринимать меры, направленные на оживление рыбного промысла. Возобновилась деятельность созданного еще японцами в 1943 г. рыболовецкого кооператива, объединяющего отдельные рыболовецкие общины, сбывавшие рыбу на оптовой ярмарке [287, с. 119]. Идея создания кооператива была нацелена на сокращение зависимости рыбаков от эксплуатировавших их посредников, которые тем не менее еще в течение многих лет сохраняли исторически сложившееся влияние. Кооператив также оказывал материальную помощь своим членам. В результате за 1946—1950 гг. добыча рыбы возросла в 8 раз (до 16,4 тыс. т) [20, с. 41].

Одновременно начала развиваться сеть снабжения крестьян химическими удобрениями, семенами, создаваться система переработки городских нечистот в удобрения. Для освобождения крестьян от эксплуатации торговцев-посредников, что замедлило бы восстановление сельского хозяйства в трудные для колонии годы, гонконгские власти открыли оптовую ярмарку овощей в Цзюлуэне. Правительство утвердило ряд проектов по строительству рынков и пристаней, которые также должны были способствовать быстрому росту производства продовольствия. Попытки механизации рыболовного промысла длительное время не давали результатов, поскольку у рыбаков не было на это средств, а двигатели, предлагавшиеся властями, не годились для судов китайской традиционной конструкции. Немало

сил было положено на восстановление зеленых насаждений, обеспечивающих колонии поддержание необходимого уровня воды в резервуарах. Деревья подвергались варварской вырубке в годы войны из-за нехватки топлива для электростанции.

Постепенно возобновилось производство в судоремонтной, спичечной, резиновой промышленности. Из-за военных разрушений к концу 1946 г. функционировали лишь 903 фабрики, включая мастерские (в 1941 г. их было почти 2 тыс.) [18, с. 11]. Ощущалась нехватка сырья (особенно в текстильной промышленности) и квалифицированных рабочих. Дело в том, что многие из оставшихся в Гонконге рабочих страдали от недоедания и не могли работать полный рабочий день²⁹, а прибывавшая в колонию из Китая рабочая сила³⁰ в массе не имела высокой квалификации и не соответствовала современным требованиям [18, с. 9].

Нехватка сырья в сочетании с другими проблемами послевоенного восстановления затрудняла подъем производства. В 1946 г. его уровень в резиновой промышленности составил 20% довоенного, в лакокрасочной промышленности — 70, в судоремонтной — 30—40, консервной — 40%. Сказывался и массовый вывоз в Японию в годы войны машинного оборудования, а около 50% оставшихся машин пришло в состояние негодности (см. [18, с. 38—41]). В результате число занятых в этих отраслях в 1946 г. (30 тыс.) было в 3 раза меньше, чем в 1941 г. Рост оплаты труда отставал от повышения уровня цен. В 1946 г. по сравнению с 1939 г. цены на рис возросли в 12 раз, на рыбу — в 5, на говядину, свинину, растительное масло, топливо — в 6 раз, в целом по сравнению с 1938 г. цены на продовольствие и промышленные товары выросли в 7—7,5 раза [18, с. 24]. Месячный же заработок водителя автобуса увеличился с 41 до 176,5 гонк. долл., т. е. в 4,3 раза, поденная оплата труда кули с 50 центов до 3,4 гонк. долл., т. е. в 6,8 раза. На фабриках оплата поденного труда у мужчин составляла 2—10 долл., у женщин 0,7—1,3 долл., а рабочий день составлял 9 и более часов [18, с. 15].

Следует отметить, что в связи с подорожанием товаров и услуг власти в 1946 г. платили своим служащим ежемесячное пособие около 80 долл., а в 1947 г. провели общее повышение окладов.

Хотя в Гонконге существовало законодательство, гарантировавшее минимальную заработную плату, 9-часовой рабочий день, ограничивавшее ежедневную переработку двумя часами с соответствующим повышением оплаты труда на 150% (Указ о промышленных советах 1940 г.), обязывавшее хозяев заключать письменный контракт при найме на срок больше месяца, предупреждать об увольнении за месяц (Указ о нанимателях и слугах 1902 г.), требовавшее гарантий безопасности труда, ограничивавшее ночной труд женщин и детей (Указ о фабриках и мастерских 1937 г.), условия труда оставались исключительно

но тяжелыми. Включение властями в состав Консультативного совета по труду³¹ наряду с европейскими и китайскими предпринимателями представителей китайских рабочих и создание в июне 1946 г. Бюро труда, призванного наблюдать за нормальным уровнем заработной платы и питанием рабочих, ни в коей мере не способствовали улучшению положения трудящихся. На большинстве китайских предприятий, например, длительность рабочего дня при семидневной рабочей неделе составляла 10—11 часов. Подростков моложе 14 лет заставляли работать полный рабочий день [19, с. 12].

В 1946—1947 гг. Гонконг захлестнули забастовки. Рабочие требовали увеличения оплаты труда. Наиболее крупными были забастовки рабочих—энергетиков «Гонконг электрик К°», «Чай-на лайт энд пауэр К°» в 1946 г., рабочих трамвайного депо, сигаретной и веревочной промышленности в 1947 г. В августе того же года почти в течение целого месяца бастовали 11 тыс. членов профсоюза промышленных рабочих — Союза китайских механиков (потери предпринимателей составили 236 тыс. человеко-дней), добившихся повышения зарплаты квалифицированных рабочих на 50%, чернорабочих — на 20—30% (см. [19, с. 12; 20, с. 5—6]).

Для профсоюзного движения в послевоенные годы по-прежнему были характерны неоднородность и раздробленность. В 1947 г. в колонии насчитывалось 147 союзов рабочих (от состоящих из нескольких сот членов до пятидесятичного Союза моряков; крупнейшими были также Союз китайских механиков, Гильдия водителей автомобилей, Клуб рабочих верфи военноморского флота, Союз кули «Тун так» и др.). Некоторые союзы включали как работников, так и хозяев, например, профсоюз уличных торговцев (4 тыс. работников и 1 тыс. хозяев) и Гонконгская ассоциация джонок (6 тыс. работников и 2 тыс. хозяев). Существовали, кроме того, многочисленные объединения предпринимателей, союзы кустарей. Даже колониальные власти стали проявлять заинтересованность в слиянии этих образований в более крупные, с тем чтобы более эффективно их контролировать, о чем приняли специальное постановление «Билль о профсоюзах и промышленных спорах».

Перерегистрация профсоюзов, однако, не привела к сокращению их числа: в 1948 г. получили лицензии 97 профсоюзов и 17 ассоциаций работодателей, подали прошение об утверждении еще соответственно 83 и 60. Во главе рабочего движения стала Федерация профсоюзов, в которой пользовались влиянием китайские коммунисты. Федерация успешно провела в 1948 г. забастовку на предприятии американской компании «Тексас ойл К°».

Подъем рабочего движения в первые послевоенные годы происходил в основном под лозунгами борьбы за экономические интересы трудящихся. Одновременно шел процесс преобразования части союзов и гильдий в современные профсоюзы

и, наоборот,— части объединений, включавших как рабочих, так и работодателей, в замкнутые корпоративные объединения, связанные с тайными обществами.

Начало гражданской войны в Китае привело к бегству капиталистов Шанхая и Гуанчжоу в Гонконг, где открылись многие новые предприятия. В результате в 1947—1948 гг. несколько улучшилось положение в области занятости. В 1947 г. в металлообрабатывающей и химической промышленности трудилось 24,5 тыс. человек, в других отраслях обрабатывающей промышленности — 31,5 тыс., в секторе коммунальных услуг — 3 тыс. Сохранялась практика широкого использования женского, в основном неквалифицированного труда: в промышленности Гонконга работали около 20 тыс. женщин и девушек, более 30% из них — чернорабочими [19, с. 14].

Вновь открывавшиеся фабрики лишь в исключительных случаях являлись крупными предприятиями. Как правило, они представляли собой мастерские с парой десятков работников, причем хозяин часто трудился вместе с ними. Нехватка подходящих помещений, связанная с дороговизной строительных работ, наряду с изнуряющим темпом работы приводила к росту травматизма.

Оживление промышленного производства привело к некоторому улучшению условий жизни населения. Если сразу же после оккупации властям приходилось бесплатно кормить почти 90% жителей Гонконга, раздавать одежду, содержать ночлежки для бездомных, поддерживать существование наиболее неимущей части населения за счет найма 30—40 тыс. чернорабочих для очистки улиц, то в 1947—1948 гг. ситуация изменилась: постоянно снижались цены на продовольствие и промышленные товары, что сопровождалось повышением зарплаты, в некоторых случаях на 130% и более [18, с. 41—44].

Эти явления стали результатом возобновления внешней торговли, оборот которой в ноябре 1945 г. составлял 12 млн., а в конце 1946 г.— уже в среднем 141,6 млн. гонк. долл. в месяц. В целом за 1946 г. импорт составил 933,5 млн., а экспорт — 765,6 млн. гонк. долл., что существенно превысило довоенный уровень, однако значительная доля этого увеличения пришлась на послевоенный рост цен. Возрождению Гонконга в качестве центра международной торговли в немалой степени способствовало то, что гонконгский порт практически не был разрушен и в 1946 г. принял столько же грузов, сколько в лучшие довоенные годы.

На ход послевоенного экономического развития Гонконга повлиял ряд факторов. В первую очередь следует назвать события в Китае, экономическая и политическая дестабилизация которого вследствие гражданской войны поставила под угрозу будущее колонии. Обесценение китайской валюты, ограничение импорта в Китай в сочетании с резким повышением цен на китайские товары негативно сказывались на торговле. Началась

активная переориентация интересов местных предпринимателей на Таиланд и Малайю. Кроме того, местный бизнес активно включился в реэкспорт американских товаров, а также в поставки в США сырья с Дальнего Востока. Быстро росла торговля с Японией. Преодолению негативных явлений, связанных с кризисом в торговле с гоминьдановским Китаем, способствовали также дешевизна рабочей силы и скорость обслуживания грузов в порту, завоевавшая Гонконгу международную популярность. Сказанное отнюдь не означает, что все обстояло совсем благополучно. Склады Гонконга были завалены товарами, предназначавшимися для Шанхая и нередко выбрасывавшимися на внутренний рынок по демпинговым ценам.

В конце 1948 г. снова начался рост цен: резко усилился приток беженцев и возник дефицит ряда промышленных товаров. В то же время из-за задержки отправки товаров в Китай многие фирмы разорялись, что вело к росту безработицы. Одновременно наблюдалось снижение уровня оплаты труда, рост заработной платы в 1947—1948 гг. оказался временным. Большинство фирм практиковали не постоянный, а поденный наем. Поэтому тысячи рабочих могли в любой момент оказаться на улице. Возникшие кризисные явления сопровождались жестоким эксплуатацией. Если в 1947 г. произошел 191 серьезный несчастный случай в промышленности, то в 1948 г. — уже 436.

На состояние гонконгской экономики оказали негативное воздействие также события в ряде стран Юго-Восточной Азии. Речь идет о политических беспорядках в Таиланде и подъеме национально-освободительной борьбы в Индокитае и голландской Ост-Индии. Возникли проблемы приобретения сырья и в других странах, что было сопряжено с дополнительными расходами.

Время серьезных испытаний и перестройки наступило для текстильной промышленности. Следует напомнить, что в те годы текстиль и продовольствие составляли 50% экспорта Гонконга. Причем хлопчатобумажную пряжу приходилось покупать в Японии по высоким ценам, что делало гонконгскую продукцию неконкурентоспособной по отношению к японской на рынках Юго-Восточной Азии. Владельцы 600 гонконгских текстильных фабрик вынуждены были объединить свои капиталы для строительства более крупных и современных предприятий, для чего пригласили специалистов из Шанхая, которые к тому же занялись обучением рабочих. Появились новые рынки сбыта текстиля — Юго-Восточная и Западная Африка, Ближний Восток.

В 1948 г. постепенно начали восстанавливаться экономические отношения с Северо-Восточным Китаем, ставшим базой китайской революции; торговля же с гоминьдановскими районами практически прекратилась. В дальнейшем за счет развития связей уже с государственными торговыми учреждениями КНР товарооборот с другими частями Китая снова возрос. Если в

1949 г. Гонконг имел в торговле с Китаем дефицит в 8 млн., то в 1950 г.—положительное сальдо в размере 603 млн. гонк. долл. (см. [36]).

Что касается политических отношений колонии с гоминьдановским правительством, то они в 1945—1947 гг. характеризовались определенной напряженностью. Чан Кайши не оставлял надежд на возвращение хотя бы «Новых территорий» под суверенитет Китая, однако не имел возможности даже начать переговоры по этому поводу. Проявляя пассивное сопротивление, Китай отказал англичанам в проведении делинеации границы Гонконга в районе Шатоуцзяо, на отдельных участках которой во время войны были снесены пограничные знаки. В конце 1947 — начале 1948 г. китайско-английские отношения еще более обострились вследствие попыток колониальных властей выселить жителей трущоб на территории старого Цюлуна, который формально подпадал под юрисдикцию (фактически не осуществлявшуюся) китайских властей. В Цюлуне возникли беспорядки, что повлекло за собой размещение в городе полицейских частей. Гоминьдановское правительство заявило протест английскому послу, для переговоров с губернатором в Гонконг прибыл министр иностранных дел Е Гунчао. Англичанам пришлось остановить начатую операцию. Однако и настойчивости китайских властей скоро пришел конец [107, с. 92—93].

30 января 1948 г. Великобритания и Китай заключили двустороннее соглашение о борьбе с контрабандой, значение которого для гоминьдана было настолько велико, что вопрос о Цюлуна больше не поднимался, а 15 апреля при участии китайских представителей наконец произошла делинеация границы в Шатоуцзяо.

Китайское правительство давно стремилось к заключению таможенного соглашения. Оно выступало с этой инициативой еще в 1911 и 1929 гг. Однако тогда англичане отвергали подобные предложения. Теперь же Великобритания, чтобы хоть как-то поддержать разваливающийся режим Чан Кайши, решила «поступиться своими суверенными правами» и разрешить гоминьдановским властям создать пункты таможенного досмотра в Гонконге и Цюлуна, а также патрулировать заливы Шэньчжэньвань и Дапэнвань. В соответствии с соглашением китайские таможенники собирали пошлины с грузов, отправлявшихся морем в порты Китая, а также облагали налогом товары, следовавшие через четыре фиксированных контрольно-пропускных пункта на границе.

Английские власти поддерживали дружественные отношения с гоминьдановскими властями Гуандуна — губернатором Сун Цывэнем и генералом Чжан Факуем. Колониальная администрация старалась не допускать чрезмерной активизации оппозиционных гоминьдану сил на территории Гонконга. Власти объявили, что лица, активно занимающиеся антиправительственной пропагандой, могут быть высланы из Гонконга. Одно-

временно китайским властям оказывалась материальная помощь. Так в Шанхай было отправлено безвозмездно 10 тыс. т риса.

Расширение гражданской войны в Китае привело к тому, что Гонконг захлестнула волна беженцев (население увеличилось в 1947—1950 гг. с 1,75 млн. до 2,23 млн.). Социологическое обследование 1947 г. показало, что в колонии 9 тыс. беспризорных детей (благотворительные организации взяли на попечение 2 тыс. из них, а остальные так и остались на улице) [36, с. 14]. Власти были вынуждены открыть бесплатные столовые, которые, правда, обслуживали только 3—4 тыс. человек (50% из них — детей). Возникшие на территории Гонконга лагеря беженцев стали средоточием бедности и болезней, чем не преминули воспользоваться члены мафии, начавшие нещадно эксплуатировать беженцев, оказавшихся без средств к существованию. Широкое распространение получила система торговли детьми, с которой властям не всегда удавалось эффективно бороться [19, с. 79—80].

Резко возросла преступность. Грабежи, пиратские нападения на рыболовецкие джонки и пассажирские пароходы, шантаж стали обычным явлением. Поначалу полиция, состав которой поредел в годы войны, с трудом поддерживала порядок. В 1946 г. был издан указ об особых правах охраны государственных учреждений и армейских складов, разрешавший открывать огонь при малейшей угрозе нападения. Проведенная в 1947 г. властями кампания по борьбе с тайными обществами привела к разгрому 27 организаций, к депортации более ста их членов и аресту 77 человек. Это, однако, не повлияло кардинальным образом на степень активности хуэйданов. Власти безуспешно пытались добиться порядка за счет повальных арестов (в 1948 г. — 25,1 тыс. человек) и применения унизительных наказаний (в том же году высекли 4,5 тыс. человек).

К тому же стали учащаться случаи взяточничества и вымогательства колониальных служащих. Опасаясь всплеск недовольства в этой и так взрывоопасной ситуации, губернатор издал в 1948 г. указ, предоставлявший органам прокуратуры широкие права по выяснению финансового положения чиновников в случае возникновения подозрений в коррупции. Одновременно были приняты меры, направленные на обеспечение безопасности колонизаторов в случае возникновения беспорядков. Дело в том, что успешное продвижение Народно-освободительной армии на юг вызвало патриотический подъем в пров. Гуандун, а также в Гонконге, и англичане чувствовали себя неуверенно. Указ о поддержании общественного порядка от 1948 г. разрешал губернатору в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств объявить комендантский час, закрыть границы, эвакуировать отдельные районы колонии, закрыть порт и запретить проход судов через воды Гонконга. Поскольку опасались, что освободительная борьба китайского народа сможет охватить и

Гонконг, началось восстановление гонконгского корпуса добровольцев (в составе 4,5 тыс. человек).

Значительные разрушения в районах проживания китайцев³² (без крова осталось 170 тыс. чел.) в сочетании с бесконтрольным ростом населения привели к чрезвычайной скученности жителей (см. [66, с. 163; 20, с. 10]). Десятки тысяч людей жили в развалинах и трущобах, не хватало питьевой воды, отсутствовала нормально функционирующая канализация. Появились случаи заболевания холерой, в 1946—1947 гг. вспыхнула эпидемия оспы. Значительное число жителей-китайцев продолжало страдать от истощения (в 1947 г. от болезни бери-бери умерло 1318 человек), свирепствовал туберкулез (смертность составляла 36%). Детская смертность возросла в 1946—1947 гг. со 109 до 119‰. В последующие два года на детей приходилось 30% умерших в колонии [18, с. 72—73].

Начавшееся в конце 40-х годов оживленное строительство не могло решить жилищную проблему вследствие постоянного притока беженцев. В результате в трущобах и палатках жили к 1950 г. 330 тыс. человек. Власти не церемонились с беженцами, так в 1950 г. они снесли 17,1 тыс. хижин, оставив без крова 106,7 тыс. человек. В том же году в результате пожара в цзюлунских трущобах оказались на улице еще 20 тыс. Лишь небольшая часть этих людей (5—20% в зависимости от месяца года) имела работу, прочие же практически не располагали средствами к существованию [20, с. 59—60]. Колониальная администрация пыталась депортировать их обратно в Китай, что привело к некоторому сокращению населения. В 1950 г. был принят закон о депортации, позволявший властям высылать всех лиц, не имеющих документов на право жительства в Гонконге.

Удручающим оставалось положение в сфере образования, на которое ни у правительства, ни тем более у местных капиталистов долго не находилось денег. Многие школьные здания фактически представляли собой руины, не хватало учебников и оборудования. Если в 1941 г. школу посещали 120 тыс. детей, то в 1945 г.— всего 3 тыс. Государственные школы охватывали только 10% детей, остальные могли обращаться лишь в платные учебные заведения (см. [20, с. 45—47]). Несмотря на постановления властей, плата за обучение постоянно завышалась из-за нехватки мест в школах. В целом во второй половине 40-х годов более или менее успешно было налажено лишь начальное образование. К 1948 г. обучалось уже 120 тыс. из 225 тыс. детей в возрасте от 5 до 12 лет. Открылись школы в сельской местности для детей крестьян, рыбаков [20, с. 45—47]. Среднее образование могли получить только 20 тыс. человек. Осознавая необходимость целенаправленного воспитания сторонников колониального режима, англичане стали разрешать детям из китайских семей, владеющих английским языком, поступать в элитарные европейские учебные заведения. Для по-

вышения квалификации работников разных профессий, а также подготовки новых специалистов, способных решать задачи послевоенного экономического развития, были открыты Технический колледж (преобразованный из Промышленной школы) и Вечерний институт. Для подготовки учителей открыли Норткотский подготовительный колледж и Сельский подготовительный колледж в Фэнлине. В 1948 г. власти окончательно отказались от идеи ликвидации Гонконгского университета, который сразу же после войны возобновил свою деятельность и к 1948 г. имел 516 студентов.

Гонконг и победа народной революции в Китае

После второй мировой войны Гонконг вновь становится опорной базой для коммунистов и других политических сил, находившихся в оппозиции к гоминьдану. Там зарождалось сотрудничество между КПК и демократическими партиями в процессе подготовки Народной политической консультативной конференции, послужившей началом образования КНР.

В послевоенные годы в Гонконге возникло несколько изданий КПК. Находившийся там в течение нескольких месяцев в 1946—1947 гг. Ся Янь наладил публикацию газеты «Хуашан бао», тираж которой достиг 10 тыс., а также небольшой газеты «Чжэнбао», редактором которой был Фан Фан. После ухода партизанских отрядов из Дунцзяна на север в 1945—1946 гг. он стал секретарем гонконгской партийной организации, возглавил партийную работу в Гуандуне, Гуанси, Юньнани [188, с. 329].

Под его руководством была проведена работа по упорядочению партийных рядов. В соответствии с «Указаниями о работе в южных провинциях» ЦК КПК Фан Фан и командир партизан Линь Пин приняли в декабре 1946 г. решение о возобновлении вооруженной борьбы в Гуандуне. Подготовка к ней включала в себя проведение совещания ответственных партийных работников провинции, а также создание учебных групп для партийных кадров. В феврале 1947 г. гонконгская организация КПК приняла резолюцию по документу ЦК КПК от 1 февраля «Приветствуем новый подъем революции в Китае», в которой указывалось на необходимость активнее разворачивать борьбу против гоминьдана. Особенно активно партизанская борьба в Гуандуне, руководимая из Гонконга, велась осенью 1947 г. Тогда губернатором Гуандуна назначили Сун Цзывэня, чтобы превратить провинцию в надежную опорную базу гоминьдана. Партия выдвинула лозунги «Померяемся силами с Сун Цзывэнем», «Идти впереди Сун Цзывэня» [83, с. 352—353].

В «Чжэнбао» и издававшемся Ху Шэном и Чжан Ханьфу журнале «Цюньбао» Фан Фан пропагандировал политику пар-

тии (в частности, в статьях «О некоторых вопросах современной вооруженной борьбы в деревне», «О современном моменте», «Политический бой с Сун Цзывэнем»).

Ся Янь, фактически являвшийся заместителем секретаря организации КПК Гонконга, в 1947 г. посетил Сингапур с целью ведения среди китайского населения патриотической пропаганды и сбора средств для продолжения издания «Хуаншан бао» и впоследствии был выслан английскими колониальными властями. По возвращении в Гонконг он стал издавать два приложения к газете — «Жэфэн» и «Чатин». На страницах партийной печати Ся Янь резко критиковал сторонников «третьего пути» в развитии Китая, особенно тех из них, кто выступал за сотрудничество с США. В Гонконг переехал и запрещенный гоминьдановцами журнал «Ецао», в приложении к которому («Ецао пуншу») Ся Янь пропагандировал земельную реформу, проводимую в освобожденных районах, идею союза КПК с демократическими партиями. Зарубежной пропагандой занимался Цяо Гуаньхуа, издававший на английском языке журнал «Китай сегодня».

В послевоенные годы Гонконг стал важным центром борьбы КПК за укрепление единого демократического фронта. В английской колонии нашли убежище многие оппозиционные гоминьдану политические деятели. В середине 1947 г., скрываясь от преследования чанкайшистов, туда прибыл левый гоминьдановец Тань Пиншань, создавший в 1944 г. «Ассоциацию сочувствующих трем народным принципам» и выступавший за продолжение курса I съезда гоминьдана на союз с коммунистами и Советской Россией. В Гонконге он совместно с оппозиционерами-гоминьдановцами Хэ Сянин, поэтом Лю Яцзы, генералами Чэнь Миншу, Чжу Юньшанем, Цай Тинкаем, Ли Цзишэнем принял участие в создании (1 января 1948 г.) Революционного комитета гоминьдана (РКГ), почетным председателем которого стала Сун Цинлин. Вскоре к ним присоединились Фэн Юйсян и У Маосунь, основавшие отделение РКГ в США, а также юньнаньский милитарист Лун Юнь. Они призвали к прекращению гражданской войны и заключению союза между гоминьданом и компартией. С заявлением об этом выступил Ли Цзишэнь, за что 6 августа 1947 г. был исключен из гоминьдана [216, т. 2, с. 294].

В 1947 г., спасаясь от репрессий гоминьдановских властей, из Шанхая в Гонконг переехали руководители Ассоциации содействия развитию демократии Ма Сюйлунь, Ван Шаоао, Сюй Босинь, Чжоу Цзяньжэнь. Они начали в Гонконге кампанию против созданного Чан Кайши в Нанкине Национального собрания, призывали к свержению гоминьдановского режима.

Когда основная оппозиционная буржуазная партия Демократическая лига была поставлена вне закона, ее лидеры Чжан Боцунь и Шэнь Цзюньжу бежали в Гонконг, где провели 3-й пленум Лиги [312, 11.01.1986]. В январе 1948 г. участники

плenums призвали «бороться до последнего за уничтожение нанкинской реакционной диктатуры, за установление полной демократии, за мир, независимость и единство нового Китая» [310, 1985, № 9]. Именно на 3-м пленуме Лига перестала претендовать на роль «третьей силы» и бесповоротно встала на сторону КПК. Началась работа по упорядочению отделений Лиги в освобожденных районах.

В 1946—1947 гг. в Гонконг переехали отошедшие от гоминьдана руководители Партии справедливости Сыту Мэйтан и Чэнь Цилун. Выступая за союз с коммунистами, они начали реорганизацию партии. На ее III съезде председателем был избран Ли Цзишэнь, заместителем — Чэнь Цилун (Ли Цзишэнь никогда не обнародовал свои связи с этой партией, так как уже был избран к этому времени председателем другой партии — РКГ [312, 02.11.1985]).

В послевоенные годы в связи с ужесточением гоминьдановской цензуры в Гонконг из Шанхая переехали такие влиятельные газеты, как «Шэнь бао», «Синьвэнь бао». Благодаря помощи Ли Цзишэня и семьи шанхайского капиталиста Ю Цяцина известный журналист Сюй Таочэн смог наладить в колонии выпуск газеты «Вэньхуэй бао». Прогрессивных деятелей поддерживали газета «Хуанань жибао» (издатель Лю Сыму) и еженедельник «Синци бао» (издатель Ху Симин) (см. [128, с. 179—181; 131, т. 6, с. 129]).

Следует отметить, что в конце 40-х годов, как и в довоенный период, в Гонконге находились представители всех имеющих в Китае партий и политических движений. В частности, там скрывался с конца 1948 по 1949 г. бывший соратник Чэнь Дусю, троцкист Пэн Шучжи. Он издавал там на китайском языке журнал троцкистской Социалистической рабочей партии США «Четвертый интернационал» [216, т. 3, с. 76].

Перед гонконгским бюро КПК встала задача установления сотрудничества с представителями демократических партий, заявивших о своей поддержке компартии. 1 мая 1948 г. последовал призыв КПК к укреплению единого демократического фронта и развернулась подготовка к проведению новой политической консультативной конференции, созданию коалиционного правительства. На специальных семинарах, посвященных теоретическим и организационным проблемам единого фронта, выступали Мао Дунь, Го Можо, Тань Пиншань, Шэнь Цзюньжу.

Одновременно КПК продолжала руководить освободительной борьбой в Гуандуне. В начале 1949 г. гонконгское бюро КПК обратилось с призывом к населению Гуандуна решительно сопротивляться развернутому генералом Юй Ханьмоу террору, создавать революционные опорные базы. Фан Фан активно участвовал во всех совещаниях кадровых работников, а также в подготовке к весеннему наступлению на районы, занятые войсками гоминьдана (см. [83, с. 361—364]). Успешно проводи-

лась пропаганда в войсках противника: многие военнослужащие гоминьдановских войск переходили на сторону КПК.

В ответ на первомайский призыв ЦК КПК деятели демократических партий — Ассоциации содействия развитию демократии, РКГ, Крестьянско-рабочей демократической партии, Демократической лиги, Союза спасения государства, Объединенного союза сторонников «трех народных принципов» и других — направили 5 мая из Гонконга телеграмму Мао Цзэду с выражением полной поддержки политики компартии.

Летом 1948 г. по распоряжению Чжоу Эньлая началась подготовка к переезду деятелей демократических партий из Гонконга на Северо-Восток для участия в работе Народной политической консультативной конференции. Операция эта требовала основательной проработки и большой конспирации, поскольку гоминьдановцы преследовали многих оппозиционеров, находившихся в Гонконге. Например, генерал Ян Цзе (участник движения в защиту республики в пров. Юньнань, Северного похода, сподвижник Чан Кайши, в конце 30-х годов посол в СССР), принявший приглашение участвовать в первой сессии НПКК, был зверски убит в Гонконге 19 сентября 1949 г. на пути следования в Пекин (см. [13], т. 9, с. 39—42; 176, с. 557).

Представитель КПК Цянь Чжигуан, которому было поручено организовать доставку делегатов, отправился в Пхеньян, где арендовал советское торговое судно, направив его в Гонконг. Принадлежавшая КПК компания «Ляньхэ гунсы» под видом отправки товаров в Далянь частично осуществила перевозку участников конференции. Их собирали в заранее условленных местах, по Гонконгу группы передвигались по разработанным маршрутам ночью, чтобы избежать встречи со знакомыми. Ответственными за операцию в Гонконге были Фан Фан, Пань Ханьнянь и Ся Янь. В первой группе во второй половине августа отбыли из колонии Шэнь Цзюньжу, Тань Пиншань, Цай Тинкай, Чжан Боцзюнь, проследовав через Корею в Харбин. Для переезда второй группы было отправлено второе советское судно, на этот раз из Даляня. Однако из-за его аварии пришлось арендовать другое, на этот раз норвежское судно. В конце октября колонию покинули демократические деятели Го Можо, Ма Сюйлунь, Чэнь Цилун, Сюй Гуанпин, Ша Цяньли, Цао Мэнцзюнь, Хуань Сян, Фэн Юйфан, Хань Ляпчэн. С ними же поехали коммунисты Ху Шэн и Лян Гуань. Третья группа, которая по просьбе Чжоу Эньлая была принята советскими учреждениями в Даляне, оказалась наиболее многочисленной и насчитывала около 30 человек. В ее состав вошли писатель Мао Дунь, философы Дэн Чуминь и Ши Фулян, поэт Лю Яцзы, экономист Ма Иньчу, историк Чэнь Боцзань, оппозиционеры из рядов гоминьдана Пэн Цзэминь, Ли Миньсинь [175, с. 191—193]. В этой же группе ехал Ли Цишэнь³³. Третья группа отплыла в Далянь 26 декабря 1948 г. Последняя, четвертая группа, в которую входил, в частности, лидер движения за рас-

пространение профессионально-технического образования Хуан Яньпэй, отплыла из Гонконга весной 1949 г.³⁴.

К этому времени КПК уже имела официальную канцелярию в Гонконге, которая, например, устроила торжественный банкет в отеле «Глостер» по случаю взятия Нанкина. После отъезда из Гонконга последней группы деятелей единого фронта колонию покинули такие видные деятели партии, как Фан Фан, Инь Линьпин, Чжан Ханьфу. Работу продолжали вести Цяо Гуаньхуа, Ся Янь, Сюй Дисинь.

В апреле 1949 г. гонконгское бюро КПК переименовали в Южнокитайское бюро ЦК КПК, которое возглавил Фан Фан, до лета 1949 г. находившийся в Гонконге.

После падения гоминьдановского режима огромные массы беженцев — чиновники правительственного аппарата, представители крупной и средней буржуазии, интеллигенции — устремились в Гонконг³⁵. Многие из них задержались в колонии и занялись бизнесом. Так, Ду Юэшэн вместе с финансистом Цянь Сипьчжи основали транспортную фирму «Фусин ханье гуисы», которая после смерти Ду Юэшэна была в 1950 г. переведена на Тайвань. Переехали в Гонконг владелец Шанхайского банка Чэнь Гуанфу и владелец Первого коммерческого банка Чжэньяна Ли Мин. Стал председателем совета директоров страховой компании «Пасифик иншуренс» бывший гоминьдановский посол в США Ван Чжэнтин [162, с. 675, 677].

В Гонконге находилось множество учреждений правительства Чан Кайши, служащие которых также оказались в положении эмигрантов: военная делегация Китая, подразделение китайской военной полиции, специальный представитель министерства транспорта, отделение гоминьдана в Гонконге и Макао и др. [107, с. 99]. Многие служащие гоминьдановских учреждений выступили в поддержку революции и перешли на сторону КПК. Так, о своей лояльности в отношении КНР заявили представители Китайской национальной авиакорпорации и Центральной корпорации воздушного транспорта. Эти компании располагали в Гонконге 71 самолетом, на которые также претендовали американские предприниматели. Однако гонконгский суд, возможно находясь под влиянием назревавшего установления отношений между Англией и КНР, отверг их иск³⁶. В ноябре 1949 г. примеру двух авиакомпаний последовали работники гонконгского торгового отдела гоминьдановского Комитета по ресурсам, благодаря чему КНР были возвращены 3376 т вольфрама, сурьмы и олова стоимостью 5 млн. ам. долл. и промышленное оборудование на сумму 500 тыс. ам. долл. [144, с. 168].

Представители буржуазной интеллигенции и гоминьдановские бюрократы развернули в Гонконге антикоммунистическую пропагандистскую кампанию. При поддержке созданного на американские деньги «Азиатского фонда» началось издание целого ряда антикоммунистических изданий (журналов «Дасюэ шэн-

хо», «Чжунго сюэшэн чжоубао», «Эртун лэюань», «Жэньжэнь вэньсюэ», «Хайлань», «Цзуго», «Чжиши»), которые практически монополизировали информационный рынок Гонконга. Издательство «Гаюань» публиковало произведения авторов, враждебно относившихся к революции, призывавших к борьбе с коммунистами (Сюй Су, И Цзюньцзо, Цюй Чжэньли, Ша Цяньмэн, Дуань Муцин, Ли Со, Сы Го).

Лишь небольшая группа литераторов (Ма Лан, Ян Цигуан, Ли Вэйлин) пыталась противостоять резкой политизации литературы, старалась познакомить читателей с достижениями прогрессивного искусства на Западе в журналах «Синьсычао», «Хаованцзяо», «Вэньи синьчао». Они создали Ассоциацию современной литературы и эстетики (Сяндай вэньсюэ мэйшу сехуэй) (см. [164, с. 130—132]).

Некоторые буржуазные политики, солидаризовавшиеся с гоминьданом, развернули свою деятельность в Гонконге. Так, в мае 1949 г. в колонии состоялось заседание постоянного комитета Социал-демократической партии Китая, участники которого выразили поддержку политики Чан Кайши [181, с. 543]. Бывший лидер Младокитайской партии Цзо Шуньшэн издавал в Гонконге антикоммунистический журнал «Цзю чжаньсянь». Он отстаивал идею «спасения Китая силами третьей партии», подвергая критике отдельные аспекты политики гоминьдана [216, т. 3, с. 214].

Что касается отношений между народной властью и колониальной администрацией, то, несмотря на то что Англия признала КНР, контактов между Гонконгом и властями пров. Гуандун практически не было, сократилось движение через границу. Гарнизоны островов к югу и юго-востоку от Гонконга обстреливали суда, направлявшиеся в колонию, если те заходили в территориальные воды Китая. В августе 1950 г. командованием британского флота было принято решение открывать ответный огонь. В связи с этим глава гуандунского провинциального правительства Е Цзяньин предупредил, что в случае дальнейших нарушений морского и воздушного пространства КНР будут приняты серьезные ответные меры.

Экономические отношения Гонконга с КНР в первые годы ее существования

Как уже отмечалось, после образования КНР доля Китая во внешней торговле Гонконга снова начала увеличиваться (в 1949 г.— 20%, в 1950 г.— 30%). Экспорт в Китай возрос за год на 150%, а оборот торговли составил 2,3 млрд. гонк. долл. [20, с. 34].

Однако с началом американской агрессии на Корейском п-ове гонконгские власти были вынуждены вслед за ведущими империалистическими державами ввести ограничения на

поставку в Китай 200 видов продукции. Когда же в декабре 1950 г. США ввели эмбарго на торговлю с Китаем, а также с Гонконгом и Макао, как территориями, тесно связанными с китайской экономикой, колония оказалась в крайне затруднительном положении.

В начале 50-х годов Гонконг обладал довольно развитой промышленностью (более 150 отраслей, включая судостроительное и судоремонтное, текстильное, резиновое, стекольное, лакокрасочное, кожевенное производства). В конце 1951 г. в Гонконге было 1873 фабрики и мастерские, на которых работало почти 95 тыс. чел. [23, с. 33]. Процветала киноиндустрия, где среди множества мелких фирм выделялась семь крупных компаний-гигантов. Особенно быстро вырос объем производства и повышался уровень технической оснащенности в текстильной промышленности (в значительной степени благодаря поступлению оборудования из Шанхая, а также из Японии в счет репараций). Строительство новых предприятий по производству пряжи до введения эмбарго привело к насыщению внутреннего рынка и началу ее экспорта. Именно этот самый большой (187,5 тыс. веретен в 1950 г. [23, с. 47]) и самый современный сектор промышленности первым оказался под ударом: прекратились поставки американского хлопка, сократился импорт из Индии. Многие фабрики закрылись, другие оказались наполовину загруженными. Следствием этого вновь стал рост безработицы, обнищание трудящихся. Предприниматели вынуждены были покупать сырье в Западной Европе и Японии по более высоким ценам, под гарантию гонконгского правительства, что фабрики не предназначаются для КНР.

Необходимость считаться с принятой ООН под давлением США резолюцией от 18 мая 1951 г. о всеобщем эмбарго на торговлю с КНР вынудила гонконгских бизнесменов искать новые рынки сбыта своей продукции, прежде всего в Индонезии, Таиланде, Сингапуре. Увеличение оборота внешней торговли в 1950—1951 гг. с 7,5 млрд. до 9,3 млрд. гонк. долл. объяснялось прежде всего ростом цен на сырье и промышленную продукцию (в некоторых случаях до 100%). Значительно увеличился товарооборот с Великобританией (на 37—40%) и со странами Содружества, импорт из Японии возрос на 71%.

Сохранялся достаточно высокий уровень в торговле с КНР (оборот в 1951 г. — 2,47 млрд. гонк. долл.) [23, с. 43—44]. Торговлю Гонконга с отдельными районами Китая в 1950—1951 гг. характеризуют следующие данные (млн. гонк. долл.) [23, с. 49]:

	Импорт		Экспорт	
	1950 г.	1951 г.	1950 г.	1951 г.
Северный Китай	355,7	326,5	677,2	524,1
Центральный Китай	136,1	53,3	361,3	78,7
Южный Китай	366	483,1	422,6	1001
Тайвань	—	62,3	—	139,3

Как видно, гонконгские фирмы продолжали активно торговать с КНР, не сообразуясь ни с какими политическими соотношениями. Им даже удалось повысить цены на ряд товаров, что выглядело вполне естественным в условиях резкого ухудшения внешнеторговой конъюнктуры КНР.

В 1949 г. власти ввели закон о запрещении забастовок и локаутов, направленный прежде всего против деятельности Федерации профсоюзов, организовавшей зимой 1950 г. забастовку работников гонконгского трамвая, закончившуюся столкновениями с полицией. Временный подъем рабочего движения, вызванный резким ростом цен на промышленные товары, а также ростом патриотических настроений после победы революции в Китае, вскоре пошел на спад из-за резкого увеличения безработицы. Кроме того, Совет профсоюзов Гонконга, в руководстве которого большинство принадлежало гоминьдановцам, проводил политику сотрудничества с работодателями и властями.

На рубеже 40—50-х годов закончился непростой для Гонконга переходный период. Сложностям послевоенного восстановления сопутствовала необходимость приспособления к новым политическим реалиям Китая и сохранения конкурентоспособности на мировых рынках. С этими задачами гонконгская буржуазия так или иначе справилась (не в последнюю очередь за счет нещадной эксплуатации дешевого труда гонконгских рабочих).

Враждебность империализма по отношению к народной власти в Китае, отсутствие дипломатических отношений между КНР и рядом стран Запада — все это сделало Гонконг наиболее подходящим местом для создания этими государствами своих представительств на границе КНР. Здесь открылись генеральные консульства США, Франции, Бельгии, Италии, Индонезии, Южной Кореи, Голландии, Таиланда, Панамы, консульства Аргентины, Норвегии, Филиппин, Португалии, Швейцарии, торговые представительства Австралии и Канады [23, с. 14]. Многие из них занимались сбором сведений о событиях в КНР, разведывательной деятельностью. Гонконг приобрел функцию «замочной скважины» в двери в Китай.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОНКОНГА

**Превращение Гонконга
в современный индустриальный анклав
азиатско-тихоокеанского региона**

События конца 40-х — начала 50-х годов оказали негативное воздействие на последующее развитие Гонконга. Важнейшим из факторов такого рода стала народная революция в Китае и последовавшее за ней образование КНР, принципиально изменившее характер отношений между Гонконгом и Китаем. Следует напомнить также и о значении экономических санкций Запада против КНР, вступившей в войну в Корею: в августе 1950 г. был запрещен экспорт в Китай 200 видов промышленной продукции, а в декабре дополнительно еще 100. В марте 1951 г. США объявили уже о полном эмбарго на сделки с КНР, распространявшемся и на Гонконг, который традиционно рассматривался как неотъемлемая часть китайского рынка.

Возникла проблема выживания колонии. В предыдущей главе мы отчасти коснулись того, какими путями местная буржуазия пыталась вывести Гонконг из кризиса. Речь шла о развитии местного промышленного производства и превращении Гонконга в центр международной торговли на Дальнем Востоке.

Благоприятными предпосылками для выхода из кризиса были наличие современного порта, выгодное географическое положение (на перекрестке торговых путей), стремление крупных английских монополий сохранить за Гонконгом роль важного экономического анклава.

В распоряжении гонконгских предпринимателей находилась многочисленная рабочая сила: население колонии в 1950 г. составляло 2,06 млн., в 1956 г. — 2,67, к 1967 г. достигло 3,87 млн. Основным источником его роста стала эмиграция из КНР: за 1948—1958 гг. переселился 1 млн. чел., а в 1962 г. последовала новая волна беженцев¹ (см. [89, с. 105; 250, с. 14, 22; 25, с. 18]). Эмигранты готовы были работать в любых условиях и за любую плату. Как отмечает китайский экономист Чжэн Дэлян, по сравнению с нищетой китайской деревни любой заработок в Гонконге казался беженцам приемлемым [144, с. 281—283]. В результате за 1951—1960 гг. на базе использования дешевой ра-

бочей силы оборот внешней торговли возрастал в среднем на 5% в год, а норма прибыли — на 6,5%. В то же время положение трудящихся ухудшалось, среднедушевое потребление сократилось за тот же период с 1600 до 1400 гонк. долл. в год (в ценах 1952—1953 гг.) [245, с. 231—232].

С 1951 по 1965 г. число промышленных предприятий возросло с 1785 до 8492, а численность занятых на них рабочих с 93,6 до 357,5 тыс. человек. Это были преимущественно мелкие фабрики. Так, в 1961 г. предприятий с 1—9 рабочими насчитывалось 2330, 10—19 рабочими — 1293, 50—99 рабочими — 398, 100—199 рабочими — 242, 200—499 рабочими — 151, 500—999 рабочими — 35, 1000—1999 рабочими — 24. Более крупные фабрики появились лишь в середине 60-х годов, причем только один завод насчитывал в те годы более 5 тыс. рабочих (см. [36]).

На долю предприятий, где работали члены одной семьи, приходилось 46,9% мелких предприятий, причем на 38,8% трудились только прямые родственники хозяина. Это приносило элемент внеэкономического принуждения в процесс производства и значительно удешевляло его.

Множество мелких фабрик приступило к массовому выпуску дешевых потребительских товаров на экспорт. Особенно быстро развивались текстильная промышленность и производство одежды. За 1955—1967 гг. производство хлопчатобумажной пряжи возросло с 37,3 тыс. до 137,1 тыс. т (на 367%), шерстяной пряжи — с 1,0 тыс. до 7,9 тыс. т (на 783,5%), а выработка синтетического волокна составляла 5—7 тыс. т в год. За то же время производство тканей возросло с 129,6 млн. до 619,9 млн. кв. м (на 478%). Эти данные говорят об интенсивном развитии прядильного (число крупных фабрик увеличилось с 21 до 39, а число веретен с 314,1 тыс. до 807,9 тыс.) и ткацкого производства (число фабрик увеличилось с 116 до 216, число ткацких станков к концу периода достигло 23,7 тыс.). В структуре экспорта продукция текстильной промышленности в течение многих лет занимала ведущее место. Вместе с готовой одеждой она составила в 1952 г. — 26,5%, в 1957 г. — 43,34, в 1962 г. — 42,53, в 1967 г. — 49,96% (см. [36, с. 48, 63, 80, 81]).

Второе место в структуре экспорта занимала группа товаров, объединившая сантехнику, обувь, галантерею, часы, фотоаппараты и оптику, мебель и некоторые другие (за те же годы доля этой группы в экспорте составляла соответственно 10,5%, 14,29, 22,1 и 25,57%). И наконец, продолжало развиваться производство электроаппаратуры и запасных частей к ней (соответственно 1,3%, 1,54, 2,92 и 15,7%) [28, с. 3].

Наплыв гонконгской продукции уже в середине 50-х годов сталкивался с серьезным противодействием со стороны правительств импортирующих стран. Так, в 1955 г. Канада и Австралия потребовали ограничить ввоз гонконгской резиновой обуви, а США, ЮАР и Тринидад — хлопчатобумажных товаров. К кон-

цу 50-х годов ограничения на ввоз текстиля из Гонконга были введены также во Франции и Англии, Французской Западной Африке, странах Бенилюкса, Кении и Уганде. Приведенные сведения позволяют судить о значительном расширении торговой экспансии гонконгской буржуазии во многих регионах земного шара.

Если раньше экспорт из Гонконга направлялся преимущественно в Китай, то к 1957 г. основными торговыми партнерами колонии стали Англия, Малайя, США и Индонезия (в сумме до 50% экспорта), а главными статьями экспорта — текстиль, одежда, обувь, эмалированная посуда [24, с. 90]. Следует отметить, что важную роль в восстановлении экономики Гонконга в 50-е годы по-прежнему играли имперские преференции — налоговые льготы при поставке в страны британского Содружества наций, на которые приходилось в конце 50-х годов 45% гонконгского экспорта [26, с. 69].

Значительные трудности вызвала процедура отправки товаров в США. По введенным Вашингтоном в 1952 г. правилам, только те товары, о которых достоверно было известно, что они произведены в колонии, могли поставяться в Соединенные Штаты. Гонконгские власти создали специальную систему контроля, в рамках которой соответствующие удостоверения выдавались Генеральной торговой палатой Гонконга, Федерацией гонконгской промышленности, Индийской торговой палатой Гонконга, Ассоциацией китайских промышленников, Китайской генеральной торговой палатой [30, с. 92]. В 1958 г. уже 772 предприятия имели лицензии, позволявшие продавать их продукцию в США. Американское эмбарго стало стимулом для развития в Гонконге отраслей, продукция которых ранее реэкспортировалась из Китая. В результате значительно возросла доля местной продукции в гонконгском экспорте (с 25% в 1952 г. до 42,2% в 1958 г.) [25, с. 9, 15].

Неверно было бы полагать, что Гонконг совершенно не реэкспортировал китайские товары. КНР на протяжении 50—60-х годов поставляла в колонию крупные партии продовольствия и промышленных товаров. За счет этого импорта удовлетворялись потребности населения в дешевых продуктах питания, потребительских изделиях, причем часть китайских товаров переупаковывалась и вывозилась за границу под видом гонконгских.

Импорт из развитых капиталистических стран обеспечивал непрерывное развитие промышленности в колонии, будучи источником сырья (США), полуфабрикатов (Япония), машин и транспортного оборудования (Англия, Япония, США, ФРГ), продуктов химической промышленности (США, Япония, Англия, ФРГ, Швейцария). Значительны были поставки сырья и химикатов и из КНР.

На протяжении 50—60-х годов доля США и других развитых капиталистических стран в импорте Гонконга возрастала

высокими темпами при снижении удельного веса КНР (млн. гонк. долл.) (см. [36, с. 97—104]):

	1952 г.	1957 г.	1962 г.	1967 г.
КНР	830,27	1131,1	1213,0	2281,9
США	221,06	539,0	792,37	1410,9

Тем не менее за КНР сохранялось первое место, на втором были США, потом шли Япония и Англия. Среди прочих торговых партнеров Гонконга в этот период можно назвать в Западной Европе — ФРГ, Бельгию, Францию, Швейцарию, Голландию и Италию, в Азии — Тайвань, Таиланд, Индию, Пакистан, Малайю и Израиль, а также Канаду, Австралию, ЮАР.

Параллельно с развитием торговли увеличивался и объем морских перевозок, осуществлявшихся через порт Гонконга. Если в 1952 г. он составил 4395 тыс. т, то в 1967 г. уже 9526 тыс. т. По данным 1956 г., ежемесячно на гонконгском рейде стояло примерно 300 судов [301, с. 29]. Значительно более медленными темпами нарастали мощности в авиатранспорте (соответственно 3 тыс. и 26 тыс. т) и железнодорожных перевозках (222 тыс. и 596 тыс. т), зато увеличились перевозки на джонках между Гонконгом и прибрежными районами Китая (с 465 тыс. до 1489 тыс. т) [36, с. 14]. Развитие порта повлекло за собой прирост мощностей в судоремонтной и судостроительной промышленности. Так, в 1959 г. только на двух крупнейших доках Гонконга было построено 458 судов, общим водоизмещением 1,7 млн. т [26, с. 63].

Трудности с реализацией гонконгского текстиля в ряде стран в начале 60-х годов, в том числе вследствие повышения тарифов в ЮАР, Нигерии, Австралии и Цейлоне, заставили гонконгскую буржуазию еще более активно искать новые сферы приложения капитала. После введения в 1962 г. импортных квот в США, Канаде, Норвегии и ФРГ текстильная промышленность Гонконга вступила в период застоя. В то же время наметилось оживление производства пластмасс (в том числе игрушек и искусственных цветов). По-прежнему набирало темпы производство одежды, в особенности сорочек и шерстяного трикотажа (его было продано в 1962 г. на 181 млн. гонк. долл., т. е. на 98% больше, чем в 1961 г.) (см. [30, с. 41, 73, 74, 79]). В электронной промышленности возникло около 20 новых фирм, которые только за один 1962 год увеличили вывоз транзисторных радиоприемников в 4 раза (на 784 тыс. шт.), 55,3% из них шли в США и 32,7% в Англию. Однако в те годы Гонконг еще зависел от импорта транзисторов и диодов из Японии. В мае—июне 1962 г. он был приостановлен Токио из опасения репрессий в адрес Японии со стороны американских властей. В соответствии с договоренностью, достигнутой позже, гонконгские радиоприемники, собранные из японских деталей, не должны были поставляться в страны Северной Америки (см. [30, с. 75,

84]). О стремительном развитии электронной промышленности можно судить по тому, что к 1968 г. Гонконг уже вывозил 16 млн. радиоприемников, а в структуре экспорта электроника занимала третье место после текстиля и одежды (см. [31, с. 53, 55]). К этому времени колония уже не зависела от японских поставок, поскольку при содействии американских фирм было налажено местное производство электронных компонентов.

Начали работать на экспорт и другие отрасли машиностроения. Гонконг стал продавать более чем в 70 стран станки для воздуходувной и впрыскивательной формовки пластика, сверлильные и токарные станки, кромкозагибочные машины. В порту была налажена разборка старых судов на металлолом [30, с. 72].

Зависимость гонконгской экономики от конъюнктуры на мировых рынках дала о себе знать и в конце 60-х годов. К тому времени наступил спад в металлургической промышленности, которая оказалась не в состоянии конкурировать с предприятиями Японии и КНР и была вынуждена ограничиться обслуживанием внутреннего рынка. В то же время внезапный кратковременный всплеск моды на парики в 1968 г. на время обеспечил работой свыше 13 тыс. человек [31, с. 55].

На рубеже 60—70-х годов произошел новый перелом в развитии Гонконга. К этому времени высокого уровня развития достиг целый ряд отраслей промышленного производства, быстрыми темпами велось жилищное и промышленное строительство. Интенсивно росли новые индустриальные центры — Шатянь, Тунмэнь, Цюаньвань, Гуаньтан (население каждого из них к концу 70-х годов достигло полумиллиона человек (см. [32, с. 88—89; 35])). Уже к середине 60-х годов в Гуаньтане, где строительство шло на территории, отвоєванной у моря (примерно 250 га), в специальной промышленной зоне функционировало 642 фабрики [35, с. 55]. По своему характеру они напоминали традиционные семейные фабрики: число рабочих в среднем не превышало 50, владельцем фабрики в 56,8% случаев было одно лицо, а еще в 20,4% случаев — семья; капитал, как правило, не превышал 200 тыс. гонк. долл. (около 35 тыс. ам. долл.); все производственные операции разворачивались на небольшой площади (не более 186 кв. м) (см. [25], с. 35, 52]).

Именно благодаря этим мелким фабрикам, работавшим по системе субподряда, крупным предпринимателям Гонконга удавалось быстро перестраивать производство в соответствии с изменениями в рыночной конъюнктуре и успешно конкурировать с продукцией из других стран. Дешевизна товаров обеспечивалась сохранявшейся низкой заработной платой (примерно 650 гонк. долл. в месяц на предприятиях среднего размера)²; высокой производительностью труда (в 1969—1973 гг. при ежегодном росте занятости на 8,7% объем только экспортной промышленной продукции возрастал в среднем на 11,9% в год);

максимально эффективным использованием промышленного оборудования (например, к началу 70-х годов в текстильной промышленности машины работали фактически непрерывно — 24 часа в сутки 360 дней в году) (см. [25], с. 55, 56; 259, с. 259]). Важно отметить, что небольшие фабрики Гонконга, ожесточенно конкурировавшие друг с другом, стремились предельно быстро провести модернизацию и интенсификацию производства, чтобы быть более конкурентоспособными.

Разрастание промышленных зон и новых городов привело к тому, что индустриальное производство начало проникать и на «Новые территории» (в середине 50-х годов там проживало всего 11,6% населения Гонконга), вытесняя сельское хозяйство. К тому же в аграрном секторе начался процесс разорения мелких хозяйств вследствие внедрения современных методов земледелия и животноводства и обострения конкуренции между производителями. Массовый экспорт дешевых продуктов питания из КНР окончательно подорвал позиции местного сельского хозяйства. Часть разорившихся жителей сельских районов «Новых территорий» пополнила ряды гонконгского рабочего класса, многие же эмигрировали³.

К началу 70-х годов значительное развитие получили отрасли экономики, благодаря которым впоследствии Гонконг выдвинулся в азиатско-тихоокеанском регионе на роль международного финансового и торгового центра. В колонии сформировался модернизированный комплекс торговых услуг (упаковка, доставка и пр.), построены современные складские помещения в порту, в Куйюне вырос контейнерный терминал. Кроме того, возник целый ряд частных и государственных организаций, главной целью которых являлось содействие дальнейшему развитию внешнеэкономических связей: Ассоциация гонконгских экспортеров, Ассоциация производителей хлопчатобумажной пряжи, Совет по вопросам производительности труда, Ассоциация управления. В середине 60-х годов образовалась Компания по страхованию экспорта (к 1968 г. объем застрахованных сделок достиг 800 млн. гонк. долл.) [31, с. 5].

Одновременно быстрыми темпами развивалось банковское дело. С 1954 по 1967 г. число действовавших в Гонконге банков возросло с 29 до 75, а вклады в них — с 926 млн. до 8162 млн. гонк. долл. [36, с. 151]. Это был исключительно быстрый скачок в развитии, особенно если учесть, что еще в середине 50-х годов в «Новых территориях», например, вообще отсутствовали банковские конторы и население сдало деньги на хранение в крупные магазины [24, с. 79]. Однако главным направлением деятельности банков являлось, конечно, не обслуживание населения, а кредитование промышленности и торговли. К 1967 г. ежегодная сумма банковских займов достигла 5401 млн. гонк. долл., из которых на промышленность приходилось 19,8%, на торговлю (в основном внешнюю) — 31,4, на строительство — 16,4% [36, с. 152].

К середине 70-х годов Гонконг представлял собою город (вернее несколько городов) с населением 4,3 млн. человек [186, с. 11]. В некоторых районах плотность населения достигла 144,3 тыс. человек на 1 кв. км [186, с. 372]. В колонии была создана развитая промышленность и инфраструктура. За 1947—1971 гг. потребление электроэнергии возросло с 91 млн. до 4891 млн. кВт·ч в год [275, с. 21]. Удельный вес промышленного производства в 1976 г. составил 26,6% валового внутреннего продукта колонии, достигшего в кризисный 1975 г. 37,3 млрд. гонк. долл. (в 1976 г. уже 47,2 млрд. гонк. долл.), а в исчислении па душу населения соответственно 8478 и 10 627 гонк. долл. в текущих ценах (в ценах 1966 г. 4602 и 5313 гонк. долл.) [186, с. 391].

Наибольший удельный вес (27%) имела швейная промышленность (в 1976 г. 7969 фабрик, 252,8 тыс. рабочих), на втором месте находилась текстильная промышленность (19,5%). Значимыми отраслями оставались производство пластмасс и изделий из них — 8,5% (4036 фабрик, 82 250 рабочих) и электроника — 10,9%. В последней преобладали предприятия среднего размера (число работающих в среднем 106 человек, всего 672 фабрики с 71 тыс. работников) (см. [186, с. 405—406]). Но в целом в промышленном секторе по-прежнему большинство предприятий были мелкими (менее 50 рабочих). В 1970 г. насчитывалось 11 755 фабрик и 140 093 рабочих; в 1975 г. — 26 962 и 227 753 рабочих (налицо даже сокращение среднего числа работающих).

Местная промышленность продолжала ориентироваться на экспорт. В 1976 г. оборот внешней торговли равнялся 85 480 млн. гонк. долл. Причем экспорт собственно гонконгских товаров составил 32 629 млн. гонк. долл. (78,5% всего вывоза) [32, с. 12]. В экспорте по-прежнему преобладали текстиль и готовая одежда, изделия из пластмасс, электроника, часы и др. Помимо изделий легкой промышленности мировую известность приобрели изготавливаемые в Гонконге машины для воздуходувной и впрыскивательной формовки, а также горячей штамповки выдавливанием, силовые прессы, токарные, поперечно-строгальные, сверлильные и шлифовальные станки, печатные, вязальные и сновальные машины. Не утратили своего значения и такие отрасли, как судоремонт и судостроение [32, с. 13].

На протяжении всего послевоенного периода Гонконг имел пассивное сальдо внешнеторгового баланса, колебавшееся в первой половине 70-х годов в пределах 1,5—3,0 млрд. гонк. долл. [186, с. 411]. Однако вплоть до конца десятилетия дефицит успешно покрывался за счет постоянно развивавшейся непроеизводственной сферы, ставшей важным источником поступления валюты из-за границы.

Соотношение удельного веса обрабатывающей промышленности и отдельных видов непроеизводственной сферы в ВВП

Гонконга в 70-е годы характеризуют следующие данные (%)
[186, с. 401]:

Отрасль	1970 г.	1973 г.	1976 г.	1983 г.
Обрабатывающая промышленность	29,9	26,9	26,6	26,7
Гостиничное дело, розничная торговля	21,8	23	23,7	18,8
Транспорт и связь, складское дело	7,2	5,9	5,9	6,5
Кредитно-финансовые операции	14,3	19,3	18,5	22,0
Личные услуги	18,9	17,4	17,6	16,0

В непроизводственной сфере к 1976 г. было сосредоточено почти 550 тыс. работников.

Гонконг превратился в крупнейший на Дальнем Востоке центр валютно-финансовых операций. Эта область становилась все более значимой в экономике территории, ее доля в ВВП возросла за 1970—1983 гг. с 15 до 25%. В начале 80-х годов в колонии было уже 150 банков (непосредственно в Гонконге функционировали 1393 их отделения), 134 представительства иностранных банков и 300 инвестиционных компаний. Быстро росту банковских вкладов способствовало снижение налога на прибыль в начале 80-х годов с 15 до 10% и отмена обложения вкладов в иностранной валюте [67, с. 61]. В результате в 1986 г. авуары возросли по сравнению с 1961 г. в 211 раз, достигнув 1343,2 млрд. гонк. долл. Численность лиц, занятых в сфере финансов, заметно увеличилась (с 2,7% общего числа лиц наемного труда в 1971 г. до 4,8% в 1981 г.) [155, с. 122].

Значительные успехи были достигнуты в развитии обслуживания международной торговли и туризма⁴. Все это наряду с такими отличительными чертами Гонконга, как политическая стабильность, относительная неразвитость рабочего движения, наличие квалифицированной рабочей силы и ее дешевизна, свобода переводов капиталов и прибылей, низкие налоги и отсутствие сложностей в обслуживании экспорта, сделало колонию привлекательной для иностранного капитала. Его присутствие в Гонконге во второй половине 70-х годов и последующие годы стало особенно заметным.

Другой отличительной чертой экономического развития Гонконга в эти годы стало возрастание его роли в качестве посредника между развитыми капиталистическими странами и КНР, внешнеэкономические связи которой начали расширяться в 70-е годы, в особенности после 1978 г. И наконец, третьим моментом, заслуживающим внимания, стало заметное укрепление позиций внутри Гонконга местного китайского капитала, заметно потеснившего английские монополии.

Неверно было бы утверждать, что иностранный капитал начал поступать в Гонконг лишь в середине 70-х годов. Этот процесс начался десятилетием ранее, однако стал заметным

не сразу. В 1975 г. иностранному капиталу полностью или частично принадлежала 271 фабрика (суммарный капитал — 1730 млн. гонк. долл.), обеспечивавшая 8,7% занятости [32, с. 11, 14]. Уже к 1977 г. их число возросло до 367 (капитал — 1978,5 млн. гонк. долл.). Основными вкладчиками были США (46,5%), Япония (19,9%), Англия (7,5%), Голландия (5,2%), Австралия (4,6%) [269, с. 276]. За исключением текстильной промышленности (доля в структуре иностранных капиталовложений 15,8%) инвестиции направлялись в наиболее перспективные отрасли: производство электроники и электротоваров (36,2%), химическую промышленность (11,9%).

В последней, наиболее интенсивно модернизированной, капиталовложения на одного рабочего составили 402,2 тыс. гонк. долл. [269, с. 277]. В этой отрасли прирост инвестиций был наиболее значительным, составив в 1971—1977 гг. в среднем 160,7% в год. Не в последнюю очередь это было связано с разворачиванием американской монополией «Доу кемикл» производства пластмасс. Второе место по темпам увеличения иностранных инвестиций занимали пищевая промышленность, базировавшаяся в основном на реэкспорте из Китая (139,5% в год), и производство часов, опиравшееся на сотрудничество с швейцарскими фирмами (109,5% в год) [269, с. 290].

В силу исторических причин британский капитал находится в колонии на особом положении. Общая сумма английских капиталовложений на начало 80-х годов составила примерно 15 млрд. гонк. долл. [62, с. 114]. Небольшая группа британских компаний сконцентрировала в своих руках огромные финансовые средства и право контроля над многими сферами гонконгской экономики. На первом месте в ней стоит группа банка «Хуэйфэн» (Гонконг-Шанхайская банковская корпорация). Его прибыли возросли за 1958—1985 гг. с 23 млн. до 2700 млн. гонк. долл., т. е. в 117 раз. Банк имеет в колонии более 400 отделений, является хранителем денежных вкладов 60% населения Гонконга. «Хуэйфэн» остается по-прежнему эмиссионным банком, выпуская 80% бумажных денег. В подчинении у него находятся крупнейшие банки Гонконга — «Хэншэн» и «Юли», а также целый ряд инвестиционных и страховых компаний [164, с. 10]. «Хуэйфэн» контролирует ряд компаний, совершающих операции с недвижимостью, транспортные и складские фирмы. Ему принадлежит 30% акций авиакомпании «Катэй Пасифик».

В совет директоров «Хуэйфэна» входят представители ведущих компаний колонии. Он имеет возможность оказывать воздействие на общественность не только благодаря связям с администрацией, но и через средства массовой информации. Ему принадлежат 10% акций радио и телевидения, 45% акций газеты «Саут Чайна морнинг пост» и еженедельника «Фар Истерн экономик ревью» [168, с. 10—11].

В последние годы в деятельности банка стала заметной тенденция к интернационализации. С одной стороны, это прояв-

ление общего для гонконгских деловых кругов стремления к выходу на мировой рынок, а с другой — свидетельство озабоченности капиталистов перспективами развития после 1997 г., когда Гонконг вернется под суверенитет КНР. В настоящее время «Хуэйфэн» владеет почти десятью торговыми банками за рубежом. Так, он подчинил своему контролю «Марин мидлэнд бэнк» (ныне «Хайфэн») в США, а также Канадский торговый банк (ныне «Гонконг бэнк оф Кэнада»). С 1986 г. в Австралии был создан филиал «Хуэйфэна». С 1983 г. успешно функционирует отделение банка на Тайване. Таким образом, он обеспечил себе позиции для отступления в ведущих капиталистических странах. Лишь в Великобритании «Хуэйфэн» столкнулся с сопротивлением правительства, воспрепятствовавшего переходу в его руки Королевского банка Шотландии. Распространение влияния банка за пределами Гонконга выражается и в перераспределении его капиталов: ныне до 40% их находится в США.

Что касается второго крупнейшего концерна — «ДМК» («Ихэ»), то уже в 1977 г. он имел 11 отделений в странах азиатско-тихоокеанского региона, Англии и ЮАР, а 61,9% его капитала были сосредоточены в странах Западной Европы, ЮВА, Австралии и Новой Зеландии, в Гонконге же — всего лишь 37% (см. [186, с. 347—349]).

«ДМК» увеличила свой капитал за 1967—1980 гг. с 459 млн. до 7467 млн. гонк. долл. Структура капиталовложений выглядит следующим образом: недвижимость — 40%, разработка природных ресурсов — 7, банковское дело и страховые компании — 19, транспорт и сервис — 10, торговля и легкая промышленность — 24%. Концерн владеет более чем 50% акций в 230 компаниях, более чем 20% — в 140.

Среди ведущих английских компаний Гонконга следует также назвать «Тайгу» (в 1977 г. акционерный капитал — 1443 млн. гонк. долл., основная сфера деятельности — операции с недвижимостью и транспорт), а также финансовые группы «Хэцзи Хуанпу» (в 1975 г. оборотный капитал — 805 млн. гонк. долл., вложенные в торговлю, складское хозяйство, разработку недр, финансовые операции), «Хуэйдэфэн» (1977—1978 гг. — 279,5 млн. гонк. долл.), Каддури (Цзядаоли) (в 1976 г. — 1278 млн. гонк. долл., сферы интересов — недвижимость, коммунальное хозяйство) (см. [186, с. 351—355]).

Предприятия с участием английского капитала — одни из самых прибыльных в Гонконге (6—23% прибыли в год) [186, с. 357]. Исторически сложилось, что за небольшим исключением британские инвестиции сосредоточены в непроемкой сфере. На 62 английские фирмы приходится 50% страховых операций в колонии, британские компании обеспечивают 25% морских перевозок между Гонконгом и Западной Европой, 15—25% банковских операций (исключая «Хуэйфэн»), они играют ведущую роль в сфере связи и коммунальном хозяйстве. В про-

мышленности же английские капиталовложения на 1983 г. составили всего лишь 450 млн. гонк. долл. и были сосредоточены в часовой, химической, текстильной, электронной промышленности (всего 49 предприятий, 10 819 рабочих) [62, с. 133].

Для американского капитала наиболее характерно создание предприятий, полностью находившихся в его собственности: его привлекала дешевизна рабочей силы, продукция же почти полностью вывозилась в США. На рубеже 80-х годов американские инвестиции росли исключительно быстро: в 1981 г. они достигли 2 млрд. ам. долл. (см. [186, с. 312, 317—323]). К 1982 г. на долю США приходилось 47% иностранных капиталовложений в Гонконге (90% — в производстве игрушек, более 50% — в электронике, строительстве, химической промышленности и цветной металлургии) [62, с. 114]. К 1986 г. американские капиталы в Гонконге достигли 5 млрд. ам. долл.

Гонконг — крупнейший центр международной деловой активности на Дальнем Востоке. Поэтому он важен для США не только как торговый партнер⁵. В колонии разместились азиатские штаб-квартиры крупнейших американских фирм — «Ван лабораториз», «Вестингхауз», «Бэнк Америка трейдинг корпорейшн». Кроме того, там обособались отделения более 800 компаний из США, в том числе «Доу кемикл», «Ай Би Эм», «Эксон», «Истман кодак», «Мобил ойл», «Ксерокс», 20 банков (среди них «Ситибэнк», «Бэнк оф Америка», «Чейз Манхэттэн бэнк»), 36 инвестиционных компаний и 31 страховое общество [223, с. 5].

Япония — второй по значимости вкладчик капитала в Гонконге (1424 млн. ам. долл. в 1982 г.), на который приходится 7% японских внешних инвестиций. В 1982 г. в колонии было 854 предприятия, созданных на японский капитал: 147 в торговле, 106 в финансах, 380 в обрабатывающей промышленности, 221 в сфере обслуживания. В промышленности японский капитал сосредоточен в основном в электронике, производстве фотоаппаратуры и множительной техники, игрушек и часов. 40% этих предприятий находятся в совместной собственности, они ориентированы в отличие от американских в значительной степени на гонконгский рынок, часть продукции также поступает на экспорт [35, с. 116].

Гонконг является средоточием западногерманских инвестиций в Азии. В колонии функционируют 210 фирм и филиалов из ФРГ. Однако инвестиции ФРГ в Гонконге невелики, в 1981 г. их сумма составила всего 83 млн. марок [62, с. 117]. Среди западноевропейских стран, присутствие которых в экономике Гонконга является ощутимым, следует назвать Швейцарию, Голландию, Данию и Францию. В 1984 г. суммарные капиталовложения из стран ЕЭС составили 172 млн. ам. долл. [223, с. 4].

В последние годы стал заметным приток капитала из Австралии, Тайваня и Южной Кореи (в 1984 г. соответственно 312,

268 и 150 млн. ам. долл.) [223, с. 4]. В начале 80-х годов в Гонконг устремляется капитал из стран Юго-Восточной Азии. Открылись отделения 12 сингапурских и малайзийских банков, одного индонезийского, двух филиппинских и одного тайландского. В 1983 г. предприниматели из стран АСЕАН владели в Гонконге 171 компанией (из них 103 сингапурских); по данным на 1984 г., им принадлежали 33 завода с капиталом 598 млн. гонк. долл. В 1984—1986 гг. наблюдался интенсивный процесс подчинения предпринимателям из стран АСЕАН местных гонконгских компаний (с суммарным капиталом 720 млн. гонк. долл.) и приобретения недвижимости (на 1,13 млрд. гонк. долл.). В 1985 г. в Гонконг поступило 2,5 млрд. гонк. долл. инвестиций из ЮВА, т. е. 10% всех иностранных капиталовложений за этот год [30, с. 72—74].

Наибольшую активность в освоении гонконгского рынка по сравнению с другими странами АСЕАН проявляет Сингапур. На Гонконг приходится 27% иностранных капиталовложений крупнейших сингапурских ТНК (в первую очередь в сферах сервиса, торговли, финансов). Капиталовложения в промышленность незначительны, не создаются также и новые предприятия, поскольку в 80-е годы колония уже не считалась иностранными инвесторами удобным местом для развития экспортных производств⁶, а импортзамещающие отрасли в Гонконге уже достигли предела в наращивании производства (см. [258, с. 343, 349, 350—351]).

Появление на экономической арене Гонконга сингапурских ТНК, имеющих многочисленные филиалы в Таиланде, Малайзии, на Тайване, способствовало дальнейшему укреплению связей между китайской буржуазией Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Экономическая взаимозависимость указанных стран и территорий еще укрепляется за счет усиления непрямой производственной активности гонконгской буржуазии. Зарубежные операции банков Гонконга за 1969—1986 гг. возросли в 755 раз, увеличившись с 250 млн. до 181 200 млн. гонк. долл. [67, с. 62].

Кроме того, уже в конце 70-х годов стал весьма заметен вывоз гонконгского капитала в Юго-Восточную Азию, на Тайвань, в Южную Корею. В Индонезии капиталовложения в основном направлялись в обрабатывающую промышленность и сферу обслуживания (в 1976—1978 гг.—210 млн. ам. долл.; третье место после США и Японии). В этой стране гонконгские компании в основном стремятся к открытию индонезийского рынка для своих товаров. В Малайзии (к 1977 г.—114,7 млн. ам. долл.), напротив, налажено производство продукции на экспорт (текстиль, одежда, электроника). Высокий уровень сотрудничества с местным китайским эмигрантским капиталом (см. [186, с. 336—337]).

Рост инвестиций в Южной Корее и на Тайване (к 1978 г.—в сумме 223 млн. ам. долл. [186, с. 337]) вызван стремлением

гонконгских бизнесменов добиться снижения себестоимости продукции за счет дешевизны рабочей силы и земельных участков. При этом гонконгский бизнес использует в качестве преимущества свой солидный предпринимательский опыт и более совершенную систему управления. Естественные ограничители также влияют на зарубежные инвестиции Гонконга. Так, значительные средства вкладываются в тайваньскую химическую промышленность, поскольку развитие таких производств в колонии невозможно по соображениям охраны окружающей среды.

Остановимся подробнее на экономических связях между Гонконгом и Тайванем. В 50-е — начале 60-х годов в них наблюдался застой, вызванный прежде всего интенсивным развитием импортзамещающих производств на Тайване. Гонконгский экспорт начал постепенно расти лишь с 1966 г. и достиг к 1984 г. объема в 6479 млн. гонк. долл. (средний ежегодный темп роста 26,3%); в основном это реэкспорт готовых изделий, машин и транспортного оборудования [76, с. 54—55]. Собственно же гонконгская продукция в вывозе на Тайвань в послевоенные годы составляла всего лишь 1—2% (в основном промышленное сырье, растительные и животные масла и жиры, химические и продовольственные продукты). Сходна и структура тайваньского экспорта в Гонконг (в 1974—1983 гг. промышленные товары — 12,7%, машины и транспортное оборудование — 7,4, химические товары — 4,5, продовольствие — 2,9%) (см. [76, с. 54—55, 57]). Такое сходство объясняется наличием и в Гонконге, и на Тайване одинаковых отраслей промышленного производства. И тем не менее интенсивная торговля продолжает развиваться. Объем ее достиг в 1985 г. 307,7 млн. ам. долл. [222, с. 72]. Тайвань является четвертым крупнейшим экспортером в Гонконг и пятым импортером гонконгской (в том числе реэкспортируемой) продукции.

К началу 80-х годов Гонконг приобрел статус посредника во внешнеэкономических связях КНР, вступившей на путь модернизации. Это обстоятельство усилило и без того интенсивное сотрудничество гонконгской буржуазии с предпринимателями-китайцами из стран ЮВА и США; к тому же у колонии появилась и новая роль — перевалочного пункта в торговле между КНР и Тайванем⁷.

Важным признаком «китаизации» гонконгской экономики является начавшийся в 70-е годы рост могущества местных китайских компаний (*хуацзы*, в отличие от капитала из КНР — *чжунцзы*), успешно заполнивших вакуум, образовавшийся в результате диверсификации сферы деятельности английских фирм Гонконга. Так, возглавляемая Ли Цзячэном корпорация «Чанцзян» только за 1972—1978 гг. увеличила свой капитал с 84 млн. до 700 млн. гонк. долл. [8, с. 13]. Среди крупнейших капиталистов колонии можно назвать Ли Фушу, Чжоу Синяня, Фэн Бинфэня и, конечно, Бао Юйгана. Последний приобрел известность

как владелец крупнейшего торгового флота на Тихом океане (концерн «Хуаньцю»). Он активно сотрудничает с КНР, в частности входит в Консультативный комитет по разработке основного закона специального административного района Гонконга (см. гл. 6), создал совместную транспортную компанию. Для деловой активности Бао Юйгана в середине 80-х годов характерно стремление установить контроль над компаниями и банками, ранее принадлежавшими европейскому капиталу. Так, в 1985 г. он приобрел контрольный пакет акций группы «Хуэй-дэфэн» (транспорт и недвижимость), стал обладателем 95% акций крупнейшего гонконгского банка «Чартеред бэнк», наравне с «Хуэйфэн» обладающего правом денежной эмиссии.

В заключение данного раздела представляется необходимым остановиться на роли колониальных властей в экономическом развитии Гонконга. В 60-е годы стало ясно, что старая доктрина «невмешательства», когда администрация не оказывала влияния на хозяйственную сферу, уже перестала оправдывать себя. Колониальное правительство начало активно вмешиваться в процесс развития экономики. Так, оно продавало право аренды земельных участков (на 75 лет) компаниям, представлявшим наиболее важные, перспективные отрасли предпринимательства. Право аренды продавалось на аукционе. Доходы администрации от земельной ренты постоянно возрастали, увеличившись с примерно 10 млн. гонк. долл. в середине 50-х годов до 120 млн. гонк. долл. ежегодно в 1969—1971 гг. [275, с. 59—60]. Была создана Корпорация промышленного имущества, призванная стимулировать развитие новых передовых отраслей производства (в начале 70-х годов это были электронная, часовая промышленность), способствовать расширению номенклатуры товаров, внедрению передовой технологии. Наконец, в 1967 г. был учрежден Совет по развитию торговли, базирующийся в гигантском Океанском вокзале Гонконга. Совет представлял интересы почти 3 тыс. фирм, имел представительства в Лондоне, Нью-Йорке, Брюсселе, Сиднее и Найроби. Основной целью его создания было изыскание новых возможностей и преодоление трудностей в развитии гонконгского экспорта [31, с. 58].

При посредстве Великобритании Гонконг официально вошел в ряд международных организаций: Азиатский банк развития, ЮНКТАД, ЭКАДВ, ГАТТ (к моменту заключения китайско-английского соглашения о возвращении колонии под суверенитет КНР общее число международных договоров с участием Гонконга достигло 300, а двусторонних соглашений — 160) (см. [222, с. 74, 302, 370]).

К началу 70-х годов гонконгское правительство стало крупным предпринимателем, сконцентрировав под своим контролем около 40 компаний, обеспечивающих бесперебойное функционирование гигантского и сложного коммунального хозяйства колонии. Речь идет о «Кэйбл энд уаэрлесс лимитед» (телеграф),

«Чайна лайт энд пауэр лимитед» (снабжение электроэнергией), «Чайна мотор бас К°» (городской автобус), «Коммерциал тиви лимитед» (телевидение), «Кросс харбор туннел К°» (строительство и эксплуатация подводного тоннеля между Гонконгом и Цзюлуном), «Гонконг энд Чайна гэс К°» (снабжение газом), а также паромов, аэропорте, коммерческом радиовещании, страховании экспорта, телефонной связи, трамвае, порте, фуникулере на Пике. В сфере торговли правительство контролировало организации по оптовым закупкам и сбыту рыбы и овощей. В соответствии с официальным отчетом за 1986—1987 гг., доходы от различных предприятий составили 12,5% доходов администрации (общая сумма — 38,2 млрд. гонк. долл.).

Особенности социального развития

Процессы интенсивной промышленной модернизации, превращения в международный торговый и валютно-финансовый центр специфически отразились на состоянии гонконгского общества, проявляясь в разнообразных формах сочетания традиционного и современного, национального и интернационального.

Обратимся прежде всего к условиям, в которых жили и трудились те, чьими руками создавалось экономическое процветание Гонконга.

В соответствии с официальной статистикой на 1955 г., на «европейских» предприятиях был установлен 8-часовой рабочий день, на «китайских» же, а таковых было большинство, рабочий день длился 9 часов и производство не останавливалось 7 дней в неделю [28, с. 26—27]. Как показало обследование, по субботам работало 87% рабочих, по воскресеньям — 73%, лишь у 12% рабочий день был ограничен 8 часами, а 42% ежедневно трудились по 11 часов и более [186, с. 280]. Средняя заработная плата составляла 7—12 гонк. долл. (1,2—2,1 ам. долл.) в день у квалифицированного рабочего, 5—6 гонк. долл. (0,9—1,1 ам. долл.) у рабочего средней квалификации и 3—5 гонк. долл. (0,5—0,9 ам. долл.) у чернорабочего [272, с. 16—17]. Администрация предприятия могла произвольно снижать зарплату почти на 25% под предлогом падения прибылей.

Работать приходилось в исключительно тяжелых условиях. Высок был производственный травматизм: в 1953 г. — 707 случаев, а в 1963 г. — уже 10 248 [36, с. 67]. В 1955 г., например, из 3059 несчастных случаев 2,7% имели смертельный исход. В городе не хватало помещений, фабрики подчас размещались в трущобах, где не хватало света и воздуха. В 1955 г. власти закрыли 192 фабрики, которые не соответствовали элементарным требованиям безопасности и гигиены [28, с. 34]. Однако сотни аналогичных случаев остались без внимания. Тем более, что значительная часть мастерских, принадлежавших беженцам из Китая, вообще не была официально зарегистрирована (в кон-

це 50-х годов на таких предприятиях работало предположительно 200 тыс. чел., т. е. в 1,3 раза больше, чем на официально зарегистрированных) [24, с. 81]. В результате тяжелых условий труда широкое распространение получили профессиональные заболевания: силикоз, свинцовые отравления, дерматиты. Очень часты были случаи крайнего обнищания семей, где единственный кормилец умирал от туберкулеза или становился наркоманом [210, с. 72].

Большинство беднейших слоев общества составляли беженцы, бывшие крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники, стремившиеся любыми средствами повысить свое благосостояние. Социологические обследования середины 60-х годов показали, что 49% беднейших семей (с доходом 15,8—17,5 ам. долл. в месяц) ухитрялись делать сбережения каждый месяц, а 69% из них откладывали в среднем по 8,75 ам. долл. (см. [285, с. 186, 209]). Ради накопления денег люди готовы были на любые лишения.

Рабочее движение оставалось в зачаточном состоянии на протяжении всего послевоенного периода. Наряду с общей пассивностью подавляющего большинства трудящихся, стремившихся сохранить рабочее место даже при весьма низкой зарплате, тому были и другие причины.

Профсоюзы Гонконга стали ареной борьбы между компартией и гоминьданом. Руководство Федерации профсоюзов (ФП) поддерживало КНР, а Совет профсоюзов (СП) придерживался протайваньской ориентации. Политические дискуссии отвлекали руководство ФП (к середине 50-х годов она насчитывала 57 профсоюзов) и СП (около 100 союзов) от непосредственной борьбы за экономические интересы трудящихся.

Общим результатом стало снижение числа забастовок. Так, в 1954 г. из-за стачек в Гонконге в целом было потеряно всего лишь 2235 рабочих часов, а в 1955 г.—33567 (при среднегодовом довоенном уровне 145 666 часов) [28, с. 31]. Забастовки были непродолжительны и малоэффективны [143, с. 107].

Показательно, что наиболее распространенным способом борьбы рабочих с предпринимателями стала итальянская забастовка — снижение темпов работы. Применение такого метода затрудняло выявление зачинщиков. А это было весьма важно с точки зрения безопасности рабочих в условиях, когда, по данным на 1961 г., из 1 млн. тружеников лишь 64% получали месячную оплату, а 10% работали поденно и 5% получали почасовую оплату. К тому же существовала категория сезонников, принимавшихся на работу только в случае расширения производства, вызванного повышением спроса на тот или иной товар (в 1962 г. они составляли 4,5% общего числа занятых в промышленности) [210, с. 70].

Кроме того, несмотря на объединение профсоюзов в ФП и СП, множество мелких союзов было слабо связано друг с другом и их члены интересовались в первую очередь проблемами

своей отрасли, не связывая их с задачами объединенного наступления рабочих на капитал.

Следует реалистически оценивать уровень развития рабочего класса тех лет. Мелкие семейные фабрики составляли большинство промышленных предприятий. В 1962 г., только по официальным данным, в колонии было почти 53 тыс. работников семейных предприятий, которые вообще не получали платы за свой труд [30, с. 40]. В рабочей среде значительный удельный вес имели вчерашние крестьяне, представители разорившейся городской мелкой буржуазии. В этих условиях передовой отряд гонконгского рабочего класса — моряки, докеры, трамвайщики — не мог получить широкую поддержку. Важно также, что в рассматриваемый период оплата труда квалифицированных рабочих названных категорий довольно быстро возрастала. Таким образом, наметилась тенденция к формированию рабочей аристократии. Зарплата в некоторых отраслях в 1958—1966 г. увеличилась на 80% (при росте потребительских цен по сравнению с 1947 г. в среднем на 40—50%) (см. [36, с. 136—137, 144; 251, с. 55]).

Постепенно развивалось законодательство, регулировавшее оплату, продолжительность и безопасность труда. В 1958 г., когда проведенные обследования показали, что 65% женщин и 70% мужчин работают «не более 10 часов в день», а средняя продолжительность рабочего дня у первых составляет 9 часов, а у вторых — 9,5 часов, властям пришлось принять ограничительное законодательство [25, с. 32]. Рабочее время «ограничили» 10 часами в день (60-часовая рабочая неделя), хозяев обязали предоставлять женщинам и подросткам еженедельный выходной и не заставлять их перерабатывать более 100 часов в год. Параллельно продолжалась кампания по закрытию предприятий, не соответствовавших требованиям техники безопасности и санитарии (в 1958 г., например, их оказалось 211). В 1967 г. рабочий день женщин и подростков был ограничен 9,5, а в 1968 г. — 9 часами. Им запрещалось работать в ночные часы, под землей; для этих категорий работников вводились обязательные ежегодные недельные отпуска и 12-дневный оплаченный отпуск по болезни. Детям от 14 до 16 лет не разрешалось работать более 8 часов в день. Женщины получили право на это лишь в 1971 г. (см. [31, с. 29—30; 32, с. 36]).

Следует учесть, что в годы, когда принимались названные выше постановления (конец 50-х — начало 70-х годов), число безработных достигало примерно 23 тыс., и ежегодно 2—3 тыс. человек уезжали в поисках заработка в ЮВА и Океанию. Поэтому хозяева мелких фабрик могли нарушать указанные ограничения, не сталкиваясь с сопротивлением рабочих [31, с. 24]. Безнаказанности предпринимателей способствовала и все возрастающая коррумпированность административного аппарата, достигшая своего апогея к началу 70-х годов.

Тем не менее законодательные акты колониального прави-

тельства в сочетании с активной деятельностью департамента труда, взявшего на себя задачу разрешения споров между работодателями и рабочими (с 1971 г. при департаменте был специально создан трудовой суд для решения особо сложных дел), помогли властям успешно оттеснить профсоюзы из сферы разрешения конфликтов между рабочими и работодателями (см. [235, с. 251—254; 236]).

Функции профсоюзов постепенно сконцентрировались в сфере социального обеспечения, материальной помощи, организации досуга. Очень ограниченное число соглашений между рабочими и предпринимателями, в большинстве случаев не признававшими профсоюзов, заключалось при содействии последнего. Беспорядки 1967 г., о которых мы будем говорить ниже, привели к столкновениям колониальных властей с левыми силами, в том числе и профсоюзами. Это нанесло дополнительный ущерб рабочему движению, поскольку в течение многих лет после 1967 г. (когда число членов тред-юнионов сократилось за год со 171,6 до 165,5 тыс. [142, с. 60]) членство в профсоюзе ассоциировалось с активной политической позицией левого толка. В результате в целом в Гонконге за 1968—1976 гг. доля членов союзов в общей численности лиц наемного труда возросла лишь с 13,53 до 25,19% (а потом вновь упала до 20%) [142, с. 61].

Слабость профсоюзного движения отнюдь не означала полного отсутствия конфликтов в промышленности. Однако забастовки возникали на уровне заводских цехов, а организационная роль тред-юнионов сократилась.

Серия кризисных явлений в экономике на рубеже 60—70-х годов отрицательно сказалась на положении гонконгских трудящихся. Девальвация английского фунта стерлингов в 1968 г. нанесла серьезный удар по экономике Гонконга: ущерб исчислялся в 700 млн. гонк. долл. (см. [31, с. 2, 47]). Кризис на бирже в 1973 г. и последовавший вслед за этим энергетический кризис привели к резкому падению темпов роста экономики (в 1974—1975 гг. он практически был равен нулю) [32, с. 1]. Значительно сократился экспорт в Северную Америку и Западную Европу, а это, в свою очередь, повлекло за собой рост безработицы до 9,1% (например, в 1974 г. в колонии насчитывалось 50 тыс. безработных механиков) (см. [186, с. 69; 32, с. 3]) и снижение заработной платы. Хотя к середине 70-х годов максимальная заработная плата выросла до 65,3 гонк. долл. в день, ее нижний предел составил 13 гонк. долл., а потребительские цены к 1975 г. по сравнению с 1963 г. возросли на 189,8% (см. [32, с. 36, 228]).

Забастовочное движение пошло на убыль, достигнув низшей точки в годы энергетического кризиса 1974—1976 гг. В последующие годы наблюдался новый подъем борьбы трудящихся за свои права. Отличительной чертой современного этапа является авангардная роль служащих. Это объясняется изменения-

ми в структуре занятости, быстрое росте удельного веса «белых воротничков» в 70—80-е годы.

Говоря о рабочем движении в последнее время, следует учитывать, что забастовочное движение в различных отраслях промышленности преследует различные цели. В таких отраслях, как транспорт и строительство, где сильны профсоюзы и велика текучесть кадров, рабочие борются за улучшение своего положения. В отраслях же, где профсоюзы слабы, уровень производства тесно связан с колебаниями рынка и велика текучесть кадров (электроника, производство одежды), требования трудящихся направлены не на улучшение положения, а на сохранение уже достигнутого уровня.

Зачастую трудящиеся и не стремятся прибегать к помощи профсоюзов, что способствует распространению в Гонконге таких форм борьбы, как сидячие забастовки, замедление темпов производства, конфликты с администрацией.

В 70—80-е годы трудящиеся колонии продолжали подвергаться интенсивной эксплуатации предпринимателей. Только в текстильной промышленности рабочая неделя составляла 50 часов (из стран Дальнего Востока лишь Южная Корея превосходит этот показатель — 57,5 часа) [320, 25.10.1985]. Велик производственный травматизм, уровень которого за 70-е годы возрос с 17,1 промилле до 31,5 промилле (см. [186]). Хозяева предприятий по-прежнему нарушали трудовое законодательство, удлиняя рабочий день, используя труд женщин и подростков.

На фоне всех этих негативных явлений заработная плата в Гонконге постоянно возрастала. Ее реальный рост значительно сдерживался инфляцией (в 1974—1979 гг. номинальный рост зарплаты в промышленности — 84%, реальный рост — 32%) [186, с. 247]. Уже в 1976 г. средняя ежедневная оплата труда в индустриальном секторе экономики Гонконга в 1,24 раза превосходила таковую в Сингапуре, в 1,87 — в Южной Корее. В 1985 г. средняя ежедневная плата в промышленности составила 98 гонк. долл. (у 25% высококвалифицированных рабочих — более 115 гонк. долл.) [35, с. 307].

В первые послевоенные годы колониальные власти мало обращали внимания на социальные вопросы, в частности образование. Исключение, пожалуй, составляла только деятельность администрации в сфере жилищного строительства.

Нехватка жилья в Гонконге в течение длительного времени оставалась острой проблемой. К середине 50-х годов в трущобах жило 650 тыс. Эти районы находились почти вне контроля властей, там господствовала мафия, процветали преступность, проституция и наркомания. Чрезмерная скученность приводила к частым пожарам, например, в 1953 г. за одну ночь осталось без крова 50 тыс. человек. Обследование 1961 г. показало, что треть населения Гонконга жила буквально в нечеловеческих условиях (в том числе 511 тыс. в трущобах, 140 тыс. — на площади, равной поверхности одной кровати,

69 тыс.— на открытых верандах, 56 тыс.— на крышах, 50 тыс.— в магазинах, гаражах, на лестницах, 26 тыс.— на лодках, 20 тыс.— на тротуарах, 12 тыс.— в подвалах, 10 тыс.— в пещерах) [250, с. 247].

Уже к середине 50-х годов колониальная администрация расселила в государственных многоэтажных домах 154 тыс. человек (к 1960 г.— 360 тыс.), однако до окончательного решения жилищной проблемы было еще очень далеко [31, с. 140]. Так, в 1968 г. еще 402 тыс. жили в трущобах. Да и условия жизни в новых переселенческих районах оставляли желать лучшего. На длинные балконы, протянувшиеся вдоль многоэтажных зданий, выходили двери комнат площадью 11,2 кв. м, в которых обычно жили пятеро и более жильцов (лишь с 1964 г. норма жилой площади на одного человека в государственных домах была поднята с 2,2 кв. м до 3,3 кв. м) [251, с. 185]. Водопровод и канализация были общими для всего этажа, иногда вмещавшего до 500 жильцов. Квартирная плата была невысока — 10—15 гонк. долл. (1,8—2,6 ам. долл.) в месяц, однако многие хозяева оставались жить в трущобах, а государственное жилье сдавали втридорога. Недостаток свежего воздуха и плохие санитарные условия способствовали распространению туберкулеза. Многие жильцы, будучи надомниками, работали в тех же каморках, где ютилась их семья (см. [211, с. 248—250]).

Созданные позже Гонконгская жилищная администрация (1954 г.) и Жилищное общество (1961 г.) строили более комфортабельные квартиры для семей со средними доходами, но по ценам, доступным не для всех. К концу 1962 г. жилищная администрация расселила всего 61 тыс. человек [30, с. 180], однако к 1968 г. результаты деятельности двух названных организаций стали уже довольно впечатляющими — были построены квартиры для 125 тыс. человек [31, с. 9]. Об остроте жилищной проблемы можно судить по тому, что к началу 70-х годов отдельную квартиру имело лишь 20% жителей Гонконга.

В последующее десятилетие власти продолжали строительство жилья. В результате к 1979 г. в государственных домах проживало 40% населения. Семьи с низким уровнем доходов стали получать дотации для оплаты квартир (180 гонк. долл. на одиночку, 310 долл. на семью из двух человек). В 1975/76 фин. г. власти выделили на эти цели 102,9 млн. гонк. долл.

Фактическое отсутствие правительственных социальных программ в 50-е — начале 60-х годов способствовало сохранению за общественными организациями роли важного инструмента в решении разнообразных проблем. Помимо по-прежнему активного Комитета больницы «Дунхуа», пользовавшегося большим влиянием, следует также назвать разного рода землячества и соседские организации взаимопомощи *кайфонг* (*цзефан*). Как отмечалось в отчете гонконгской колониальной администрации за 1959 г., благодаря деятельности этих организаций, а также нескольких миссионерских благотворительных обществ отпада-

да всякая необходимость в участии властей в разного рода социальных программах⁸ [26, с. 193]. Например, в конце 50-х годов Христианский детский фонд и Общество защиты детей содержали в Гонконге детские дома, число мест в которых превышало 7 тыс. [26, с. 197].

Организации кайфонг, создаваемые жителями какого-либо района колонии, обладали капиталом, складывавшимся из взносов членов. Они предоставляли своим членам ссуды на похороны, лечение или в других особых случаях, обеспечивали начальное образование детям из бедных семей. В конце 50-х годов таких организаций было 26, они объединяли 50 461 семью (около 370 тыс. человек), содержали 17 бесплатных клиник, 23 школы [26, с. 215]. В тот же период на средства кайфонгов и Комитета больницы «Дунхуа» в целом обучались около 10 тыс. детей [26, с. 218]. Аналогичные функции стали выполнять многочисленные землячества и клановые организации (в конце 50-х годов их было около 60).

Роль кайфонгов и землячеств в условиях неразвитой системы здравоохранения и отсутствия правительственных социальных программ была достаточно значительной. Ведь расходы на медицинское обслуживание составляли в 1952—1967 гг. всего лишь 7,3—9,6% колониального бюджета (достигнув к концу этого срока суммы 173,4 млн. гонк. долл.). В 1957 г. одна больничная койка приходилась на 401 жителя, а в 1967 г.— на 272 жителя. Если же учесть, что на государственные больницы в 1967 г., например, приходилось лишь 38,9% коек, то показатель снизится до 698,5 человека на одну больничную койку (частные больницы были очень дороги и недоступны рядовому жителю) [36, с. 193].

В 70-е годы гонконгское правительство расширило свои социальные программы, кроме того, был создан Общественный фонд по сбору средств, финансирующий 43 организации, отвечавшие за улучшение условий быта населения. Параллельно сокращалась сфера влияния кайфонгов, их число сократилось до 10 (29,5 тыс. членов), крупномасштабных клановых организаций оставалось 12 (10,6 тыс. членов) (см. [254, с. 134—135, 137—139]).

Примером деятельности властей в области социального обеспечения стала выплата в 1979 г. 61,2 млн. гонк. долл. в виде пособий инвалидам (по 180 гонк. долл.) и пенсий по старости (по 90 гонк. долл.); их получили 64 599 человек. Нужно сказать что размеры пенсии свидетельствовали лишь о намерении властей не допустить появления на улицах стариков, умирающих с голода, не более того (см. [32, с. 99—102]).

Однако положение в области здравоохранения в 70-е годы заметно не улучшилось. К 1975 г. по сравнению с 1965 г. число находившихся на государственной службе врачей даже сократилось с 873 до 767, а число больничных коек возросло лишь с 13 176 до 17 580 (см. [32, с. 235; 36, с. 143]).

Тем не менее в целом расходы властей на социальные нужды увеличились с 1967/68 по 1976/77 фин. г. с 365,5 млн. гонк. долл. до 2733,3 млн. гонк. долл., что, безусловно, свидетельствовало об осознании администрацией необходимости уделять этой сфере больше внимания [252, с. 160].

Интенсивные инфляционные процессы 80-х годов привели к ухудшению положения трудящихся. В 1980—1985 гг. цены выросли на 160,8% [35, с. 311]. По стоимости основных продуктов питания Гонконг стал сопоставимым с крупными городами США, а по дороговизне жилья уступал лишь Токио [79, с. 70—71]. Правительством, ограничивавшее рост квартирной платы в 60—70-е годы, разрешило в 1981—1983 гг. повысить ее на 30%, что поставило в крайне трудное положение съемщиков с незначительным уровнем доходов [153, с. 59]. В результате власти были вынуждены предоставить 300 тыс. малоимущих семей возможность платить «регулируемую квартплату» (45% рыночной цены за квартиру).

Неуклонно дорожало медицинское обслуживание. В 1985 г. посещение врача в государственной поликлинике стоило 9 гонк. долл., сутки пребывания в третьеразрядной больнице (не считая лекарств) — 18 гонк. долл. [35, с. 117]. Стоимость операций колебалась в зависимости от лечебного учреждения: удаление аденоидов — 3—9 тыс. гонк. долл., полостные операции кишечника — 17—40 тыс. гонк. долл. [148, с. 14]. Правительственные расходы на здравоохранение на протяжении первой половины 80-х годов постепенно возрастали (с 6,9 до 9,1% бюджета), достигнув в 1984 г. 3 млрд. гонк. долл. И тем не менее в Гонконге, как и в 1979 г., одна больничная койка приходилась на 222 человека. Правда, увеличилась численность медицинского персонала, например, в 1985 г. один врач приходился уже на 1124 жителя (в 1979 г. — на 1436). Власти создали систему медицинской помощи пожилым (в колонии в 1982 г. в возрасте старше 65 лет насчитывалось 320 тыс. человек), однако число предоставляемых им больничных коек было невелико — всего 365 (см. [148, с. 10; 186, с. 49; 207, с. 76]).

Положение в области образования в Гонконге с конца войны и вплоть до 60-х годов нельзя назвать удовлетворительным. Большинство начальных и средних школ были частными. В 1955 г. из 1150 учебных заведений этого уровня лишь 37% являлись, как значится в отчетах администрации, «государственными или на дотации» [28, с. 85], причем получавшие дотации школы составляли большинство, а собственно государственные — меньшинство. В школах всех категорий образование было платным, различия касались лишь цены. К 1958 г. 50% учеников начальной и средней школы (165 тыс.) посещало частные школы [31, с. 93]. Стоимость обучения, несмотря на его относительно дешевизну (в начальной школе 30—40 гонк. долл. в год), все же ложилась тяжелым бременем на семейный бюджет. Многие семьи не посылали детей в школу также и потому,

что заставляли их самих зарабатывать на хлеб. В 1961 г. около 150 тыс. детей в возрасте 5—15 лет и 24,5 тыс. в возрасте 10—14 лет вообще не посещали школу (см. [210, с. 69; 265, с. 13; 283, с. 233]).

Отношение к учебе и образованию резко изменилось к середине 60-х годов. Это было связано с происходившими в то время сдвигами в экономической структуре Гонконга, в частности с развитием новых отраслей производства, требовавших ускоренной подготовки квалифицированной рабочей силы. Становилось все сложнее зарабатывать на жизнь просто тяжелым многочасовым трудом. Соответственно произошел перелом в отношении большинства простых гонконгских семей к получению образования. Учеба превратилась в хорошее «вложение капитала». Перестройка общественного сознания в сочетании с растущими нуждами производства дала к концу 60-х годов резкий скачок в развитии системы как начального и среднего, так и среднего специального и высшего образования [285, с. 194]. В 60-е годы заметно возросло число студентов Технического колледжа в Цзюлуне (преподавались машиностроение, электроника, строительство, судостроение, телевидение и телекоммуникации, математика и др.), Технической школы в Виктории, Женской технической школы Хэ Дуна, торговой и технической школ Силезского миссионерского общества. При некоторых из этих учебных заведений были созданы вечерние отделения. Силами отдельных компаний при предприятиях создавались специальные классы для рабочих, однако в ограниченном масштабе (например, в текстильной промышленности, на железной дороге и в государственных доках, а также компаниями «Гонконг энд Вампу док К°», «Тайгу докъярд энд энджиниринг К°» [28, с. 37]).

Потребность в женском труде (речь идет о девушках 18—30 лет) изменила отношение к обучению девочек в школе. В начале 60-х годов грамотных мужчин в Гонконге было в 1,5 раза больше, чем женщин, к концу же десятилетия этот разрыв начал уменьшаться (см. [210, с. 74; 285, с. 195]).

В 1965 г. власти создали Консультативный комитет по профессиональной подготовке с девятью подчиненными ему подкомитетами, изучавшими потребности в кадрах в электронике, производстве пластмасс, одежды, электротоваров, автомобильной промышленности и автосервисе, строительстве, текстильной, металлообрабатывающей, судостроительной и судоремонтной промышленности. В соответствии с выработанными рекомендациями была перестроена работа средних технических школ и Гонконгского технического колледжа, где к концу 60-х годов обучалось почти 17 тыс. студентов по 101 специальности (см. [31, с. 25—27]). Значительно расширилось преподавание технических дисциплин в Гонконгском университете, который, однако, оставался элитарным учебным заведением (язык обучения — английский)⁹ и не отвечал задачам широкой подготов-

ки большого числа современных специалистов для промышленности, торговли, управления. В данной связи началось обсуждение идеи создания Китайского университета, который в конце концов был образован на базе трех миссионерских колледжей («Чжунчжи», «Нью Эйша», «Юнайтед колледж»), перебравшихся после образования КНР в Гонконг. В 1968 г. в Китайском университете Гонконга уже было почти 2 тыс. студентов, т. е. почти столько же, сколько и в Гонконгском университете [31, с. 94—95]. Одновременно успешно функционировали и некоторые другие новые высшие учебные заведения, например Линнаньский институт управления. В целях расширения подготовки преподавательских кадров была усовершенствована система обучения в педагогических колледжах «Норткот», «Грэнтэм», «Сэр Роберт Блэк».

Следует отметить, что, хотя колониальная администрация и стремилась переложить расходы на образование на плечи частных фирм и отдельных лиц, правительственные ассигнования на просвещение в 60-е годы неуклонно возрастали. Это стало ярким свидетельством осознания властями необходимости улучшить подготовку квалифицированных кадров для дальнейшего развития экономики в интересах как иностранного капитала, в первую очередь английского, так и местных китайских предпринимателей. За 1960—1967 гг. правительственные расходы на образование возросли с 95 млн. до 273 млн. гонк. долл., число учеников начальных школ — с 393 тыс. до 662 тыс., средних школ — с 74 тыс. до 220 тыс. (на 300%), высших и средних специальных учебных заведений — с 25 тыс. до 42,6 тыс. (на 170%) [36, с. 184].

К середине 70-х годов жители колонии в возрасте до 30 лет составляли почти 65% населения [186, с. 9]. От уровня образования и квалификации зависело, насколько успешным будет будущее развитие Гонконга. Началась реформа средней школы, завершившаяся введением в 1979 г. всеобщего девятилетнего обязательного образования. Резко увеличилось число студентов в высших учебных заведениях (к середине 70-х годов в Гонконгском и Китайском университетах — до 9 тыс., а в 1985 г. уже 14 тыс.) [186, с. 375]. В 1972 г. Гонконгский технический колледж был преобразован в Политехнический институт, где обучались более 20 тыс. человек (4 тыс. студентов, 2,5 тыс. занимавшихся на спецкурсах и более 14 тыс. слушателей вечерних курсов). В 1985 г. в нем проходили занятия уже около 33 тыс. человек. Открытый в 1970 г. Гонконгский баптистский колледж давал образование на уровне техникума (его посещало 3300 студентов). В 1969 г. развернулась деятельность Технического института Моррисон Хилл. При нем было создано около 20 центров вечернего образования, разбросанных по всему Гонконгу. В 1974 г. в них 14 тыс. человек обучалось торговле, строительству, электронике, механике и т. п. К середине 70-х годов в новых индустриальных зонах Куйюн

и Гуаньтан также возникли технические институты, подготавливавшие для местной промышленности инженеров и техников (см. [32, с. 7, 8, 55, 60, 232])¹⁰.

Через десятилетие в Гонконге уже было 5 технических колледжей¹¹, которые посещало 45,6 тыс. студентов. Одновременно функционировал педагогический институт, специально нацеленный на подготовку кадров для расширения этих учебных заведений [35, с. 101].

Несмотря на все сказанное, увеличение мест в высших учебных заведениях остается главной проблемой. Там в 1984 г. обучалось всего 2,6% молодежи соответствующего возраста (в начальной школе — 38,7%, средней — 35,8%). Школьная система остается колониальной, 91% общеобразовательных средних школ используют в качестве основного языка английский. Несмотря на успехи в расширении профессионально-технического направления обучения, средние заведения такого типа охватывают пока лишь 7,1% учащихся [134, с. 77—78]. Между тем перевод гонконгской промышленности на рельсы наукоемких производств требует резкого повышения уровня и расширения масштабов подготовки квалифицированных кадров. Без этого невозможно эффективное использование ультрасовременного оборудования, как, например, в химической промышленности. В то же время, по данным на первую половину 80-х годов, из 2 млн. самодеятельного населения лишь 8% имело специальное образование (см. [33, с. 155, с. 111]).

В конце 60-х — в 70-е годы произошли существенные изменения в социальном облике колонии. В первые послевоенные годы главным ориентиром для большинства трудового населения были материальное благополучие (понимаемое в большинстве случаев как обеспечение прожиточного минимума), создание «имущественных накоплений», завоевание равноправного статуса в микросоциуме. Беженцы из Китая, в основном выходцы из традиционной деревни, испытывали острые проблемы в процессе адаптации к условиям жизни в гигантском, исключительно динамичном городе. Это стало одной из причин активизации ассоциаций взаимопомощи и землячества, помогавших своим членам справляться с социальными стрессами.

Однако с течением времени в общей массе населения возростала доля уроженцев Гонконга (к 1979 г. она достигла 59% [186, с. 10]), прекрасно ориентировавшихся в гонконгском «лабиринте». Их уровень жизни значительно повысился. Для них, впрочем как и для многих выходцев из собственно Китая, Гонконг постепенно превратился в место, которое можно было называть «родиной», «домом». Этому способствовало и ограничение контактов с КНР. К Гонконгу перестали относиться как к распахнутым воротам в Китай. Раньше через колонию выезжали за границу, на время укрывались от репрессий гоминьдановских властей, останавливались на несколько дней для отдыха. Теперь это было убежище для нескольких миллионов

человек, значительная часть которых под воздействием антикоммунистической пропаганды и информации о массовых репрессиях резко отрицательно относилась к режиму в КНР¹². К началу 80-х годов произошел поворот в общественном сознании в плане признания Гонконга в буквальном смысле слова «постоянным местом жительства». И естественным явлением становится рост заинтересованности населения Гонконга в решении внутренних проблем. Немаловажную роль сыграло в этом повышение общеобразовательного уровня молодежи [207, с. 186—187].

Изменения в общественном сознании нашли свое отражение и в культуре. На смену ностальгии по старому Китаю пришло стремление к познанию новых явлений в мировом искусстве, ознакомлению с которыми помогал журнал «Вэнь синьчао», публиковавший статьи о современной культуре и жизни стран Запада, а также переводы. В том же русле работали члены Ассоциации современного искусства (журналы «Хаованцзяо», «Синьсычао»).

Часть деятелей культуры, полностью отвергая традиционное наследие, увлеклась идеями экзистенциализма, психоанализа, «потока сознания». В литературе стали популярны темы отчуждения личности в условиях промышленной революции (произведения Лю Циши, Е Сы, Си Си, Ба Цао, Дай Тяня, Цай Яньпэя, Сюй Босюна, И Шу, Цзян Шилюя, Чжу Юньчэна) (см. [164, с. 132—134]).

Небольшая группа авторов, группировавшихся вокруг журналов «Вэнь паньлюй», «Хайгуан вэнь», «Наньян вэнь» (Хэ Да, Шу Ганчэн, Юань Лан, Сяо Тун, Хуан Мэнтянь), описывая в своих произведениях жизнь простых тружеников, выступала против социального неравенства. Часть представителей прогрессивного лагеря в литературе представляла идеи реализма в духе «Движения 4 мая» (Мужун Юйцзюнь, Ли Мо, Юй Юйшу, Юань Фан, журналы «Дандай вэнь», «Вэньгуюнь»), однако их популярность у массового читателя была невелика [164, с. 136].

В 70-е годы получили развитие коммерческие формы массовой культуры, имевшие специфически гонконгские отличительные черты. Молодежь была повсеместно увлечена эстрадной музыкой, представлявшей в местном варианте синтез распространенных на Западе стилей и китайских (в том числе тайваньских) традиционных элементов. Серьезным конкурентом литературе стало телевидение, привлекавшее внимание зрительской аудитории многочисленными сериалами (на исторические и мифологические темы, о мастерах ушу и т. п.).

Собственно художественная литература стала более разнообразной и самостоятельной. Возникло понятие «бэньту вэньсюэ» — местная литература. Ее представляли журналы «Лопань» («Компас»), «Бафан» («Со всех сторон»), «Дамучжи» («Большой палец»), «Шифэн» («Ветер стихов») [169, с. 137].

Просуществовали они недолго, поскольку в Гонконге не было массового интереса к литературе.

Наиболее популярные формы последней возникли на почве журналистики: регулярные колонки газет «Минбао», «Синдао жибао», «Куай бао», «Сянган шибао» (авторы — Линь Яньни, Цзянь Эрцин, Сыма Чанфэн, Ху Цзюжэнь). Это было вызвано тем, что очерковая литература касалась актуальных проблем жизни общества — перенаселения, ожесточенной конкуренции, кризисных явлений в экономике [164, с. 138—139].

Конечно, подавляющее большинство гонконгцев по-прежнему считало себя китайцами. В 1964 г. по Гонконгу прошла массовая кампания за сохранение китайского языка. Националистический характер носило и развернувшееся в 1971—1972 гг. студенческое «движение в защиту островов Дяоюйтай (Сэнкаку)» [178, с. 47]. В то же время колониальной системой образования усиленно насаждались идеалы западного образа жизни, пропагандировались идеалы буржуазной демократии. Для молодежи Гонконга, в 60-е — начале 70-х годов вырвавшейся из-под влияния претерпевавшей серьезный кризис в колонии традиционной китайской семьи, приобщение к европейскому образу жизни, системе ценностей развитого капиталистического общества стало источником сильнейших фрустраций, которые порождались несоответствием ожиданий подрастающего поколения и реальными жизненными возможностями [250, с. 363]. Возникла социальная напряженность, выражавшаяся в основном в виде уличных беспорядков (волнения 1956 г.; молодежные выступления против вздорожания билетов на Гонконг-Цзюлунский паром в 1966 г.; события 1967 г.). Любые явления такого рода всегда носили антиколониалистский, антианглийский оттенок.

В последние десятилетия особая острота проблемы преступности оставалась по-прежнему отличительной чертой повседневной жизни Гонконга. Как отмечалось в исследовании, посвященном социальному развитию колонии в 50—60-е годы, сохранение трущоб представляло серьезный политический вопрос, поскольку они могли с течением времени стать полностью независимыми от властей [240, с. 287]. Там процветали тайные общества, как местные гонконгские, так и преступные группы, перебазировавшиеся после 1949 г. из собственно Китая. Например, в Гонконге обосновался «штаб» крупнейшего тайного общества Шанхая «Цинбан», возглавлявшийся до 1950 г. «опиумным королем», генерал-майором гоминьдановской армии Ду Юэшэном [217, с. 31—32]. «Цинбан» специализировался на терроре и вымогательстве в лагерях беженцев. С появлением шанхайской мафии в Гонконге стал распространяться героин.

Преступники говорили на шанхайском диалекте, действовали сугубо конспиративно, что затрудняло борьбу с ними. И все же в начале 50-х годов полиции удалось ослабить «Цинбан», позиции которого в торговле наркотиками пошатнулись также

и вследствие вмешательства конкурировавшего объединения мафии из Чаочжоу — «Чаочжоу бан».

Еще в конце 40-х годов гоминьдановская охранка решила объединить все тайные общества в целях сопротивления компартии. Так был создан «Чжунъихуэй» («Союз верности и справедливости»), с генералом Гэ Чжаохуаном во главе. Гонконгское отделение союза под названием «Хунфашань» («Гора закона „Хун“») объединяло несколько крупных тайных обществ. К концу гражданской войны в Китае в состав союза вошли многие военные и гражданские лица, которые к собственным хуэйданам не имели никакого отношения, не были знакомы с традициями тайных обществ, их ритуалами и т. д. Поэтому название союза пришлось заменить на «Ассоциацию 14» по аналогии с адресом бывшей штаб-квартиры союза в Гуанжоу — улица Баохуа, 14. Вплоть до 1953 г. союзом руководил Гэ Чжаохуан, усиленно пытавшийся придать организации политическую окраску. После его смерти «Ассоциация 14» или, как говорят теперь, «14 К» (подразумевается золото особой пробы, качества которого соответствуют якобы могуществу банды) превратилась в исключительно влиятельный преступный синдикат, беспрецедентная жестокость членов которого будто бы часто вызывает смущение даже у руководителей других хуэйданов Гонконга (см. [217]).

В 50-е годы, несмотря на предпринимаемые властями меры, численность тайных обществ продолжала расти. Если до войны членами хуэйданов, по официальным оценкам, являлись 8—9% жителей колонии, то к 1958 г. — уже 15% [267, с. 52—54].

После затишья 1948—1949 гг. начался новый подъем в деятельности тайных обществ. При некотором снижении числа правонарушений, связанных с членством в хуэйданах, в 1953—1967 гг. оно все же колебалось между 2 и 3 тыс. в год, в 1958 г. составив 15,5% тяжких преступлений [25, с. 353]. Параллельно быстрыми темпами нарастала преступность в целом. Не исключено, что многие совершенные членами мафии правонарушения попадали в другие классификационные рубрики официальной статистики. Если обратиться к абсолютным цифрам, то в 1953 г. имело место 19 053 серьезных правонарушения, а в 1967 г. уже 22 683, при этом процент расследованных дел возрос лишь с 50 до 68%. Колониальным властям было трудно справиться с проблемой укрепления правопорядка в связи с постоянным возрастанием населения, несмотря на регулярное увеличение ежегодных расходов на полицию: с 20,1 млн. гонк. долл. в 1952 г. до 114,1 млн. гонк. долл. в 1967 г. Правда, за тот же период численность сил поддержания порядка увеличилась незначительно (с 1 полицейского на 465 жителей до 1 на 355 жителей) [36, с. 203—204].

Решительная борьба англичан с опикурильнями привела в конце 50-х годов ко все более широкому распространению героина, продававшегося прямо на улицах. Власти ежегодно изы-

мали в среднем 280 кг героина и морфия, совершали облавы на многочисленные подпольные фабрики. Однако жесткая конспирация в преступной среде не давала возможности выследить главных преступников. Постепенно Гонконг начал превращаться и в перевалочный пункт контрабанды героина в США и страны Западной Европы. Эта тенденция особенно усилилась с конца 80-х годов, когда число ежемесячно посещающих колонию «для отдыха» американских солдат, воевавших в Индокитае (обычно около 10 тыс.) [305, с. 128], резко сократилось, а местные наркоманы оказались недостаточно емким рынком сбыта (см. [279, с. 134; 284, с. 300—302]).

Полиция продолжала бороться с подпольными синдикатами и в последующие годы. Два из них были разгромлены в 1974 г., кроме того, власти обнаружили семь подпольных фабрик по производству героина, где конфисковали 309,2 кг опиума, 67 кг морфия и 46,4 кг героина (см. [32, с. 103—105]).

Коррупционность полиции и традиционное для Гонконга недоверие к ней местных жителей мешали борьбе с наркоманией и преступностью. Эти два социальных явления были тесно взаимосвязаны. Так, в 1958—1959 гг. 72,5% задержанных преступников оказались наркоманами, а в 1968 г. 17 148 правонарушений (из них 225 тяжких) было либо совершено на почве наркомании, либо связано с торговлей наркотиками (см. [26, с. 208; 31, с. 349]). Статистика за 1974 г. квалифицировала почти 20 тыс. правонарушений как «преступления, связанные с распространением наркотиков». Специальный Консультативный комитет по наркотикам, созданный при колониальном правительстве, начал работу по выработке наиболее эффективных методов борьбы с торговлей наркотиками. Власти создали ряд лечебниц для наркоманов [32, с. 239].

Еще одним фактором, способствовавшим росту организованной преступности, явилось сохранение вплоть до начала 60-х годов значительной прослойки деклассированных элементов (несколько десятков тысяч уличных разносчиков, чернорабочих-поденщиков, легко становившихся людьми без определенных занятий, нищих и пр.), из среды которых и рекрутировались новые члены преступных банд [24, с. 175, 210].

Гонконгское правительство создало целую сеть специальных учреждений для борьбы с негативными социальными явлениями. Так, весьма активно начало действовать после беспорядков 1956 г. Бюро тайных обществ при департаменте уголовных расследований. За первые годы своего существования оно добилось ареста около 10 500 членов мафии, депортации примерно 600 человек. Однако события 1967 г. показали, что преступники просто умело замаскировались. Они опять вышли на улицы, слившись с демонстрантами «в поддержку культурной революции». Меры властей оказались не более чем паллиативом в борьбе с организованной преступностью.

В 1973 г. вновь была проведена крупномасштабная кампа-

ния против тайных обществ. Было задержано около 1700 человек. Власти утверждали, что централизованная система хуэйданов уничтожена и они существуют лишь в виде отдельных группировок (см. [217, с. 52—54]). Однако факты свидетельствуют о противоположном. В руки властей попадали рядовые члены мафии, а главарей часто защищала сама полиция.

Коррупционированность административного аппарата, в первую очередь полиции, достигла к началу 70-х годов катастрофических масштабов. В данной связи в 1973 г. была создана независимая комиссия по борьбе с коррупцией. Однако, несмотря на проведение официальной кампании по упорядочению кадров гонконгской полиции, случаи сотрудничества полицейских с местными тайными обществами встречаются и по сей день. Даже если факты коррупции становятся известными, виновники часто ухитряются избежать наказания. Так, вышедший в отставку в 1969 г. сержант полиции Лай Манъяу оказался обладателем состояния почти в 6 млн. ам. долл.; по сообщениям печати, еще более крупную сумму «заработал» на связях с хуэйданами сержант Луй Лок. Спасаясь от преследования, преступники находят прибежище на Тайване, иногда в США. Это относится и к лидерам хуэйданов (в частности, на Тайване скрывается мультимиллионер, торговец героином Ма Сикью, или «уайт паудер Ма»), и к их пособникам, полицейским (на Тайване находятся пять бывших полицейских из Гонконга — Луй Лок, Чой Бинлун, Чэн Чунъю, Нам Конг, Хон Квиншум, — прозванных «пятью драконами» [399, 06.10.1978]).

Эффективная борьба с преступностью затруднялась сохранением в Гонконге целых районов, где сконцентрированы разного рода притоны, игорные и публичные дома, например в Ваньцзы. Статистика свидетельствовала лишь о росте преступной деятельности хуэйданов: 1319 преступлений в 1973 г., 3070 — в 1974 г., 4233 — в 1975 г. [32, с. 238—239].

Гонконг и КНР

Падение гоминьдановского режима и приход КПК к власти в Китае привели гонконгские власти в состояние беспокойства. Англичане испытывали сильную неуверенность относительно будущего колонии. Правительство поспешило предпринять ряд мер, направленных на усиление административного контроля¹³, укрепление обороны Гонконга. 18 августа 1949 г. всех жителей колонии, кроме военнослужащих и детей до 12 лет, обязали зарегистрироваться и получить «вид на жительство». В мае 1950 г. граница с Китаем была закрыта, и в районе Шэньчжэня возник контрольно-пропускной пункт. Согласно новому порядку для въезда в Гонконг требовалась специальная виза, получение которой для жителей Тайваня (в знак сочувствия к гоминьдановскому антикоммунизму) было упрощено.

Серия указов уменьшила бюрократические сложности при применении репрессий в отношении лиц, подозреваемых в «подрывной деятельности», «коммунистической пропаганде» и т. п. В частности, были изданы указ о высылке за пределы Гонконга «нежелательных» лиц; поправки к указу о чрезвычайных мерах 1922 г., позволявшие властям расстреливать нарушителей порядка и временно отменять указы о правах и свободах граждан; указ «о поддержании общественного порядка», фактически запрещающий забастовки; указ о регистрации ассоциаций, позволявший администрации запрещать любую общественную организацию, подозреваемую в симпатиях к коммунистам или КНР (см. [8, с. 4, 5, 8]).

Гонконгское правительство незамедлительно начало применять названные выше законы на практике, чтобы пресечь дальнейшее распространение революционных, антиколониалистских настроений среди рабочих, студенчества. Так, вскоре возникло «Дело 38», когда власти запретили 38 общественных организаций, подозревавшихся в «подрывной деятельности», в том числе гонконгское отделение Всекитайской ассоциации научных работников, Общество обеспечения благосостояния преподавателей-хуацяо в Гонконге и Цюлуэне, Гонконгский читательский клуб студентов, Гонконгскую ассоциацию молодежи из уезда Чжуншань, Женскую ассоциацию Гонконга и Цюлуна [8, с. 10]. 30 января 1950 г. полиция разогнала собрание с участием учащейся молодежи и членов профсоюзов трамвайщиков. Были произведены аресты, а руководителя профсоюза Лю Фа и еще десять активистов депортировали в КНР. Такого рода высылки политически неугодных лиц повторялись неоднократно. 10 января 1952 г. из Гонконга выслали руководителей цюлуэнского отделения профсоюза красильщиков текстильной промышленности Си Пэйлина и Яо Цзяня, аналогичная судьба постигла летом того же года работников профсоюза трамвайщиков, телефонистов, текстильщиков.

В первые годы после установления народной власти в Китае колониальная администрация опасалась любых контактов между населением КНР и жителями Гонконга. Так, когда в Гуанчжоу была создана группа помощи жертвам цюлуэнского пожара, случившегося 21 января 1951 г., англичане запретили ее визит в колонию. Тем не менее 1 марта 1952 г. эта группа направилась в Гонконг, где ее встречала большая толпа. Полиция задержала китайский поезд в Фэнлине. Возникли серьезные беспорядки.

4 марта 1951 г. «Жэньминь жибао» опубликовала протест, в котором говорилось, что если гонконгские власти не прекратят репрессии в отношении китайского населения колонии, то «они неизбежно столкнутся с великой силой китайского народа, разобьют голову и прольют кровь» [298, 04.09.1951] (см. также [8, с. 23, 28]). Эту статью перепечатали газеты «Дагун бао», «Вэньхуэй бао» и «Синьвань бао», представляющие и по сей

день интересы КНР в Гонконге. Редактор «Дагун бао» был привлечен к суду за подстрекательную деятельность и приговорен к штрафу. Кроме того, суд решил на шесть месяцев прекратить издание газеты, однако эта часть приговора не была приведена в исполнение [8, с. 28].

Такая нетерпимость английских властей по отношению к сторонникам КНР резко контрастировала с официальной позицией в отношении бурной деятельности многочисленных антикоммунистических организаций. Из среды эмигрантской интеллигенции при содействии США в Гонконге был создан «Совет спасения», впоследствии преобразованный в «Азиатский фонд». Эта организация вплоть до 1959 г. финансировала многочисленные журналы, а также издательства «Цзыю чубаньшэ» и «Чжэн-вэнь чубаньшэ», где печатались авторы-эмигранты Сюй Су, И Цзюньцзо, Чжао Цыфань, Сыма Чанфэн, Ша Цяпэмэн, Жуй Муцин, Ли Со, Лу Сэнь, Сы Го и многие другие. В то же время были высланы из Гонконга «за симпатии к КНР» некоторые писатели, журналисты и деятели кино, в том числе Сыма Вэньсэнь, Шэ Ши, Ма Голян, Ян Хуа, Чэнь Цзи, Цзи Вэньшао, Лю Цюн, Ди Фань (см. [8, с. 11; 164, с. 130—131]).

Под давлением местных реакционеров гонконгская киноиндустрия подверглась перестройке. Если сразу после победы народной революции в Китае значительная часть фирм, в том числе и крупные, снимали фильмы на революционные темы, то к середине 1955 г. местные студии, в первую очередь семь ведущих концернов, выпускали преимущественно коммерческие киноленты, предназначенные для эмигрантской аудитории в США и странах Юго-Восточной Азии [28, с. 176].

К середине 50-х годов наступило некоторое потепление в отношениях между Гонконгом и КНР. В октябре 1955 г. губернатор колонии А. Грэнтэм в качестве гостя британского поверенного в делах в Пекине посетил Китай, имел встречу с Чжоу Эньлаем. Тайваньский гоминьдан отреагировал на эти события резко отрицательно.

Сообщалось о нападениях тайваньской авиации и флота на суда, направлявшиеся из Гонконга в порты КНР. В результате бомбежек и обстрелов был нанесен значительный материальный ущерб, имелись человеческие жертвы. В самой колонии гоминьдановские агенты постоянно вели подрывную деятельность против КНР. Так, 11 апреля 1955 г. в результате диверсии, совершенной тайваньским агентом, во время посадки в Гонконге разбился индийский самолет с китайской делегацией на борту, летевший в Бандунг на конференцию Солидарности стран Азии и Африки [28, с. 12—13]. Наконец, в 1956 г. в Гонконге произошли очень серьезные, инспирированные гоминьдановцами беспорядки. Опыт этих событий показал, что власти не в состоянии эффективно контролировать территорию колонии, которая усилиями группы злонамеренных лиц в короткий срок могла быть приведена в состояние полного хаоса.

Видимо, план действия во время событий 10—16 октября 1956 г. согласовывался заранее в ходе совещания руководителей прогоминьдановской мафии Гонконга («14 К»), проведенного на Тайване. Когда 10 октября полиция сняла с некоторых жилых зданий в Цзюлуэ тайваньские флаги и лозунги с иероглифами «двойная десятка» (символ Синьхайской революции, годовщина которой — главный национальный праздник на Тайване), тайваньские агенты использовали это в качестве предлога для националистических выступлений. Постепенно манифестации, начавшиеся в районе Личжэньшицунь, распространялись по всему Цзюлуэ. Моментально активизировались члены тайных обществ. Начались погромы торговых фирм и магазинов, продававших товары, изготовленные в КНР. Бандиты напали на помещения левых профсоюзов, избивали всех, кто подозревался в симпатиях к коммунистам. Прохожих насильно заставляли приобретать за высокую цену тайваньские флаги. Автомобили без флагов задерживались. Советник швейцарского консульства с женой были заживо сожжены в такси, поскольку машина не имела флажка. Преступные элементы, воспользовавшись беспомощностью властей, грабили магазины и частные дома. Губернатор объявил чрезвычайное положение, прекратилось сообщение между Цзюлуэ и собственно Гонконгом. Однако несмотря на введение комендантского часа, волна насилия не была остановлена. В ночь с 11 на 12 октября число убитых достигло 100 человек [92, с. 158—159].

13 октября Чжоу Энляй заявил британскому поверенному в делах, что правительство КНР озабочено нападениями гоминьдановских шпионов на мирное население, и потребовал обеспечить безопасность граждан, учреждений и предприятий КНР в Гонконге. Английские власти не могли признать, что на управляемой ими территории безнаказанно действуют иностранные агенты. Поэтому колониальная администрация официально заявила, что причиной всему — происки тайных обществ¹⁴. Начались повальные аресты. В соответствии с новым указом полиция получила право задерживать подозреваемых без суда на 14 (а в «случае необходимости» и до 28) дней. К 16 октября власти задержали 5 тыс. человек. Постепенно восстановился порядок.

17 октября 1956 г. министерство иностранных дел Великобритании отвергло все протесты КНР. 19 октября английский поверенный в делах заявил в Пекине, что КНР раздувает инцидент, пытаясь заработать на этом политический капитал. Губернатор Гонконга А. Грэнтэм обвинил Чжоу Энляя во «вмешательстве во внутренние дела» колонии. Более того, в стремлении не только отклонить обвинения со стороны КНР, но и свалить на нее вину за происшедшее авторы опубликованного 1 января 1957 г. доклада о беспорядках возложили всю ответственность за погромы на «беженцев из Китая». О влиянии гоминьдана на местную мафию упоминалось лишь косвенно,—

в характеристике союза «14 К» как «полуофициальной политической подпольной организации» (см [99, с. 170—173]).

По прошествии двенадцати лет Гонконг снова был охвачен беспорядками. Они начались 6 мая 1967 г. со столкновения между полицией и рабочими фабрики искусственных цветов, требовавшими повышения заработной платы. Несколько человек получили ранения, 21 был арестован. Начавшаяся в КНР «культурная революция» изменила характер разворачивавшихся событий. Левые силы в профсоюзах резко активизировались, выступление рабочих проходило под антиколониалистскими ультраревольюционными и маоистскими лозунгами, что и вызвало моментальные репрессии со стороны властей. Представители профсоюза, отправившиеся в полицию с требованием освободить арестованных, также попали за решетку. В Гонконге начались массовые демонстрации протеста, к которым, следуя примеру соотечественников в КНР, присоединились учащиеся. При поддержке профсоюзов был создан «Комитет соотечественников Гонконга и Цзюлуна по борьбе против английского гнета», выполнявший роль своеобразного штаба движения. 11 мая произошло столкновение полиции с демонстрантами (см. [4, с. 76—89]). На два дня, 12 и 13 мая, администрация ввела чрезвычайное положение, которое, однако, не положило конец массовым выступлениям. На помощь полиции пришли войска. 22 мая демонстрация протеста двинулась к резиденции губернатора; участники были остановлены подразделениями вооруженной полиции, избиты, более 200 ранено, многие задержаны. Власти вновь объявили о введении чрезвычайного положения.

Эти события дали китайскому руководству повод для нападок. 15 мая 1967 г. министерство иностранных дел КНР обвинило гонконгскую колониальную администрацию в «тщетных попытках средствами подавления воспрепятствовать влиянию [на Гонконг] великой пролетарской культурной революции в нашей стране» [8, с. 269]. Китай потребовал от англичан немедленно прекратить расправы над демонстрантами, освободить арестованных, принести извинения и гарантировать, что подобное впредь не повторится. Между тем в Гуанчжоу развернулось движение в поддержку антианглийских выступлений в Гонконге.

17 мая Англия отвергла все обвинения и требования со стороны КНР как несостоятельные и одобрила все мероприятия колониальных властей по «поддержанию порядка» [8, с. 275].

Между тем, несмотря на ужесточение политики властей, после 22 мая забастовали водители автобусов и трамваев, работники «Чайна гэс К^о», парома в Цзюлуна и в Юмади, электростанций в Бэйцзяо и Хункане, почты, цзюлунских доков, судоремонтных предприятий, сахароваренного завода компании «Тайгу» и некоторых других учреждений. Несмотря на репрессии, движение распространялось. 10 июня забастовали служащие правительственных учреждений и работники английских

предприятий, 24 июня остановилась работа водного транспорта, коммунального хозяйства, текстильной промышленности. Прекратилась на четыре дня торговля продовольственными и потребительскими товарами, лекарствами и строительными материалами. Начались беспорядки в некоторых учебных заведениях [8, с. 73—76]. Повсюду виднелись лозунги в поддержку «культурной революции», призывавшие изучать «идеи Мао Цзэдуна».

24 июня Чжоу Эньлай вполне однозначно сформулировал позицию КНР в отношении событий в Гонконге. Он подчеркнул, что суть конфликта в стремлении англичан подавить «развернутое соотечественниками — патриотами Гонконга движение по изучению и пропаганде идей Мао Цзэдуна» (цит. по [8, с. 272—273]), в противостоянии патриотически настроенного китайского населения колонии и английского империализма. Указав на историческую принадлежность территорий Гонконга и Цзюлуна Китаю, Чжоу Эньлай заявил, что судьба колонии находится не в руках англичан, а в руках китайского народа. В его словах прозвучала прямая угроза: «Китайский народ решил в соответствии с требованиями обстановки оказывать всяческую поддержку соотечественникам-патриотам вплоть до окончательной победы» (цит. по [8, с. 273]).

В первой декаде июля усилились столкновения между демонстрантами и полицией, применявшей слезоточивые газы, брандспойты, дубинки и проч. К августу создалась напряженность на границе с КНР: возникла угроза проникновения хунвэйбинов на территорию Гонконга. Лишь вмешательство армий с обеих сторон границы смогло воспрепятствовать этому (см. [8, с. 76; 250, с. 356]).

Опасность открытой конфронтации между Англией и Китаем нарастала. 17 августа колониальные власти запретили выход трех левых газет, обвинив их в подстрекательстве к беспорядкам. 20 августа МИД КНР направил ультиматум с требованием отмены этого распоряжения. По истечении 48 часов хунвэйбины разгромили и подожгли английское посольство в Пекине.

Это был пик враждебности, грань, которую, по всей видимости, тогдашнее руководство КНР не хотело переходить. Оно приняло меры, чтобы не доводить конфликт до военных действий на границе Гонконга. Несмотря на обострение двусторонних отношений, ожесточенную антианглийскую кампанию в китайской прессе, 23 августа были возобновлены временно сокращенные поставки продовольствия и воды в Гонконг [40, с. 82, 83].

Внутренняя напряженность в колонии начала постепенно уменьшаться, в значительной степени в результате того, что местные экстремисты не получили желаемой помощи от Китая. С этого момента движение в поддержку «культурной революции», и ранее не пользовавшееся поддержкой широких слоев населения колонии, резко пошло на убыль.

Результатом событий 1967 г. стала гибель 36 человек,

496 были ранены, 3447 арестованы [120, с. 170]. Власти ужесточили свою позицию в отношении левых профсоюзов, еще более расширили репрессивный аппарат. Временно возникли застойные явления в экономике, вызванные бегством капитала за границу, оттоком иностранного капитала и сокращением туризма¹⁵: были сильны опасения обострения конфликта между англичанами и КНР.

В последующие 10 лет отношения между Гонконгом и Китаем развивались лишь в экономической области и приобрели политическую окраску только в связи с вопросом о деколонизации (см. гл. 6).

Проблема беженцев оставалась в большей или меньшей степени актуальной на протяжении всей истории взаимоотношений между колонией и КНР. Как уже отмечалось ранее, завершение гражданской войны в Китае и образование КНР повлекли за собой мощный поток беженцев в Гонконг. В конце 1949 г. их прибывало в среднем 10 тыс. в неделю. Многие из них остались в Гонконге на постоянное жительство. К 1955 г. число беженцев, обосновавшихся в колонии, составляло 385 тыс. (16% из них составляли бывшие гоминьдановские военнослужащие и полицейские, 19% — чиновники, городская буржуазия, помещики и кулаки).

Борьба против «правых элементов» в 1957 г., начало «большого скачка» в 1958 г. породили новый поток беженцев, что вынудило гонконгские власти в 1962—1967 гг. прибегать к практике частичной депортации. В годы «культурной революции» число иммигрантов из Китая было крайне незначительным, не превышая 4—10 тыс. в год. В 1972 г. иммиграция неожиданно возросла до 20,4 тыс., одновременно больше стало и нелегальных иммигрантов — 20,8 тыс. в 1973 г. В ноябре 1974 г. власти Гонконга официально объявили, что все, пойманные на границе Гонконга, будут депортированы. Однако тем, кто ухитрялся пробраться на остров Гонконг, разрешалось остаться. В результате общее число официальных и нелегальных иммигрантов в 1975—1977 гг. составляло 29—35 тыс. в год. После 1978 г. снова возросли масштабы эмиграции в Гонконг, увеличилось и число беженцев. В 1979 г. оно достигло 160 тыс., 81,7% из них — неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие. Это вынудило гонконгские власти обратиться к Китаю с просьбой об ужесточении пограничного контроля.

С 23 октября 1980 г. депортации подлежат все нелегальные иммигранты. Для осуществления данного указа в Гонконге введены удостоверения личности нового типа, которые постоянно обязаны иметь при себе все жители старше 16 лет, принят закон о судебном преследовании за укрывательство и наем незаконных иммигрантов. В 1981—1984 гг. в КНР высылали в среднем по 9—14 тыс. человек за год. В результате за 1984 г. общее число иммигрантов, прибывших в колонию из КНР, составило всего 27,8 тыс. (см. [218]).

Гонконгские власти всегда настороженно относились к эмигрантам из КНР, опасаясь допустить в колонию китайских агентов или профессионально несостоятельных лиц, которые окажутся бременем для администрации, станут фактором внутренней нестабильности. Однако в течение многих лет (вплоть до 1980 г.) Гонконг не мог полностью прекратить нелегальную иммиграцию, из-за «необходимости предоставлять убежище лицам, спасающимся от тоталитарного режима». Для китайской стороны ослабление или ужесточение пограничного контроля служило инструментом воздействия на положение в Гонконге, ослаблявшееся с притоком больших групп беженцев из КНР.

В настоящее время бывшие граждане КНР образуют специфическую по своей политической ориентации страту гонконгского общества (см. гл. 6).

Обратимся к рассмотрению китайско-гонконгской торговли, а также позиций КНР в экономике колонии. Приводимые данные характеризуют динамику развития двусторонней торговли между Гонконгом и КНР в 1950—1987 гг. (млн. гонк. долл.) (составлено по [10а, с. 594; 10б, с. 724; 35, с. 303; 132, т. 2, с. 125]):

Год	Экспорт	Резэкспорт	Импорт	Баланс
1950	—	1 260	782	478
1955	—	182	898	—716
1960	13	107	1 185	—1 065
1965	18	54	2 322	—2 260
1970	30	34	2 846	—2 782
1975	28	137	6 830	—6 665
1980	1 605	4 642	21 948	—15 701
1981	2 924	8 044	29 510	—18 542
1982	3 806	7 992	32 935	—21 137
1983	6 223	12 183	42 821	—24 415
1984	11 283	28 064	55 753	—16 376
1985	37 408	—	56 191	—18 783
1986	43 750	—	76 315	—32 565
1987	65 800	—	107 460	—41 660

В течение всего рассматриваемого периода Китай в больших количествах поставлял Гонконгу продовольствие, промышленное сырье и потребительские товары по ценам значительно ниже среднемировых (например, в начале 70-х годов рис, свинину, говядину и пресноводную рыбу — примерно на 50%, железо и хлопок — на 30%, одежду — на 25%). Продовольствие занимало ведущее место в китайском экспорте (1954—1963 гг. — 43%, 1964—1973 гг. — 50, после 1977 г. — 47%) [9, с. 54—55].

В 50-е — начале 60-х годов сдерживаемые эмбарго гонконгский экспорт и резэкспорт в КНР росли медленно. В годы «культурной революции» экспорт сократился по политическим причинам. Таким образом, КНР в течение десятков лет получала твердую валюту за счет положительного сальдо в торговле с Гонконгом, общая сумма которого за 1950—1981 гг. составила 23,8 млрд. ам. долл. [221, с. 17]. Такие огромные денежные по-

ступления позволили КНР создать в Гонконге значительные валютные резервы, а впоследствии на их основе многочисленны-
 е банки и компании. О значении валютных поступлений из
 Гонконга можно судить по тому, что КНР в 1978 г. полностью,
 а в 1979 г. на 87% покрыла дефицит торгового баланса именно
 за их счет [186, с. 125].

Особенно интенсивно экономические отношения КНР с Гон-
 конгом начали развиваться после 1978 г., когда китайское ру-
 ководство взяло курс на расширение контактов с внешним ми-
 ром. Это сразу же выразилось в быстром росте объема двусто-
 ронней торговли: 10,8 млрд. гонк. долл. в 1978 г. и уже
 44,7 млрд. гонк. долл. в 1982 г. [154, с. 124]. Постепенно КНР
 заняла второе после США место во внешнеэкономических свя-
 зях Гонконга. Потребности Китая в современной технике и тех-
 нологии создали возможность для интенсивного роста гонконг-
 ского экспорта, что, в свою очередь, способствовало развитию
 в колонии обрабатывающей промышленности, строительства,
 привлечению инвестиций. При сохранении структуры китайско-
 го экспорта (в 1980 г. текстиль и одежда — 20%, продовольст-
 вие — 22, в 1982 г. — соответственно 32 и 20%) гонконгский
 становился все более разнообразным.

Следует сказать, однако, что торговля не является для КНР
 единственным источником поступления валюты из Гонконга
 (млн. ам. долл.) (составлено по [221, с. 58]):

	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.
Сальдо торгового ба- ланса	1741,4	2259,5	3034,1	4407,2
Денежные переводы . . .	394,9	477,3	562,9	673,7
Туризм	223,5	367,5	891,4	951,8
Прибыли от инвестиций	367,8	461,0	609,9	824,9
Всего	2727,6	3565,3	5026,3	6857,6
Доля Гонконга в по- ступлениях валюты из- за границы	29,3%	31,7%	31,8%	36,5%

Кроме того, гонконгские предприниматели начали активно
 вкладывать капиталы в экономику КНР. К 1977 г. общая сум-
 ма гонконгских инвестиций в Китае составила 2 млрд. ам. долл.
 Основной сферой их приложения стала недвижимость. В 1983 г.
 гонконгский капитал был задействован в проектах в пров. Гуан-
 дун (Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Учжоу, Чжаоцин, Тайшань,
 Чжуншань, Вэйчжоу, Чжухай, Фошань, Паньюй, Шаньтоу), в
 Шанхае, Ханчжоу, Сямэне, Фучжоу (см. [221, с. 54—57]).

Специальные экономические зоны (СЭЗ) в КНР привлекли
 в первую очередь гонконгский китайский капитал. В 1981 г. он
 составил 91% иностранных капиталовложений в СЭЗ. Эта тен-
 денция сохранялась и в последующие годы. В основном средст-
 ва вкладывались в непроизводительную сферу: строительство —
 39,45% (185 млн. ам. долл.), туризм — 28,3, торговлю — 7,87%;

а в промышленность и сельское хозяйство лишь соответственно 16,26 и 4,13% [154, с. 128].

В настоящее время, когда внешнеэкономические связи КНР достигли довольно высокого уровня развития, Китай уже не столь зависит от гонконгского рынка, как раньше. И тем не менее на эту территорию приходится более 10% китайского экспорта [221, с. 178—179]. Кроме того, Гонконг выступает в качестве полигона для подготовки кадров для внешней торговли, здесь вновь созданные китайские фирмы, в особенности провинциальные, получают первый опыт знакомства с внешним рынком. В целом же к 1985 г. КНР вышла практически на первое место во внешней торговле Гонконга (25,5% импорта, 11,7% экспорта и 43,7% реэкспорта), уступая частично лишь США (44,4% экспорта) [35, с. 303].

Традиционными символами экономического присутствия КНР в Гонконге всегда были «три большие системы» — Банк Китая, компании «Хуажунь», подчинявшаяся министерству Внешнеэкономических связей, и «Чжаошанцзюй», управлявшаяся министерством транспорта, которые собственно и обслуживали торговлю между КНР и Гонконгом.

После 1978 г. началась перестройка в работе Банка Китая. Постепенно он превратился во второй (после «Хуэйфэна») ведущий банк Гонконга. Ныне Банк Китая не только финансирует торговлю, превращая положительное сальдо китайско-гонконгской торговли в твердую валюту и золото, но и активно участвует в экономической жизни Гонконга [221, с. 33]. В возглавляемую банком группу входят 13 банков (как девять чисто государственных — Банк коммуникаций, Гуандунский провинциальный банк, Банк Китая и Южных морей, Государственный банк Китая, Национальный коммерческий банк, «Цзиньчэн», «Синьхуа» и др., так и банки, принадлежащие КНР на паях с предпринимателями из Гонконга и стран ЮВА, — Наньянский коммерческий банк, Коммерческий банк китайских эмигрантов, «Баошэн» и «Цзию» [190, с. 41]). К середине 80-х годов их суммарные активы составили 63,3 млрд. ам. долл. и 102,6 млрд. юаней КНР (см. [221, с. 31—32, 68—70]). В целом деятельность данной банковской группы проходит довольно успешно, насколько можно судить по ограниченной информации, имеющейся на этот счет. Однако иногда имеют место срывы и неудачи, вызванные прежде всего незнанием руководством всех особенностей гонконгского рынка. Так, период грандиозных прибылей от финансирования строительства в 1981 г. сменился в 1983 г. значительным спадом. Только для Коммерческого банка китайских эмигрантов и Наньянского коммерческого банка убытки составили 10 млн. гонк. долл. [170, с. 52].

Группа Банка Китая активно борется за господствующее положение в Гонконге. Это выражается, во-первых, в поглощении частных банков, находящихся на грани банкротства (в 1986 г. таковыми были банки «Цзяхуа» и «Юнянь») ¹⁶, а во-

вторых, за счет расширения сети обслуживания местного населения (с 1981 г. число отделений банков группы возросло с 47 до 193), в частности, по линии пяти принадлежащих КНР страховых компаний (см. [154, с. 126; 221, с. 30—31]).

Что касается торгово-предпринимательской деятельности КНР в Гонконге, то официально зарегистрированных китайских компаний в колонии в 1985 г. было более 150 [161, с. 56]. Однако многие из них создают дочерние предприятия, причем нередко полуофициально. По мнению местных наблюдателей, их число приближается к 2—3 тыс. Согласно данным гонконгского экономиста Хуан Сыци, КНР владеет в Гонконге 50 торговыми и инвестиционными компаниями, 1136 компаниями и их отделениями, занимающимися сбытом сырья и сельскохозяйственной продукции, и 101 фирмой по сбыту промышленной продукции. Интересы КНР представлены в самых различных сферах: морских и наземных перевозках, туризме, строительстве, обрабатывающей промышленности, нефтехимической промышленности, издательском деле и кинематографии [154, с. 127]. Только в недвижимость за период 1977—1980 гг. фирмы КНР вложили почти 10 млрд. гонк. долл. К 1985 г. общая сумма китайских инвестиций в Гонконге составила 5 млрд. ам. долл., достигнув уровня американских вложений (см. [154, с. 128; 161, с. 57]).

В новых условиях «Хуажунь», используя свои старые связи, развернула предпринимательскую деятельность в электронной промышленности, сервисе, торговле, консультировании бизнеса. «Хуажунь» ныне принадлежат более 50 различных компаний, свыше 50 совместных предприятий, 6 супермаркетов, 13 универсамов и 27 рынков в Гонконге. Другая старая государственная компания — «Чжаошанцзюй» — контролирует примерно 200 малых фирм. К крупным компаниям центрального подчинения относятся также Китайская международная инвестиционная компания и «Гуанда»¹⁷, возглавляемая Ван Гуанином. Принося прибыль с первого года своего существования, «Гуанда» способствует закупке в Гонконге современной техники для китайской промышленности (на 390 млн. ам. долл. в 1984 г. и на 180 млн. ам. долл. в 1985 г.), участвует в развитии туризма и строительстве, как в Гонконге, так и в КНР [170, с. 53].

Нередко государственные фирмы КНР вступают в конкуренцию с гонконгскими предпринимателями, но не всегда побеждают. Так, компания «Хэхэ» вложила более 1 млн. гонк. долл. в строительство в Шэньчжэне, в шоссе Чжухай—Гуанчжоу—Шэньчжэнь, а прибыли ее падают не в последнюю очередь из-за конкуренции фирмы «Лу», пользующейся большей популярностью, а также опирающейся на поддержку японского и голландского капитала [170, с. 50—51].

Почти все провинции, автономные районы и города центрального подчинения КНР (кроме разве Ганьсу, Синьцзяна и Тибета) имеют свои внешнеторговые компании в Гонконге: Пе-

кин — «Цзинцзинь», Тяньцзинь — «Цзиньянь», Шанхай — «Шанхай шие», Гуанчжоу — несколько фирм, Фуцзянь — «Хуаминь», Гуанси — «Гуйцзян», Гуандун — «Юэхай». Все эти компании также имеют тенденцию к разрастанию. Так, «Юэхай» в 1979—1985 гг. образовала до 100 дочерних фирм [190, с. 44].

Еще одним видом китайских торговых компаний являются отраслевые фирмы: Китайская компания железнодорожного обслуживания, Экспортно-импортная компания «Синьхуа» (министерство электронной промышленности КНР), Международная компания «Саньли» (министерство легкой промышленности КНР), Китайская компания по строительству за рубежом, гонконгское отделение Китайского бюро международного туризма и т. п. [161, с. 56]. Иногда компании, представляющие центральные ведомства, сталкиваются с конкуренцией провинциальных фирм [161, с. 57].

Даже издательства газет, таких, как «Дагун бао», «Вэньхуэй бао», а также дружественная КНР Федерация профсоюзов включились в предпринимательскую деятельность. Так, «Вэньхуэй бао» принадлежит торговая фирма «Вэньхуэй», туристическое бюро «Байхуа», типография «Ядянь», издательство «Вэньмао» [161, с. 57].

Приводимые ниже данные характеризуют масштабы доходов разного рода государственных предприятий КНР в Гонконге (млн. ам. долл.) [154, с. 128]:

Год	Банковская прибыль	Доход от прочих предприятий	Всего
1976	52,6	247,4	300,0
1977	71,7	296,1	367,8
1978	100,9	360,1	461,0
1979	145,7	464,2	609,9
1980	229,8	595,1	824,9

Бурная торгово-предпринимательская деятельность в Гонконге не только приносит КНР значительные прибыли, позволяет устанавливать контакты с партнерами, с которыми Китай не имеет официальных отношений (Тайвань, Южная Корея и др.), обеспечивает подготовку управленческих кадров, но и, что представляется исключительно важным, служит средством подготовиться к периоду после 1997 г., когда Гонконг перейдет под суверенитет КНР. Китай стремится максимально укрепить здесь к этому времени свои экономические позиции.

ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ПЕРЕХОДУ
ПОД ЮРИСДИКЦИЮ КНРПодготовка
китайско-английского соглашения

Правительство Китая неоднократно давало понять, что намерено восстановить свой суверенитет не только над «Новыми территориями», срок аренды которых истечет в 1997 г., но и над всей территорией Гонконга. При этом оно исходило из того, что договоры, которые легли в основу перехода колонии под юрисдикцию английской администрации, являются несправедливыми. Возникшее в данной связи в конце 70-х годов беспокойство иностранных инвесторов и местных представителей деловых кругов, которых волновало будущее колонии, продолжало нарастать в последующие годы.

Китайская сторона долгое время не делала никаких деклараций о своих конкретных намерениях в отношении Гонконга. Лишь 10 марта 1972 г., вскоре после восстановления членства КНР в ООН, ее представитель Хуан Хуа передал Комитету по деколонизации меморандум, в котором говорилось, что Гонконг и Макао — это части китайской территории, оккупированные соответственно Англией и Португалией. Вопрос о данных территориях, говорилось в документе, полностью относится к сфере китайского суверенитета, и в этом коренное отличие Гонконга и Макао от других колоний [8, с. 279]. Иными словами, подчеркивалось, что не может быть и речи о какой-либо «независимости» этих двух колониальных анклавов, что КНР считает их воссоединение единственным способом разрешения проблемы.

К концу 70-х годов стало ясно, что наступает момент, когда возникает необходимость принять окончательное решение по Гонконгу: приближался 1997 г. Такое решение, если судить по публикациям в левой печати Гонконга и беседам китайских руководителей с неофициальными гонконгскими делегациями, было принято в Пекине к маю 1982 г. [222, с. 10—11].

Английское правительство рассчитывало на возможность сохранения Гонконга за Великобританией после 1997 г.¹ При этом делались попытки достичь договоренности с КНР по поводу

частных вопросов, касающихся будущего колонии. Так, в марте 1979 г. губернатор Гонконга М. Маклехоуз, находясь в Пекине, пытался решить вопрос о возобновлении срока аренды «Новых территорий», но безуспешно.

Китайское правительство справедливо настаивало на том, что весь район Гонконга является исконно китайской территорией и подлежит возвращению под суверенитет КНР. Однако точная дата еще не устанавливалась [222, с. 9].

Начало официальным переговорам положила встреча в Пекине в сентябре 1982 г. премьер-министра Англии М. Тэтчер и Дэн Сяопина. Они приняли решение о проведении двусторонних консультаций, первый этап которых был проведен британским посольством в КНР и китайским министерством иностранных дел. Второй этап, на этот раз уже с участием официальных делегаций двух стран, начался 12 июля 1983 г. В ходе переговоров еще раз проявилось категорическое несогласие китайской стороны с сохранением в Гонконге английской администрации в любой форме².

Параллельно с ходом двусторонних переговоров КНР развернула активную деятельность по укреплению контактов с представителями различных слоев гонконгской общечественности. В феврале 1983 г. 140 жителей Гонконга и Макао были введены в состав Всекитайского собрания народных представителей (далее ВСНП) и Народного политического консультативного совета Китая (далее НПКСК). В Пекин стали прибывать многочисленные делегации из Гонконга, которым разъясняли позицию китайского правительства по вопросу о будущем колонии.

Между тем возникли серьезные проблемы в начале второго раунда китайско-английских переговоров. Об этом можно косвенно судить по официальным сообщениям в прессе (первое заседание — «было полезным и конструктивным», второе — было «полезным», третье — «проведено») [222, с. 15]. Складывалось впечатление, что до соглашения еще далеко. Тем не менее 15 августа Чжао Цзыян заявил японским корреспондентам, что КНР восстановит свой суверенитет над Гонконгом 1 июля 1997 г. Левые профсоюзы и печать колонии начали активно выступать в поддержку китайской позиции по вопросу о суверенитете.

Часть гонконгского населения была охвачена паникой. Возросли эмиграция, а также отток капитала. Жители стали переводить свои сбережения в местной валюте в американские доллары. Курс гонконгского доллара резко упал, что повлекло за собой рост цен и связанные с этим волнения трудящихся. 18 сентября состоялась трехтысячная демонстрация против роста цен, в первую очередь на электроэнергию. К 24 сентября 1983 г. гонконгский доллар упал до соотношения с американским 9,50 : 1 (при официальном курсе 7,80 : 1) [222, с. 19]. Опустели магазины, люди запасали продовольствие и потребительские товары.

Первоначально английские власти рассчитывали использо-

вать валютный кризис для давления на КНР (для которой падение гонконгского доллара означало значительные материальные потери), но, убедившись в непримиримости Пекина, были вынуждены вмешаться, дабы остановить панику на рынке. Положение постепенно нормализовалось.

Английской стороне пришлось считаться с тем, что КНР заявила о решимости объявить свой собственный план воссоединения, если двустороннее соглашение по Гонконгу не будет достигнуто к сентябрю 1984 г. Толчок успешному развитию переговоров дало послание М. Тэтчер Чжао Цзыяну, в котором говорилось о готовности Великобритании отказаться от суверенитета в случае китайских гарантий сохранения в колонии статус-кво. Результат не замедлил сказаться: по окончании пятого заседания (20 октября 1983 г.) оно уже было охарактеризовано в официальном коммюнике как «полезное и конструктивное» [222, с. 21].

В последующие месяцы 1983 и в начале 1984 г. китайское руководство широко оловетило иностранных журналистов о своей готовности сохранить общественную систему Гонконга неизменной в течение 50 лет после 1997 г. (заявления Ху Яобана, Пэн Чжэня, Чжао Цзыяна и др.) [222, с. 22—23]. Будущее колонии являлось основной темой переговоров китайских руководителей с министром иностранных дел и по делам содружества Великобритании Дж. Хау во время его визитов в Пекин в апреле и июле 1984 г.

Для окончательной доработки двустороннего соглашения по Гонконгу в конце июня 1984 г. в Пекине начала работу постоянная китайско-английская рабочая группа. 18 сентября стороны одобрили китайский и английский тексты договоров, которые и были опубликованы 26 сентября в Пекине, Гонконге и Лондоне.

Во время переговоров между КНР и Англией о будущем Гонконга правящие круги Великобритании постарались максимально активизировать членов консультативных органов Гонконга для создания видимости широкого обсуждения с местным населением. Неофициальные члены законодательного и административного советов участвовали в консультациях с правительством Англии, в парламентских дебатах в октябре и ноябре 1983 г. и в марте и мае 1984 г.³

В конце сентября 1984 г. в Гонконге была создана специальная канцелярия, собиравшая информацию о реакции на проект китайско-английского соглашения. В результате опроса членов законодательного и административного советов, городского, регионального и районных советов, анализа публикаций газет и журналов, платформ и заявлений 430 организаций и групп, 1815 индивидуальных посланий канцелярия составила доклад, представленный губернатору в ноябре 1984 г. В нем констатировалось, что, несмотря на отсутствие у населения однозначного подхода к соглашению, всеобщим является мнение

о возможности будущего поступательного развития Гонконга на основе разработанных двусторонних документов. Констатация приемлемости соглашения для большинства населения Гонконга содержалась и в заявлении неофициальных членов законодательного и административного советов от 29 ноября 1984 г. (см. [33]).

Одновременно в колонии проходила проводимая протайваньскими организациями и антикоммунистически настроенными эмигрантами из КНР кампания против соглашения, которая, однако, не оказала воздействия на дальнейший ход развития событий.

Нижняя и верхняя палаты английского парламента одобрили соглашение соответственно 5 и 10 декабря 1984 г., а 19 декабря в Пекине М. Тэтчер и премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян подписали Совместную декларацию по вопросу о Гонконге.

Согласно этому документу Гонконг возвращается под суверенитет Китая 1 июля 1997 г. На территории бывшей колонии в соответствии со ст. 31 Конституции КНР будет создан специальный административный район (САР), который будет непосредственно подчиняться центральному правительству в Пекине и обладать широкими правами во всех сферах, исключая оборону и внешнеполитические связи. В Гонконге должны функционировать независимые органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Глава местного правительства будет назначаться центром на основе «выборов и консультаций» в самом Гонконге. В течение 50 лет гарантирована абсолютная неизменность сложившегося в Гонконге социально-экономического строя. Сохранится существующая экономическая система, статус свободного порта и международного торгового и валютно-финансового центра⁴. Ни в коей мере не подвергнутся ограничениям экономические и культурные связи с внешним миром, останутся в силе все заключенные Гонконгом международные соглашения. Населению гарантируется возможность пользоваться всеми теми же правами и свободами, что и ранее. Останутся на местах все чиновники, в том числе и иностранные граждане. Последние лишь не смогут после 1997 г. занимать посты начальников департаментов в гонконгском правительстве. Финансовая система сохранит свою независимость, и САР не будет подвергаться налогообложению со стороны центрального правительства. Китай намерен и в дальнейшем всемерно поддерживать роль Гонконга как важнейшего узла воздушных сообщений азиатско-тихоокеанского региона. Политика местных властей в области культуры и образования также не подвергнется каким-либо ограничениям со стороны Пекина. КНР рассчитывает на возможность продолжать использовать Гонконг для связей со странами, с которыми не имеет дипломатических отношений (например, с Южной Кореей). Декларацией предусматривается, что такие государства будут иметь право открывать в Гонконге

после 1997 г. любые неправительственные учреждения. Центральное правительство направит туда свои войска, однако за поддержание порядка будут отвечать местные власти (специальные силы безопасности возьмут под свой контроль Гонконг в период передачи власти).

В соответствии с соглашением, китайская сторона будет считать имеющими право на получение паспорта САР китайцев, которые родились в Гонконге или прожили там не менее семи лет и их детей (в эту категорию попадают и служащие из КНР), а также лиц других национальностей, проживших в Гонконге также не менее семи лет и избравших территорию своим постоянным местом жительства.

По этому поводу произошел обмен меморандумами между КНР и Англией, поскольку последняя заняла в вопросе о гражданстве и паспортах особую позицию. Все жители колонии, пользовавшиеся до 30 июня 1997 г. правами «граждан британских заморских территорий», смогут после этой даты наряду с паспортом САР пользоваться английскими паспортами «зарубежных граждан Великобритании», что не дает права на постоянное жительство в самой Англии, но обеспечивает английскую консульскую защиту в третьих странах. Такие паспорта в Гонконге получают 2,6 млн. человек, т. е. около половины населения. Остальная часть жителей получит только удостоверение личности САР Гонконга. Цель замены паспортов «граждан британских заморских территорий» на документы «зарубежных граждан Великобритании» в том, чтобы не допустить массовой эмиграции из Гонконга в Англию в 1997 г. и в то же время обеспечить жителей колонии документами, безусловно гарантирующими право на постоянное проживание в Гонконге и на консульское обслуживание в третьих странах⁵. До недавних пор, однако, существовала возможность получения гонконгцами в Макао португальских паспортов, которые в соответствии с законами Европейского экономического сообщества открывали им ворота Великобритании.

Китай заявил Англии, что для него неприемлемо использование жителями Гонконга английских паспортов как на территории САР, так и в любом пункте КНР. В целом же КНР, хотя и считает всех жителей Гонконга китайской национальности гражданами Китая, не будет возражать против использования британских паспортов для поездок за границу.

Для проведения консультаций по реализации положений совместной декларации, обсуждения вопросов о постепенной передаче власти и обмену информацией стороны создали китайско-английскую группу связи, состоящую из пяти представителей с каждой стороны (китайскую делегацию возглавлял заведующий отделом Гонконга и Макао МИД КНР Кэ Цзайшо, английскую — помощник министра иностранных дел Л. Уилсон). Важным дополнительным аспектом деятельности группы, являющейся исключительно консультативным органом, стало

содействие заключению новых международных экономических, научно-технических и культурных соглашений, которые будут соответствовать новому статусу САР. Группа связи ежегодно проводит не менее трех заседаний соответственно в Пекине, Лондоне и Гонконге. С 1 июля 1988 г. по 1 января 2000 г. она будет иметь постоянное представительство в Гонконге. В сфере ее внимания оказались такие вопросы, как участие Гонконга после 1997 г. в деятельности ЮНКТАД, в международных соглашениях с ГАТТ и МОТ; статус различных документов, удостоверяющих личность жителей Гонконга после 1997 г. и др. (см. [160, с. 23; 298, 21.03.1987]).

Для урегулирования проблем земельной аренды в переходный период создана земельная комиссия. Китайскую делегацию возглавляет заместитель начальника канцелярии по делам Гонконга и Макао Госсовета КНР Сунь Яньхэн.

Английские власти ежегодно сдают в аренду промышленным предприятиям участки земли, получая таким образом 10% своего дохода. В соответствии с достигнутым соглашением, администрация и впредь сохранит право на продолжение аренды, сохраняющее силу и после 1997 г., но 50% ренты будет откладываться в специальный фонд правительства будущего САР Гонконга.

В соответствии с декларацией, в переходный период в Гонконге сохранится британская администрация, отвечающая за «экономическое процветание и социальную стабильность». Правительство КНР обещало сотрудничать с Англией в данной области, не вмешиваясь в сферы компетенции колониальных властей.

Одновременно в Пекине объявили о начале подготовки «Основного закона специального административного района Гонконга», который, будучи принят ВСНП, станет юридическим основанием для сохранения в Гонконге капиталистической системы после 1997 г.

Таковы основные положения китайско-английского соглашения и разъяснительных документов правительства КНР. 21 мая 1985 г. декларация была ратифицирована, 27 мая в Пекине произошел обмен ратификационными грамотами [38, с. 8].

Реформа политической системы

Пока в КНР шла организационная работа по формированию Комитета по разработке Основного закона (КРОЗ), развернутая английскими властями реформа политической системы Гонконга давно уже началась.

Практически не согласуясь с ходом переговоров с КНР, колониальные власти опубликовали 18 июля 1984 г. проект документа («Зеленую книгу») под названием «Дальнейшее развитие представительного правительства в Гонконге», который

стал предметом оживленного обсуждения в колонии (проект был разработан с ведома консервативного правительства Великобритании при активном участии местного колониального правительства в формировании ряда существенных положений). 21 ноября 1984 г. колониальные власти представили на утверждение законодательного совета документ (с учетом полученных замечаний), который еще до завершения англо-китайских переговоров определил ход политического развития Гонконга (как минимум, на краткосрочную перспективу).

С нашей точки зрения, заслуживает внимания как содержание самого проекта, так и ход его обсуждения, отражающий расстановку политических сил в гонконгском обществе. Однако прежде следует упомянуть об изменениях, которые произошли в структуре представительных учреждений Гонконга.

К началу 70-х годов произошли определенные перемены в деятельности законодательного и административного советов. Стремясь сократить разрыв между колониальной администрацией и местным населением (что было крайне актуально в напряженной обстановке 60-х годов), власти создали в 1963 г. Приемную неофициальных членов административного и законодательного советов (АМЕЛКО). В ее задачи входило принимать жалобы и предложения населения и передавать их администрации. За 1970—1975 гг. ежегодное число рассматриваемых дел возросло с 500 до 2,5 тыс. [252, с. 158]. У населения по крайней мере создавалась иллюзия, что о его интересах кто-то заботится. Кроме того, учитывая рост национального самосознания, власти с 1974 г. объявили китайский язык официальным наряду с английским.

Одновременно развивались органы местного управления с ограниченными полномочиями. Так, в 1973 г. Городской совет, выполнявший функции муниципалитета Гонконга и Цзюлуна, приобрел финансовую автономию от колониальной администрации. Этот совет, половина членов которого избиралась ограниченным местным электоратом (на конец 60-х годов примерно 35 тыс. человек), а половина назначалась правительством сроком на 4 года, в основном состоял из китайцев. Они имели возможность регулярно встречаться с населением десяти городских районов. К 1979/80 фин. г. доход совета достиг 680 млн. гонк. долл., которые предназначались на развитие городского хозяйства.

Городской совет, а также возникший в 1986 г. в «Новых территориях» Региональный совет образуют промежуточный уровень политической системы. Нижний этаж ее составляют районные комитеты.

В городских районах Гонконга и Цзюлуна (10 районов) эти комитеты возникли в 70-е годы как результат движения жителей за более активное участие в управлении (кампании за улучшение санитарного состояния, борьба с преступностью, создание комитетов взаимопомощи и др.).

В «Новых территориях» четыре больших административных района возглавляли «районные офицеры», которые выполняли функции местного правительства, а вплоть до 1961 г. и суда. В распоряжении таких чиновников находился большой аппарат служащих (от 107 до 205 человек) [31, с. 288—290]. 654 деревни избирали своих представителей (всего более 940), которые образовывали в каждом из 27 подрайонов (*сянов*) сельский комитет. Сяньцзюй (Сельский совет) включал в свой состав председателей и заместителей председателей сельских комитетов, десять неофициальных мировых судей, а также 21 специального советника (каждые два года 30% из них избиралось жителями «Новых территорий») (см. [276, с. 288—290]). В 1960 г., т. е. по прошествии более 30 лет со времени его образования, Сельский совет получил законный статус представителя интересов жителей «Новых территорий» [186, с. 12]. Изменение статуса, правда, не означало приобретения каких-либо особых прав. «Административные офицеры» имели право полностью игнорировать рекомендации, требования и пожелания как Сельского совета, так и местных выборных органов более низкого уровня. Таким образом, сельским комитетам, например, оставалось лишь заниматься разрешением семейных или клановых споров, содействовать властям в уборке мусора и т. п.

В 70-е годы в связи с ростом новых городов в «Новых территориях» была проведена административная реформа, в ходе которой образовано 9 районов. Начиная с 1977 г. стали возникать районные комитеты. Именно эта система представительства, наряду с сельскими комитетам и Сельским советом образует низший уровень политической структуры в «Новых территориях».

Состав органов представительной власти на всех уровнях одинаков, они состоят из чиновников, а также частично назначенных властями и частично избранных населением неофициальных членов.

В целом предложения выдвинутого властями проекта реформы сводились к постепенному увеличению числа избираемых членов законодательного совета. Это должно было позволить, не подвергая риску процветание и стабильность Гонконга слишком быстрым введением многих конституционных изменений, постепенно расширить систему представительства населения в законодательных органах, сокращая при этом число чиновников, входящих в состав совета.

Проектом предполагалось разделить Гонконг на десять избирательных округов с населением от 441 тыс. до 726 тыс. человек. Выборщиками должны были стать назначаемые и избираемые члены районных советов. Две дополнительные группы выборщиков — члены городского и регионального советов, избирающие членов законодательного совета от Гонконга и «Новых территорий» в целом. В законодательный совет предусмат-

ривалось в 1985 г. избрать 6 человек из общего числа 48 членов совета, а в 1988 г. — 12. Кроме того, предполагалось избрать также соответственно 6 и 12 членов законодательного совета от девяти «функциональных групп» общества — от группы предпринимателей, представленной Генеральной торговой палатой Гонконга и Главной китайской торговой палатой; от промышленников (Федерация гонконгской промышленности, Ассоциация китайских промышленников); от финансистов (Ассоциация банков Гонконга); от профсоюзов (основные объединения — Федерация профсоюзов, Совет профсоюзов); от сферы обслуживания (Гонконгский совет общественного обслуживания); от врачей (Медицинская ассоциация Гонконга), от работников образования, юристов и инженерно-технических работников, представленных соответствующими профессиональными объединениями.

Избранным в законодательный совет может быть каждый житель Гонконга, обладающий правом голоса, зарегистрированный в качестве избирателя в одном из округов и проживший в колонии не менее 10 лет.

В результате обсуждения было решено увеличить вдвое число избираемых в 1985 г. членов законодательного совета как по линии избирательных округов, так и по линии «функциональных групп». Таким образом, на 1985 г. состав законодательного совета в соответствии с новой системой выглядел так: 24 (вместо 12) избранных членов, 22 назначаемых губернатором, 10 чиновников (всего 56). Несмотря на увеличение числа избранных, система по-прежнему остается недемократичной, большинство представлено ставленниками колониальной администрации (см. схему).

О прямых выборах пока что и речи нет. Все избранные члены законодательного совета избираются либо близкими к администрации городским, региональным и районным советами, либо руководящей верхушкой объединений финансистов и промышленников, лидерами профсоюзов и т. п.

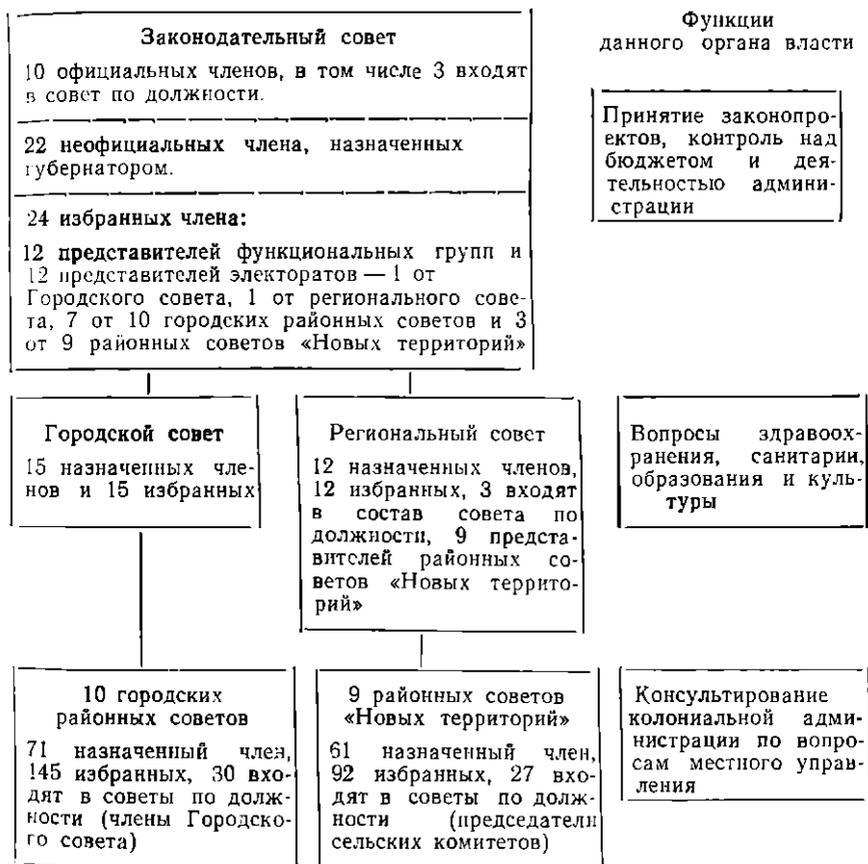
Каких-либо изменений в отношении административного совета вообще не произошло, хотя и предполагалось ввести министерскую систему, дать избранным членам совета больше прав по контролю над действиями правительства колонии. Отложено также рассмотрение вопроса об избрании председателя законодательного совета его членами (в настоящее время этот пост занимает губернатор колонии).

В ходе обсуждения проекта реформы секретариат колониальных властей получил около 360 письменных замечаний. Оживленные дебаты велись в районных советах, городском и региональном советах. Справедливо отмечалось, что трудно считать демократичной систему, когда лишь часть членов законодательного совета избирается (по линии избирательных округов 430 выборщиков будут представлять 2,7 млн. избирателей) [322, 26.04.1984]. Как отмечала газета «Гонконг стандарт»,

«единственная система, которая общеизвестно считается неработающей,— это „непрямые выборы“, и именно эту систему и получил Гонконг» [324, 28.04.1984]. Говорилось о том, что представители деловых кругов и высокооплачиваемые профессионалы (в первую очередь юристы и врачи) получают гарантиро-

С х е м а

Структура представительных органов Гонконга в 1987 г.

ванное большинство: соответственно 30% и 25% выборщиков относится к этим слоям общества. По мнению члена городского совета Фун Кимки, беспокойство должно вызывать в первую очередь то обстоятельство, что при существующей системе не будет представлено большинство населения, в первую очередь рабочие [324, 18.08.1984].

Однако именно на проведении умеренных, консервативных реформ настаивают «хозяева Гонконга». Они предупредили администрацию, что в случае введения прямых выборов капитал

начнет покидать Гонконг и ведущие предприниматели уедут из колонии [324, 31.07.1984]. Представляющая интересы этой группы Ассоциация старожилов Гонконга заявила, что прямые выборы до 1988 г. лишь дестабилизируют политическую и экономическую ситуацию. Отмечалось, что радикальные реформы приведут к обострению борьбы между левыми и правыми группировками, которые воспользуются политической неграмотностью населения и превратят своими распрями жизнь колонии в ад [326, 27.08.1984]. «Стабильность и спокойствие» — вот чего ждут от демократии гонконгские буржуа. Их опасения в отношении реформы политической системы связаны и с возможностью «введения системы бесплатных завтраков», под чем подразумевается выплата пособий по безработице, расширение социального обеспечения, ужесточение законодательства по охране труда и пр. (см. [302, 1984, № 9]).

Противники прямых выборов аргументировали свою позицию следующим образом. Во-первых, население колонии в большинстве своем проявляет минимальный интерес к политике. Так, в 1982 г. в выборах в районные советы участвовало лишь 13% избирателей. Проведенное Гонконгским университетом исследование показало, что гонконгцы почти ничего не знают о политической системе, в условиях которой они живут. Во-вторых, сами «политические деятели», кандидаты на членство в советах разных уровней, демонстрируют низкий уровень компетентности [313, 23.07.1984]. Но ведь нелогично требовать высокого уровня политического сознания от населения колонии, в течение полутора столетий пользовавшегося в лучшем случае сильно усеченным вариантом буржуазной демократии. Политические партии всегда были запрещены.

Изменение положения более всего страшит гонконгскую буржуазию. Орган финансово-промышленного капитала «Цайцзин жибао» писал 20 июля 1984 г., что проведение прямых выборов непосредственно связано с возникновением политических партий и неизбежными вследствие этого беспорядками. «Сейчас самым важным для Гонконга является единство всех слоев общества — буржуазии, средней буржуазии и низших слоев», — утверждала она. И хотя оживление политической жизни могло бы способствовать выдвижению способных деятелей, росту политического сознания населения, правящие круги колонии предпочли ограничиться объявлением о введении уроков политического образования в школах и организации сети политического просвещения для населения [306, 14.07.1984]. А это не может способствовать изменению общей ситуации, сложившейся в обществе. Профессор Китайского университета Гонконга Цзэн Жунгуан справедливо писал, что даже накопление политических знаний не изменит рядового жителя Гонконга, который остается пассивным в политике и будет приспосабливаться к сложившейся ситуации, воздерживаясь от вмешательства в события [307, 23.07.1984].

Каковы бы ни были перспективы на будущее, в настоящее время интерес к политике в Гонконге действительно невелик. Проведенное газетой «Саут Чайна морнинг пост» обследование показало, что лишь 50% опрошенных знакомы с проектом реформы политической системы Гонконга [326, 19.08.1984]. По данным обследования молодежи, 40% не имеют представления о статусе избирателя, 87% имеющих право голоса молодых людей не зарегистрированы как избиратели [308, 23.08.1984]. Недоверие и равнодушие вполне оправданы: ведь прямыми являются только местные выборы, а на выборах в законодательный совет решающий голос принадлежит крупным бизнесменам и колониальной администрации, а не большинству населения, которое, кстати, опять же по данным обследований, высказалось за скорейшее введение прямых выборов (63—76% опрошенных). Иллюстрируя разочарование трудящихся, газеты писали, что в Гонконге реальными свободами пользуется только элита общества: «Врачи и юристы пользуются правом делать состояния на несчастьях других; монополии получают прибыли за счет неимущих слоев населения, пользуясь льготами, уничтожают конкурентов; хозяева домов и землевладельцы обирают жителей; привилегированные классы посылают своих детей учиться в лучшие учебные заведения; преступники от коммерции расхищают акции и банковские вклады населения; влиятельные чиновники сотрудничают с преступными тайными обществами; вся система управления находится в руках колониалистов и их прихвостней» [326, 31.07.1984]. По данным группы «Гонконгские обозреватели», 95% населения колонии считают, что с ними следовало бы проконсультироваться при решении вопроса о будущем колонии, но лишь 38% полагают, что их точка зрения хоть как-нибудь сможет повлиять на дальнейшее развитие событий.

Отсутствие политических партий и общая пассивность населения в то же время не означают, что в Гонконге полностью отсутствуют группировки, возникшие на региональной, профессиональной или другой основе и отстаивающие определенные политические требования. Их называют в Гонконге «группами давления». В последнее время они все более активно дают о себе знать. «Группы давления» представляют «средние и низшие» слои населения, а если говорить конкретно, то в первую очередь средних и мелких предпринимателей и интеллигенцию. Интересы этих слоев почти не учитываются современной консультативной системой управления, в результате чего они вынуждены искать возможности заявить о себе. Однако «группы давления» характеризуются замкнутостью в кругу узкопрофессиональных или региональных интересов, не имеют достаточных средств для разворачивания политических кампаний, что связано как с низким уровнем доходов их членов, так и с отсутствием четкой организации и дисциплины. «Группы давления» редко сотрудничают друг с другом, нередко совпадение их

позиций бывает чистой случайностью, а не результатом скоординированных усилий. Не одинакова и степень политической активности разных групп. Достаточно часто большинство членов той или иной группы участвует в ее деятельности лишь формально, фактически же она может стать орудием в руках одного или нескольких авантюристов, использующих вывеску «группы давления» для реализации своих индивидуальных политических амбиций, в частности на выборах в законодательный совет [296, 1984, № 10, с. 26].

В обсуждении проекта реформы участвовало 40 «групп давления». Большинство из них продолжают свою деятельность и по сей день. Остановимся на некоторых из них, наиболее известных.

«Гонконгские обозреватели» («Сянган гуаньчашэ»). Создана в 1975 г., включает представителей средней буржуазии, научно-технической интеллигенции, преподавателей; выступает за воссоединение с Китаем, расширение участия местного населения в управлении, определении будущей территории; в основном пропагандирует свою программу через публикации в печати, не очень популярна среди населения, не имела успеха на местных выборах [132, т. 2, с. 137, 139].

«Место встречи» («Хуэйдянь»). Возникла в 1983 г., к 1987 г. число активных членов достигло 300, в основном недавние выпускники высших учебных заведений — юристы, журналисты, коммерсанты. Группа также поддерживает идею воссоединения, настаивает на большей внутренней демократизации в Гонконге. В интервью журналу «Чжэнмин» лидер группы Ян Сэнь подчеркнул, что в настоящее время группа близка к превращению в политическую партию. По его мнению, гонконгское общество созрело для демократии (высок культурный и образовательный уровень населения, относительно стабильно внутреннее положение, многочисленна средняя буржуазия, стремящаяся к участию в управлении обществом). Ян Сэнь заявил, что политические дискуссии лишь будут способствовать позитивному разрешению всех внутренних проблем Гонконга в будущем [85, с. 54]. «Место встречи» включает общественных деятелей, ориентированных на тесное сотрудничество с КНР как до, так и после 1997 г.

«Новое гонконгское исследовательское общество» («Синь сянган сюэхуэй»). Создано в 1983 г., социальный состав аналогичен составу «Места встречи». Общество выступает за демократизацию и широкие социальные реформы, проводит социологические обследования положения трудящихся, эффективности административной системы, изучает проблемы экономики, образования и др.

Следует также упомянуть «Федерацию гонконгских студентов», «Союз борьбы за социальную организацию», «Ассоциацию за продолжение образования», «Союз профессиональных преподавателей Гонконга», «Группу действия в сфере образования»,

«Гонконгскую ассоциацию служащих складов и транспорта», «Ассоциацию старожилов Гонконга» и др.

Уже из названий очевидно, что среди «групп давления» есть и политические общества, и культурные ассоциации, и профсоюзы. Встречаются также и религиозные организации. Так, большую активность проявляет «Христианский промышленный комитет», пользующийся, по отзывам наблюдателей, весьма серьезным влиянием в рабочей среде, поскольку он борется за экономические права трудящихся (безопасность труда, повышение заработной платы, социальное страхование). В студенческой среде комитет ведет, и довольно успешно, пропаганду христианства посредством выходящего большим тиражом журнала «Тупо» («Прорыв») (см. [157, с. 141; 93, с. 164, 168]).

Еще одной религиозной организацией, включившейся в дискуссию, стало возникшее в 1982 г. «Гонконгское движение верующих христиан», регулярно созывающее конференции и семинары, посвященные будущему колонии [198, с. 160].

В заключение назовем еще две организации, относящиеся к «группам давления». Это «Общество изучения перспектив» («Цяньцзин яньцзюшэ»), которое видит свою задачу в исследовании возможных вариантов развития ситуации в Гонконге, собирает сведения о настроениях населения, поддерживает контакт с представителями КНР, постоянно информируя их о ситуации в колонии [157, с. 141]; и «Группа действия 1997 г.» («Цзюци синдунцзу»), сформированная в 1982 г. гонконгскими специалистами, работающими в Великобритании [157, с. 144].

Власти Гонконга настороженно относятся к «группам давления» (в конце 80-х годов был создан секретный Постоянный комитет по «группам давления», наблюдавший за их деятельностью), подвергая «наиболее опасные» скрытым нападка. Так, по сообщению компетентного журнала «Цзюши няндай», за критику коррупции в рядах колониальной администрации, за попытки доказать, что назначаемые губернатором неофициальные члены законодательного и административного советов являются марионетками в руках колониалистов, подверглась гонениям группа «Гонконгские обозреватели». Одного из ее лидеров, в свое время корреспондента газеты «Эйша Уолл-стрит джорнел» в Пекине, Цинь Цзяцуна даже обвинили в шпионаже [317, 1985, № 6, с. 18].

Во время дискуссий по поводу предполагавшейся реформы 10 августа 1984 г. 132 видных деятеля Гонконга опубликовали в газетах «Мин бао», «Синь бао», «Дагун бао», «Вэньхуэй бао», «Синдао жибао» и «Саут Чайна морнинг пост» заявление под названием «Мы принимаем вызов времени». В нем выражалась поддержка правительственной программы реформ, готовность сотрудничать с властями ради достижения полного самоуправления Гонконга. Это заявление вызвало крайне негативную реакцию левой печати, отмечавшей, что подписавшие его лица стремятся в сотрудничестве с английскими колонизаторами за-

нять ведущее место в политической жизни колонии, чтобы к 1997 г. быть в состоянии противопоставить себя патриотическим силам [296, 1984, № 9, с. 22].

Даже самые умеренные преобразования вкупе с перспективой изменения ситуации в Гонконге в 1997 г. заставляют предпринимателей и банкиров прибегать к определенным предосторожностям. Только в 1983 г. Гонконг покинуло 20 тыс. человек, вывезших с собой значительные капиталы за границу. Например, в Австралии доля Гонконга в общей сумме иностранных инвестиций составляет 9% (735 млн. долл.). В 1983 г. в эту страну из Гонконга приехало 52 эмигранта с капиталом 116 млн. долл. (67% было вложено в недвижимость). В ближайшие годы, по оценкам тайваньских специалистов, из колонии вывезут 12 млрд. гонк. долл. [9, с. 193].

Подобная тенденция явственно прослеживается на примере одного из крупнейших в мире, не говоря уже о Гонконге, банка — Гонконг-Шанхайской банковской корпорации. «Хуэйфэн» имеет отделения на всех пяти континентах. В последние годы наблюдается тенденция к сокращению доли Гонконга в авуарах банка. Если в 1976 г. при общем капитале банка 55 млрд. гонк. долл. 52% его находилось в Гонконге, а в Великобритании и США примерно по 4%, то в 1983 г. при капитале в 9,5 раза больше (470 млрд. гонк. долл.) на Гонконг уже приходилось всего лишь 29%, на США — 41, на Великобританию — 15%. Совет директоров «Хуэйфэна», стремясь обезопасить банк от возможных неожиданностей, постепенно переносит центр деятельности в Америку и Европу (см. [296, 1984, № 7, с. 45—47]).

Что касается государственных служащих, то, несмотря на обещания Пекина о том, что им будет разрешено остаться на своих местах, они также испытывают серьезное беспокойство. Эта категория служащих объединена в несколько профсоюзов: самый крупный из них — «Генеральный профсоюз государственных служащих Гонконга», в который, в свою очередь, в 1982 г. входило 143 мелких союза с общей численностью членов 73,6 тыс.; существуют также «Ассоциация высокопоставленных государственных служащих», «Союз китайских служащих гонконгских властей», «Ассоциация государственных служащих — иностранцев». В 1984 г. на службе у правительства колонии находилось более 170 тыс., их заработная плата в 1984/85 фин. г. составляла почти 9 млрд. гонк. долл., или более 33% бюджета Гонконга. Все эти лица заинтересованы в сохранении своего привилегированного положения, вследствие чего активно поддерживают политику властей. В то же время чувство неуверенности проявляется в ускорении процесса досрочного ухода на пенсию. Что касается иностранцев, то, по словам председателя «Ассоциации государственных служащих — иностранцев» Дж. Лэмбурна, в связи с воссоединением Китая и Гонконга «волна национализма может подняться столь высоко, что иностранцам здесь больше нечего будет делать». Предпочитают

уезжать на заработки за границу многие выпускники высших учебных заведений. По сообщениям гонконгской печати, утечка мозгов в течение последних двух лет стала особенно заметной [296, 1984, № 7, с. 26; 326, 21.07.1984].

Нами был рассмотрен правый край социального спектра Гонконга. Позицию центра представляет прежде всего «Конференция по обсуждению и изучению проекта реформы представительства», в которую входят 49 «групп давления» — профсоюзы, ассоциации из сфер образования, науки, религии, региональные объединения. Конференция поддержала проект реформы в целом, заявив о готовности бороться за создание «демократической системы управления с высокой степенью автономии», но высказалась за немедленное проведение прямых выборов [293, 28.08.1984].

Левые группировки и печать (в первую очередь газеты «Дагун бао», «Вэньхуэй бао» и «Синьвань бао»), отражая позицию Пекина, встретили проект реформы крайне враждебно. Заместитель председателя Федерации профсоюзов Тань Яоцзун заявил, что реформа по-прежнему оставляет нерешенными вопросы гарантий жизненных прав и демократических свобод для рабочих, что колониальная система остается практически неизменной [293, 14.07.1984]. Орган профсоюза «Туаньйзе баньюэкань» решительно призвал к свержению колониального режима, к проведению всеобщих прямых выборов. Журнал отмечал, что проводимая реформа лишь породит дополнительные противоречия и неразбериху в органах управления. В официальном заявлении профсоюза говорилось: «Реформа, целью которой является демократизация политической системы, в конце найдет свое выражение в „Основном законе“ Гонконга. Именно он станет коренной основой демократизации». Ультралевая «Революционная лига Гонконга» организовала публичные протесты, заявив, что проект нацелен на создание в Гонконге проанглийского правительства, которое будет оставаться у власти и после 1997 г. [296, 1984, № 9, с. 29; 311, 20.07.1984; 326, 19.08.1984].

Критическое отношение к проекту не помешало Федерации профсоюзов, равно как и ее протайбэйскому конкуренту Совету профсоюзов (по количеству членов более чем вчетверо меньше Федерации — 40 тыс.), активно включиться в подготовку к выборам в законодательный совет, которые должны были проводиться в соответствии с правительственным проектом [326, 18.08.1984]. Участием в политической деятельности они рассчитывают восстановить влияние профсоюзов в рабочей среде.

Показателем падения престижа профсоюзов стало сокращение их числа и численности членов (в 1982 г. Федерация профсоюзов включала 96 организаций, 280 тыс. членов, а Совет профсоюзов — 86 организаций и 40 тыс. членов, а в 1985 г. — соответственно 70 организаций и 166,3 тыс. членов и 70 организаций и 35,5 тыс. членов) [35, с. 74; 207, с. 157]. Одновременно

возрос удельный вес независимых профсоюзов, не придерживающихся ни коммунистической, ни гоминьдановской политической платформы. За период 1982—1985 гг. число их членов увеличилось с 80 тыс. до 157 тыс. (а число самих союзов со 131 до 251). Независимые профсоюзы в основном включают служащих⁶, в том числе и государственных, а также преподавателей [207, с. 156].

Следует учитывать, что в профсоюзах состоит всего лишь 20% лиц наемного труда. Причем часто процент служащих, состоящих в союзах, выше, чем процент рабочих. В 1983 г. в обрабатывающей промышленности в профсоюзе состояло лишь 9,76% рабочих [143, с. 107]. Падение престижа профсоюзов коренится в их пассивности. А она, в свою очередь, у левых профсоюзов вызвана опасениями обвинений в прокоммунистической деятельности, а у правых — излишним конформизмом в отношениях с властями и предпринимателями. Многих рабочих отталкивает необходимость принятия при вступлении в профсоюз определенной политической программы, это вызывает настороженность у людей, предпочитающих держаться подальше от политики. Нередко хозяева предприятий препятствовали вступлению рабочих в профсоюз. Деятельное участие профсоюзов в предвыборной кампании рассматривалось как средство преодоления отставания.

Позиция КНР в отношении проекта реформ была выражена вполне ясно в заявлении министерства иностранных дел Китая: «„Зеленая книга“ составлена английской стороной, и китайская сторона не считает ее для себя обязательной» [313, 20.07.1984]. Китай был недоволен той поспешностью, с которой англичане приступили к реформе политической системы Гонконга, обнаружив свой проект еще до подписания китайско-английской декларации. Более того, «расписание» реформы и разработка «Основного закона» не соответствуют друг другу. Если в Гонконге уже в 1984 г. опубликовали первый проект реформы, а в 1985 г. уже провели выборы 24 членов законодательного совета, то обсуждение и проектирование «Основного закона» началось в КНР лишь во второй половине 1985 — начале 1986 г. В 1987 г. гонконгское правительство намеревалось внести коррективы в планы реформы политической системы, а в 1988 г. — провести новые выборы. В том же году «Основной закон» лишь должен был быть опубликован для первоначального обсуждения и представлен в ВСНП, после чего поступит на доработку (вплоть до конца 1989 г.). Его предполагается представить на окончательное утверждение ВСНП лишь в 1990 г. К этому времени новая система представительства предположительно окончательно утвердится в Гонконге. И это не может не вызвать неудовольствия китайского руководства.

Во время переговоров Китай выразил готовность не менять сложившуюся в Гонконге ситуацию. Но тогда о реформе не

было и речи. Поэтому КНР считала себя вправе рассчитывать на консультации, а также отрицательно реагировать, если английские власти за оставшееся в их распоряжении время проведут ряд политических реформ, нисколько не сообразуясь с интересами Китая. Как справедливо отмечал профессор юридического факультета Гонконгского университета Чэнь Хунъи, любые изменения в системе управления Гонконгом целесообразны лишь в том случае, если они поддерживаются Китаем и будут способствовать преемственности и устойчивости политической системы, конструктивному сотрудничеству между КНР и гонконгским правительством в переходный период [293, 19.08.1984].

Английское правительство отдавало себе в этом отчет. Дж. Хау ушел от обсуждения вопроса о политической реформе с Чжао Цзыяном, во время визита последнего в Великобританию, свалив всю ответственность на гонконгскую колониальную администрацию.

Китай вовсе не возражает против проведения реформ в Гонконге. В беседе со студентами Гонконгского и Китайского гонконгского университетов представитель агентства Синьхуа в Гонконге Сюй Цзытунь заявил: «Китайская модель (политической системы) не подходит для Гонконга, американский и английский варианты западной демократии также не обязательно соответствуют местным условиям, а колониальная система, естественно, к демократии не имеет никакого отношения. На основе обобщения местных условий следует создать систему, соответствующую Гонконгу» [314, 21.07.1984]. Однако в создании такой системы КНР хочет принимать непосредственное участие. Китай, безусловно, не мог примириться с тем, что население колонии готовилось получить реформу политической системы, какова бы она ни была, из рук колонизаторов. Ведь в «Зеленой книге» говорилось о намерении правительства Гонконга создать систему представительного управления, ответственного перед жителями колонии (даже текст клятвы членов законодательного совета претерпел изменения: раньше клялись в верности английской королеве, а теперь еще и «обязуются служить населению Гонконга») [297, 19.07.1984; 317, 1985, № 6, с. 16]. А это создало условия для расцвета автономистских, если не сепаратистских течений.

В результате в левой печати появилось множество комментариев, отмечавших враждебность проводимых реформ Китаю. Ведь будущее правительство САР Гонконга должно было быть в первую очередь ответственно перед центральным правительством в Пекине. И Сюй Цзытунь, и председатель КРОЗ Цзи Пэнфэй в мягкой форме высказались против ускоренного проведения реформ, указав, что они способны повлиять на сложившийся образ жизни общества, замедлить экономический прогресс и дестабилизировать политическую ситуацию [298, 06.08.1985; 317, 1985, № 9, с. 18].

У КНР, конечно, есть средства борьбы со складывающимся

положением. В частности, Китай может считать свои интересы защищенными рядом колониальных законов, которые будут продолжать действовать в Гонконге после 1997 г. К ним относятся следующие: указ о контроле над публикациями⁷ (позволяет запретить любое печатное издание под предлогом нежелательности и вредности для общества); указ о поддержании общественного порядка (разрешает под благовидными предложениями разгонять политические демонстрации); иммиграционное законодательство (допускает ограничение въезда в Гонконг лиц, не имеющих права на проживание в колонии и неугодных властям); указ о чрезвычайном положении (дает губернатору, а следовательно, после 1997 г. и главе правительства САР широкие полномочия в сфере цензуры, арестов, задержания без следствия, контроля над транспортом и связью, розыска и обыска, организации принудительного труда и пр.) [317, 1985, № 7, с. 13; 218, с. 26]. К этой же категории относится опубликованный в мае 1985 г. указ об особых правах законодательного совета, вызвавший в колонии волну протестов. Указ предоставил совету право призывать для допроса любого жителя и грозил в случае отказа подчиниться двенадцатью месяцами тюрьмы или штрафом в размере 10 тыс. гонк. долл. (при этом требования указа к самим законодателям весьма мягкие, им, в частности, рекомендуется «воздерживаться от взяток») [327, 13.04.1985]. Нельзя не отдавать себе отчета в том, что указ об особых правах — это палка о двух концах, и при условии резкой активизации местных сепаратистских политических группировок он может стать орудием борьбы Гонконга против Китая.

В конце концов Китай будет иметь в своем распоряжении после 1997 г. главу правительства САР, войска, дислоцированные в этом районе, «Основной закон», лишь частично базирующийся на китайско-английской декларации по Гонконгу, располагать правом окончательной интерпретации этого закона [218, с. 26].

Прежде чем перейти к рассмотрению хода разработки основного закона, остановимся еще на одном важном событии в политической жизни Гонконга. Речь идет о выборах в районные советы (март) 1985 г., а потом в законодательный совет (сентябрь) 1985 г.

Районные советы, органы местного самоуправления с консультативными функциями, управляют территориями с весьма значительным населением (в ходе дебатов в английском парламенте в мае 1984 г. отмечалась неадекватность такой системы управления, указывалось на то, что население нового города Цюаньвань превышает число жителей такого промышленного центра Англии, как Манчестер [316, 1984, № 1]). На выборах 1985 г. была избрана уже не треть, а две трети членов советов. Зарегистрировался 501 кандидат на 237 мест в 19 районных советах. В ходе предвыборной кампании избиратели по-прежнему не продемонстрировали особой активности. Тем не менее

заметным стало оживление многих мелких политических группировок самых разных направлений. Так, среди членов районных советов имеются даже троцкисты, члены Революционной коммунистической партии Китая (Чжунго гэмин гунчандан). Около 50 кандидатов заявило о своей поддержке тайваньского гоминьдана [218, с. 31, 40].

Перед выборами в законодательный совет зарегистрировалось 64 делегата (39 по избирательным округам, 25 по «функциональным группам») ⁸. Многие кандидаты уже избриались до этого членами районных советов. Заявили о себе и организации, по характеру близкие к политическим партиям на начальной стадии развития, без конкретной, четко сформулированной программы (определение профессора Вэнь Сунжана). К ним относятся возглавляемый членом административного совета Ли Пэнфэем союз предпринимателей «Цайцзюньтуань» и руководимое Марией Там (она же Тань Хуэйчжу, адвокат, член законодательного совета) «Общество стремления к прогрессу» (Лицзиньхуэй), а также «Общество содействия прогрессу демократии и народного благосостояния», возникшее в результате слияния «Ассоциации демократии и справедливости», «Нового гонконгского исследовательского общества», «Центра по изучению общественной политики» и «Научного общества северной полярной звезды» [176, с. 4; 265, с. 31]. При выборах по линии «функциональных групп» многие кандидаты оказались избранными практически без борьбы. Таких, по имеющимся сведениям, было 5. Они относятся к руководящей элите профессиональных объединений и ассоциаций, занимающих монопольное положение в отдельных «функциональных группах». Например, двумя членами законодательного совета от профсоюзов стали заместитель председателя Федерации профсоюзов Тань Яоцзун и председатель протайваньского Профсоюза работников хлопчаткацкой промышленности Пэн Чжэньхай [317, 1985, № 9, с. 22].

В целом гонконгская печать отмечала крайне низкий уровень осведомленности кандидатов о политической и правовой структуре Гонконга, о сути реформы избирательной системы. Они не выдвигали в большинстве случаев индивидуальных политических программ. Кандидаты избегали встреч с представителями прессы, крайне неохотно согласились участвовать в телевизионных дискуссиях, часто отвечали невпопад на элементарные вопросы телекомментаторов, вели себя скованно. Все эти обстоятельства в большинстве случаев не оказали негативного влияния на избрание того или иного кандидата. Решающими оказались их взаимоотношения с выборщиками. Члены электоратов продемонстрировали полное нежелание прислушаться к общественному мнению о кандидатах и проголосовали в соответствии с собственными соображениями и интересами [317, 1985, № 10, с. 20].

Таким образом, ситуация остается во многом неизменной.

Подавляющее большинство населения остается политически пассивным⁹ (к началу мая зарегистрировано всего лишь около 44% выборщиков, в связи с чем срок был продлен до 1 июля; «функциональным группам» правительство пригрозило ликвидацией их квот в законодательном совете, если они не будут проявлять активности в ходе предвыборной кампании) [317, 1985, № 6, с. 14]. В то же время достаточно небольшая группа функционеров стремится, игнорируя интересы общества, использовать политику в групповых или личных интересах.

Китайские органы информации проигнорировали выборы. Агентство Синьхуа вообще не сообщало о них. Разъясняя позицию журналистам, представитель Синьхуа сказал, что событие это слишком незначительно для крупного международного агентства. Реальная же причина в негативном отношении Пекина к неподконтрольному процессу политического развития Гонконга.

В дальнейшем китайская сторона неоднократно давала понять, что недовольна «конституционной самодеятельностью» в Гонконге. Не желая обострения отношений с КНР, колониальная администрация опубликовала в 1988 г. «Белую книгу», в которой сообщалось, что первые прямые выборы в законодательный совет (10 членов) состоятся лишь в 1991 г.

Трагические события на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г. в сочетании с общим ходом развития событий в КНР до и после них вызвали значительную напряженность в Гонконге. Сразу после миллионной демонстрации в поддержку студенческого движения, состоявшейся 21 мая, индекс Хан Сэна на гонконгской бирже упал на 340 пунктов [317, 1989, № 6, с. 58]. Проведенное Гонконгским обществом по изучению рынка обследование показало, что по сравнению с январем 1985 г. в июле 1989 г. число гонконгцев, уверенных в своем будущем после 1997 г., сократилось на 18%. Другой анонимный опрос зарегистрировал лишь 48% жителей территории, без страха глядящих в завтрашний день [317, 1989, № 7, с. 55]. Если в 1984—1985 гг. активно развивалось движение *ганжэнь чжиган* (гонконгцы управляют Гонконгом), то теперь развернулась кампания *ганжэнь цзюган* («гонконгцы, спасайте Гонконг»). Основным направлением усилий общественности стала борьба за снятие иммиграционных ограничений в Великобритании. В Лондон отправилась делегация законодательного и административного советов, губернатор Д. Уилсон.

Под воздействием происходящего законодательный совет принял 24 мая 1989 г. решение о проведении прямых выборов половины своих членов в 1995 г., двух третей в 1999 г. и 100% в 2003 г. [317, 1989, № 6, с. 59].

Разработка Основного закона

В противовес событиям, разворачивавшимся в Гонконге, в Пекине началась деятельность КРОЗ. В июле 1985 г. состоя-

лось его первое заседание. В комитет входит 69 человек. Госсовет КНР представлен в нем 15 членами, в том числе начальником канцелярии Госсовета по делам Гонконга и Макао Цзи Пэнфэем (председатель КРОЗ), сотрудниками канцелярии Ли Хоу, Лу Пином, Чжэн Вэйжуном, секретарем Постоянного комитета ВСНП Ван Ханьбином, заместителем министра иностранных дел Чжоу Нанем, начальником отдела Гонконга и Макао МИД КНР Кэ Цзайшо, начальником канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев Ляо Хуэем, представителем агентства Синьхуа в Гонконге Сюй Цзятунем и др. В составе комитета 10 видных представителей общечественности КНР, в том числе заместитель председателя ПК ВСНП, в прошлом крупнейший капиталист Жун Ижэнь, председатель Всекитайского общества по изучению истории партии Ху Шэн, заместитель председателя Революционного комитета гоминьдана Цян Чжанцзао и др. В КРОЗ входят 11 крупнейших юристов КНР. Население Гонконга представлено 23 членами. Среди них члены Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Фэй Имин (директор левой газеты «Дагун бао», ныне покойный) и Хо Индун, он же Генри Фок (президент тесно связанной с КНР Генеральной китайской торговой палаты), а также директор-управитель компании «Наньянь шие» Ань Цзыцзе, заместитель председателя Федерации профсоюзов Гонконга и Цзюлуна Тань Яоцзун (Там Ю Чун), директор Восточноазиатского банка Ли Гобао (Ли Квок По), ректоры Гонконгского и Китайского гонконгского университетов, а также Бао Юйган, Мария Там, юрист пропекинской ориентации Ляо Яочжу, главный редактор умеренной газеты «Минбао» Ча Лянпу, судья высшего апелляционного суда Гонконга Ли Фушань, председатель Гонконгской ассоциации работников образования Сыту Хуа, председатель регионального совета Цзянь Хуанфа, глава буддийской ассоциации Гонконга Ши Цзюэгуан, английский епископ Гонконга и Макао Куан Гуанцзе и др. В целом анализ списка показывает, что, стараясь включить в КРОЗ представителей самых разных слоев общества, китайское руководство, во-первых, сделало это за счет привлечения своих союзников, и во-вторых, чрезмерно большим остается удельный вес бизнеса¹⁰. Из четырех гонконгских заместителей Цзи Пэнфэя трое являются крупными капиталистами — Ань Цзыцзе, Бао Юйган и Ли Гобао [317, 1985, № 8, с. 14].

Юридический статус представителей Гонконга в КРОЗ неясен, Гонконг еще не является частью КНР, однако имеет представителей в КРОЗ. Они получили в Пекине мандаты от ВСНП, и им было объявлено, что они ответственны перед ним, хотя и являются в настоящее время иностранными гражданами, в лучшем случае представляющими интересы населения Гонконга [298, 19.12.1985].

Под предлогом того, что распространение информации может вызвать кривотолки и дестабилизировать гонконгскую биржу,

заседания КРОЗ проходили при закрытых дверях. Как выяснилось впоследствии, обсуждение в основном сводилось к тому, что представители КНР выслушивали выступления гонконгцев. Контакты членов КРОЗ с корреспондентами в период заседаний были крайне затруднены бюрократическими процедурами. Пресса направляла вопросы через Всекитайскую ассоциацию журналистов в канцелярию по делам Гонконга и Макао, откуда они по согласованию поступали в КРОЗ [317, 1985, № 9, с. 18].

Происходящее вызвало массовые протесты в Гонконге. Печать писала о том, что Китай боится, что существующие противоречия станут достоянием гласности, и считает выгодным для себя держать население в неведении. В колонии начали возникать организации, объявившие своей целью установление контакта с КРОЗ с целью защиты интересов жителей колонии. К ним относятся «Конференция общин Новых территорий», «Конференция по Основному закону» (создана в районе Шатянь), «Консультативная канцелярия» (г. Цзюлун), созданная профсоюзами «Объединенная конференция по Основному закону».

В связи с этим совершенно очевидной стала необходимость создания при КРОЗ консультативного комитета (КОНКРОЗ), состоящего из жителей Гонконга и поставляющего в КРОЗ информацию о положении в колонии, о настроениях и пожеланиях населения Гонконга.

Из состава «гонконгских» членов КРОЗ (такowymi считаются и сотрудники отделения агентства Синьхуа) был создан подготовительный комитет КОНКРОЗ. В него вошли шесть человек, в том числе Сыту Хуа, Ляо Яочжу и заместитель секретаря отделения Синьхуа в Гонконге Мао Цзюньянь. Практически вся работа подготовительного комитета проходила под контролем Синьхуа (в заключительной речи на заседании КРОЗ в Пекине Цзи Пэнфэй назвал это «помощью») [298, 06.07.1985.]. На заседаниях постоянно присутствовал исполняющий обязанности заведующего отделом координации Синьхуа в Гонконге Ян Шэн. И хотя Сюй Цзятунь публично заявил, что КНР приветствует участие в работе КОНКРОЗ гоминьдановских и антикоммунистических деятелей, например, депутата Законодательного Юаня Тайваня, издателя еженедельника «Синьвэнь тяньди» Бу Шаофу или представителя гоминьдана в Гонконге Чэнь Чжихуэя, тем не менее отбор членов КОНКРОЗ производился весьма тщательным образом и с учетом процентного соотношения между различными политическими направлениями [317, 1985, № 9, с. 20].

Следует отметить, что контролирующая роль Синьхуа выражается и в подготовке рабочих материалов для секретариата КРОЗ и для КОНКРОЗ. Например, после обнародования проекта устава КОНКРОЗ, вызвавшего в печати многочисленные нарекания, Синьхуа подготовило материалы, основанные

лишь на благожелательных откликах пропекинских и нейтральных газет [317, 1985, № 10, с. 22].

Официально КОНКРОЗ — это «организация, широко представляющая население Гонконга». Она начала свою работу 18 декабря 1985 г. На торжественную церемонию специально прибыл сам Цзи Пэнфэй. В состав КОНКРОЗ входит 180 членов. В исполнительный комитет — 19 человек, председатель — Ань Цзызе, его заместители — Хуан Лисун, Ван Куанчэн, Ян Тейю, Го Чжицюань, Ли Цилин и др.

Что касается общего состава КОНКРОЗ, то среди его членов два чиновника колониальной администрации, 18 представителей от законодательного и административного советов, два гонконгских депутата ВСНП, три протайваньских деятеля и представитель английской буржуазии Гонконга — лорд Каддури [265, с. 21—22].

Как гонконгская часть КРОЗ, так и КОНКРОЗ стремятся к достижению понимания китайским руководством проблем современного Гонконга. Это должно повлиять на составление адекватного местным условиям «Основного закона». Еще одна цель — повысить доверие гонконгского общественного мнения к политике и обещаниям китайского руководства.

В апреле 1986 г. состоялось второе заседание КРОЗ. В ходе обсуждения проекта закона было внесено 80 поправок [298, 03.12.1986]. Образовалось пять рабочих групп: группа по изучению взаимоотношений САР Гонконга с центральным правительством, группа по основным правам и обязанностям жителей Гонконга, группа политической структуры, экономическая группа и группа по научным, техническим, культурным, спортивным и религиозным вопросам. Эти группы получили соответствующие разделы проекта на доработку в апреле—ноябре 1986 г. В конце ноября — начале декабря состоялось 3-е заседание КРОЗ, на котором были заслушаны доклады о работе групп [169, с. 13].

Во время заседаний специальных групп китайская и гонконгская стороны имели возможность более четко уяснить позиции друг друга. Так, во время работы группы политической структуры в Куньмине китайский представитель Лу Пин дал понять, что современные преобразования избирательной системы в Гонконге могут вступить в противоречие с Основным законом. А это повлечет за собой дополнительные реформы после 1997 г., что нежелательно. Лу Пин высказался за введение прямых выборов в Гонконге уже после принятия «Основного закона» [141, с. 60—61]. Одновременно левая пресса Гонконга развернула агитацию против прямых выборов в 1988 г.¹¹ [141, с. 63].

Во время обсуждения докладов на 3-м заседании КРОЗ наиболее оживленные дискуссии развернулись по вопросам взаимоотношения властей САР с центром и о правах и обязанностях граждан. В частности, дискутировались вопросы, какие статьи конституции КНР будут распространяться на Гонконг,

а какие нет; как будет проходить выдвижение кандидатов на выборах — представительным электоратом или комитетом по выдвижению и др. [115, с. 34].

Гонконгская печать неоднократно сообщала об отсутствии единства в рядах представителей колонии в КРОЗ (их формально делят на три группы — сторонников КНР, представителей деловых кругов и профессионалов-специалистов). Претендующая на роль политического лидера Мария Там заявила в связи с этим, что если и в дальнейшем не будет единства по основным политическим вопросам, — будущее колонии будут единолично решать чиновники из КНР [115, с. 3].

Результатом интенсивной работы КРОЗ стало появление ряда законопроектов, которые были опубликованы для обсуждения 29 апреля 1988 г. [298, 29.04.1988]. В ноябре 1988 г. главный редактор газеты «Мин бао» Ча Лянпу возглавил группу членов КРОЗ, разработавших на основе имевшихся предложений единый проект закона. Его и одобрил в феврале 1989 г. Постоянный комитет ВСНП в качестве текста для заключительного обсуждения в 1990 г.

Демократические силы, представляемые «Обществом стремления к прогрессу» (группа Марии Там) и «Гонконгским фондом» («Сянган цзинзинхуэй», лидер — Чжан Цзяньцюань), а также «Общество содействия прогрессу демократии и народного благосостояния», «Место встречи», научное общество «Тайпиншань» и представляющий интересы части торгово-промышленных кругов «Центр изучения экономики Гонконга», считают законопроект консервативным, поскольку он предполагает проведение первых прямых выборов 27% депутатов законодательного органа САР лишь после 1997 г. Более того, население получит возможность избирать 50% депутатов только в 2003 г. Вопрос о прямых выборах главного административного лица САР предполагается решить в ходе референдума в 2007—2012 гг. (см. [317, 1989, № 2, с. 36, № 4, с. 44]).

События в Пекине и других городах КНР в мае—июне 1989 г. осложнили взаимоотношения между китайским руководством и гонконгской общественностью. Цзи Пэнфэю пришлось даже отменить свою майскую поездку в Гонконг. От дальнейшего участия в работе КРОЗ отказались такие заметные фигуры, как Ча Лянпу и епископ Куан Гуанцзе. В колонии развернулось движение за скорейшую демократизацию избирательной системы, против ввода на территорию САР в 1997 г. войск КНР. Все это может затормозить процесс принятия Основного закона.

Не следует, конечно, недооценивать позицию влиятельных сил в Гонконге, заинтересованных в сохранении взаимоотношений сотрудничества с КНР и блокировании демократических преобразований, в которых видят угрозу для дальнейшего экономического процветания территории. Ведь многие компании уже являются своего рода «заложниками» Гуандуна, где на

их предприятиях работают 2 млн. человек [317, 1989, № 7, с. 49]. Предполагают, что их интересы будет отныне защищать созданный известным юристом Ло Дэчэпом в 1989 г. «Союз за новый Гонконг» («Синь Сяньган лянъмэн») [317, 1989, № 4, с. 44].

Для того чтобы понять механизм политики Китая в отношении Гонконга, следует подробно рассмотреть деятельность неофициального «посольства» КНР в колонии, а именно отделения агентства Синьхуа.

Сразу же после образования республики правительство КНР предприняло усилия в направлении открытия своего дипломатического представительства в Гонконге. При этом Чжоу Эньлай ссылался на прецедент (гоминьдановское правительство имело в колонии «канцелярию специального дипломатического представителя Гуандуна и Гуанси»). Англичане категорически отказались, предлагая Китаю открыть в Гонконге консульство, что было Китаем отвергнуто, как инициатива, оскорбительная для его суверенитета. В результате КНР пришлось назначить профессионального дипломата в ранге консула на пост заместителя представителя Синьхуа в Гонконге. Бюро агентства было открыто там в 1947 г., много лет им руководил Цяо Гуаньхуа. После Цяо отделение агентства возглавлял Хуан Цзюмэй, погибший во время аварии индийского самолета, летевшего в Бандунг в 1955 г.

В последующие годы работой руководили Ли Чун и Ци Фэн (выпускник Чжуншаньского университета, участник партизанского движения в устье р. Дунцзян). В 1958 г. третьим начальником отделения Синьхуа в Гонконге стал Лян Вэйлинь, оставшийся на этом посту 20 лет. Старый революционер, в прошлом глава гуандунского провинциального отдела образования, он вывел работу агентства в колонии на новый уровень¹². Лян Вэйлинь сформировал новый состав агентства, придал отделению Синьхуа функции неофициального представительства КНР. В 1978 г. его сменил Ван Куан.

В мае 1983 г. представителем Синьхуа был назначен бывший первый секретарь комитета партии пров. Цзянсу Сюй Цзятунь¹³. Его появление в Гонконге совпало с началом китайско-английских переговоров. Одновременно усилился интерес Китая и к событиям, происходящим внутри колонии. Изменился статус Гонконга и Макао в политической иерархии КНР, депутаты ВСНП от этих территорий были выделены в особую группу. Выступая по прибытии в колонию, Сюй Цзятунь открыто заявил, что основной его задачей является борьба за продвижение по пути восстановления единства Китая, причем подразумевалось не только объединение с Гонконгом и Макао, но и осуществление комплекса мер в направлении сближения с Тайванем.

С появлением Сюй Цзятуня произошло значительное омоложение состава отделения агентства (средний возраст снизился до 55 лет), заметными стали результаты «четырёх модерниза-

ций» в среде кадровых работников (революционность, омоложение, специализация и образованность). Наиболее выдающимися сотрудниками отделения являются заместитель Сюя, бывший управляющий принадлежащей КНР в Макао компании «Наньгуан» Чжэн Хуа и заместитель секретаря отделения, бывший сотрудник Академии общественных наук КНР и сын Цяо Гуаньхуа—Цяо Цзунхуай. С недавнего времени оба они являются кандидатами в члены ЦК КПК. Важной фигурой является другой заместитель Сюй Цзятуня, Ли Чоувэнь, бывший начальник управления внешних сношений городского правительства Шанхая. Заметной стала тенденция к привлечению на работу в агентство гонконгцев. В 1985 г. на пост заместителя секретаря был назначен выпускник Гонконгского университета Мао Цзюньнянь. К этой же категории относятся Ван Жужэн и Чэнь Фэнин, специалистка по Тайваню и левым организациям Гонконга, старший исследователь экономического отдела Чжун Дуаньминь, который был включен в состав китайской части земельной комиссии.

Синьхуа является координирующим центром для учреждений КНР, действующих в Гонконге. Активность агентства настолько возросла, что решено открыть три отделения: в центре Гонконга, Цзюлуна и «Новых территориях». Кроме агентства в колонии функционируют Группа по работе с Тайванем, ориентированное на китайскую эмиграцию агентство «Чжунго синьвэньшэ». Здесь находятся многочисленные представители различных правительственных учреждений КНР. Сотрудничество и взаимодействие между ними контролируются из Пекина. В Гонконге находятся многочисленные банки и компании, принадлежащие КНР. Численность служащих в них составляет около 20 тыс. [326, 23.03.1985].

Отделение Синьхуа в Гонконге, выполняя разнообразные политические задачи, действовало в постоянном контакте с соответствующими государственными органами Китая.

До «культурной революции» в КНР вся работа в отношении Гонконга и Макао велась рабочей группой по Гонконгу и Макао (начальник Ляо Чэнчжи) при канцелярии внешних сношений Госсовета КНР (начальник — заместитель премьера, министр иностранных дел Чэнь И). Одновременно Ляо Чэнчжи возглавлял комитет по делам зарубежных китайцев при Госсовете КНР. Во время «культурной революции» все органы по работе с Гонконгом и Макао были разгромлены. Впоследствии по настоянию Чжоу Эньлая при западноевропейском отделе МИД КНР была создана новая рабочая группа по Гонконгу и Макао. Кроме того, в 1967 г. под влиянием инспирированных левыми силами беспорядков в Гонконге ревком провинции Гуандун создал «Комитет в поддержку антианглийской борьбы соотечественников Гонконга и Цзюлуна», который вскоре превратился в «Канцелярию по приему соотечественников из Гонконга и Макао». После «культурной революции» Ляо Чэн-

чжи снова встал во главе комитета по делам зарубежных китайцев, при котором создали группу по Гонконгу и Макао. На рубеже 80-х годов при Госсовете КНР создали канцелярию по делам Гонконга и Макао (возглавляет Цзи Пэнфэй) и канцелярию по делам зарубежных китайцев (начальник — сын Ляо Чэнчжи — Ляо Хуэй).

Начиная с 60-х годов министерство иностранных дел Китая и Комитет по делам китайских эмигрантов при Госсовете КНР направляли своих представителей в Гонконг в качестве заместителей начальника отделения агентства. Первыми на эти должности были назначены Лян Шанвань и Чжу Маньпин, впоследствии ставшие жертвами «культурной революции». В 1973 г. после пятилетнего перерыва их сменили Ли Цзюйшэн и Чжу И.

В связи с расширением торговли, экономического сотрудничества между КНР и Гонконгом после 1978 г. в руководстве отделения появились лица, специально занимающиеся экономическими вопросами (Е Фэн, Цао Вэйлянь) (см. [296, 1987, № 8]).

Конечно, обладая большим влиянием в Гонконге, отделение Синьхуа тем не менее продолжает оставаться в тени, стараясь не нарушать прерогатив колониального правительства. Например, во время забастовки таксистов 1984 г., вызванной повышением налогов, забастовщики обратились за помощью в агентство. Последнее отказалось от рассмотрения этой проблемы, ссылаясь на некомпетентность и несоответствие статуса. В то же время представители Китая внимательно следят за тем, чтобы в Гонконге соблюдался пусть и очень приблизительный, но совершенно необходимый Китаю баланс между пропекингскими и антикоммунистическими силами. Время от времени разворачиваются соответствующие пропагандистские кампании, например, широко популяризировался ответ Чжао Цзыяна студенческому совету Гонконгского университета. В письме говорилось о том, что жителям колонии нечего беспокоиться о своем будущем, что «гарантия демократических прав народа является коренным принципом политической жизни» Китая (см. 296, 1984, № 6]). Все политические заявления агентства не без оснований рассматриваются в Гонконге как заявления китайского правительства.

Тайные общества и будущее Гонконга

Успех передачи власти и мирное протекание переходного периода в Гонконге не в последнюю очередь зависят от того, как поведут себя в новых условиях местные преступные синдикаты.

События последних лет показывают, что гонконгские тайные общества не только не ослабли, но крепнут, превращаясь в международную мафию. Не случайно в 1984 г. правительства США, Канады, Австралии, Англии, Франции и Голландии со всей серьезностью приступили к решению проблемы роста орга-

низованной преступности, который напрямую связан с увеличением эмиграции из Гонконга¹⁴.

Чем объясняется перемещение китайских тайных обществ из Гонконга за рубеж? Местные наблюдатели высказывают по этому поводу несколько соображений. Во-первых, заправил таких крупных хуэйданов, как «14 К», «Хэшэнхэ», «Фусин», беспокоит будущее, поскольку неизвестно, смогут ли они чувствовать себя после 1997 г. так же спокойно, как сейчас.

Во-вторых, «большое кольцо» тайных обществ, среди которых лидирует «Хуаньбан» («Хуаньское братство») и которые образовались в среде эмигрантов из КНР, вступило в ожесточенную конкуренцию с местными хуэйданами, лишая их тем самым «куска хлеба». В борьбе с пришельцами гонконгская мафия оказалась бессильна¹⁵.

В-третьих, в начале 80-х годов властям Гонконга все же удалось частично лишить хуэйданы свободы действия. По данным местной печати, более ста главарей мафии были вынуждены переселиться на Тайвань. Однако молодежь сохраняет связи с Гонконгом, участвуя в тотализаторе, разного рода мошенничествах с гонконгско-тайваньскими дутыми посредническими компаниями и т. п.

В-четвертых, в отличие от старшего поколения гонконгских тайных обществ молодежь прежде всего занята торговлей наркотиками, как делом наиболее прибыльным. Наблюдается конфликт между отстаивающими традиционные формы деятельности стариками и молодежью, для которой главное — максимальный заработок. Молодые лидеры хуэйданов стремятся выйти за рамки Гонконга, укрепившись на международном рынке, поскольку в самой колонии торговля героином и кокаином, за исключением розничной, еще с 50-х годов монополизирована «Чаочжоубан». В ставших центрами торговли героином чайнатаунах Англии, Франции и Голландии началась борьба между хуэйданами гонконгского, сингапурского, малайского и вьетнамского происхождения. Из гонконгских наиболее влиятельны «14 К» и «Хэшэнхэ». В Северной Америке китайские тайные общества давно занимают одно из главных мест в преступном мире, успешно сотрудничая с итальянской и мексиканской мафиями. По мнению публициста Ф. Бреслера, контакты между североамериканскими хуэйданами и Гонконгом носят регулярный характер. В 1982 г. в Гонконге состоялось секретное совещание лидеров местных тайных обществ и представителей хуэйданов из Торонто, Бостона, Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, на котором обсуждался план возможного перемещения центра китайской международной мафии из Гонконга в Северную Америку в связи с предстоящим возвращением территории колонии под суверенитет КНР (см. [217]).

Тайные общества занимаются в США содержанием игорных домов, ростовщичеством, вымогательством и контрабандой наркотиков. Доставляемый хуэйданами героин составляет более

20% потребляемого в США количества и приносит прибыль в размере 1 млрд. ам. долл. в год. Огромные суммы наличных денег регулярно тайно вывозятся из США в Гонконг, после чего официально переводятся обратно в американские банки: власти США не требуют отчета об источниках средств, переводимых из-за рубежа. В одном из пригородов Лос-Анджелеса с населением около 60 тыс. за последние несколько лет открылось 28 банков, созданных, по мнению специалистов полиции, на деньги торговцев наркотиками [74, с. 62].

Особенно мощными считаются хуэйданы Нью-Йорка «Сешэнтан» («Общество сотрудничества и преодоления») и «Аньлянтан» («Общество спокойствия и совершенства»). В 1970 г. доход от содержавшихся ими игорных домов составлял 600 тыс. ам. долл. в неделю. Они действуют в сотрудничестве с китайскими молодежными бандами, также относящимися к разряду тайных обществ и выполняющими роль охраны. Это прежде всего «Фэйлун» («Летающие драконы») и «Хэин» («Черные орлы»). Есть еще «Байин» («Белые орлы»), «Гуйин» («Дьяволы») и пр. В общей сложности они контролируют до 90% китайских казино, ресторанов и магазинов, регулярно получая от них отступное, постоянно ведут борьбу за передел сфер влияния, влекущий за собой увеличение доходов победителя [187, с. 314, 316].

Каковы бы ни были предпринимаемые гонконгскими властями меры против организованной преступности, тайные общества будут продолжать существовать и приобретать все новых членов до тех пор, пока в Гонконге не будут ликвидированы социальные условия, позволяющие хуэйданам оставаться безнаказанными.

Население колонии с недоверием относится к колониальным властям и всеми силами избегает обращаться в полицию, справедливо видя в ней не защитника своих интересов, а орган подавления. К тому же большинство жителей колонии незнакомо даже с теми ограниченными правами, которыми может пользоваться по закону. Простой китаец из Гонконга считает, что жаловаться властям на мафию бесполезное дело, и, как правило, оказывается перед альтернативой: либо терпеть и воспринимать происходящее как удар судьбы, либо просить помощи у одного преступника против другого, идти в кабалу к мафии.

Следует отметить, что гонконгская молодежь является постоянным источником пополнения рядов хуэйданов. Способствуют этому и разложение традиционной семьи, и падение авторитета школы, и нарастание классовых противоречий в обществе в целом. Там, где пропагандируют «равные возможности для всех», где «быть бедным не несчастье, а бесславие» [75, с. 127], подростки из семей со средней зарплатой работающих членов 1500 гонк. долл. в месяц (около 190 ам. долл.) чувствуют себя лишними людьми. Их антисоциальные настроения усиливаются также и в связи с поражением всех попыток адап-

тироваться в обществе. Получить хорошее образование и высокую квалификацию, а вслед за тем и хорошую работу непросто. Необходимо преодолеть множество препятствий дискриминационного характера, препятствующих вертикальной мобильности китайской части населения Гонконга. Несмотря на развитие системы образования в Гонконге, оно остается элитарным. Мест в высших учебных заведениях крайне мало. При поступлении трудно пройти конкурс, особенно тем, кто окончил государственную школу, где уровень обучения ниже, чем в частной. Ехать учиться за границу из-за дороговизны могут позволить себе немногие. А внутри колонии на 10 тыс. учеников средних школ приходилось в 1984 г. всего лишь 68 студентов вузов [56, с. 78—79].

Ученики средних школ, профтехучилищ, молодые рабочие часто объединяются в уличные шайки, нередко устраивая серьезные беспорядки, громя магазины, поджигая роскошные автомобили, как это было в конце 1980 и в апреле 1982 г. Собираясь группами, *юджицзы* («скользящий тип» или «шпана») чувствуют, что приобрели новую социальную роль, коллектив сообщников, чего им так недостает в их повседневной жизни. И хотя нет прямых данных о том, что молодежные банды прямо и непосредственно связаны с мафией, объединения подростков, безусловно, являются маргинальными группами, пополняющими ряды тайных обществ [75, с. 122—123]. В 6-м докладе Комитета по борьбе с преступностью указывалось, что за 1975—1985 гг. доля правонарушений, совершенных детьми от 7 до 15 лет, возросла с 18,8 до 92,6% [56, с. 79]. Учащаяся молодежь стала в настоящее время наиболее питательной средой для тайных обществ. Например, в марте 1985 г. в недавно появившемся на карте г. Цюаньвань была раскрыта группа «Гуанляньшэн», вербовавшая учащихся для вступления в хуэйданы. Любопытно, что, хотя сохранялись традиционные ритуалы посвящения, в деятельность этого тайного общества были привнесены весьма современные элементы: сведения о всех членах банды ее главари заложили в ЭВМ [297, 18.03.1985].

Каково отношение КНР к тайным обществам? На встрече с политическими деятелями Гонконга 3 октября 1984 г. Дэн Сяопин, коснувшись вопроса о мафии, сказал, что «не все тайные общества — мафия» («хэйшэхуэй бин бу доу хэй»), что большинство из них считают себя потомками Яо и Шуня, являются китайскими патриотами и хорошими людьми, но они сами должны ограничить свою деятельность (см. [296, 1984, № 10, с. 8—11]). Возникает вопрос, неужели представления китайского руководства о хуэйданах остались на уровне 20—30-х годов и в Пекине их рассматривают как возможный объект политики единого фронта? По мнению некоторых гонконгских наблюдателей, это именно так. В подтверждение своей точки зрения они приводят тот факт, что представители КНР в Гонконге встретились со старейшинами хуэйданов, и те, выразив под-

держку китайско-английскому соглашению о возвращении Гонконга под суверенитет Китая, обещали изменить «стиль деятельности» тайных обществ [149, с. 72]. Однако подтверждением реалистического подхода к проблеме являются следующие слова Дэн Сяопина: «Центральное правительство будет оказывать сопротивление любым разрушительным силам, которые возникнут и активизируются в Гонконге» (см. [296, 1984, № 10, с. 8—11]).

Проблема Тайваня

Воссоединение Китая с Гонконгом это лишь этап на пути к главной цели — к Тайваню. Переход Гонконга под юрисдикцию КНР повлечет за собой весьма серьезные последствия для тайваньского гоминьдана, перед которым все острее встает вопрос: идти ли на компромисс, согласиться ли на определенные ограниченные формы связей и сотрудничества с материком или нет.

В политическом аспекте Гонконг является важным каналом информации друг о друге для КНР и Тайваня. В колонии существует разветвленная сеть тайваньских учреждений, занимающихся проблемами международных отношений, пропагандой, вопросами культуры, проводящих работу с хуацяо, здесь активно работает Комитет по зарубежным связям и др. Деятельностью всех этих организаций руководит представитель гоминьдана в Гонконге Чэнь Чжихуэй. Ему подчиняется и тайваньская пропагандистская сеть в Гонконге, основными элементами которой являются газета «Сянган шибао» (главный редактор Хуан Дацзи), Китайская культурная ассоциация (председатель Чэнь Ижэнь), газета «Ваньжэнь жибао» и издаваемый Бу Шаофу еженедельник «Синьвэнь тяньди». Протайваньские силы ведут активную антикоммунистическую пропаганду, в особенности среди беженцев из КНР. Они организовали движение «Я люблю свободный Гонконг», популяризуют идею «самоуправляющегося Гонконга», стремятся выдвинуть на политическую арену силы, резко враждебные КНР и превращению Гонконга в САР КНР [317, 1985, № 9, с. 6].

Иммигранты из Китая составляют значительную часть населения Гонконга. 67% общего числа нелегальных иммигрантов являются безработными, живущими в условиях нищеты и бесправия и эксплуатируемые местной мафией, 6% — чернорабочими, 13% — рабочими промышленности, строительства, сферы обслуживания (см. [218]). Уровень их вовлеченности в проблемы современного Гонконга, заинтересованности в политических проблемах колонии невелик. Большинство из них рассматривают Гонконг как временное место жительства, боятся, что их депортируют обратно в Китай, и потому стремятся перебраться в Америку или страны ЮВА. Что касается легальных

иммигрантов, то в большинстве своем они являются квалифицированными специалистами, подвергавшимися в КНР политическим преследованиям и с большим опасением относящимися к КНР и перспективе присоединения Гонконга к Китаю. Именно из них состоит «Ассоциация Люциншань», организованная под эгидой гонконгского отделения гоминьдана и возглавляемая Чжу Дуаньшэном. В 1983 г. более тысячи профессионалов-эмигрантов из КНР объединились в «Ассоциацию переселенцев с материка в Гонконг» (Далу лайган гэцзе жэньши ляньюхуэй) [191, с. 15]. Всего организаций такого рода около 30 [218, табл. № 4] (см. [317, 1985, № 9]).

Возвращаясь к положению тайваньских учреждений в Гонконге, следует отметить, что их будущее представляется довольно неясным. Хотя в беседе с представителями гонконгской общественности в октябре 1984 г. Дэн Сяопин сказал, что Тайваню будет разрешено после 1997 г. продолжать вести антикоммунистическую пропаганду, хотя официальные представители КНР неоднократно заявляли, что гоминьдан сможет и в будущем вывешивать в Гонконге свой флаг, тем не менее сохраняется оговорка о том, что запрещается провоцировать беспорядки и проводить на международном уровне «политику двух Китаев» (см. [296, 1984, № 10, с. 8—12]).

В связи с китайско-английскими переговорами о Гонконге на Тайване при Исполнительном юане (правительстве) под руководством министра иностранных дел Чжу Фусуна была создана «специальная группа по Гонконгу». В ее задачи входило рассмотреть следующие вопросы: можно ли будет и в дальнейшем использовать Гонконг как опорную базу во внешних связях Тайваня, смогут ли тайваньские организации продолжать свою деятельность в Гонконге после 1997 г., насколько серьезную угрозу будет представлять Тайваню Гонконг, присоединенный к КНР? Выводы комиссии были скорее обусловлены необходимостью антикоммунистической индоктринации, чем реальным анализом ситуации. Комиссия заявила, что Пекин сделает все от него зависящее, чтобы прервать экономические и прочие связи между Гонконгом и Тайванем. Между тем китайское руководство в первую очередь заинтересовано именно во всемерном развитии такого рода контактов.

4 октября 1984 г. Чжу Фусун следующим образом сформулировал позицию Тайбэя по гонконгской проблеме: Тайвань будет всемерно стимулировать борьбу жителей Гонконга за свободу и самоуправление, способствовать выезду гонконгцев в другие страны, в том числе на Тайвань, где для них будут созданы льготные условия для вложения капитала, предоставлены займы и проч. (Следует отметить, что пока что капиталисты Гонконга не рассматривают Тайвань как место выгодного вложения капитала, о чем свидетельствует то, что в 1979—1984 гг. ими было инвестировано на Тайвань всего лишь 88,9 млн. ам. долл.) (см. [9, с. 191, 664]).

Не следует, впрочем, упускать из виду и то обстоятельство, что важная роль Гонконга во внешнеэкономических связях Тайваня может быть использована КНР для давления на Тайбэй. Гонконг — третий по величине рынок тайваньской промышленности и сельскохозяйственной продукции. При этом существенно то, что в 1980—1984 гг. в торговле с Гонконгом Тайвань имел положительное сальдо в среднем 1,77 млрд. долл. в год [9, с. 214].

Кроме того, 40% тайваньского экспорта было реэкспортировано через Гонконг (на сумму 12,5 млрд. долл.).

Еще одну опасность представляет для гоминьдана возрастающая зависимость тайваньской экономики от китайского рынка при посредстве Гонконга. Колония уже сейчас является основным каналом торговли между КНР и Тайванем (с 1979 по 1983 г. оборот торговли возрос с 38,6 млн. гонк. долл. до 182,5 млн. гонк. долл.) [133, с. 141—142]. С расширением китайского присутствия в Гонконге тайваньским властям станет все труднее контролировать развитие двусторонней торговли, росту которой будут способствовать также и влиятельные гоминьдановские промышленники и банкиры Гонконга.

Едиственный влиятельный союзник Тайваня — Соединенные Штаты — занял по вопросу о будущем Гонконга не очень приемлемую для Тайбэя позицию. В интервью гонконгской прессе 20 января 1984 г. представитель восточноазиатского бюро госдепартамента США Ю. Лоусон сказал, что Соединенные Штаты рассматривают проблему Гонконга исключительно как вопрос двусторонних отношений между Англией и КНР. Тем самым были отмечены любые попытки спекулировать на возможном будущем вмешательстве американцев. Более того, Ю. Лоусон коснулся самой запретной для гоминьдана темы — воссоединения под эгидой КНР. Он заметил: «Мягкий переход Гонконга (в новое состояние) послужит моделью для будущего Тайваня и будет стимулировать тайваньцев в направлении признания суверенитета Китая» [223, с. 8].

Тайваньские власти занимают в отношении будущих событий в Гонконге двойственную позицию. С одной стороны, негласно ведется подготовка к перемещению всех тайваньских учреждений и предприятий из Гонконга в Сингапур. С другой стороны, жителям острова впервые после 1949 г. разрешены прямые поездки в колонию для встреч с родственниками или даже для посещения родных мест в КНР.

Период подготовки к переходу под юрисдикцию КНР особенно отчетливо высветил все основные политические и социально-экономические проблемы Гонконга. Длительный период колониального правления препятствовал формированию политической активности, образованию партий, способных завоевать широкую популярность населения, профессионально вести борьбу за право управлять Гонконгом. В настоящее время наблюдается значительное увеличение числа «предпартий», отстаи-

вающих интересы тех или иных социальных слоев. Гонконгское общество весьма специфично. Оно характеризуется высокими показателями уровня жизни, образования и профессиональной квалификации. Это динамичное общество, приобщенное к новейшим достижениям культуры, науки и техники. Одновременно гонконгский социум, при всей своей кажущейся космополитичности, остается по сути своей китайским, что отражается даже на специфике деятельности криминальных групп. Главная проблема, встающая перед Китаем,— это не нарушить достигнутое Гонконгом в настоящее время достаточно шаткое социально-экономическое равновесие. Способность к быстрому развитию не исключает возможности быстрого регресса, вступления в действие деструктивных сил. Практика показала, что самые незначительные поводы могут приводить в Гонконге к панике на бирже, оттоку капиталов за границу, росту эмиграции. Осознавая свою чрезвычайную ответственность, руководство КНР весьма осторожно относится к разработке Основного закона, к подготовке к передаче власти. Успех в Гонконге означает будущий успех в Макао и на Тайване. Главным залогом удачи являются жесткие гарантии сохранения на длительную перспективу статус-кво в той или иной территории. Не случайно, выступая 16 апреля 1987 г. перед членами КРОЗ, Дэн Сяопин заявил, что система в Гонконге останется неизменной не только в течение пятидесяти лет, но и в дальнейшем [299, 21.04.1987].

Полтора столетия истории Гонконга явили собой чередование притяжения и отталкивания во взаимоотношениях колонии с Китаем. Аннексированный англичанами остров первоначально служил базой для преследовавшихся цинскими властями контрабандистов. Однако вскоре он приобретает важнейшую роль в контексте капиталистической экспансии в Китае. Влияние Гонконга на экономическую жизнь Цинской империи достигает пика в конце XIX в. Далее Синьхайская революция, подъем антиимпериалистической борьбы в Китае, революция 1925—1927 гг., японская агрессия — вот цепь событий, на фоне которых ослабевали связи между Гонконгом и Китаем, еще недавно казавшиеся неразрывными. Трагедия оккупации стала лишь временным перерывом в развитии процесса отторжения, кульминация которого, подготовленная гражданской войной и образованием КНР, наступила после войны в Корее. 50-е годы — первая половина 70-х годов — период диверсификации международных связей Гонконга, а также время интенсивного развития экономики, современных форм производства. В эти годы созревают предпосылки для нового этапа притяжения (на новом качественном уровне) колонии к Китаю: к 1978 г. Гонконг превратился в международный валютно-финансовый центр, индустриальный анклав азиатско-тихоокеанского региона, располагал современными видами технологии и передовым опытом управления и организации производства. Новая волна расширения сотрудничества между Гонконгом и КНР подготавливает переход этой территории под китайскую юрисдикцию в 1997 г., завершение колониального периода.

Оценивая исторический вклад Гонконга в развитие Китая, следует признать, что наряду с явно негативными факторами (нарушение суверенитета и территориальной целостности, экономическая эксплуатация, национальное угнетение) мы наблюдаем и много позитивного (распространение современных знаний, методов и форм предпринимательства, подготовка квалифицированных кадров, предоставление условий, пусть невольной и ограниченных, для деятельности революционеров и др.).

Следует констатировать, что в течение всего времени модернизация колонии оказывала определяющее и неизменно возрастающее воздействие на ее взаимоотношения с Китаем. Крайне важно учитывать при этом, что традиционность долгое время

оставалась существенной чертой гонконгского социума, определяя многие стороны его жизнедеятельности.

Экономика всегда главенствовала в Гонконге. Англичане намеренно жестко контролировали политическую активность населения, опасаясь дестабилизации положения в колонии. Между тем приближение 1997 г. способствовало оживлению различных группировок и социальных групп, озабоченных будущим. Проект восстановления Китая в рамках теории «одно государство — две системы» может быть успешным лишь при условии сопоставимости устойчивости и зрелости систем «партнеров». Между тем в Гонконге налицо явная диспропорция между современным базисом и устаревшей колониальной надстройкой. Разрешение этого противоречия станет основным содержанием будущей истории Гонконга.

Введение

¹ Иероглифы, составляющие это слово, в нормативном произношении звучат «Сянган». Однако мы используем название в устоявшемся, международно принятом звучании. Собственно топоним Гонконг был присвоен всему острову англичанами незадолго до захвата. Предполагают, что он возник из имени деревни Сянганцы (ныне Шипайвань, или Эбердин), где британские корабли набирали пресную воду.

² По преданию, Тяньхоу — дочь сунского чиновника. Она ушла из мира людей, чтобы стать морским духом и покровительствовать рыбакам.

Глава 1

¹ Несмотря на ограничения и запреты китайских властей, импорт опиума в Гуанчжоу возрос с 1814 ящиков в 1795 г. до 4575 ящиков в 1800 г.

² Несколько ранее (в конце сентября — начале октября 1854 г.) Дж. Боуринг предпринял совместно с французским и американским посланниками поездку в Шанхай и далее в Пекин, завершившуюся, однако, у устья р. Бэйхэ 15 октября встречей с чиновниками низкого ранга, информировавшими представителей держав о том, что китайское правительство не готово принять предъявленные ему требования. Английское правительство не могло немедленно ответить на несговорчивость китайской стороны вооруженным выступлением, поскольку в марте 1854 г. вступило в войну с Россией.

Дж. Боуринг тут же отправился с флотом на север в надежде настичь русский флот под командованием графа Е. Путятина и разгромить его. Результатом этой бесславной экспедиции стал лишь безрезультатный обстрел Петропавловска. Тем не менее английское общество в Гонконге, охваченное «патриотическим подъемом», приветствовало поход на север, поскольку колония, хотя и была объявлена крепостью, на деле была достаточно беззащитна, а экспедиция Боуринга породила иллюзорное чувство безопасности. В сентябре 1855 г. в Гонконг были доставлены 270 русских пленных, команда фрегата «Диана», потерпевшего крушение у берегов Японии. После заключения мира в июне 1856 г. они отправились на родину.

³ Требования о приобретении новых земель к северу от п-ова Цюлуи начали раздаваться много ранее. Сразу же после второй «опиумной» войны высказывалась идея о целесообразности установления контроля над северным берегом пролива Лиюймэнь, являющегося входом из моря в гонконгский порт. В 1890 г. губернатор У. де Во сообщал в Лондон о том, что китайские власти якобы готовы начать строительство угрожающих безопасности Гонконга военных укреплений неподалеку от колонии. С началом японо-китайской войны губернатор У. Робинсон просто стал осаждать британское правительство предложениями о необходимости, воспользовавшись ослаблением Китая, получить территорию между заливами Шэньчжэньвань и Дапэнвань, а также все острова в радиусе 3 миль от о-ва Гонконг. Местная английская пресса раздувала шовинистические настроения, пытаясь представить присоединение к колонии прилегающих территорий как благородный акт борьбы с преступностью и пороком. «Чайна мейл» писала о старом крепостном городе Цюлуи (Цюлуи-чжай) (не путать с п-вом Цюлуи и выросшем на нем английским Цюлуи-луном) как о прибежище воров, грабителей и убийц, крупнейшем на Дальнем

Востоке центре игорного бизнеса: «У нас нет точных сведений о том, как выглядели Содом и Гоморра, однако если судить по описаниям и непосредственному опыту побывавших в Цзюлуэ и китайском Шэньшуйпо лиц, Содом и Гоморра значительно уступают этим двум населенным пунктам» (цит. по [288, с. 15]). В 1894 г. У. Робинсон даже предлагал английскому посланнику в Пекине К. Макдональду добиваться согласия китайских властей на аренду территории в обмен на выдачу Сунь Ятсена, однако этот вариант был отвергнут в Лондоне как чрезмерно скандальный.

⁴ Жители колонии были обязаны на все официальные бумаги наклеивать гербовые марки.

⁵ К началу XX в. в колонии находились 31 боевой корабль (в том числе 6 крейсеров, 7 миноносцев, 10 канонерок, 2 картографических судна), а также 3 отряда катеров речного патрулирования [64, с. 97].

⁶ Нередко это приводило к серьезным конфликтам, выливающимся в публичные склоки. Например, однажды командующий гарнизоном генерал Дэнован запретил военному оркестру участвовать в организованном губернатором Дж. Поуп-Хеннесси праздновании дня рождения короля [273, с. 76]. Для разрешения конфликта потребовалось вмешательство Лондона. Другим примером может служить невозможность установления эффективного административного контроля над аннексированным Цзюлуэ в течение 4 лет, поскольку не могли договориться, кому будет принадлежать земля — военным или гражданским властям.

⁷ Так, в апреле — мае 1843 г. были разгромлены помещения правительственной канцелярии, контор фирм «Дент энд К^о», «ДМК», «Джиллеспии», миссионерская школа Моррисоновского просветительского общества. Многие купцы были вынуждены держать частную охрану (так, «армия» «ДМК» состояла из 20 человек).

⁸ Чтобы избежать кривотолков и слухов, подчинить население еще более жесткому контролю, власти Гонконга начали в 60-е годы издавать китайский вариант правительственной газеты — «Хуавэнь чжэнфу гунбао», где печатались все указы и распоряжения.

⁹ Обращение властей с местными жителями никак не способствовало росту дружелюбия к колонизаторам. Официальный историк колонии Дж. Эндикотт приводит такой факт. В апреле 1846 г. полицейские задержали китайца, так как им показалось, что он украл доски. Подозреваемый скрылся. Тогда на улице были схвачены первые попавшиеся прохожие. Тех, у кого не оказалось при себе регистрационных удостоверений, оштрафовали, а не имевших денег — высекли [233, с. 71].

¹⁰ Так, по настоянию одного из командовавших гонконгским гарнизоном генералов (страдавшего бессонницей) на улицах было запрещено громко кричать.

¹¹ Так, в 1844 г. в Чичжу, на юго-востоке о-ва Гонконг было похищено 12 тыс. рублей — жалованье гарнизона колонии [233, с. 76].

¹² Например, некий европеец, носивший китайское имя Лу Дунцзю, возглавлял отряд в несколько тысяч китайцев, нападавший, начиная с 1848 г., исключительно на английские корабли.

¹³ В этом отношении показательно описание И. А. Гончаровым здания Гонконгского клуба. Он был открыт в 1845 г. и в состав его членов допускались лишь самые состоятельные жители колонии: вступительный взнос составлял 3 тыс. долл., ежегодный — 350 долл. [140, с. 54]. «Клуб, — рассказывал великий русский писатель, — в своем роде образцовый дворец: учредители не пожалели издержек, чтобы придать помещению клуба такую же роскошь, какая заведена в лондонских клубах. Несколько больших зал обращены окнами на залив; веранда, камини, окна обложены мрамором; везде бронза, хрусталь; различные зеркала, изящная мебель — все привезено из Англии» [44, с. 296]. Гонконгский клуб был классическим примером того, как в английском обществе Гонконга насаждалась чопорность, снобизм, презрение к бедности, вера в исключительность белой расы (вплоть до 1945 г. вход в него китайцам и индусам был запрещен). С развитием колонии возникло еще несколько клубов: любительская драматическая труппа (1848 г.), Клуб регаты г. Виктории (1849 г.), клуб крикета (1851 г.), особой популярностью поль-

зовались оега на ипподроме в Юмади. Клуб любителей верховой езды стал средоточием гонконгской элиты. 15 января 1847 г. было создано Китайское отделение Королевского азиатского общества, многие из членов которого внесли значительный вклад в изучение современного им Китая.

¹⁴ Отнюдь не просто было переносить обильные обеды, сопровождавшиеся солидными возлияниями. Необходимость постоянно быть в костюме и при галстукке вынуждала «представителей цивилизации» переодеваться до 7—8 раз в день. Один из английских авторов конца XIX в. писал шутя о проблемах, с которыми сталкивались европейские жители колонии в своей повседневной жизни: «Летом в Гонконге перед вами встает серьезный вопрос, съедобны или нет грибы, выросшие за ночь на ваших ботинках» (цит. по [219, с. 130]).

¹⁵ Но даже в мирный период жителей колонии могли подстергать неожиданные опасности. Так, в июне 1849 г. преподаватель гонконгского колледжа, находясь в Макао, был арестован за то, что не успел вовремя снять шляпу перед крестным ходом. Два английских офицера и более ста матросов совершили налет на португальскую тюрьму, чтобы освободить соотечественника [240, с. 255].

¹⁶ В 1859—1863 гг. был построен резервуар Бофулинь вместимостью 2 млн. галлонов. Он постоянно расширялся, достигнув к 1895 г. объема в 70,4 млн. галлонов. Второе водохранилище возникло благодаря постройке дамбы Дацзэ, в 1887 г. его объем составлял 12,3 млн. галлонов, а впоследствии увеличился до 72,4 млн. Наконец, в 1899 г. появилось водохранилище Хуаннион вместимостью более 30 млн. галлонов. Кроме того, в колонии были четыре частных водохранилища [99, с. 9—10].

¹⁷ О размахе работы «Дунхуа» можно судить по данным обследования 1891—1895 гг., когда было зарегистрировано 2551 стационарный больной (2161 мужчин и 390 женщин), а поликлинику посетили 106150 мужчин и 54455 женщин (заметим, что население Гонконга в 1895 г. составляло 240 тыс.). В европейские больницы в 1895 г. обратились всего лишь 223 китайца. С 1896 г. в системе больницы «Дунхуа» началось частичное применение и методов западной медицины (см. [97, с. 91—96; 234, с. 105; 233, с. 241; 166, т. 2, с. 11]).

¹⁸ В 80-е годы XIX в. власти все же были вынуждены сосредоточить свое внимание на вопросах здравоохранения. В 1883 г. они создали Санитарный совет, который впоследствии неоднократно реорганизовывался. В его задачу входил контроль за соблюдением домовладельцами, в первую очередь в районах, населенных китайцами, установленных правил санитарии. Принятые в данной связи в 1883 и 1887 гг. законодательные акты вызвали бурю протеста китайцев-домовладельцев. Им удалось добиться отмены некоторых постановлений, что позволило хозяевам трущоб, по-прежнему взимающим с жильцов высокую плату, не проводить работу по улучшению состояния жилищ.

Передко проведению мероприятий Санитарного совета мешали и злоупотребления официальных лиц. Так, при повторных попытках провести дезинфекцию во время эпидемии чумы в мае 1894 г. домовладельцы совместно с руководством тайных обществ организовали забастовку кули. Протесты местных жителей были вызваны тем, что руководители «дезинфекционных бригад» часто шантажировали домовладельцев, угрожая в случае неуплаты взятки сжечь все имущество [233, с. 216—217].

¹⁹ Время его создания в различных публикациях определяется неодинаково: 1878, 1880 или 1882 г.

²⁰ Еще в 1845 г., после того как губернатор Дж. Дэвис безуспешно пытался пресечь проституцию, выслав большую группу публичных женщин за пределы колонии, стало ясно, что достичь поставленной цели возможно, лишь уничтожив подпольные преступные синдикаты. А это сделать не удавалось. Поэтому в дальнейшем, в связи с распространением венерических заболеваний в гонконгском порту, администрации не оставалось ничего другого как издать в ноябре 1857 г. закон об «обязательном лечении и расследовании обстоятельств заражения» [98, с. 104, 107]. Ощущая свое бессилие, власти решили обложить «веселые кварталы» налогом. Средств, полученных от 31 публичного дома и от каждой из 150 проституток в отдельности, хватило для того,

чтобы в течение нескольких лет содержать специализированную лечебницу [166, т. 2, с. 13].

²¹ Наиболее ярким примером может служить карьера главного регистратора Колдуэлла. Вплоть до своего смещения в 1858 г. он многие годы обирал китайских купцов, шантажируя их (угрожал арестом по подозрению в связях с пиратами). В 1847 г. Колдуэлл помог освободиться из тюрьмы морскому разбойнику Ду Ябао, который впоследствии стал его агентом в отношениях с пиратами, платившими «защитнику» отступное. В 1857 г., после ареста за правила преступного мира Хуан Мочжоу выяснилось, что Колдуэлл получал взятки и от казино, и от публичных домов [91, с. 162].

²² Тот же Колдуэлл был нанят за огромную в те времена сумму в 20 тыс. долл. в год в качестве агента хозяев казино в их отношениях с властями [232, с. 151].

²³ В их числе были Американское баптистское общество зарубежных миссионеров (с 1842 г.), южное отделение Базельского миссионерского общества (с 1847 г.), Английская пресвитерианская миссия (с 1847 г.), Рейнское миссионерское общество (с 1847 г.), Берлинское миссионерское общество (с 1850 г.), Берлинское женское миссионерское общество (с 1851 г.), Уэслианское методистское миссионерское общество (с 1852 г.).

²⁴ Так, Британское зарубежное библейское общество опубликовало два перевода Библии на китайский язык (в 1850—1854 гг. и в 1857 г.) [229, с. 65], член Базельской миссии Гэнах выпустил на китайском языке книгу «Правда и путь христианства», Гобсон издал на китайском языке работу «Очерк анатомии и физиологии». Значительный интерес представляли и Китаеведческие работы миссионеров: перевод учебного компендиума «Саньцзы цзин», выполненный Мэджерстом, «Немецко-китайский словарь диалекта чаочжоу» и «Немецко-китайский словарь диалекта хакка» члена Базельской миссии Р. Лехлера. Наиболее выдающимся миссионером-синологом был Дж. Легг, возглавлявший семинарию (Англо-китайский колледж), созданную в 1840 г. в Малакке, а в 1843 г. переведенную в Гонконг. Он провел в Гонконге почти 30 лет. За это время им были переведены основные классические китайские книги, в том числе каноны «Сы шу» («Четырехкнижие») — «Лунъюй», «Мэн-цзы», «Да-сюэ» и «Чжун юн» — и «Уцзин» («Пятикнижие») — «Шицзин», «Шуцзин», «Ицзин», «Чуньцзо», «Лицзи». Вернувшись в Англию в 1873 г., Дж. Легг продолжал свои исследования в качестве профессора Оксфордского университета. Он перевел «Дао-дэ цзин», разделы из «Чжуан-цзы», опубликовал ряд исследований, например «Жизнь и учение Конфуция» (1867), «Жизнь и учение Мэн-цзы» (1875) и др. [262, с. 18—20].

²⁵ Так, выпускником Колледжа св. Павла был ставший впоследствии видным политическим деятелем Китая У Тинфан. Ученики закрывшегося в 1856 г. Англо-китайского колледжа Жун Хун, Хуан Хуань и Хуан Шэн в 1847 г. отправились учиться в США. Жун Хун, впоследствии крупный деятель реформаторского движения, стал первым китайским студентом, окончившим американский (Йельский) университет [262, с. 21].

²⁶ Первоначально большинство материалов переводились с английского. Техническим нововведением было то, что газета набиралась типографским шрифтом. Ранее миссионеры заказали в США специальный шрифт (образцом служил словарь «Канси цзядянь») для издания Библии на китайском языке. Впоследствии этот шрифт был приобретен «Дейли пресс».

²⁷ В течение многих лет он был связан с миссионерами, участвовал в переводе Библии. Вступив в переписку с тайпинскими вождями в 1861 г., был вынужден скрываться от преследований цинских властей в Гонконге в 1862 г. В 1867 г. совершил вместе с Дж. Леггом поездку в Англию, побывал во Франции, в России (см. [262, с. 77, 58, 59]). В 1871 г. совместно с Хуан Шэном он приобрел у миссионеров типографию, в которой и печаталась «Сюньхуань жибао».

²⁸ Политика цинского правительства в 1860—1895 гг., направленная на стабилизацию положения в стране за счет активного заимствования достижений иностранцев (в первую очередь в области военной техники). Крах этой политики ознаменовался поражением Китая в войне с Японией в 1895 г.

²⁹ В 1884 г., когда Сунь Ятсену было 17 лет, его в церкви Американской конгрегации Гонконга крестил миссионер Ч. Хагер (см. [80, с. 7; 52, с. 18]).

³⁰ Конечно, отнюдь не вся гонконгская буржуазия сочувствовала революционерам. Кроме того, многие предприниматели опасались поддерживать отношения с антиправительственными группировками, поскольку это могло повлечь за собой репрессии против их родственников, проживавших непосредственно в Китае. Иногда патриотическое движение принимало умеренные формы, в таком ключе действовало, например, «Общество неподчинения и обрезания кос» (*Цзянь бянь буифу хуэй*), созданное врачом Гуань Синьянем в ноябре 1910 г. Если раньше косы обрезали только те, кто принимал британское подданство и одновременно обязан был переодеться в европейское платье, то для членов этого общества обрезание кос стало актом протеста против маньчжурского владычества (участники движения продолжали носить китайский национальный костюм) [88, с. 139].

³¹ Хуан Юншан, в свое время помогавший известному китаисту Дж. Леггу в переводе китайских классических текстов, взял это название из «И цзина». В примерном переводе оно означает: «Следуя велению Неба, придем к процветанию» (см. [52, с. 55; 55, с. 26—27]).

³² В колонии была открыта сеть теософских школ для китайской молодежи [323, 13.07.1928].

³³ В октябре 1909 г., когда гонконгское отделение союза возглавил Ху Ханьминь, в нем были созданы отделы: военный, ополчения, пропаганды и тылового обеспечения. Это отделение контролировало революционные выступления в Гуандуне, оказывало материальную поддержку повстанцам, укрывало их от преследований властей. В конце января 1911 г. Хуан Син и Чжао Шэн в качестве заместителей начальника гонконгского отделения союза приступили к подготовке гуанчжоуского восстания, произошедшего в апреле 1911 г. [122, т. 2, с. 283].

Глава 2

¹ Газета «Кантон пресс», отражая бытовавшее в среде коммерсантов мнение, писала 29 мая 1841 г.: «Премия в тысячу долларов будет уплачена любому, кто изыщет способ пасти скот на гранитных скалах и получать урожай на приморских песках; и гранита и песка в новом поселении имеется большое обилие» [281, с. 108]. Сверхествавшая среди английских солдат лихорадка, разрушительные последствия тайфуна 21 июля 1841 г. и серия пожаров в районах, населенных китайцами, в конце лета — начале осени того же года лишь усугубили дурную славу Гонконга, которому, по словам той же «Кантон пресс» (15 мая 1841 г.), «недоставало всего лишь домов, жителей и торговли, чтобы стать одним из самых ценных наших (английских.— П. И.) владений» [281, с. 106].

² Приведем слова губернатора Гонконга Дэвиса, который в 1844 г. сообщал в Лондон, что «практически каждый, у кого имеется капитал и кто не связан с государственной службой, занимается опиумной торговлей» [233, с. 72].

³ А. Вышеславцов писал о мрачных последствиях распространения наркомании в Гонконге: «На улице часто встречаются физиономии с выражением тупоумия в глазах, лишенных всякого блеска, окруженных дряблыми складками кожи, потерявшей энергию; походка этих людей неуверенна. Следы преждевременной старости и маразма видны во всех членах; если кого-нибудь из них взять за плечо, то даже и намек на мускул не почувствуешь в руках; лица их всегда можно узнать и отличить в толпе» [42, с. 224—225].

⁴ Русский путешественник И. Гошкевич описывает следующий случай, иллюстрирующий жизнь «делового мира» Гонконга: «Потонуло судно с чаем; груз достали и продали с публичного торга. Спекулянт, купивший его, отвез на ближайшую речку, вымыл в проточной воде всю морскую соль и потом высушил... И вот чай его пойдет в Англию... А как известно, англичанам нужен не аромат чая, а цвет его, и через эту спекуляцию есть надежда приобрести не только хорошие барыши, но и хорошую репутацию» [45, с. 403].

⁵ Как уже отмечалось, именно через Гонконг из Китая выезжали много-

численные эмигранты (всего с 1850 по 1875 г. около 0,5 млн.). Они образовали довольно многочисленные общины за океаном, нуждавшиеся в поставках традиционных китайских товаров и продуктов питания. Это обстоятельство породило еще одно специфическое направление во внешнеторговой деятельности гонконгских предпринимателей-китайцев [51, с. 212].

⁶ Такая лицензия стоила 110 лян за ящик; для сравнения — в соответствии с Тяньцзиньским договором пошлина за ящик опиума составляла 30 долл., т. е. таможенный сбор был повышен к выгоде кредиторов Китая.

⁷ О ее прибылях можно судить хотя бы потому, что в 1870—1885 гг., по данным, приводимым С. Томасом, объем контрабандной торговли опиумом ежегодно составлял 1,5 млн. лянов [284, с. 67].

⁸ Внутритайская таможенная пошлина.

⁹ В 1910 г. в Гонконге были закрыты все опиехурильни, а 8 мая 1911 г. заключено соглашение с Китаем, согласно которому, дабы способствовать сокращению контрабанды, индийский опиум мог поставляться в Китай только по специальному разрешению, выданному индийским колониальным правительством. С 1 января 1912 г. власти запретили импорт в Китай иранского опиума. Все эти меры привели к сокращению экспорта опиума из Гонконга, например, с 1917 по 1922 г. с 1469 до 946 ящиков в год [17, с. 1132]. Ограничения на торговлю опиумом явились следствием давления из Лондона, который на первых порах даже выплачивал гонконгской администрации компенсацию за потери поступлений от обложения опиумной торговли (в 1910—1911 гг. — 21 тыс. ф. ст.) (см. [22]).

¹⁰ Конечно, вплоть до 1894 г. финансовая зависимость китайского правительства оставалась незначительной и займы погашались без особого напряжения. Как отмечает О. Е. Непомнин, вплоть до китайско-японской войны 1894—1895 гг. иностранные займы были незначительны и обычно не преследовали специальных экономических и политических целей. Важно отметить, однако, что в те годы «ДМК» и «Хуэйфэн» уже наладили связи с двором и местными властями, создали механизм взаимодействия, позволивший им в будущем занять лидирующее положение в борьбе за экономическое ограбление Китая.

¹¹ Уже в 1866 г. одним из пяти, а в 1879 г. единственным иностранным банком в Японии, тесно связанным с финансированием внешней торговли, был «Хуэйфэн», имевший к тому времени отделения в Иокогаме, Нагасаки, Кобе и Осаке. В 1866 г. банк открыл свое агентство и в Сайгоне, финансировал производство сахара и торговлю рисом. Рост добычи каучука и олова в Малайе повлек за собой открытие представительств в Пенанге и Куала-Лумпуре, увеличение производства сахара в голландской Ост-Индии — в Батавии. Особым образом сложилась судьба банка в Таиланде. Обосновавшись в Бангкоке в 1890 г., «Хуэйфэн» начал пользоваться покровительством королевской семьи, члены которой стали крупными вкладчиками. Это принесло банку немалые выгоды, когда в последующие годы в Таиланде началось строительство железных дорог (см. [228]).

¹² Акция банка номинальной стоимостью 120 долл. продавалась за 940—950 долл. [228, с. 3].

¹³ Продолжалось сотрудничество с Немецко-азиатским банком. В 1905 г. они совместно проводили операции по валютному упорядочению «боксерской контрибуции», в 1908 г. предоставили 5 млн. ф. ст. на строительство железной дороги Тяньцзинь-Пукоу (в 1910 г. выдали дополнительный заем на сумму 4,8 млн. ф. ст.). В 1908 г. совместно с французским Индо-китайским банком «Хуэйфэн» предоставил Китаю 5 млн. ф. ст. для выкупа Пекин—Ханькоуской железной дороги (см. [271, с. 223; 229, с. 238]).

В ноябре 1910 г. образовался синдикат четырех держав для строительства железной дороги, соединяющей Гуанчжоу с Ханькоу, а последний — с пров. Сычуань (на эти цели в 1911 г. был предоставлен кредит на сумму 6 млн. ф. ст.). Гонконг-Шанхайская банковская корпорация играла в консорциуме ведущую роль. Это выразилось, например, в том, что первоначально она получила исключительное право на приобретение всей линии в случае некредитоспособности китайского правительства [271, с. 231].

¹⁴ Эта фирма импортировала хлопчатобумажные и шерстяные ткани,

экспортировала из Китая шелк и чай. Вскоре она открыла свои отделения в ряде китайских портов, одно из основных — в Гонконге. Осознавая ограниченность перспектив торговли тканями, которой компания в 1890 г. вообще перестала заниматься, «Баттерфилд энд Суайр» решила использовать пароходство «Чайна нэвигейшн К^о», первоначально созданное для доставки товаров из Европы, для наступления на монополистов в области водного транспорта. В данном случае ее действия были направлены и против созданной в 1873 г. «Китайской коммерческой пароходной компании» («Чжаошанцзюй»), пользовавшейся покровительством цинских властей как национальное предприятие. С этой целью «Баттерфилд энд Суайр» стала осуществлять перевозки по демпинговым ценам, провела кампанию по установлению тесных контактов с китайскими транспортными подрядчиками, наконец, купила в 1873 г. «Юнион стим нэвигейшн К^о». Случайным фактором, способствовавшим дальнейшему успеху их предприятия, стал крах компании «Рассел энд К^о», вызванный серией банкротств ее партнеров в США. В результате «Шанхай стим нэвигейшн К^о» прекратила свое существование. Ее купила в 1876 г. «Чжаошанцзюй». Вплоть до 1877 г. «Баттерфилд энд Суайр» вела войну цен с этим пароходством на Янцзы и с «Гонконг, Кантон энд Макао стимшип К^о» на р. Чжудзян. По соглашению 1877 г., «Тайгу» получала право на 45% перевозок по Янцзы, на 50% торговых перевозок порта Нинбо, а также на 37,5% — между Гуанчжоу, Гонконгом и Макао. Ожесточенное соревнование «Тайгу» с принадлежавшим «ДМК» пароходством «Ихэ» продолжалось вплоть до достижения в 1882 г. договоренности о квотах в перевозках по Янцзы («Чжаошанцзюй» — 42%, «Тайгу» — 38, «Ихэ» — 20%) и на линии Шанхай—Тяньцзинь («Чжаошанцзюй» — 44%, «Тайгу» и «Ихэ» по — 28%) [230, с. 161]. Однако стоявшего во главе «Тайгу» Дж. Суайра не удовлетворяло достигнутое, хотя его предприятие давало прибыль 20%. Поэтому он в 1889 г. предложил заведомо неприемлемые условия при подготовке к новому соглашению, что полностью исключало всякую координацию действий между крупнейшими пароходствами в Китае.

¹⁵ По другим данным, число судов было значительно больше, поскольку в состав флота этой компании входили 7 пароходов из транспортной фирмы, принадлежавшей Д. Лапрейку [230, с. 98—99].

¹⁶ В том же году во внешнеторговом судообороте она достигла 79,1%, а во внутриторговом судообороте — 82,1% (см. [11, с. 236—238]).

¹⁷ Китайские власти не поощряли предпринимательской деятельности Купера (сам он был похищен и доки сожжены, но впоследствии восстановлены).

¹⁸ Сколотить капитал ему удалось довольно оригинальным способом. Отремонтировав старую китайскую джонку «Цзинн», он в 1846 г. отправил ее сначала в Нью-Йорк, а потом в Англию, где за деньги демонстрировал публике. Как сообщает К. Кирссуэлл, джонку ежедневно посещали 8 тыс. человек, среди них были Ч. Диккенс, герцог Веллингтонский и австрийский канцлер Меттерних [230, с. 98].

¹⁹ Ранее, в 1875 г., в Шанхае «ДМК» основала «Шанхай энд Хонкью уарвз К^о» («Шанхай Хункоу матоу юсянь гунсы»), владевшую причалами для десяти океанских судов в шанхайском порту.

²⁰ Следует отметить, что в последней трети XIX в. пожары и кораблекрушения оставались довольно-таки рядовым явлением повседневной жизни. Хроника событий 1875—1884 гг. в Гонконге и на Дальнем Востоке в целом, опубликованная гонконгской газетой «Гонконг дейли пресс», пестрит сообщениями о столкновениях или гибели судов практически на всех морских путях у берегов Восточной Азии. По-прежнему нападали на торговые суда банды морских пиратов. Колония регулярно подвергалась разрушительному воздействию пожаров. В октябре 1879 г. сгорели угольные склады компании «Д. Сэссун энд Санз», а в декабре того же года огонь уничтожил 368 домов, нанеся ущерб в размере 1 млн. долл. [237, т. 1, с. 45, 48]. Все эти обстоятельства лишь способствовали росту популярности страховых компаний.

²¹ Еще в 1861 г. «ДМК» попробовала создать в Шанхае современное шелководческое предприятие, которое, однако, было закрыто в 1866 г. в результате сопротивления со стороны местных властей и ремесленников (см. [4, с. 121; 255, с. 12; 257, с. 164]). По аналогичным причинам закрылась принад-

лежавшая «ДМК» сахарорафинадная фабрика в Шанью, просуществовавшая с 1878 по 1886 г. [51, с. 125]. Известно также, что «ДМК» построила железную дорогу от Шанхая до Сюйчжоу, которая официально числилась копейкой. Китайские власти демонстрировали ее в 1877 г. после того, как на первом участке началось движение поездов [246, с. 85].

²² В 1895 г. открылись «Эво коттон милл» и «Эво вустед милл» — прядильная и камвольная фабрики [50, с. 242—244]. Эти предприятия вкрупе с существовавшей с 1882 г. шелкомотальной фабрикой «Эво силк филачур» образовали группу предприятий, гарантировавших «ДМК» господствующее положение в текстильной промышленности Шанхая [50, с. 126]. Различия между новыми предприятиями и шелкомотальной было в том, что в 1882 г. «ДМК» пришлось привлечь для ее создания до 60% китайского капитала, после 1895 г. этого уже не требовалось [257, с. 164—165]. С 1897 по 1909 г. прибыли прядильных фабрик «ДМК» возросли на 745% [11, с. 162—163].

Глава 3

¹ К ней относились Гуандунский банк (капитал 10 млн. гонк. долл.), Восточноазиатский банк (2 млн.), Национальный торговый резервный банк (2 млн.), Гонконг-Шаньюский торговый банк (1 млн.), Резервный банк Кансин (407 тыс.), Резервный банк Цзяхуа (2 млн.), торговые компании «Юнань» (8 млн.), «Сяньши» (10 млн.) (они владели также двумя страховыми компаниями и парфюмерным производством), «Дасинь» (4 млн.), «Чжунхуа байхо гунсы» (2 млн.), автомобильная компания «Чжунхуа» (0,5 млн.), Цзюлунская автомобильная компания и Гонконг-Цзюлунская паромная пароходная компания (1 млн. гонк. долл.) [11, с. 262].

² Компания «Сяньши» была основана в 1900 г. хуацяо из Австралии Ма Инбяо; «Юнань» — в 1907 г. братьями Го Лэ и Го Шунем, также перебравшимися в Гонконг из Австралии.

«Сяньши» и «Юнань» в нарушение всех традиций открыли многоэтажные универмаги, где товары продавались по твердым ценам. Необычно было и то, что продавцами были женщины. Первоначально начинание не пользовалось популярностью, но с течением времени «Сяньши» смогли открыть отделения в Гуанчжоу и Шанхае, а «Юнань» создала в Шанхае целую торговую империю, включавшую страховую компанию, текстильные производства, гостиницы и склады, распространила свое влияние на страны Юго-Восточной Азии (см. [200, с. 113, 114, 117, 119, 122]). В 30-е годы в концерн «Юнань» уже входили три торговые фирмы, текстильное производство (заводы по производству пряжи, ткацкие и красильные фабрики), банк, компании по страхованию жизни, от пожара и морских катастроф. Были открыты отделения в Лондоне, а в 1940 г. в Нью-Йорке и Сан-Франциско. Число рабочих и служащих составляло почти 9 тыс. чел. Характерно, что во всех компаниях контрольный пакет акций и руководящие административные посты были закреплены за членами семьи Го.

³ В частности, крупные китайские предприниматели Хэ Дун, Ли Цзэфэн, Чжоу Шоучэнь и Ло Сюйхэ входили в советы директоров ведущих гонконгских фирм, контролировавшихся английским капиталом: «Гонконг, Кантон энд Макао стимшинг К^о», телефонная, электрическая и трамвайная компании, «Гонконг энд Вампу док К^о», «Гонконг энд Коулун уарф энд годаун К^о».

⁴ В первое время, работая в тяжелых условиях, сто работниц гонконгской фабрики «Наньян сюнди» производили по 300 тыс. сигарет в день. Основными рынками сбыта, по данным на 1912 г., были Сингапур (75%), Таиланд (7%) и Гонконг (18%) (см. [227, с. 30, 54, 57, 58, 60, 69]). Фирма широко использовала патриотические настроения китайского населения, призывая потребителей покупать только национальную продукцию (во время антиамериканского бойкота в 1905 г., антияпонского бойкота 1908 г., в период Синьхайской революции), что приводило к временным подъемам производства, сменявшимся часто спадом, граничившим с банкротством.

Лишь к 1914 г. прибыли фирмы достигли такого уровня, чтобы она смогла вступить в борьбу с Англо-американской табачной компанией на китайской территории. В Китай стало поступать сразу 16% продукции «Наньян сюнди».

К 1915 г. производство было учетверено по сравнению с 1912 г. и достигло 930,5 млн. сигарет в год [227, с. 70]. К 1918 г. «Братья» укрепились в Южном и Северном Китае, в нижнем течении Янцзы.

Англо-американская компания неустанно боролась против конкурента. С одной стороны, в 1914—1920 гг. шли переговоры о слиянии; с другой — постоянно велась кампания дискредитации «Братьев». Например, во время «движения 4 мая» компрадор Англо-американской табачной компании в Гуанчжоу Цзян Шуин сообщил в печати, что у главы «Наньян сянди» японское гражданство. Противоборство между двумя компаниями распространялось и на область образования. «Братья» стали предоставлять стипендии в Пекинском университете, а Англо-американская табачная компания вслед за ними в Гонконгском университете и т. п. [227, с. 105].

⁵ Используя патриотические лозунги для привлечения потребителей (большинство членов семейства Цянь выступало против слияния с Англо-американской компанией, находя очень выгодным паразитировать на антиимпериалистических лозунгах), руководство «Наньян сянди», безусловно, стояло на стороне правых сил и реакции в Китае, ибо в них оно видело защитников своих интересов. Врагом номер один для фирмы был одно время видный революционер-демократ Лю Чжункай, поддержавший конфискацию при вывозе из Гонконга в 1924—1925 гг. 10 млн. сигарет «Наньян сянди» как не обложенных налогом и передачу средств, полученных при их продаже, в помощь бастующим рабочим фирмы в Шанхае. В совет директоров «Наньян сянди» входил возглавлявший путч против правительства Сунь Ятсена компрадор Чэнь Лянбо. «Братья» оказывали поддержку правительству Чан Кайши, которому было выделено в 1929—1931 гг. 240 тыс. юаней (см. [227, с. 185, 190]).

⁶ Право денежной эмиссии имели в Гонконге три банка: «Мэйцзяли» с 1897 г., «Хуэйфэн» с 1898 г. и «Юли» с 1911 г. Эти банки играли ведущую роль в увеличении иностранной денежной массы в Китае, что подрывало национальные финансы страны.

⁷ Прядильные предприятия «ДМК», будучи оснащены современной техникой, работали весьма эффективно и давали большую прибыль. Ее норма за 1905—1937 гг. для фабрик «ДМК» составила в среднем 24,8% в год, а для китайских предприятий такого же типа — всего лишь 14,1% [11, с. 163, 162].

⁸ Эта фирма владела также причалами и складскими помещениями во многих ведущих портах Китая — Шанхае, Тангу, Нинбо, Шаньтоу, Гуанчжоу, Нанкине, Уху, Цюцзяне, Ханькоу, Чанша, Ичане, Циндао, Аньцине, Шаши и др. Ей принадлежали также пристани и судоремонтные предприятия в Тяньцзине, объединенные в отдельную компанию «Тяньцзинь бочуань гунсы».

⁹ По соглашению от 28 марта 1899 г., Китай получал на строительство этой дороги заем в размере 1,5 млн. ф. ст. под 5% годовых с рассрочкой на 50 лет. При выплате займа Китай сразу же получал лишь 90% суммы, а 10% удерживались в счет уплаты процентов. Кабальные условия договора довершались условием, что до полной выплаты долга железная дорога находилась под управлением Англии и весь административный персонал оставался английским.

По новому соглашению (1907 г.), условия были более выгодными для Китая: размер выплачиваемых ему средств увеличился с 90 до 94% суммы займа, срок выплаты долга, а соответственно и управления английской администрации сократился с 50 до 30 лет. Это соглашение касалось только отрезка дороги от Гуанчжоу до Шэньчжэня (121 миля). Английская же часть дороги (22 мили) была построена еще в 1905 г. властями колонии на деньги, полученные от облигаций займа (см. [104, с. 192, 199, 201]).

¹⁰ Следует отметить, что, как и в конце XIX в., это сопровождалось уменьшением значения порта в Гуанчжоу, для которого указанный показатель снизился за 1900—1930 гг. с 8,8 до 5% (см. [37, с. 168—170, 175, 176]).

¹¹ Например, только в 1914 г. было одновременно отправлено в Лондон в Национальный фонд помощи имени принца Уэльского 100 тыс. гонг. долл. В 1915 г. гонконгский банк «Тай Яу» выделил 4,5 тыс. ф. ст. на строительство в Англии двух военных самолетов и организовал сбор средств среди английских и китайских предпринимателей колонии.

¹² Англичане разделили «Новые территории» на 7 районов и 47 подрайонов.

нов, поставив во главе каждого старосту с полномочиями мирового судьи, избравшегося местными помещиками и богатыми крестьянами. В 1923 г. земля в «Новых территориях» была разделена властями на сельскохозяйственную (там застройка была запрещена) и землю для дома. Эта акция, направленная на умышленное сокращение деревенского населения, столкнулась с сильным сопротивлением местных жителей. Население в «Новых территориях» постоянно росло, интенсификация сельского хозяйства вела к сокращению числа арендаторов, развитию кустарной промышленности, мелких промышленных предприятий. Трое помещиков, Ян Гожуй, Ли Чжунчжуан и Дэн Вэйтан, организовали из представителей зажиточных слоев деревень Шатоуцяо, Шаншуй, Юаньлан, Тайпу, Шатянь, Сигун и Цюаньвань «Генеральный исследовательский совет крестьян, промышленников и торговцев „Новых территории“» (фактически совет старейшин), который боролся за отмену решения властей. Одновременно совет занимался благотворительной деятельностью. Так, в 1924 г. он открыл первую школу в «Новых территориях» — «Чундэ сюэсяо» [106, с. 7].

Во время гонконг-гуанчжоуской забастовки губернатор Гонконга С. Клементи, используя связи с местными шэньши (он служил в земельной администрации в «Новых территориях» еще в 1899 г.), уговорил их в обмен на определенные уступки начать снабжать Гонконг сельскохозяйственной продукцией. В знак благодарности С. Клементи преобразовал «Генеральный исследовательский совет...» в Сельский совет «Новых территорий» (Сяньцизюй), который стал выполнять консультативные функции при колониальной администрации. Совет отвечал за поддержание порядка в сельской местности, регулирование гражданских дел в деревне, ему предоставлялось право давать властям рекомендации относительно развития «Новых территорий». В совет входили 24 члена, избравшиеся представителями зажиточных слоев 7 районов [106, с. 7, 11].

¹³ Чтобы судить о том, в каких формах проходил бойкот, можно воспользоваться описанием аналогичных событий в октябре 1908 г. из доклада российского консула в Гонконге. «В Гонконге местные власти не разрешают китайцам собраний для обсуждения вопросов, касающихся самоуправления, бойкота и т. п.; запрещено также произнесение речей на эти темы в ресторанах и трактирах... В настоящее время японские пароходы не получают никаких грузов от китайцев, и, например, при заказах на муку или керосин из Америки китайские фирмы специально оговаривают, что груз должен быть доставлен не на японском судне. Равным образом японские пароходы не получают китайских пассажиров» [3, д. 60, л. 10]. Меры, принимавшиеся организаторами бойкота против его нарушителей, были весьма суровыми: «Пострадало до 30 китайских лавок и складов, некоторые в самом центре города, торгующих японскими товарами» [3, д. 60, л. 47]. «Руководители движения не могли не видеть, что нравственного воздействия и даже штрафов уже недостаточно... фирмы, продолжавшие торговать японскими товарами, стали получать угрожающие письма, а два купца даже подверглись нападению и были избиты, причем одному обрезали ухо» [3, д. 60, л. 55]. К подавлению беспорядков была привлечена полиция. В перестрелке ранили двух китайцев, причем одного смертельно.

Отличие событий 1908 г. от бойкота 1915 г. было в том, что участники бойкота тогда избегали нападать на японские лавки, опасаясь международного конфликта. И тем не менее, опасаясь раздражения Японии, англичане объявили тогда в Гонконге чрезвычайное положение.

Колониальная администрация руководствовалась также соображениями, которые русский консул выразил в следующей форме: «Развившаяся у китайцев за последнее время склонность к разного рода бойкотам сама по себе заслуживает самого пристального внимания со стороны... наций, имеющих в Китае торговые интересы, так как в любой момент, по какому-либо поводу, способна создать нежелательные осложнения» [3, д. 60, л. 61].

¹⁴ Так, когда в 1915 г. военный правитель города Хуэйчжоу Хун Чжаолин восстал в знак протеста против намерения Юань Шикая взойти на императорский престол и потерпел поражение, ему дозволили укрыться в Гонконге. Однако Великобритания не была заинтересована в разрыве с Юань

Шикаем. Более того, наиболее откровенные публичные выступления оппозиции преследовались колониальной администрацией. В январе 1916 г. суд приговорил к штрафу и девяти месяцам тюрьмы за ругательную в адрес Юань Шикая статью главного редактора китайской газеты «Сянган шибао» [326, 20.01.1916].

¹⁵ Примером может служить ответвление «Триады» — «Цзянсянпай» («Союз гадателей»), гонконгским отделением которого до 1928 г. руководил Хэ Литин. Этот союз изгонял из своих рядов преступников и, следуя своему образному этическому кодексу, использовал мошеннические способы (хиромантию, предсказания судьбы) для борьбы с теми, кто «разбогател нечестным путем». К началу 30-х годов «Цзянсянпай» практически исчез в Гонконге, будучи как достаточно рафинированная форма тайного общества вытеснен бандитскими группировками (см. [131, т. 5, с. 134—162]).

Одним из несколько неожиданных следствий Синьхайской революции и последовавших политических событий Китая был резкий рост преступности в Гонконге. Это явилось результатом снятия военных постов с китайской стороны границы после 1911 г., что открыло дорогу преступным элементам из Китая. В колонии было введено армейское патрулирование улиц. Тем не менее грабители и пираты продолжали орудовать и в самой колонии, и в дельте реки Чжусян, и на Цзюлун-Гуанчжоуской железной дороге. В Гонконге функционировали подпольные оружейные заводы, снабжавшие преступников боеприпасами. Одновременно наблюдался резкий подъем активности в сфере сомнительных развлечений. Администрация смогла окончательно запретить публичные дома лишь в 1932 г.; а торговля девочками (*моцзы*) под видом удочерения так и не прекращалась несмотря на многочисленные постановления. В 1922 г. в колонии было 10 тыс. домашних рабынь, а в 1930 г. уже 12 тыс. (см. [268, с. 215—217]).

Хотя силы поддержания порядка к 1930 г. возросли почти до 2 тыс. человек, они плохо справлялись со своими обязанностями. Одной из причин было нежелание англичан привлекать на такую работу китайцев, хорошо ориентировавшихся в местных условиях.

Весьма иллюстративен отчет о деятельности гонконгской полиции за 1927 г. В течение этого года в колонии было похищено собственности на 600 тыс. гонк. долл., причем возвращено владельцам лишь 13%; полиция обнаружила 1317 трупов (данные о проценте расследованных убийств не публиковались) [325, 20.07.1928]. В борьбе с преступными элементами власти прибегали к высылке в Китай. Законодательство, регулирующее депортацию, постоянно совершенствовалось, однако приносило незначительные плоды. Об этом свидетельствует тот факт, что из 745 нищих, изгнанных из Гонконга в 1927 г., 241 депортировались уже не впервые [325, 20.07.1928].

¹⁶ Языковой барьер между китайскими и английскими фирмами преодолевался с помощью посреднических фирм, бравших на себя ведение переговоров между сторонами, не имевшими возможности контактировать напрямую [27, с. 27]. Существовала целая система посреднических контор (более 130 до забастовки [183, с. 535]), связанных с пароходными компаниями. Хозяева контор устраивали желающих на работу на суда, за что взималась определенная, подчас довольно высокая плата. Так, конторы типа *симашагуань* не только брали деньги за посредничество, но и впоследствии продолжали эксплуатировать своих клиентов, взимая с них регулярно процент от заработка. Конторы типа *цзюньчжугуань* («господские») брали взнос 10 долл. и ставили клиента в очередь на получение работы. Однако часто ожидание затягивалось надолго, поскольку очередь не соблюдалась: хозяин действовал по произволу, вымогал взятку у рабочих. В противовес конторам такого рода группы моряков создавали свои «братства» (*сюндигуань*), которые в значительно большей степени учитывали интересы рабочего люда, поэтому вторым названием таких сообществ, как правило, имевших и собственные обожествления, стало «палата демократии» (*миньчжугуань*). Однако и здесь существовали специфические формы эксплуатации. «Братствам» приходилось нанимать управляющего, ведь сами рабочие были безграмотными. Он-то и становился нередко деспотом «палат демократии».

¹⁷ Так, повышение цен на рис составило 69,2%, на свинину — 30, на ба-

ранину — 50—70, на птицу — 14—38, на пресноводную рыбу — 146% [183, с. 540].

¹⁸ Англичане же нашли себе союзников среди противников русской революции: из Шанхая в Гонконг прибыли 243 белогвардейца-штрейкбрехера [291, 01.08.1925].

¹⁹ Успешное проведение длительной забастовки было возможно лишь при всесторонней поддержке со стороны гоминьдана. Национальное правительство обеспечило проведение стачки серией политических и экономических мероприятий. Весьма существенна была и финансовая поддержка: рабочие получали от властей Гуанчжоу ежемесячно 10 тыс. юаней. Кроме того, в результате организованной гоминьданом кампании сбора средств образовалась сумма в размере 3200 тыс. юаней (включая займы).

²⁰ В начале забастовки был запрещен вход в гуанчжоуский порт всем судам империалистических держав, а затем только английским. Это способствовало возобновлению международной торговли, причем в обход Гонконга.

²¹ Поражение, нанесенное революционной армией, положило конец деятельности Чэнь Цзюньмина как гуандунского милитариста. Он обосновался в Гонконге, где и жил до своей смерти в 1931 г. Чэнь Цзюньмин возглавил в Гонконге «Партию справедливости» (Чжигундан), развивал идеологию «трех принципов строительства» (строительство Китая, Азии и мира), которые он противопоставлял «трем народным принципам» Сунь Ятсена. Впоследствии он выступал в поддержку антикоммунистической политики Чан Кайши, утверждая, что лучше замирииться с внешним врагом (японцами), чтобы победить главного — внутреннего (т. е. КПК) см. [63, с. 161—168]).

²² В то же время полиция подчас хватала всех без выбора, лишь бы люди соответствовали весьма абстрактному критерию подозрительности. Так, «Гонконг уикли пресс» сообщила 6 июля 1928 г., что власти арестовали группу из пяти человек, в том числе «китайскую девушку, которая коротко острижена и которой всего 19 лет!». Эти лица были депортированы из Гонконга, поскольку, хотя не было никаких улик, их подозревали в связи с коммунистическим движением.

²³ Так, прибывшему в Гонконг весной 1928 г. Юань Сяосяню (он сменил Дэн Чжунся на посту секретаря Гуандунского комитета партии, центром деятельности которого стал теперь Гонконг) пришлось, при его чрезвычайной близорукости, учиться ходить по улице без очков, чтобы не быть узнанным [196, с. 334].

²⁴ Первоначально он возглавил коммунистов в доках «Тайгу», потом стал секретарем гонконгской партийной организации; в 1929 г. его вновь избрали секретарем гонконгской и по совместительству гуанчжоуской партийной организации, в том же году вошел в Гуандунский комитет партии (см. [196, с. 352—353]).

²⁵ Этот союз образовался осенью 1928 г. под руководством Дэн Фа [177, с. 257].

²⁶ Так, в ноябре — декабре 1912 г. в Гонконге демонстрировал полеты на аэроплане русский летчик Кузьминский, который «в течение 25 минут доходил до высоты в 1000 метров и весьма красиво и умело маневрировал своим аппаратом» [3, д. 158, л. 12]. Летом 1914 г. через колонию проследовал на родину в Россию «крестьянин Ярославской губернии Александр Андреев Калюкин по отставлении от службы при Дворе Его Высочества Принца Чакрабона Сиамского» в качестве повара, «в иностранных языках не сведущ» [3, д. 264, л. 4]. Нередко появлялись и международные авантюристы. Например, осенью 1908 г. в Гонконге объявился некто, выдававший себя за князя Гагарина, путешествующего с секретной миссией от самого императора. Он представил удостоверение из русского посольства в Мексике в том, что имеет тайные цели в Японии, Индии и Тибете и имеет право получить из Русско-китайского банка, из личного императорского фонда 2 тыс. ф. ст. Проверка показала, что князь, выступавший под псевдонимом Аренгейм, российский учредением ни в Петербурге, ни в Мексике неизвестен [3, д. 66, л. 24, 28].

²⁷ Имелись в виду гардемарины.

¹ Основными статьями гонконгского импорта, лишь 10% которого оставалось в колонии для местного потребления, были рис, сахар, пшеница, хлопчатобумажная пряжа, хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные изделия, нефтепродукты, уголь, сталь, промышленное оборудование и олово. Из Китая для перепродажи в третьи страны поступали китайские традиционные лекарства, женьшень, имбирь, сандаловое дерево, мебель, хлопунки и антиквариат, гуйчжоуская ртуть, а также юньнаньские олово и свинец, которые после переплавки в Гонконге отправлялись в США и Японию, а затем обратно в Китай. Поставщиками риса были Индокитай и Таиланд, пшеницы — США, Австралия и Канада, сахара — голландская Ост-Индия, суда снабжались углем из Китая, нефтепродукты поступали из США и Индии.

² Неустойчивость китайской валюты приводила к резким изменениям в паритете гонконгского доллара (его соотношение с фунтом стерлингов в 1921—1936 гг. колебалось от 2 шиллингов 8 пенсов до 1 шиллинга).

Массовые закупки серебра казначейством США, начавшиеся в 1934 г., привели к оттоку серебра из Китая, дестабилизации валюты. В ноябре 1935 г., вслед за ограничительными мерами китайских властей, гонконгская администрация запретила вывоз серебряных монет, а 5 декабря 1935 г. изъяла их из обращения, заменив ассигнациями [266, с. 447]. С тех пор обменный курс гонконгского доллара стал обеспечиваться запасами конвертируемой валюты. Вплоть до 1938 г. поддерживалось практически постоянное соотношение гонконгского доллара с китайской валютой (примерно 1:1), равно как и с фунтом стерлингов — 1 шиллинг 3 пенса за гонконгский доллар [266, с. 453]. Денежная реформа в Гонконге стала важным этапом наблюдавшегося в 30-е годы процесса сокращения зависимости колонии от китайской экономики, расширения международных связей.

³ Тао Синчжи — выдающийся педагог. В 1938 г. возвращался в Китай через Гонконг после поездки по 20 странам, где вел патристическую агитацию среди хуацяо.

⁴ Среди них были такие, как «Хуэй цзуго цю» («Возвращение на родину»), «Хочжун ды Шанхай» («Шанхай в огне»), «Лешу канчжань» («Герои сопротивления»), «Чжунго циньянь» («Китайская молодежь»), «Миньцзу цзуйжень» («Национальный преступник»), «Куйлэй фужень» («Жена марионетки»). Наиболее популярными считались «Сяолаоху» («Тигр») режиссера Ло Чжисюна (о китайской деревне в годы войны), «Люман чжи гэ» («Песня скитальцев») режиссера Лю Фана (о бегстве артистов от японских оккупантов), «Миньцзу ды хоушэн» («Гнев народный») режиссера Ян Шаоданя (о предателе, продающем оружие врагу) и некоторые другие. В колонию приехали знаменитые актеры Мэй Ланьфан и Оуян Юйцзянь (см. [216, т. 3, с. 56; 278, с. 11—13]).

⁵ Их мужья, не веря в возможность войны, создали комитет по борьбе «за воссоединение семей».

⁶ Некоторые землячества, существовавшие в Гонконге, имели довольно длительную историю. Так, в 1897 г. образовалось объединение выходцев из уезда Дуньянь пров. Гуандун — «Дуньянь дунъи тан», а в 1912 г. — торговцев, выходцев из уезда Шуньдэ той же провинции, — «Люйган Шуньдэ шанхуэй». Оба землячества в предвоенные годы активно занимались просветительством, создавая бесплатные школы для своих земляков, выпуская собственные издания («Люйган Шуньдэ шанхуэй вэйсиньлу», «Гуйчжоу юэбао» [202—205]). В 1916 г. было создано торговое землячество пров. Фуцзянь — «Фуцзянь шанхуэй», выходцы из этой провинции объединялись также землячествами «Фуцзянь люй ган тунсянхуэй», «Люйган минь цю Фучжоу тунсянхуэй». Выходцы из области Чаочжоу пров. Фуцзянь имели объединение, созданное в 1929 г., — «Люйган Чаочжоу тунсянхуэй».

⁷ Любопытно, что в одном из своих номеров журнал призывал членов союза внимательно прислушиваться к разговорам в чайных и ресторанах, чтобы выявлять предателей и японских агентов [203, с. 12].

⁸ Один из наиболее популярных парикмахеров Гонконга — Ямасита — во

время оккупации в качестве жандармского офицера служил начальником лагеря военнопленных.

⁹ Так, в марте 1921 г. во время визита в Гонконг императора Хирохито японские представители изъявили желание осмотреть систему водоснабжения колонии. Знания о системе функционирования резервуаров позволили японцам при наступлении быстро отсечь источники воды [238, с. 158].

¹⁰ Весь частный автотранспорт власти конфисковали и передали в распоряжение военного командования. Однако большая часть автомобилей была испорчена водителями, многие из которых дезертировали [263, с. 40].

¹¹ Любопытно, что при посадке дочь министра финансов Кун Сянси запретила входить в самолет милитаристу Чэнь Цэнтану, так как в противном случае не осталось бы места для ее собаки [315, 1984, с. 4]. Чэнь Цэнтан был вынужден пробираться в Китай с помощью тайных обществ и партизан.

¹² В нее входили, в частности, Мао Дунь, Цзоу Таофэн, Гэ Баоцюань, Е Ицюань, Юй Лин и др. Им приходилось обходить японские кордоны, сталкиваться с бандитскими шайками. В группу охраны партизаны привлекли членов тайных обществ. Тем не менее часто приходилось платить «проходные» местным шайкам. На пути были созданы пункты питания. Связанные с коммунистами старосты деревень выдавали многим беженцам, особенно тем, кого разыскивали гоминьдановские власти, фальшивые документы. Как сообщает Ван Цзою, партизаны устроили похоронную процессию, чтобы в гробу вынести из Гонконга картины Хэ Сяннин и Ляо Чжункая [66, с. 274].

¹³ Так, начальник отдела образования заявил, что школы будут функционировать, пока останется хотя бы один преподаватель, а газеты опубликовали его же указ о закрытии учебных заведений. Еще один пример: группа добровольцев, перетягивавшая с Зеленого острова в Гонконг баржу, груженную взрывчаткой, погибла под обстрелом английского патруля.

¹⁴ Ранее, во время обороны «Новых территорий» и Цзюлуна при содействии гоминьдановского генерала Гэ Чжаоуана гонконгским властям удалось на короткий срок привлечь к обороне часть тайных обществ (600 человек были вооружены и сражались с японцами в районе Бэйцзяо, за что правительство ежедневно уплачивало этому отряду «Чжуньби» 50 тыс. гонг. долл.). Большая часть из них принадлежала к Красному клану шанхайской мафии (см. [121, с. 54; 287, с. 36]).

¹⁵ 18 декабря пришла телеграмма британского правительства: «...вся Империя и наши союзники во всем мире с восторгом и уверенностью наблюдают за потрясающим поведением защитников крепости. Так держать!» [287, с. 39].

¹⁶ Трупы умерших от истощения валялись на улицах. При этом служащие системы распределения продуктов питания зарабатывали на взятках до 1500 долларов в день. Перестали работать водопровод, газ и электричество (см. [260, с. 97, 102, 103]). Мусор и нечистоты, которые теперь никто не убирал, наполняли город зловонием. Появились случаи малярии и холеры.

¹⁷ В японских листовках в самом начале войны было объявлено об аннулиции крупных банкнот, что еще до оккупации привело к исчезновению мелких денег из обращения. Гонконгским властям пришлось использовать надпечатанные банкноты китайской национальной валюты. В магазинах сдачу сдавали почтовыми марками, билетами на паром, таксомоторными талонами и пр. [70, с. 118].

¹⁸ В ограблениях, поджогах и массовых изнасилованиях весьма активно участвовали японские солдаты и офицеры.

¹⁹ В литературе его фамилия и имя упоминаются только так — в диалектном произношении.

²⁰ В 1933 г. в Гонконге постоянно жили на лодках 100 тыс. человек, а в мае 1942 г. — только 2,7 тыс.

²¹ Впоследствии было разрешено брать со счета 300 долл. в месяц. Это положение распространялось только на китайцев и «граждан нейтральных стран».

²² Заместителя главного управляющего банком отправили в концентрационный лагерь, где он погиб. Перед этим его заставили подписать значительное количество банкнотов достоинством 50 долл. и более, которые были пущены японцами в обращение.

²³ Представляются весьма сомнительными японские данные тех лет о том, что к лету того же, 1943 г. на полную мощность работали 800 фабрик, производивших шелк, консервы, резиновые изделия, 70% которых шло на экспорт [287, с. 114—120].

²⁴ К 1943 г. морское гражданское сообщение поддерживалось лишь с Гуанчжоу, Гуанчжоуванем и Макао. Остальные направления обеспечивались военно-морским флотом.

²⁵ Из-за нехватки бумаги было разрешено издание только пяти газет [56, с. 106].

²⁶ В послевоенные годы состоялась целая серия судебных процессов над японскими военными преступниками, действовавшими в годы войны в Гонконге. В 1946—1948 гг. перед судом предстали 177 человек, из которых 32 приговорили к смертной казни, а 124 — к тюремному заключению от одного года до пожизненного, остальные оправданы. Среди подсудимых оказались глава гонконгской жандармерии полковник Нома, начальник лагеря военнопленных полковник Токунага, капитан судна «Рисубон Мару» Киода Сигэру, командовавшие наступлением на Гонконг генералы Седзи и Танака и многие другие. В Нанкине предстал перед судом бывший губернатор Гонконга Ренсукэ Исого. Судили в Гонконге также и тех, кто совершил военные преступления на территории Китая, например, офицеров японской тайной полиции, зверствовавших в тюрьмах Шанхая. Там же заседал Австралийский суд над военными преступниками, судивший японских военнослужащих, совершивших преступления против австралийских граждан (см. [18, с. 72; 20, с. 94]).

²⁷ Из-за нехватки продовольствия нормы выдачи риса и муки в 1945—1946 гг. неоднократно подвергались сокращению; так, ежедневная норма риса снизилась с 600 г в декабре 1945 г. примерно до 140 г в конце мая 1946 г. [18, с. 53].

²⁸ В него был преобразован в 1936 г. санитарный совет. Тогда городской совет включал 13 членов (5 постоянных, а также 8 неофициальных членов, из которых двух избирали присяжные судьи, а шестерых, в том числе трех китайцев, назначал губернатор) [234, с. 161]. В таком виде он функционировал и в первые послевоенные годы.

²⁹ 2 тыс. рабочих, вернувшихся из трудовых лагерей на о-ве Хайнань, находились в состоянии крайнего истощения [18, с. 59].

³⁰ К концу 1945 г. население удвоилось за счет иммиграции, в результате чего был почти достигнут довоенный уровень — 1,5 млн. человек.

³¹ В его задачи входило предотвращать забастовки путем проведения примирительных переговоров между рабочими и работодателями; наблюдать за выполнением трудового законодательства.

³² В годы войны было уничтожено 20 тыс. зданий. Однако английское правительство выделило на восстановление Гонконга всего 1 млн. ф. ст., поэтому колониальная администрация практически могла рассчитывать только на свои ресурсы и на частную инициативу [18, с. 4].

³³ Как уже отмечалось, разные группировки стремились привлечь Ли Цзишэня на свою сторону и использовать его влияние и авторитет. Так, к нему обратился с предложением превратить в свою сферу влияния Китай к югу от Янцзы генерал Бай Чунси.

³⁴ После отъезда Ли Цзишэня в Пекин руководителем РКГ в Гонконге остался Лун Юнь. 13 августа 1949 г. 46 гоминьдановцев (и он в том числе) опубликовали заявление «Наши представления и требования в отношении современного этапа революции в Китае», объявив об окончательном разрыве с Чан Кайши и о поддержке КПК [216, т. 3, с. 143].

³⁵ Туда, в частности, направились многие проживавшие в Китае русские эмигранты. Они создали в Гонконге небольшую русскую общину, группировавшуюся вокруг церкви св. Андрея [20, с. 93].

³⁶ Под давлением со стороны США самолеты все же были, в соответствии с новым постановлением суда, переданы частной компании, принадлежавшей генералу Ченнолту.

¹ Несмотря на довольно высокую рождаемость (3,7% в 1956 г.; 2,3% в 1967 г.), доля уроженцев Гонконга возросла с 1961 по 1966 г. лишь с 47,7 до 53,8%.

² Удержанию заработной платы на столь низком уровне способствовало насыщение рынка дешевыми потребительскими товарами и продовольствием из КНР, что делало жизнь в колонии гораздо менее дорогой, чем в других частях региона.

³ Стало традиционным переезжать из этого района колонии в Англию. К началу 60-х годов там уже проживало 20 тыс. выходцев из «Новых территорий», которые специализировались в основном на содержании китайских ресторанов (около 1,3 тыс.). Эти лица переводили своим семьям в Гонконге значительные суммы, возраставшие по мере роста благосостояния самих эмигрантов. Так, в 1958 г. переводы составили 1,2 млн. гонк. долл., в 1962 г. — 16 млн., в 1968 г. — 31,2 млн. гонк. долл. [30, с. 53].

⁴ За 1958—1983 гг. число туристов (в основном из стран ЮВА, Японии, США, Западной Европы, Австралии и Новой Зеландии), ежегодно посещавших Гонконг, возросло со 103 тыс. до 2698 тыс., а истраченные ими суммы денег — с 454 млн. гонк. долл. в 1961 г. до 10 251 млн. гонк. долл. в 1983 г. [186, с. 20].

Рост цен (за 1975—1982 гг. на 70—80%), в особенности на гостиничные услуги, оказал сдерживающее влияние на развитие туризма. Расходы среднего туриста в 1970—1983 гг. в постоянных ценах 1966 г. сократились с 1594 до 985 гонк. долл., хотя формально возросли с 1963 на 380 гонк. долл. До сих пор туризм остается главным, наравне с экспортом одежды и электроники, источником валютных поступлений в Гонконг (см. [151, с. 139, 147]).

⁵ Оборот торговли США с Гонконгом составил в 1985 г. 12 млрд. ам. долл. при активном сальдо у последнего, достигавшем почти 6,5 млрд. ам. долл. На США приходится 45% гонконгского экспорта, 31% которого составляет одежда и текстиль. Кроме того, Гонконг поставляет в Соединенные Штаты интегральные схемы, электронные компоненты, табак, овощи и фрукты [35, с. 303].

⁶ В Сингапуре рабочая сила в два раз дешевле, чем в Гонконге [79, с. 101].

⁷ Подробнее развитие китайско-гонконгских экономических отношений с 50-х годов по настоящее время мы рассмотрим в разделе, посвященном связям между колонией и КНР.

⁸ Отдельные компании также брали на себя удовлетворение нужд своих квалифицированных работников. Администрация гонконгского трамвая, например, начала строительство жилья для рабочих, телефонная компания открыла столовую и поликлинику, цзюлунская автобусная компания создала центр бытового обслуживания [24, с. 63]. Все эти явления носили единичный характер и ставили в исключительное положение трудящихся, пользовавшихся подобными благами. Так, в 1955—1962 гг. в жилые дома, построенные частными фирмами для своих работников, переехали 85 тыс. человек. Эта цифра значительна сама по себе, но мала по сравнению с общим числом гонконгских скваттеров [230, с. 178].

⁹ В 60-е годы только 8,7% населения колонии говорило по-английски [210, с. 75].

¹⁰ Показательна тенденция к расширению подготовки кадров для промышленности. За 1971—1978 гг. число учащихся (дневного и вечернего отделений) промышленных и отраслевых колледжей возросло с почти 22 тыс. до более чем 48 тыс. [186, с. 375].

¹¹ Новейший из них — Городской политехнический институт, который, будучи открытым в 1984 г., принял 2600 студентов (см. [35, с. 92—101]).

¹² Такого рода настроения особенно усилились после прибытия в Гонконг эмигрантов — жертв «культурной революции».

¹³ Одной из них стало ужесточение репрессивного характера власти, усовершенствование аппарата подавления. Как отмечалось в официальном отчете, «в особых условиях Гонконга имеет существенное значение наличие такой

полиции, которая в то же время может быть за короткий срок преобразована в активную силу по поддержанию внутреннего порядка, способную подавить волнения или выступления групп лиц, стремящихся нанести ущерб безопасности колонии» [30, с. 204]. Под беспорядками подразумевались выступления либо сторонников гоминьдана, либо прокоммунистических сил, в том числе сторонников КНР, в аренду борьбы между которыми превратился Гонконг после 1949 г.

¹⁴ При этом отрицалась руководящая роль тайваньского гоминьдана в деятельности хуэйданов Гонконга.

¹⁵ С 28 мая по 8 июня 1967 г. в Гонконг приехало на 5 тыс. туристов меньше, чем обычно. Это нанесло убыток в 5 млн. гонк. долл. Одновременно только в Сингапур «ушло» 40 млн. ам. долл. [8, с. 79].

¹⁶ Формально приобретены соответственно Китайской международной инвестиционной компанией и «Чжаошанцзю».

¹⁷ Официально она относится к разряду «народного капитала» (*миньцзянь цзыбэнь*), т. е. является собственностью не государства, а держателей акций.

Глава 6

¹ Печать и общественные организации самого Гонконга также выдвигали различные варианты урегулирования проблемы. Вот некоторые из них: 1) КНР не настаивает на возврате Гонконга, Англия продолжает им управлять, несмотря на то, что китайская сторона формально не одобряет это; 2) КНР и Англия заключают «договор о дружбе» сроком на 30—50 лет, в котором будет статья о сохранении статус-кво в Гонконге; 3) Гонконг превращается в автономный район, управляемый местными китайцами, административная структура не меняется; 4) Гонконг передается Китаю, но там сохраняется старая система управления; 5) Гонконг становится подмандатной территорией ООН, управляемой Англией; 6) обе стороны идут на уступки: Китай продлевает срок аренды, Англия соглашается с тем, что арендуется вся территория Гонконга целиком; 7) Китай и Англия совместно управляют Гонконгом; 8) идет процесс постепенной взаимной диффузии приграничных особых экспортных зон Китая и Гонконга (см. [296, 1981, № 1, с. 18; 301, 22.07.1982; 303, 16.03.1981; 304, 27.04.1981, 24.07.1983; 313, 24.07.1983; 317, 1980, № 10, с. 29; 319, 1983, № 4, с. 22; 326, 07.04.1982].

² Воссоединение с Гонконгом, равно как и с Тайванем, Китай предполагает осуществить в рамках выдвинутой Дэн Сяопином модели «одно государство — две системы». Это означает, что внутри социалистического государства будут существовать обладающие высокой степенью автономии специальные административные районы (САР), где сохраняется капитализм. Данная схема позволяет провести воссоединение, но не снимает противоречий между центром и САР в политической, экономической, юридической и других областях.

³ Оппозиционная лейбористская партия Великобритании в 1982 г. выступила с программой широких политических и экономических реформ в Гонконге. Были выдвинуты требования введения системы большей подотчетности избирателям губернатора и глав основных департаментов колониальных властей, введения всеобщего избирательного права, пересмотра репрессивного законодательства и разработки новых актов в области отношений труда и капитала, социального страхования и др. Однако уже в 1983 г. лейбористы ограничили лишь признанием прав КНР на Гонконг и поддерживали требование китайского правительства о воссоединении в 1997 г. Уже не акцентировалось внимание (как это было в 1982 г.) на необходимости учитывать пожелания местного населения при решении вопроса о будущем Гонконга.

⁴ Таким образом, на части территории КНР будет иметь хождение валюта, жестко привязанная к американскому доллару.

⁵ По прогнозам политической группировки «Гонконгские обозреватели» от 1987 г., к 1997 г. около 22% населения колонии намерено эмигрировать. Статистика последних лет не вполне подтвердила эти предсказания. В 1983—

1986 г. из колонии выезжало на постоянное жительство в среднем ежегодно в США — 7—8 тыс., в Канаду — 6—8 тыс., в Австралию — 3—4 тыс. [317, 1987, № 7, с. 54]. На пути эмигрантов стоят высокие барьеры иммиграционных законодательств стран ЮВА, Латинской Америки, Австралии. В большинстве этих стран приобретение права на жительство с последующим получением гражданства требует капиталовложений, в некоторых случаях весьма значительных (в Сингапуре — 500 тыс. долл., в Австралии — 400 тыс., на Филиппинах — 200 тыс. долл.; несколько ниже эти суммы для стран Латинской Америки: в Коста-Рике — 34 тыс. долл., в Парагвае — 50 тыс., в Доминиканской Республике — 10 тыс. долл. [9, с. 193]). Как показала практика, многие государства не признают новый британский паспорт, выдаваемый жителям Гонконга [317, 1987, № 9, с. 40]. Тем не менее многие гонконгцы продолжают различными путями покидать колонию. В 1988 г. выехали за границу на постоянное жительство 45 тыс., в основном высококвалифицированные специалисты в возрасте от 25 до 40 лет, со средним доходом 15 тыс. гонк. долл. в месяц. В начале 1989 г. территория ощущала острую нехватку 175 тыс. работников в различных отраслях экономики. Подавление студенческого движения в КНР в июне 1989 г. вызвало серьезное беспокойство в Гонконге, рост неуверенности в будущем. По последним оценкам местных наблюдателей, колония все же потеряет к 1997 г. за счет эмиграции 10% своих жителей [317, 1989, № 2, с. 42].

⁶ В 1981—1985 гг. доля занятых в промышленности среди лиц наемного труда сократилась с 41 до 37%, а доля служащих возросла с 50 до 53% (см. [35]).

⁷ Первоначально введен для борьбы с порнографией (такого рода периодических изданий в Гонконге более 20 и они распространяются тиражом в полмиллиона экземпляров). Однако впоследствии указ использовался и против политических групп, например, против «Люланчжэ сексуэй» («Ассоциация скитальцев»), организованной нелегальными иммигрантами из Китая, которых власти лишают гражданских прав. Журнал Ассоциации «Люланчжэ юэкань» был закрыт [218; 244, 19.05.1985; 304, 07.05.1985].

Следует отметить, что средства массовой информации Гонконга в будущем, возможно, доставят Китаю немало беспокойства. Здесь ежедневно выходит более 50 газет тиражом свыше 1 млн. экземпляров, работают корпункты почти 100 иностранных информационных агентств и т. п. (см. [309, 1985, № 3]).

⁸ Подтверждением политической активизации отдельных слоев населения служит тот факт, что к 1987 г. еще 23 «функциональные группы», помимо 9, признанных властями, потребовали официальной регистрации.

⁹ Образованная, обладающая средним уровнем доходов молодежь стремится к более активному участию в жизни общества. Наблюдается постепенная эрозия традиционного для предшествующих десятилетий семейного утилитаризма, для которого общество выступало лишь в роли арены борьбы за экономическое преуспевание и уже во вторую очередь — за высокий социальный статус. Стремление к приобретению материальных ценностей перестало быть единственной установкой. Процесс урбанизации, относительное повышение роли администрации и полуправительственных учреждений в обеспечении потребностей населения — все это способствует разрушению традиционных семейных укладов, падению значения клановых и соседских организаций [254, с. 68—71, 72—81].

Однако большинство людей старшего поколения остаются политически пассивными, замкнутыми в кругу клановых интересов. Иерархи клановых «ассоциаций» и «кайфонгов» не имеют контактов ни с властями, ни с местной китайской элитой. Они предоставляют финансовую помощь, трудоустраивают своих подопечных. Политическая апатия, стремление держаться подальше от политики по-прежнему господствуют в этой среде (см. [254, с. 136—140, 187]).

¹⁰ Часть гонконгских монополистов издавна сотрудничает с КНР. К их разряду относятся Бао Юйган, а также скончавшийся в конце 1986 г. Ван Куанчэн. Еще в годы войны в Корее Ван в обход эмбарго торговал с КНР, жертвовал средства на укрепление обороны Китая. В 1984 г. он жертвовал 100 млн. ам. долл. на «Фонд Ван Куанчэна», который содействует студентам

и специалистам из КНР, Тайваня и Гонконга в поездках за границу для учебы или повышения квалификации [299, 16.12.1986].

Другой гонконгский предприниматель, председатель правления Гонконгской телевизионной компании, владелец фирмы «Братья Шао» Шао Ифу пожертвовал на развитие десяти университетов в КНР 100 млн. гонк. долл. [298, 06.01.1987].

¹¹ Китай сформулировал свою официальную позицию в отношении возможности проведения прямых выборов еще до публикации гонконгским правительством соответствующего проекта в мае 1987 г. 16 апреля того же года Дэн Сяопин сказал, что критерием для подбора лиц, которые должны управлять Гонконгом, является «любовь к Китаю, любовь к Гонконгу». Он отметил, что всеобщие выборы не обязательно позволяют следовать этому принципу [299, 21.04.1987]. Уже после начала обсуждения «Зеленой книги» группе членов КОНКРОЗ, выступающих за скорейшее введение прямых выборов, было заявлено в Пекине в сентябре 1987 г., что условия для такой реформы еще не созрели и она не будет пользоваться всеобщей поддержкой [317, 1987, № 9, с. 34]. Действительно, в законодательном совете проведение частичных прямых выборов в 1988 г. поддержало лишь 37,7% членов [317, 1987, № 8, с. 27]. В основе сдержанного отношения к реформе лежит опасение того, что в политику придут безответственные авантюристы, которые воспользуются неподготовленностью местных избирателей.

¹² Он же является первым секретарем партийного комитета Гонконга, где, по неофициальным данным, имеется около 2000 коммунистов. В 1985 г. Сюй Цзятунь был по возрасту переведен из членов ЦК КПК в Комитет советников, что, однако, не повлияло на его статус в Гонконге [326, 23.03.1985].

¹³ На протяжении нескольких десятков лет отделение Синьхуа занималось сбором информации о положении в Гонконге и на Тайване, устанавливало связи с разнообразными общественными организациями, представителями торговли и промышленности, деятелями профсоюзов и работниками образования. Одной из важнейших задач агентства было формирование многочисленной и влиятельной группы сторонников КНР в Гонконге (по некоторым данным, их численность достигает 30% населения).

¹⁴ Например, в 1984 г. американские власти обнаружили, что член правления нью-йоркского Азиатского банка («Ячжоу инхан»), бизнесмен и бывший гонконгский полицейский Чэнь Цычао руководил «бандой дьяволов» («гуйинбан»), занимавшейся распространением героина в США [118, с. 64—67].

¹⁵ Хуэйданы «большого кольца» постоянно поддерживали связь с преступным миром в КНР. Существует практика «отходничества», когда бандиты из Китая прибывают в Гонконг на несколько месяцев, получают от местной мафии подложные документы и довольствие, а также конкретные задания. По исполнению выручка делится из расчета: 40% шайке, 60% исполнителю (их называют «добровольцами»). После этого преступнику из КНР предоставляется выбор либо эмигрировать, либо возвращаться домой.

В печати появились сообщения об использовании преступниками китайской территории для доставки героина из «золотого треугольника» в Юго-Восточной Азии в Гонконг. Власти КНР все более обеспокоены ростом контрабанды, ввозом фальшивых гонконгских долларов на юге Китая. В данной связи было найдено целесообразным заключить соглашение о сотрудничестве между китайской и гонконгской криминальной полицией [321, 27.02.1981, 02.03.1985, 08.04.1985]. Примером успешной реализации этого соглашения может служить арест в августе 1986 г. в Куньмине группы контрабандистов из Гонконга и Таиланда, занимавшихся доставкой героина. Было конфисковано 22,768 кг героина [298, 14.01.1987]. В начале 1987 г. колониальные власти вернули КНР 413 предметов старины, незаконно вывезенных из Китая и задержанных гонконгской таможней [298, 07.01.1987].

Труды основоположников марксизма-ленинизма

1. Маркс К. История торговли опиумом.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 12.
2. Ленин В. И. Китайская война.— Полное собрание сочинений. Т. 4.

Документы и материалы

3. Архив внешней политики России. Фонд № 229. Консульство в Гонконге. 1857—1920.
4. История экономического развития Китая. 1840—1948. Сборник статистических материалов. М., 1958.
5. Синьхай гэмин (Синьхайская революция. Сборник материалов). Т. 1—8. Шанхай, 1957.
6. Сыма Лу. Чжунгун данши цзи вэньсянь сюаньцуй (История китайской компартии. Избранные материалы). Т. 3. Двицы гогун хэцзо (Первый союз компартии и Гоминьдана). Гонконг, 1975.
7. Сыма Лу. Чжунгун данши цзи вэньсянь сюаньцуй (История китайской компартии. Избранные материалы). Т. 6. Чжунгун чуци ды учжуан доучжэн (Вооруженная борьба КПК на начальном этапе). Гонконг, 1978.
8. Сянган юй Чжунго. Лиши вэньсянь цзыляо хуэйбянь (Гонконг и Китай. Избранные исторические материалы и документы). Т. 1. Гонконг, 1984.
9. Хуацяо цзинцзи няньцзянь, 1986 (Экономический ежегодник китайских эмигрантов). Тайбэй, 1985.
10. Чжунго сяньдайши цзыляо сюаньбянь (Избранные исторические материалы по новейшей истории Китая). Т. 3, 4. Харбин, 1981.
- 10а. Чжунго тунци няньцзянь. 1987 (Китайский статистический ежегодник за 1987 г.). Пекин, 1987.
- 10б. Чжунго тунци няньцзянь. 1988 (Китайский статистический ежегодник за 1988 г.). Пекин, 1988.
11. Чжунго цзиньдай гунъе цзыляо (Материалы по истории промышленности в Китае в новое время). Т. 2. Дигочжуи дуй Чжунго гункуан шиэ ды циньлюэ хэ лундуань (Империалистическая агрессия и монополизация промышленности и природных ресурсов Китая). Пекин, 1958.
12. Annual Report on Hong Kong for the Year 1931. L., 1932.
13. Annual Report on Hong Kong for the Year 1938. L., 1939.
14. Annual Report on Hong Kong for the Year 1948. L., 1949.
15. China Handbook. 1937—1945. NY., 1947.
16. China Yearbook. 1914. L., NY., 1914.
17. China Yearbook. 1921—1922. L., 1922.
18. Colonial Annual Reports. Hong Kong, 1946. L., 1948.
19. Colonial Annual Reports. Hong Kong, 1947. L., 1948.
20. Colonial Reports. Hong Kong, 1950. L., 1951.
21. Events in Hong Kong and the Far East. 1875—1884. Hong Kong, 1885.
22. Historical and Statistical Abstract of the Colony of Hong Kong. 1841—1930. Hong Kong, 1932.
23. Hong Kong. Annual Report, 1951. L., 1952.
24. Hong Kong. Annual Report, 1957. Hong Kong, 1958.
25. Hong Kong. Annual Report, 1958. Hong Kong, 1959.

26. Hong Kong. Annual Report, 1959. Hong Kong, 1960.
27. Hong Kong. Report for 1927. L., 1928.
28. Hong Kong. Report for the Year 1955. L., 1956.
29. Hong Kong. Report for the Year 1960. Hong Kong, 1961.
30. Hong Kong. Report for the Year 1962. Hong Kong, 1963.
31. Hong Kong. Report for the Year 1968. Hong Kong, 1969.
32. Hong Kong 1976. Report for the Year 1975. Hong Kong, 1976.
33. Hong Kong 1984. A Review of 1983. Hong Kong, 1984.
34. Hong Kong 1985. A Review of 1984. Hong Kong, 1985.
35. Hong Kong 1986. A Review of 1985. Hong Kong, 1986.
36. Hong Kong Statistics. 1947—1967. Hong Kong, 1967.
37. *Hsiao Lianglin*. China's Foreign Trade Statistics. 1864—1949. Cambridge, 1974.
38. Sino-British Joint Declaration on the Question of Hong Kong (Initialled Text). Beijing, 1984.

Литература

39. *Акатова Т. Н.* Сянган-гуанчжоуская (Гонконг-кантонская) забастовка. М., 1953.
40. *Арсеньева Г. И.* Современный Гонконг. М., 1968.
41. *Болдырев Б.* Займы как орудие закабаления Китая империалистическими державами. М., 1962.
42. *Вышеславцов А.* Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862.
43. *Го Можо.* Песнь о бушующей волне. М., 1962.
44. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. М., 1951.
45. *Гошкевич И.* Хонконг.—Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 3. СПб., 1857.
46. *Зарина Л. С., Лившиц С. Г.* Британский империализм в Китае (1891—1901 гг.). М., 1970.
47. *Каткова З. Д.* Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны. М., 1978.
48. *Коростовцев И.* Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896.
49. *Куколевский А. Г.* Гонконг в системе мировых экономических связей. М., 1972.
50. *Непомнин О. Е.* Социально-экономическая история Китая. 1894—1914. М., 1980.
51. *Непомнин О. Е.* Экономическая история Китая. 1864—1894 гг. М., 1974.
52. *Никифоров В. Н.* Первые китайские революционеры. М., 1980.
53. Рабочий Китай. М., 1926.
54. *Сладковский М. И.* Китай и Англия. М., 1980.
55. *А Цзянь.* Сюэсяо жухэ дуйкан хэйшэхуэй ды цаньто (Как школа борется с проникновением мафии).—Байсин. 1987, № 1.
56. *Ван Сюньжу.* Сянган цзяоцян мяньмянь гуань (Взгляд на образование в Гонконге).—Ганъао яньцзю. 1986, № 1—2.
57. *Ван Сюэчжуань.* Чжан Минчжи.—Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 2. Пекин, 1980.
58. *Ван Цзюло.* Дунцзун и е (Период партизанской борьбы в бассейне реки Дунцзян). Гуанчжоу, 1983.
59. *Вэнь Цян.* Сянган луньсянь цяньюоу ды цзаоюй (Встречи до и после падения Гонконга).—Гуанцзяоцзин. 1984, № 10.
60. *Гань Чжанцю.* Наньян цыцзинь чжэньхань Сянган (Капиталы из ЮВА сотрясают Гонконг).—Ган-Ао яньцзю. 1986, № 3—4.
61. *Гэ Гунчжэн.* Чжунго баосюэ ши (История газетного дела в Китае). Пекин, 1955.
62. *Да Шоу.* Вайцзы хуэй ликай Сянган ма? (Может ли иностранный капитал покинуть Гонконг?).—Сянган шэхуэй поуси (Анализ гонконгского общества). Т. 2. Гонконг, 1984.
63. *Дин Шэньцзунь.* Чэнь Цзюньмин.—Миньго жэньу чжуань (Биография деятелей республики). Т. 3. Пекин, 1983.

64. *Дин Ю [Ду Динъю]*. Сянган чуди шихуа (Ранняя история Гонконга). Пекин, 1983.
65. *Дэн Чжунся*. Шэнган багун чжунчжи чжунъин таньпань (Китайско-английские переговоры в ходе гонконг-гуанчжоуской забастовки). Гуанчжоу, 1926.
66. *Е Дэвэй* и др. Сянган луньсянь ши (История падения Гонконга). Гонконг, 1984.
67. *Жао Юйцин*. Сянган цзиньжун ды сяньчжуан юй чжаньван (Современное состояние и перспективы финансов Гонконга).—Ган-Ао яньцзю. 1986, № 3—4.
68. *Жэнь Усюн*. Юнь Дайин.—Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 5. Сиань, 1982.
69. *Кай Цзюнь*. Бао Юйган ды датуоцзы (Крупные капиталовложения Бао Юйгана).—Байсин. 1986, 1 августа.
70. *Кун Чжилэй*. Сянган цзаоци ды хоби яньбянь (История денег в раннем Гонконге).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 4. Гонконг, 1981.
71. *Ли Ишань*. Цзо Шунышэн.—Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 3. Пекин, 1983.
72. *Линь Хуаньпин*. Мао Дунь Сянган хэ Гуйлинь ды вэньсюэ чэнцзю (Литературная деятельность Мао Дуя в Гонконге и Гуйлине). Ханчжоу, 1982.
73. *Линь Хунай*. Чжан Тайлэй.—Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 4. Сиань, 1982.
74. *Линь Ци*. Хуажэнь хэйбан ходун чжэньдун Мэйго (Действия китайской мафии потрясли Америку).—Цзюши няньдай. 1984, № 12.
75. *Линь Шоухуань*. Саодун циишлу (Описание беспорядков).—Сянган шэхуэй поуси. Т. 1. Гонконг, 1984.
76. *Ли Фэй*. Сянган дуй Тайвань ды маои (Торговля Гонконга с Тайванем).—Ган-Ао яньцзю. 1986, № 3—4.
77. *Ли Цзюньцюань*. Игэ цаньцзя чжунго гэмин ды ингожэнь (Об одном англичанине, участвовавшем в китайской революции).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 6. Гонконг, 1984.
78. *Ли Цзянь* и др. Ян Паоань.—Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 4. Сиань, 1982.
79. *Ли Чжияо*. Сянган Ячжоу ды лянцзя лаогун шичан (Гонконг-азиатский рынок дешевой рабочей силы).—Сянган шэхуэй поуси (Анализ гонконгского общества). Т. 1. Гонконг, 1984.
80. *Ло Сянлин*. Гофу цзай Сянган чжи лиши ици (Памятные места в Гонконге, связанные с Отцом нации). Гонконг, 1971.
81. *Ло Шаочжи* и др. Цай Хэсэнь.—Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 6. Сиань, 1982.
82. *Лу Лин*. Айдао Ху Фэн тунчжи (Скорблю о товарище Ху Фэне).—Синьхуа вэньчжай. 1985, № 12.
83. *Лун Юнди*, *Лю Цзыцзянь*. Фан Фан.—Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 11. Сиань, 1983.
84. *Лу Сюэ*. Сянган яоу цзичи гэсэ ды чжэнчжи (Гонконгу нужна своя особая политика).—Чжэнмин. 1987, № 1.
85. *Лу Сюэ*. Сянган чжэнчжи сюй цзай куньцзюй чжун туйбянь (В трудных условиях гонконгская политика должна трансформироваться).—Чжэнмин. 1987, № 3.
86. *Лу Янь*. Байдонянь лай шэнган гуаньси фачжань шялюэ (Очерк истории отношений Гонконга с пров. Гуандун в течение более ста лет).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 3. Гонконг, 1981.
87. *Лу Янь*. Байнянь лай Сянган сянъянь сису яньгэ (Трансформация новгородных обычаев в Гонконге за сто лет).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 3. Гонконг, 1983.
88. *Лу Янь*. Башиньяньбянь ды сань вэй хуажэнь минлю цюйши (О заслуживающих внимания делах трех китайцев в Гонконге 80 лет назад).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 3. Гонконг, 1981.
89. *Лу Янь*. Бяньцзинь сяоцинь цзи фэйфа иминь чжэнцэ (Блокада границы

- и политика в отношении нелегальных эмигрантов).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 3. Гонконг, 1981.
90. *Лу Янь*. Дубо хэфахау шидай (Эпоха легализации азартных игр).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 2. Гонконг, 1981.
 91. *Лу Янь*. 1856 нянь Сянган ды «шиюэ» (Октябрь 1856 г. в Гонконге).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 2. Гонконг, 1981.
 92. *Лу Янь*. 1956 нянь Цюлун баодун шимо (Беспорядки в Цюлуне в 1956 г.).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 93. *Лу Янь*. Синьхай гэмин цянь Сунь Чжуншань сяньшэн цзай Ган-Ао ды ходун (Деятельность Сунь Ятсена в Гонконге и Макао до Синьхайской революции).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 94. *Лу Янь*. Сянган данцзяе цансан ши (История гонконгских ломбардов).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 4. Гонконг, 1981.
 95. *Лу Янь*. Сянган луньсянь юй Сянган чунгуан (Оккупация и освобождение Гонконга).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 96. *Лу Янь*. Сянган цзаоци ды цзяоюй мяньмао (Начальный этап развития образования в Гонконге).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 2. Гонконг, 1981.
 97. *Лу Янь*. Сянган цзаоци ды чжунъи дивэй (Положение китайской медицины в раннем Гонконге).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 3. Гонконг, 1981.
 98. *Лу Янь*. Сянган чанмэн цансан (Судьба гонконгских домов).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 2. Гонконг, 1981.
 99. *Лу Янь*. Сянган шишуй гуниш ши (История снабжения питьевой водой Гонконга).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 100. *Лу Янь*. Сянган шиэр гэ тунянь дашици (Выдающиеся события, произошедшие в двенадцать годов зайца в Гонконге).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 101. *Лу Янь*. Сянган шуйшоу шихуа (Об истории налогообложения в Гонконге).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 102. *Лу Янь*. Сянган няньчжунды фэнцзай ши (История стихийных бедствий в Гонконге).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 103. *Лу Янь*. Ушнисяньцань ды Сянган дабагун (Великая забастовка в Гонконге пятьдесят лет назад).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 104. *Лу Янь*. Цюгуан телу цзяньцзаоши (История строительства Цюлун—Гуанчжоуской железной дороги).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1. Гонконг, 1981.
 105. *Лу Янь*. Цинмо миньчу Сянган саньхэхуэй (Гонконгская «Триада» в конце правления династии Цин и в начале республики).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 10. Гонконг, 1985.
 106. *Лу Янь*. Цюйхуэй шихуа (История регионального совета).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 5. Гонконг, 1982.
 107. *Лу Янь*. Чжунган бяньцзе лянцы шэнцзе шихуа (История двух случаев делинеации китайско-гонконгской границы).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 5. Гонконг, 1983.
 108. *Лу Янь*. Шицзю шицзи баши няньдай ды Сянган (Гонконг в 80-е годы XIX в.).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге).— Т. 3. Гонконг, 1981.
 109. *Лэй Сяньгэ*. Чэнь Шаобо.— Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 3. Пекин, 1983.
 110. *Лю Вэй*. Бэйфа дао канчжань югуань Сянган чжуоюань цзяошэ шихуа (История дипломатических контактов по поводу суверенитета над Гонконгом в период от Северного похода и до начала антияпонской вой-

- ны).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 6. Гонконг, 1983.
111. Лю Вэй. Инцзюнь цинчжань Шэньчжэнь шихуа (История оккупации Шэньчжэня английскими войсками).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 6. Гонконг, 1983.
 112. Лю Вэй. Синьцзе шихуа (История «Новых территорий»).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 6. Гонконг, 1983.
 113. Лю Вэй. Усы юньдун цзай Сянган («Движение 4 мая» в Гонконге).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 6. Гонконг, 1983.
 114. Лю Вэй. Эрши шицзи чуци югуань Сянган цяньту ды ицы таньпань (О переговорах по поводу будущего Гонконга, состоявшихся в начале XX в.).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 6. Гонконг, 1983.
 115. Лю Хуэйцин. Сянган цаовэй ды циззянь (Разногласие в комитете по подготовке законов).—Чжэнмин. 1987, № 3.
 116. Ляо Баоцюань. Цяохуэй цзай Сянган шэхуэй бяньцянь чжун ды цзяось (Социальная роль миссионерских обществ в Гонконге).—Сянган вэйлай юй фаньчжун вэньти (Вопросы будущего и процветания Гонконга). Гонконг, 1983.
 117. Ляо гун цзай жэньцзянь (Сборник воспоминаний о Ляо Чэнчжи). Пекин, 1984.
 118. Май Кэлэй. Ши хуафу иньшан, хайши хэйдао тоуцзы? (Торговец из чайнатауна или главарь мафии?).—Цзюши няньдай. 1984, № 12.
 119. Му Синь. Цзоу Таофань.—Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 10. Сиань, 1983.
 120. Накадзима Минео. Хонкон (Гонконг). Токио, 1985.
 121. Са Кунляо. Сянган луньсянь жици (Дневник падения Гонконга). Пекин, 1985.
 122. Синьхай гэмин ши (История Синьхайской революции). Т. 1, 2. Пекин, 1980.
 123. Синьхай гэмин шици ды лиши жэньу (Исторические личности периода Синьхайской революции). Пекин, 1983.
 124. Сун Цинлин. Вэй синь Чжунго эр фэндоу (Борьтесь за новый Китай). Пекин, 1952.
 125. Сун Цинлин. Юнюань хэ дан цзайици (Навечно вместе с партией). Шанхай, 1983.
 126. Сунь Чжуншань. Цюаньци (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 1, 3, 7. Пекин, 1981—1984.
 127. Сюй Синьянь. Сюй Дишань.—Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 3. Пекин, 1983.
 128. Сюй Таочэн. Во со жэньши ды Ли Цзишэнь сяньшэн (Господин Ли Цзишэнь, каким я его знал).—Синьхуа вэньчжай. 1985, № 5.
 129. Сюй Шуньи. Воээн ды шидай ды и кэ цзюйсин (Великая звезда нашей эпохи).—Сун Цинлин цзиньяньци (Сборник воспоминаний о Сун Цинлине). Пекин, 1982.
 130. Сянган вэйлай юй фаньчжун вэньти (Вопросы будущего и процветания Гонконга). Гонконг, 1983.
 131. Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге).—Т. 1—10. Гонконг, 1981—1985.
 132. Сянган шэхуэй поуен (Анализ гонконгского общества). Т. 1, 2. Гонконг, 1984.
 133. Сянган юй ганжэнь чжиган (Гонконг и местное самоуправление). Гонконг, 1984.
 134. Ся Янь. Ляо Чэнчжи цзай Сянган (Ляо Чэнчжи в Гонконге).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 7. Гонконг, 1984.
 135. Ся Янь. Цзиньянь Пань Ханьнянь тунчжи (В память о товарище Пань Ханьняне).—Синьхуа вэньчжай. 1983, № 1.
 136. Тань Лянчи. Сянган цзаоци ды цзинци фацжань (Начальный этап экономического развития Гонконга).—Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 4. Гонконг, 1981.

137. *Тан Юй*. Айсы хэ цзиньянь (Скорбные мысли и воспоминания [о Пань Ханьянле и Дун Хуэй]).— Синьхуа вэньчжай. 1983, № 4.
138. *Та Цяньхун*. Линь Вэйминь.— Чжунгун данши жэньбу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 6. Сиань, 1982.
139. *Та Цяньхун*. Су Чжаочжэн.— Чжунгун данши жэньбу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 3. Сиань, 1981.
140. *У Вэньсинь*. Сянганхуэй 137 нянь цансан ши (О судьбе Гонконгского клуба за 137 лет).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 7. Гонконг, 1984.
141. *У Жэнь*. Бэйцзин и вэньцао шэнцзюй (Пекин готовится к победе).— Чжэнминь. 1987, № 3.
142. *У Сикан*. Сянган гунхуэй цзучжи дэ лилян (Силы гонконгских профсоюзов).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 2. Гонконг, 1984.
143. *У Сикан*. Сянган гунхуэй юй гунжэнь юньдун (Гонконгские профсоюзы и рабочее движение).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 1. Гонконг, 1984.
144. *У Чжисюй*. «Цзыюань вэйюаньхуэй» цзай Сянган ды ичан чжэнфэн чжаньчжэн (Ожесточенное сражение Комитета по ресурсам в Гонконге).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 5. Гонконг, 1983.
145. *У Юнмин*. Дигочжуи цзай цзю Чжунго ды тоуцзы (Империалистическое капиталовложение в старом Китае). Пекин, 1956.
146. *Фань Байчуань*. Чжунго луньчуань ханъюнье ды синци (Возникновение паромного транспорта в Китае). Чэнду, 1985.
147. *Фэн Фандай*. И Цю Гуаньхуа (Воспоминания о Цю Гуаньхуа).— Синьхуа вэньчжай. 1986, № 2.
148. *Хуан Гоцюань*. Гайшань бэньган иляо чжиду ды цзяньшэ (Деятельность по улучшению системы здравоохранения в Гонконге).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 2. Гонконг, 1984.
149. *Хуан Дао*. Куаго шидай ды Сянган хэйшэхуэй (Гонконгская мафия в период интернационализации).— Цзюшиньяндай. 1984, № 12.
150. *Хуан Дэшао*, Чжао Шэн.— Миньго жэньбу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 2. Пекин, 1980.
151. *Хуан Сыци*. Сянган лю е ды цзинцзисюэ (Экономика туризма в Гонконге).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 2. Гонконг, 1984.
152. *Хуан Сыци*. Фэйгуаньшоу юань цун нали лай? (Откуда берутся неофициальные члены законодательного и административного советов?).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 1. Гонконг, 1984.
153. *Хуан Сыци*. Цзюя юба дэ цзугуань чжэнцэ (Ковыляющая политика ограничения квартирной платы).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 1. Гонконг, 1984.
154. *Хуан Сыци*. Чжунган цзинци гуаньси дэ хуэйгу юй фачжань (Прошлое и будущее экономических отношений Китая с Гонконгом).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 2. Гонконг, 1984.
155. *Хуан Сюйдун*. Сянган жэнши чжидэ тоуцзы ди (В Гонконге по-прежнему стоит делать капиталовложения).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 2. Гонконг, 1984.
156. *Хуан Цзян*. Сянган синьвэнь шиэ гайхуан (Положение в информационном бизнесе Гонконга).— Гань-Ао яньцзю. 1986, № 3—4.
157. *Хуан Цзян*. Цзюэци чжунды «цзюэци» туаньти (Группировки «1997 г.» на подъеме).— Сянган вэйлай юй фаньжуи вэньти (Вопросы будущего и процветания Гонконга). Гонконг, 1983.
158. *Хуан Шоучу*. Гуиъюнь вэйхэ бу пэнбо? (Почему не развито рабочее движение?).— Сянган шэхуэй поуци (Анализ гонконгского общества). Т. 2. Гонконг, 1984.
159. *Хуэйи юй хуайнянь*. Цзиньянь гэмин лаожэнь Хэ Сяннин шиши шичжоуянь (Воспоминания, посвященные памяти старой революционерки Хэ Сяннин. К десятилетию со дня смерти). Пекин, 1982.
160. *Хэ Ли*. Юдэ дэ шэнцзянь сыхоу (До и после смерти Юда).— Цзюшиньяндай. 1987, № 1.

161. *Хэ Юйсянь*. Чжунцзы фачжань сюньсу, цзай ган цзюцзу цинчжун (Воздействие быстрого развития китайского капитала на ситуацию в Гонконге).— Байсин. 1987, 1 января.
162. *Цай Тинкай*. Цзычжуань (Автобиография). Харбин, 1982.
163. *Цзин Пучунь*. Чэнчжи хэ во (Ляо Чэнчжи и я).— Синьхуа вэньчжай. 1983, № 11.
164. *Цзи Хуэй*. Саньши няньлай Сянган вэньтань ды фачжань (Развитие гонконгской литературы за тридцать лет).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 8. Гонконг, 1985.
165. Цзоу Таофэнь няньлу (Хроника жизни Цзоу Таофэня). Шанхай, 1982.
166. *Цзы Юй*. Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 1—3. Гонконг, 1984.
167. *Цзэн Куньхуа*. Чжунго телу ши (История железных дорог Китая). [Б. м.], 1924.— Цзиньдай Чжунго шиляо цункань (Серия исторических материалов по Китаю в новое время). Сб. 98, вып. 973. Тайбэй, 1966—1973.
168. *Цзэн Чжунжун*. Хуэйфэн есю гэншан ицзелоу? (Сможет ли банк Хуэйфэн подняться на еще более высокий уровень?).— Байсин. 1986, 1 апреля.
169. *Цзэн Чжунжун*. Чжун, Ин, Ган чжицзянь дэ синь худун гуанься (Новое в отношениях между Китаем, Англией и Гонконгом).— Байсин, 1987, 1 января.
170. *Цзэн Чжунжун, Цю Ци*. Чжунцзы дапо чуаньтун, фачжань доюань цзинни (Китайский капитал ломает традиции, развивает плюрализм в управлении).— Байсин. 1987, 1 января.
171. *Цзян Шаочжэнь*. Цянь Синьчжи.— Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 3. Пекин, 1983.
172. *Цзян Шаочжэнь*. Ли Мин.— Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 2. Пекин, 1980.
173. *Ци Шуфэнь*. Цзинцзи цинлюэ ся чжи Чжунго (Экономическая агрессия в Китае). Шанхай, 1925.
174. *Цю Ци*. Чжунцзы цитуань шифоу энэн «дяньте чэнцинь» (Способны ли китайские корпорации «переплавлять железо в золото?»).— Байсин. 1987, 1 января.
175. *Цянь Чжигуан*. Цзесун миньчжу жэньши цзинь цзефанцюй, цаньцзя синь чжэне дэ хуэйи (Воспоминания о переправке демократических деятелей в освобожденные районы для участия в новой политической консультативной конференции).— Синьхуа вэньчжай. 1983, № 10.
176. *Чжан Цзэфэн*. Гунчаньдан юй бэньди чжэдан чжэнчжи (Компартия и местная партийная политика).— Байсин. 1986, 16 июня.
177. *Чжан Чжаоцин* и др. Линь Цзяньюнь.— Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 13. Сиань, 1984.
178. *Чжан Юзай*. Сянган. 1841—1980.— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 4. Гонконг, 1983.
179. *Чжоу Баолуань*. Чжунхуа иньхан ши (История китайских банков).— Цзиньдай Чжунго шиляо цункань (Серия исторических материалов по Китаю в новое время). Сб. 88, вып. 875. Тайбэй, 1966—1973.
180. *Чжоу Тяньду*. Шэнь Цзюньжу.— Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 2. Пекин, 1980.
181. *Чжоу Эньлай*. Тунъи чжаньсянь вэньсюань (Избранные статьи о едином фронте). Пекин, 1984.
182. Чжунго гунчаньдан лиши цзяньи (Лекции по истории КПК). Харбин, 1981.
183. Чжунго синьминьчжучжун гэмин ши. Вэйдады кайдуань. 1919—1923 (История новодемократической революции в Китае. Великое начало). Пекин, 1983.
184. Чжунго сяньдай ши (Новейшая история Китая). Т. 1. Пекин, 1983.
185. Чжунго чжигундан чжунъю линьдаожэнь чжуаньлюэ (Краткие биографии основных руководителей Китайской партии справедливости).— Жэньу. 1986, № 1.
186. *Чжэн Дэлян*. Сяндай Сянган цзинцзи (Современная экономика Гонконга). Пекин, 1982.

187. *Чэнь Ифань*. Мэйго хуажэнь фачжаньши (История китайцев в США). Гонконг, 1984.
188. *Чэнь Цзянь*. Ся Янь дэ шэнхо хэ вэньсюэ даолу (Жизнь Ся Яня и его путь в литературе). Ханчжоу, 1984.
189. *Чэнь Чжимин, Чэнь Шэнъяо*. Сянган цзинци дэ фачжань цяньцзин (Перспективы развития экономики Гонконга).— Ган-Ао яньцзю. 1986, № 3—4.
190. *Чэнь Чжунъюй*. Чжэгэ цзюйжэнь ю дода? Сянган чжунцзы цзюгоу и нянь лай дэ фачжань цзи вэньти (Чем обладает этот гигант? Развитие и проблемы китайского капитала в Гонконге за прошедший год).— Чжэньмин. 1987, № 2.
191. *Чэнь Шаоцзюань*. Шэй чжу далу синьминь шин Сянган хуанъцзин? (Кто помогает эмигрантам с материка адаптироваться в гонконгских условиях?).— Байсин. 1986, 1 сентября.
192. *Шао Сяньшу*. Лун Юнь.— Миньго жэньу чжуань (Биографии деятелей республики). Т. 3. Пекин, 1983.
193. *Ши Лян*. Во дэ чжэнчжи жэнхо (Моя жизнь в политике).— Цзунхэн. 1985, № 1—3.
194. *Шэнь Цзуй, Вэнь Цян*. Дай Ли цижэнь (Дай Ли и окружение). Пекин, 1984.
195. *Юань Банцзянь*. Тань Пиншань лиши шан цизгэ вэньти дэ таньтао (О некоторых вопросах биографии Тань Пиншаня).— Цзиньдай Чжунго жэньу (Исторические деятели Китая в новое время). Чунцин, 1983.
196. *Юань Банцзянь*. Юань Сяосянь.— Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 1. Сиань, 1980.
197. *Юй Суюнь*. Дабагун юй Сянган цзаоци дяньин (Великая забастовка и молодое гонконгское кино).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 7. Гонконг, 1984.
198. *Юй Теминь*. Цзюэхуэй жэньши хуэйин «цзюци» дэ сычжун чжиду (Четыре отклики миссионеров на вызов 1997 г.).— Сянган вэйлай юй фальжун вэньти (Вопросы будущего и процветания Гонконга). Гонконг, 1983.
199. *Ян Госюн*. Сянган «Майшэнь ши» (Об изданной в Гонконге книге «История торговли людьми»).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 10. Гонконг, 1985.
200. *Ян Госюн*. Сянган цзаоци дэ байхо гунсы ши цзэнъяндэ (Какими были первые гонконгские универмаги).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 7. Гонконг, 1984.
201. *Ян Госюн*. «Сянган цзаоци» — Сянган ди и бу югуань Сянган дэ чжунвэнь чжуаньшу («Заметки о Гонконге» — первая специальная книга о Гонконге на китайском языке).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 9. Гонконг, 1985.
202. *Ян Госюн*. Сянган чжаньянь дэ сянцизу каньу — Уи, Чжуншань бянь (Довоенные земляческие и клановые публикации в Гонконге — раздел об области Уи и уезде Чжуншань).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 8. Гонконг, 1985.
203. *Ян Госюн*. Сянган чунгуан цяньды гунхуэй (Профсоюзные издания в Гонконге до 1945 г.).— Гуанцзяоцин. 1984, № 7.
204. *Ян Госюн*. Чжаньянь дэ сянцизу каньу (Довоенные земляческие издания).— Гуанцзяоцин. 1984, № 9.
205. *Ян Госюн*. Чжаньянь дэ сянцизу каньу — чао, кэ, минь бянь (Довоенные земляческие периодические издания — раздел о Чаочжоу, хакка, выходцах из Фуцзяни).— Гуанцзяоцин. 1984, № 10.
206. Янмуци цихуа яочжэ нэйцин (Подробности о провале плана Янга).— Сянган чжангу (Исторические рассказы о Гонконге). Т. 8. Гонконг, 1985.
207. *Ян Сэнь*. Шэхуэй чжэнцэ юй шэхуэй юньдун (Социальная политика и общественные движения). Гонконг, 1983.
208. *Ян Тяньшоу, Ли Цзиншань*. Тяньцзинь Дунъя гунсы юй Сун Фэйцин (Тяньцзиньская компания «Дунъя» и Сун Фэйцин).— Гуншан цзыляо (Материалы по торговле и промышленности). Вып. 2. Пекин, 1981.
209. *Ян Шилань* и др. Дэн Фа.— Чжунгун данши жэньу чжуань (Биографии деятелей КПК). Т. 1. Сиань, 1980.

210. *Agassi J.* Structure and Social Stratification in Hong Kong.— Hong Kong: a Society in Transition. NY., 1969.
211. *Agassi J.* Housing the Needy.— Hong Kong: a Society in Transition. NY., 1969.
212. *Allen G. C., Donnithorne A. G.* Western Enterprise in Far Eastern Economic Development. L., 1954.
213. *Arlington L. C.* Through the Dragon's Eyes. Fifty Years' Experience of a Foreigner in the Chinese Government Service. L., 1934.
214. *Beeching J.* The Chinese Opium Wars. L., 1975.
215. *Beresford Ch.* The Break-up of China (with an Account of Its Present Commerce, Currency, Waterways, Armies, Railways, Politics and Future Prospects). L.— NY., 1899.
216. Biographical Dictionary of Republican China. Vol. 1—4. Ed. by H. L. Boorman. NY., 1968—1971.
217. *Bresler F.* The Chinese Mafia. NY., 1980.
218. *Burns J. P.* Emigration from China and the Future of Hong Kong. Berkeley, 1985.
219. *Cameron N.* Hong Kong. The Cultured Pearl, Hong Kong, 1978.
220. *Carew T.* Fall of Hong Kong. L., 1961.
221. China and Hong Kong. The Economic Nexus. Ed. by A. J. Youngson. Hong Kong, 1983.
222. *Ching F.* Hong Kong and China. For Better or for Worse. NY., 1985.
223. *Chiu Hungdah.* The Hong Kong Agreement and American Foreign Policy. Baltimore, 1986.
224. *Chiu T. N.* Port of Hong Kong. A Survey of Its Development. Hong Kong, 1973.
225. *Choi C. Y., Chan Y. K.* Housing Development and Housing Policy in Hong Kong.— Hong Kong. Economic, Social and Political Studies in Development. White Plains, 1979.
226. *Churchill W.* The Grand Alliance. NY., 1950.
227. *Cochran Sh.* Big Business in China. Sino-Foreign Rivalry in the Cigarette Industry. 1899—1930. Cambridge, 1980.
228. *Collis M.* Wayfoong. The Hong Kong and Shanghai Banking Corporation. A Study of East Asia's Transformation, Political, Financial and Economic, During the Last Hundred Years. L., 1965.
229. *Couling S.* The Encyclopaedia Sinica. Shanghai, 1917.
230. *Crisswell C. N.* The Taipans, Hong Kong's Merchant Princes. Hong Kong, 1981.
231. *Curson G. N.* Problems in the Far East. L., 1894.
232. *Eitel E. J.* Europe in China. The History of Hong Kong from the Beginning to the Year 1882. London — Hong Kong, 1895.
233. *Endacott G. B.* Government and People in Hong Kong. A Constitutional History. Hong Kong, 1964.
234. *Endacott G. B.* A History of Hong Kong. Hong Kong, 1964.
235. *England J.* Industrial Relations in Hong Kong.— Hong Kong. The Industrial Colony, Hong Kong, 1971.
236. *England J., Rear J.* Industrial Relations in Hong Kong. Oxford, 1981.
237. *Fairbank J. K.* Trade and Diplomacy on the China Coast. The Opening of the Treaty Ports. 1842—1854. Cambridge, 1953.
238. *Ferguson T.* Desperate Siege: the Battle of Hong Kong. Toronto, 1980.
239. *Friedman I. S.* British Relations With China. 1931—1939. NY., 1940.
240. *Googstadt L. F.* Urban Housing in Hong Kong (1945—1963).— Hong Kong: a Society in Transition. NY., 1969.
241. *Goodwin R.* Passport to Eternity. L., 1956.
242. *Hahn E.* Hong Kong Holiday. NY., 1946.
243. Hong Kong. Economic, Social and Political Studies in Development (with a Comprehensive Bibliography). Ed. by Lin Tzong-biau, R. P. L. Lee, U.-E. Simonis. White Plains, 1979.
244. Hong Kong. The Industrial Colony. Ed. by K. Hopkins. Hong Kong, 1971.
245. Hong Kong: a Society in Transition. Ed. by I. C. Jarvie, J. Aggassi. NY., 1969.

246. *Hou Chi-ming*. Foreign Investment and Economic Development in China. 1840—1937. Cambridge, 1965.
247. *Hurley R. C.* The Tourists' Guide to Hong Kong with Short Trips to the Mainland of China. Hong Kong, 1897.
248. [*Ismay H.*] The Memoirs of General Lord Ismay. NY., 1960.
249. *Jarvie I. C.* Window on Hong Kong. A Sociological Study of the Hong Kong Film Industry and Its Audience. Hong Kong, 1977.
250. *Jarvie I. C.* A Postscript on Riots and the Future of Hong Kong.— Hong Kong: a Society in Transition. NY., 1969.
251. *King A. Y. C., Man P. I. L.* Small Factory in Economic Development: the Case of Hong Kong.— Hong Kong. Economic, Social and Political Studies in Development. White Plains, 1979.
252. *Kuan Hsiu-chi.* Political Stability and Change in Hong Kong.— Hong Kong. Economic, Social and Political Studies in Development. White Plains, 1979.
253. *Lan A., Hu B.* We Flee from Hong Kong. Toronto, NY., 1944.
254. *Lau Siu-kai.* Society and Politics in Hong Kong. Hong Kong, 1984.
255. *Le Feavour E.* Western Enterprise in Late Ching China. A Selective Survey of Jardine, Matheson and Company's Operations. 1842—1895. Cambridge, 1968.
256. *Leithbridge H. J.* Hong Kong: Stability and Change. A Collection of Essays. Hong Kong, 1978.
257. *Li L. M.* China's Silk Trade. Traditional Industry in the Modern World. 1842—1937. Cambridge, 1981.
258. *Lim Mah Hui, Teoh Kit Fong.* Singapore Corporations Go Transnational.— Journal of South East Asian Studies. 1986, vol. 17, № 2.
259. *Lin Tzong-biau, Lin Mei-chiang.* Exports and Employment in Hong Kong.— Hong Kong. Economic, Social and Political Studies in Development. White Plains, 1979.
260. *Li Shufan.* Hong Kong Surgeon. NY., 1964.
261. *Lo Hsiang-lin (et al.).* Hong Kong and Its External Communications before 1842. The History of Hong Kong Prior to British Arrival. Hong Kong, 1963.
262. *Lo Hsiang-lin.* The Role of Hong Kong in the Cultural Interchange between East and West. Vol. 1. Tokyo, 1963.
263. *Luff J.* The Hidden Years. Hong Kong 1941—1945. Hong Kong, 1967.
264. *Mackenzie C.* Eastern Epic. Vol. 1. L., 1951.
265. *McLachlan R.* Hong Kong at the Crossroads. Political Developments in Hong Kong since the Joint Declaration (September 1984). Canberra, 1986.
266. *Mills A.* British Rule in East Asia. NY., 1940.
267. *Morgan F.* Triad Societies in Hong Kong. Hong Kong, 1960.
268. *Mui Tsai* in Hong Kong and Malaya. L., 1937.
269. *Mun Kin-chok, Ho Suk-shing.* Foreign Investment in Hong Kong.— Hong Kong. Economic, Social and Political Studies in Development. White Plains, 1979.
270. *Nthenda L.* Recent Trends in Government and Industry in Hong Kong.— Hong Kong. Economic, Social and Political Studies in Development. White Plains, 1979.
271. *Overlack T. W.* Foreign Financial Control in China, NY., 1919.
272. *Pennell W.* History of the Hong Kong General Chamber of Commerce. 1861—1961. Hong Kong, 1961.
273. *Pope-Hennessy J.* Half-crown Colony. A Historical Profile of Hong Kong. Boston, Toronto, 1969.
274. *Potter J. M.* Capitalism and the Chinese Peasant. Social Economic Changes in a Hong Kong Village. Berkeley, 1968.
275. *Rabushka A.* The Changing Face of Hong Kong. New Departures in Public Policy. Washington, Stanford, 1973.
276. *Rear J.* The Law of the Constitution.— Hong Kong. The Industrial Colony. Hong Kong, 1971.
277. *Rear J.* One Brand Politics.— Hong Kong. The Industrial Colony. Hong Kong, 1971.

278. *A Retrospect of Political and Commercial Affairs in China and Japan during the Five Years. 1873—1877.* Shanghai, 1878.
279. *Roy A. T. On Asia's Rim.* NY., 1962.
280. *Sargent A. J. Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy (Mainly in the Nineteenth Century).* Oxford, 1907.
281. *Sayer G. R. Hong Kong. Birth, Adolescence and Coming of Age.* L., 1937.
282. *Smith C. A. M. The British in China and Far Eastern Trade.* L., 1920.
283. *Szczepanik E. F. Problems of Macro-economic Programming in Hong Kong.— Hong Kong: a Society in Transition.* NY., 1969.
284. *Thomas S. C. Foreign Intervention and China's Industrial Development. 1870—1911.* Boulder, London, 1984.
285. *Topley M. The Role of Savings and Wealth among Hong Kong Chinese.— Hong Kong. A Society in Transition.* NY., 1969.
286. *University of Hong Kong. The First 50 Years. 1911—1961.* Ed. by B. Harrison. Hong Kong, 1962.
287. *Ward R. S. Asia for Asiatics. The Techniques of Japanese Occupation.* Chicago, 1945.
288. *Wesley-Smith P. Unequal Treaty. 1898—1997. China, Great Britain and Hong Kong's New Territories.* Hong Kong, 1980.
289. *Whisson M. G. Some Sociological Aspects of the Illegal Use of Narcotics in Hong Kong.— Hong Kong: a Society in Transition.* NY., 1969.
290. *Woodcock G. The British in the Far East.* L., 1969.

Периодика

291. Известия.
292. Байсин (Гонконг).
293. Вэньхуэй бао (Гонконг).
294. Вэньчжай бао (Пекин).
295. Ган-Ао яньцзю (Гуанчжоу).
296. Гуанцзяоцзин (Гонконг).
297. Дунфан жибао (Гонконг).
298. Жэньминь жибао (Пекин).
299. Жэньминь чжэнсебао (Пекин).
300. Жэнью (Пекин).
301. Мин бао (Гонконг).
302. Минбао юэкань (Гонконг).
303. Мэйжи дайцзин цзяньсюнь (Гонконг).
304. Синдао жибао (Гонконг).
305. Синьбао (Известия) (Гонконг).
306. Синьбао (Новости) (Гонконг).
307. Синьбао юэкань (Гонконг).
308. Синьвань бао (Гонконг).
309. Синьвэнь цзичжэ (Пекин).
310. Синьхуа вэньчжай (Пекин).
311. Туаньцзе баньюэкань (Гонконг).
312. Туаньцзе бао (Пекин).
313. Хуацяо жибао (Гонконг).
314. Цайцзин жибао (Гонконг).
315. Цзунхэн (Пекин).
316. Цзыляо сюаньцзи (Гонконг).
317. Цзюши няндай (Гонконг).
318. Чжэнмин (Гонконг).
319. Шэхуэй кэсюэ данькао (Синин).
320. Asiaweek (Hong Kong).
321. China Daily (Beijing).
322. Far Eastern Economic Review (Hong Kong).
323. Hong Kong Daily Press.
324. Hong Kong Standard.
325. Hong Kong Weekly Press and China Overland Trade Report.
326. South China Morning Post (Hong Kong).
327. Ta Kung Pao (Hong Kong).

- Авксентьев 104
 Агинальдо 44
 Акатова Т. Н. 89
 Алькок 55, 57
 Амхерст 11
 Ань Цзыцзе 217, 219
 Аргунов 104
 Аренгейм 244
 Арлингтон Л. 56
 Арсеньева Г. И. 4
- Ба Цао 180
 Бай Чунси 113, 247
 Бакстер А. 61
 Бальфур А. 100
 Бао Юйган 167, 168, 217, 250
 Белл-Ирвинг Дж. 21
 Бересфорд Ч. 59
 Блейк Г. 18, 44, 45
 Бологовский К. 101
 Боуринг Дж. 13, 14, 233
 Бреслер Ф. 224
 Бу Шаофу 218, 227
- Ван Гуанин 194
 Ван Жифэн 222
 Ван Куан 221
 Ван Куанчэн 219, 250
 Ван Синьхэн 116
 Ван Тао 40
 Ван Ханьбинь 217
 Ван Цзинвэй 90, 114, 115, 116, 118, 137
 Ван Цзояо 118, 246
 Ван Чжэнтин 101, 151
 Ван Шаоао 148
 Ван Яцяо 116
 Веллингтонский, герцог 239
 Во У. де 233
 Вышеславцов А. 15, 24, 48, 237
 Вэй Юй 22
 Вэнь Сунжань 215
 Вэнь Цауншань 9
- Гагарин 244
 Гаффам Ф. 30
 Гитлер 122
 Го Бинь 116
 Го Лэ 240
 Го Можо 112, 116, 149, 150
 Го Цзе 132
 Го Чжицюань 219
- Го Шунь 240
 Го Ясян 53
 Голль Ш. де 119
 Гончаров А. И. 49, 234
 Гошкевич И. 54, 237
 Грассет Э. 119, 120
 Гро, барон 15
 Грэй 126
 Грэнтем А. 138, 178, 186, 187
 Гу Вэйцзюнь 99
 Гу Шуньчжан 98
 Гу Юньшань 34
 Гуань Синьянь 237
 Гэ Баоцюань 118, 125, 246
 Гэ Гунчжэн 31
 Гэ Чжаохуан 182, 246
 Гэнах 236
- Дай Ли (Дай Юйнуи) 116
 Дай Тянь 180
 Деникин А. 104
 Джардин Д. 20
 Джимсон Ф. 135
 Джордан Дж. 99
 Ди Фань 186
 Диккенс Ч. 239
 Дин Цун 115
 Ду Динъю 4
 Ду Юэшэн 73, 115, 116, 151, 181
 Ду Ябао 236
 Дуань Муцин 152
 Дун Чжунвэй 126
 Дункан Р. 30
 Дэвис Дж. 23, 51, 235, 237
 Дэн Бэньинь 93
 Дэн Вэйтан 242
 Дэн Вэньцзянь 118
 Дэн Жэньсюэ 81
 Дэн Сяопин 197, 226—228, 230, 249, 251
 Дэн Фа 90, 98, 244
 Дэн Чжунся 90, 93, 244
 Дэн Чуминь 150
 Дэн Ясу 27
- Е Гунчао 144
 Е Ицюань 246
 Е Лянтао (Лу Янь) 4
 Е Миншэн 14, 15, 16
 Е Сы 180
 Е Сяшэн 81
 Е Тин 97, 112

Е Фэн 223
Е Цзяньин 97, 152
Е Цяньюй 115
Жуй Муцин 186
Жун Ижэнь 217
Жун Хун 45, 46, 236
Зензипов 104
И Цзюньцзо 152, 186
И Шу 180
Инь Линьпин 151
Ито Такео 127
Каддури 219
Калюкин А. 244
Кан Ювэй 41, 43
Каннингэм А. 46
Кантли Дж. 41
Карцев 104
Кейн 15
Керенский А. 103
Керзон Дж. 54
Керр 114
Кесуик У. 61
Кимура 124
Киода Сигэру 247
Клемансо 99
Клементи С. 94, 100
Колдуэлл 15, 235
Колчак 104, 105
Конфуций 82, 236
Коуэн Т. 43
Криссуэлл К. 239
Крупенский 105
Куан Гуанцзе 217, 220
Кузьминский 244
Куколевский К. 4
Кун Сянси 116, 246
Купер 66
Кэ Цзайшо 200, 217
Кэрю Т. 123
Лай Ман Яу 184
Лай Чжун 28
Лапрейк Д. 66, 239
Лау Титшин 129
Легг Дж. 30, 38, 236, 237
Лехлер Р. 236
Ли Баосян 81
Ли Бинхун 115
Ли Вэйлин 152
Ли Гобао 217
Ли Куйци 9
Ли Лисань 98
Ли Минь 151
Ли Миньсинь 150
Ли Мо 180
Ли Пэнфэй 215
Ли Синь 53
Ли Со 152, 186

Ли Сюэсюнь 44
Ли Фушань 217
Ли Фушу 167
Ли Хайюнь 81
Ли Хоу 217
Ли Хунчжан 18, 44, 67
Ли Цзиган 43, 45
Ли Цзишэнь 113, 148—150, 247
Ли Цзунжэнь 113
Ли Цзэфэн 129, 133, 240
Ли Цзычжун 46
Ли Цзюйшэн 223
Ли Цзячэн 167
Ли Цилин 219
Ли Чжунчжуан 242
Ли Чоувэнь 222
Ли Чун 221
Ли Шуфань 129
Ли Шэн 43, 69
Линь Вэйминь 85, 88
Линь Линь 118
Линь Пин 118, 147
Линь Цзэсюй 11
Линь Цзянюнь 98
Линь Яньни 181
Ло Дэчэн 221
Ло Сюйхэ 129, 240
Ло Сянлин 3
Ло Шаокэй 34
Лоусон Ю. 229
Лу Гуанькан 34
Лу Дунцзю 14, 234
Лу Жэньчжоу 81
Лу Пин 217, 219
Лу Синь 115
Лу Сэнь 186
Лу Цзюэшэн 81
Лу Янь (Е Лянтао) 27, 33
Лузатти А. 69
Луй Лок 184
Лун Юнь 148, 247
Лэмбури Дж. 210
Лю Ботао 38
Лю Сыму 114, 149
Лю Фа 185
Лю Фан 245
Лю Хэйцзы 132
Лю Циши 180
Лю Цюн 186
Лю Чжэньхуань 88
Лю Шаоши 113
Лю Шя 113
Лю Яцзы 148, 150
Лян Вэйлин 221
Лян Гуань 117, 150
Лян Цячао 43
Лян Шанвань 223
Лянь Моу 116
Ляо Моша 125
Ляо Хуэй 217, 223
Ляо Чжункай 90, 93, 112, 241, 246

- Ляо Чэнчжи 112, 114, 117, 118, 124,
 125, 127, 222, 223
 Ляо Яочжу 217, 218
- Ма Голян 118, 186
 Ма Иньчу 150
 Ма Лан 152
 Ма Сикью 184
 Ма Сюйлунь 148, 150
 Макдональд К. 17, 234
 Каклехоуз М. 197
 Маньяк Ч. 57
 Мао Дунь 114, 117, 149, 150, 246
 Мао Цзэдун 150, 189
 Мао Цзюньнянь 218, 222
 Мао Чаншоу 14
 Масаити Миими 127
 Меттерних 239
 Минь Сунгуй 9
 Моди Х. 40
 Моррисон Дж. 30
 Моррисон Р. 30
 Мужун Юйцзюнь 180
 Мэдхерст 236
 Мэй Ланьфан 129, 245
 Мэлтби Ч. 128, 131
 Мэнцзы 82
 Мэрроу 35
- Набоков 104
 Нам Конг 184
 Непомнин О. Е. 64, 67, 238
 Никифоров В. Н. 42
 Нома 247
 Норткот Дж. 119
 Нэпир 11
- Оуян Юйцянь 245
- Пальмерстон 12
 Пань Гохуа 136
 Пань Ханьнянь 114, 150
 Поллак Г. 80
 Поттингер Г. 12, 13, 30, 48, 51
 Поуп-Хеншесса Дж. 23, 38, 234
 Путилов А. 102
 Путятин Е. 101, 233
 Пэн Цзэминь 113, 150
 Пэн Чжэнь 198
 Пэн Чжэньхай 215
 Пэн Шучжи 149
- Растомджи Дж. 32
 Рейд Г. 43
 Рейд 131
 Рейден Г. 31
 Робертсон 55
 Робинсон У. 29, 233, 234
 Розарио М. 30
 Рузвельт Ф. 135
 Ренсукэ Исогаи 129, 247
- Са Кунляо 114, 122
 Сазерленд Т. 66
 Сайкс У. 57
 Сакаи 126, 127
 Се Инбо 46
 Се Цзуаньтай 42, 43, 45, 46
 Седзи 247
 Сергеев Ф. (Арте́м) 103
 Си Пэйлин 185
 Си Си 180
 Смит Дж. 13, 37
 Стаббс Р. 82, 93, 94
 Стирлинг 14
 Стэйли 51
 Су Чжаочжэн 85, 88, 90, 92, 97
 Суайр Дж. 239
 Судзуки 124
 Суп Айлин 116, 124
 Сун Мэйлин 116, 124
 Сун Цзывэнь 73, 112, 116, 144, 147,
 148
 Сун Цзылян 73
 Суп Цинлин 112, 113, 122, 124, 148
 Сун Чжиди 118, 125
 Сунь Яньхэн 201
 Сунь Ятсен 33, 41—46, 81, 83, 100,
 112, 116, 122, 124, 129, 234, 237,
 241, 244
 Су Чжаочжэн 85, 88, 90, 92, 97
 Сы Го 152, 186
 Сыма Вэньсэнь 186
 Сыма Чанфэн 181, 186
 Сыту Мэйтан 124, 149
 Сыту Хуа 217, 218
 Сычев 104
 Сэссун Ф. 22
 Сюй Босинь 148
 Сюй Босюн 180
 Сюй Гуанпин 150
 Сюй Дисинь 151
 Сюй Дишань 115
 Сюй Таочэн 149
 Сюй Су 152, 186
 Сюй Цятунь 213, 217, 218, 221, 222,
 251
 Сюнь Кэу 93
 Ся Янь 118, 127, 147, 148, 150, 151
 Сяо Тун 180
- Такаси Сакаи 128
 Там М. (Тань Хуэйчжу) 215, 217, 220
 Тан Тиншу 71
 Танака 247
 Тань Линшань 148—150
 Тань Сывэнь 114
 Тань Чжунлинь 18
 Тань Яоцзун 211, 215, 217
 Тао Байчуань 117
 Тао Сянчжи 113, 114
 Тао Сишэн 115, 124
 Тидеман П. 101
 Токуната 247

Томас С. 238
Трумэн Г. 136
Тэтчер М. 197, 198, 199
Тяньхоу 9, 233
У Маосунь 148
У Течэн 116
У Тинфан 21, 23, 40, 236
У Цзинсюн 129
Уайт Дж. 30
Уилсон Д. 200, 216
Уиттал Дж. 66
Устинов М. 101

Фан Дэн 9
Фан Фан 147, 149, 150, 151
Фань Чанцзян 118
Фейрбенк Дж. 50
Фок Г. 217
Фун Кимки 205
Фэй Имин 217
Фэн Бинфэн 167
Фэн Хуачуань 34
Фэн Цыю 46
Фэн Цичжо 82
Фэн Юйсян 113, 148
Фэн Юйфан 150

Хагер Ч. 237
Хань Лянчэн 150
Хань Ютун 117
Хау Дж. 198, 213
Хирохито 246
Хо Индун 217
Холюк Г. 80
Хон Квиншум 184
Ху Вэньху 130
Ху Де 129
Ху Симин 149
Ху Фэн 117
Ху Ханьминь 237
Ху Цзюжэнь 181
Ху Чжунчи 125
Ху Шэн 125, 147, 150, 217
Ху Юйчжи 113, 118
Ху Яобан 198
Хуан Дацзи 227
Хуан Лисун 219
Хуан Мочжоу 236
Хуан Мужун 124
Хуан Мэнтянь 180
Хуан Пив 90
Хуан Син 46, 237
Хуан Сыши 194
Хуан Хуа 196
Хуан Хуань 236
Хуан Цзюмэй 221
Хуан Шэн 22, 236
Хуан Юншан 42, 237
Хуан Яньпэй 151
Хуан Яоцин 34

Хуань Сян 150
Хун Сюцзун 14
Хун Сюцюань 45
Хун Цюаньфу 45, 46
Хун Чжаолинь 242
Хьюз Г. 124
Хэ Ди 180
Хэ Дун 46, 129, 177, 240
Хэ Инцин 112
Хэ Литин 243
Хэ Лиу 34
Хэ Лун 97
Хэ Сяннин 112, 114, 148, 246
Хэ Цзуньсин 22
Хэ Цзэмин 34
Хэ Ци 22, 33, 40, 42—46
Хэ Яба 9
Хэй Г. 99

Цай Тинкай 113, 148, 150
Цай Хэсэнь 98
Цай Юаньпэй 112
Цай Яньпэй 180
Цао Вэйлянь 223
Цао Мэнцзюнь 150
Царевский В. 103
Цзи Вэньшао 186
Цзи Пэнфэй 213, 217—220, 223
Цзин Пучунь 114
Цзинь Чжунхуа 113, 114, 117, 118, 125
Цзинь Шисинь 116
Цзо Цзунтан 62
Цзо Шунышэн 152
Цзоу Таофэн 112—114, 117, 125, 246
Цзэн Жунгуан 206
Цзэн Ибэнь 9
Цзэн Шэн 118
Цзян Цзинго 116
Цзян Шилюй 180
Цзян Шуин 241
Цзянь Хуанфа 217
Цзянь Эрцин 181
Ци Фэн 221
Ци Шань 12
Цинь Цзяцун 209
Цю Ябао 27
Цюй Фэнчи 43
Цюй Чжэньли 152
Цян Чжанцзао 217
Цянь Синьчжи 151
Цянь Чжигуан 150
Цяо Гуаньхуа 114, 115, 117, 118, 123, 127, 148, 151, 221, 222
Цяо Цзунхуай 222
Ча Лянлу 217, 220
Чакрабон Сиамский 244
Чан Кайши 100, 101, 110, 112, 113, 116, 117, 123, 124, 127, 132, 135, 136, 144, 148, 150—152, 241, 244, 247

Чатер Х. П. 21, 22, 29, 69, 70
Ченнолт 247
Черчялдэ У. 119, 135
Чжан Баоцзы 9
Чжан Боцзюнь 113, 148, 150
Чжан Гуанчжоу 115
Чжан Минъян 118
Чжан Миньсы 118
Чжан Тайлэй 97
Чжан Тешэн 118, 125
Чжан Факуй 136, 144
Чжан Ханьфу 147, 151
Чжан Цзолинь 100
Чжан Цзяньцюань 220
Чжан Чжидун 62
Чжан Юйю 125
Чжан Ялинь 15
Чжао Цзыян 197—199, 213, 223
Чжао Цыфань 186
Чжао Чжи 81
Чжао Шэн 237
Чжоу Нань 217
Чжоу Синянь 167
Чжоу Фохай 115
Чжоу Цзяньжэнь 148
Чжоу Шоучэнь 80, 129, 240
Чжоу Эньлай 98, 114, 117, 150, 186,
187, 189, 221, 222
Чжу Дуаньшэн 228
Чжу И 223
Чжу Маьпин 223
Чжу Фусун 228
Чжу Юньчэн 180
Чжу Юньшань 148
Чжун Дуаньминь 222
Чжэн Вэйжун 217
Чжэн Гуаньинь 42
Чжэн Дэлян 4, 155
Чжэн Хуа 222
Чжэн Хэ 8
Чжэн Шилян 45
Чой Бинлун 184
Чэн Цячжэнь 112
Чэн Чжиюань 125
Чэнь Айтин 40
Чэнь Боцзань 150
Чэнь Гуанфу 151
Чэнь Гэнюй 34
Чэнь Дусю 149
Чэнь И 222
Чэнь Ижэнь 227
Чэнь Лянбо 88, 124, 129, 241
Чэнь Миншу 113, 138
Чэнь Фэнин 222
Чэнь Хунъи 213
Чэнь Цзи 186
Чэнь Цзиган 98, 113, 116, 246
Чэнь Цзычао 251
Чэнь Цзюнмин 93, 244
Чэнь Цзягэн 118
Чэнь Цялун 149, 150

Чэнь Цэ 123, 127, 128
Чэнь Чжихуэй 218, 227
Чэнь Шаобо 42—44, 46
Чэнь Южэнь 95, 113
Чэнь Юйсюнь 40
Чэнь Юнхуэй 81
Чэнь Яньнянь 90
Чэнь Яньцяо 115
Чэнь Яопин 81

Ша Шяньли 150
Ша Цянмэн 152, 186
Шао Ифу 250
Шап Нгузай 27
Ши Фулянь 150
Ши Цзюэгуан 217
Ши Юйшэн 27
Шомпре де 119
Шу Ганчэн 180
Шук Дж. 30
Шэ Ши 186
Шэнь Сюаньхуай 71
Шэнь Цзюньжу 148—150

Эбердин 12
Эйтель Дж. 3, 38
Эллиотт Дж. 12
Эллиотт Ч. 11, 19
Эльджин 15, 101
Эндакотт Дж. 3, 234
Эттинген В., фон 101, 103, 105

Ю Ле 42
Ю Фэн 118
Ю Цяцип 149
Юань Лан 180
Юань Сяосянь 244
Юань Фан 180
Юань Шикай 74, 81, 242, 243
Юй Лин 118, 246
Юй Ханьмоу 127, 149
Юй Юйшу 180
Юй Ючжи 42
Юнь Дайин 97

Ядзак 128
Ямасита 245
Ян Гожуй 242
Ян Инь 90, 97
Ян Симинь 88
Ян Сэнь 208
Ян Тэяо 219
Ян Хаолин 42
Ян Хуа 186
Ян Цэс 150
Ян Цзигуан 152
Ян Шаодань 245
Ян Шэн 218
Янг М. 127, 128, 131, 136—138
Яно 124
Янь Цайюнь 42, 45
Яо Цзянь 185

- Австралия 26, 28, 33, 34, 39, 52, 71, 75, 79, 103, 120, 129, 154, 156, 158, 163—165, 210, 223, 240, 245, 248, 250
- Англия 10, 13—16, 18, 22, 25, 29, 39, 53, 55, 60, 64, 67, 76, 80, 93, 99, 100, 106, 109, 120, 151, 152, 157, 158, 163, 188, 189, 196—198, 200, 214, 223, 224, 229, 234, 236, 237, 239, 248, 249
- Аньфэн 32
- Аньхой 117
- Аньцин 241
- Аргентина 154
- Байшилун 125
- Бангкок 238
- Бандунг 186, 221
- Басьян 18
- Батавия 238
- Бельгия 154, 158
- Бенилюкс 157
- Бирма 79
- Ближний Восток 143
- Бомбей 68
- Борнео 78
- Бостон 224
- Бофулинь 235
- Британская Гвiana 34
- Брюссель 168
- Бэйдимяо 8
- Бэйхэ 12, 233
- Бэйцзяо 127, 131, 188, 246
- Ваньцзы 82, 123, 131, 184
- Вашингтон 157
- Великобритания 3, 10, 12, 14, 16—18, 39, 45, 48, 52, 57, 58, 66, 79, 92, 93, 100, 106, 108, 144, 153, 168, 196, 198, 200, 209, 213, 216, 242, 249
- Виктория 19, 49, 177, 234
- Владивосток 102—104
- Внешняя Монголия 102
- Вэйхайвэй 100, 101
- Вэйчжоу 192
- Гавайи 42
- Гамбург 102
- Ганьсу 194
- Германия 17, 79, 108, 109, 122
- Голландия 154, 158, 163, 165, 223, 224
- Гонолулу 42
- Гуандун 9, 11, 14, 18, 28, 43—46, 54, 55, 59, 73—75, 83—85, 91—97, 101, 106, 107, 121, 144, 145, 147, 149, 152, 194, 220, 221, 245
- Гуанси 9, 18, 43, 44, 101, 147, 194, 221
- Гуанчжоу 4, 8, 10—16, 19, 24, 28, 30, 33, 40, 43, 49, 50—52, 55, 67, 71, 76, 78, 84—89, 91, 92—97, 100, 108, 122, 126, 133, 142, 182, 188, 192, 194, 239—241, 244, 246
- Гуанчжоувань 101, 109, 246
- Гуаньтан 159, 178
- Гуйлинь 118
- Гуйчжоу 107
- Далянь 150
- Дания 165
- Даньшуй 121
- Дапэнвань 27, 144, 233
- Даушань 124
- Дацзэ 235
- Даюйшань 9
- Джиндринкерс 126
- Доминиканская Республика 250
- Дунвань 28, 245
- Дунцзян 118, 121, 132, 147, 221
- Дяоюйтай (Сэнкаку) 181
- Западная Африка 143, 157
- Западная Европа 39, 104, 122, 153, 158, 164, 172, 183, 210, 248
- Израиль 158
- Индия 8, 10, 50, 52, 56, 60, 79, 86, 104, 130, 132, 153, 158, 244, 245
- Индокитай 104, 106, 109, 133, 143, 245
- Индонезия 153, 154, 157, 166
- Иокогама 131, 238
- Италия 154, 158

- Ицы 32
Ичан 241
- Кайтак 116, 123, 125, 131, 133
Кайфэн 87
Калькутта 16
Канада 60, 79, 125, 154, 156, 158, 223, 245, 250
Кардифф 68
Кения 157
Кобе 238
Корея 131, 138, 150, 152, 231, 250
Коста-Рика 250
Куала-Лумпур 238
Куньмин 219, 251
- Латинская Америка 250
Ливерпуль 68
Линтин 11
Личжэньшицунь 187
Люймэнь 82, 127, 233
Лондон 3, 11, 12, 18, 20, 21, 23, 25, 30, 35, 36, 55, 57, 60, 68, 80, 94, 100, 104, 110, 119, 120, 123, 127, 135, 136, 138, 168, 198, 201, 216, 233, 234, 238, 240, 241
Лос-Анджелес 224, 225
Лунчуань 121
Люйда 101
- Макао 9, 19, 34, 36, 40, 49, 71, 81, 96, 101, 108, 116, 129, 151, 153, 196, 197, 200, 201, 217, 221, 222, 230, 235, 239, 246
Малайя 121, 135, 142, 157, 158, 238
Малайзия 166
Малакка 236
Манила 63
Манчестер 77, 214
Маньчжурия 78, 108, 122
Маньчжоу-го 133
Марсель 105
Матачун 132
Мексика 244
Мельбурн 34
Милан 37
Молошань 24
Москва 116
Мукден 64, 74
- Нагасаки 238
Найроби 168
Нанкин 13, 45, 115, 117, 133, 148, 151, 241, 247
Наньнин 71
Наньхай 45, 121
Нигерия 158
Нинбо 13, 65, 239, 241
Новая Зеландия 264, 248
«Новые территории» 17, 18, 25, 79,
- 99, 100, 123, 126, 129, 138, 139, 144, 160, 197, 202, 203, 205, 222, 242, 248
Норвегия 154, 158
Нью-Йорк 168, 225, 239, 240
Нючжуан 64
- Одесса 102
Океания 128, 171
Осака 238
Ост-Индия 60, 79, 109, 121, 143, 238, 245
- Пакистан 158
Панама 154
Паньйой 192
Парагвай 250
Пекин 14, 16, 17, 39, 40, 45, 64, 99, 103, 115, 150, 186, 194, 198, 199, 201, 209, 213, 216, 217, 228, 233, 234, 238, 247
Пенанг 238
Персия 8
Перу 34
Петербург 244
Петропавловск 233
Пик 79, 126, 169
Пиншань 18, 125
Португалия 154, 196
Пукоу 238
Пхеньян 150
- Рангун 63
Россия 14, 17, 64, 93, 101—104, 122, 148, 233, 236, 244
- Сайгон 238
Сан-Франциско 33, 63, 224, 240
Саньи 28
Северная Америка 34, 52, 71, 158, 172, 224
Сигун 125, 242
Сигунцунь 124
Сидней 168
Сингапур 15, 33, 46, 63, 71, 79, 106, 116, 135, 148, 166, 173, 229, 240, 249, 250
Синьтянь 18
Синьцзян 194
СССР 100, 122, 150
Стэнли (Чичжу) 128
Сурабая 63
Суэцкий канал 58
США 27, 28, 39, 47, 58, 60, 61, 63, 67, 77, 79, 84, 93, 99, 107—109, 120, 142, 148, 149, 151, 153—158, 163—166, 176, 183, 184, 186, 192, 193, 210, 223, 224, 236, 239, 245, 248, 251
Сычуань 238
Суйчжоу 240

Сямэнь 13, 71, 97, 192
Сянганцзы 24, 233
Сяоцивань 132

Таиланд 60, 79, 109, 123, 130, 133,
142, 154, 158, 166, 238, 240, 245,
251

Тайбэй 228, 229

Тайвань 106, 131, 133, 134, 139, 153,
158, 164—167, 184, 187, 195, 221,
222, 224, 227—230, 249, 251

Тайпу 18, 242

Тайшань 192

Тангу 241

Тибет 194, 244

Токио 105, 129, 158, 176

Торонто 224

Тринидад 156

Тулуза 103

Тунловань 132

Тунмэнь 159

Тяньцзинь 12, 33, 65, 194, 238, 241

Уганда 157

Ухань 84, 114

Уху 241

Учан 95

Учжоу 71, 192

Филиппины 44, 86, 109, 118, 132, 133,
154, 250

Фошань 192

Франция 15—17, 104, 105, 119, 154,
157, 158, 165, 223, 224, 236

Французский Индокитай 79, 103

ФРГ 157, 158, 165

Фуцзянь 9, 46, 62, 113, 194, 245

Фуцжоу 13, 192

Фэнлин 18, 185

Хайлуфэн 121

Хайнань 106, 130, 247

Ханчжоу 65, 192

Ханькоу 45, 84, 95, 241

Ханьян 95

Харбин 74, 150

Хайлуфэн 121

Хайнань 106, 130, 247

Хуанниюн 235

Хуанпу 15, 66, 94, 116

Хуанхэ 12

Хубэй 44

Хуэйчжоу 121, 125, 242

Хунань 44, 107

Хункань 188

Хуншуйцяо 18

Хэнань 69

Цейлон 158

Цзиньтяньцупь 18

Цзюлун 8, 13, 16—19, 24, 29, 59, 67,
70, 78, 79, 92, 98, 100, 116, 120, 123,
126, 127, 129, 132, 134, 138, 139,
144, 177, 185, 187—189, 202, 218,
222, 233, 234

Цзюлунчжай 8, 233

Цзюцзян 241

Цзянсу 130

Цзяньшацзуй 132

Цзяочжоу 39

Циндао 74, 90, 241

Циншань 18

Цюаньвань 125, 159, 214, 226, 242

Чансиньдянь 87

Чанша 84, 241

Чаочжоу 182, 245

Чжаоцин 192

Чжили 12

Чжилийский залив 12

Чжоушань 12

Чжунхуань 132

Чжуншань 121, 185, 192

Чжухай 192, 194

Чжуцзян 11, 12, 52, 57, 239, 243

Чжэцзян 130

Чифу 58

Чичжу (Стэнли) 24, 28, 128, 131, 135,
234

Чунцин 111, 112, 114, 115, 117, 127,
129, 131, 136

Чэнмэн 111, 126

Шамянь 91

Шантун 125

Шанхай 4, 13, 16, 29, 52, 54, 60, 63,
65—67, 74, 75, 82, 84, 86, 87, 90,
91, 98, 111, 112, 114—116, 130, 142,
143, 145, 149, 153, 181, 192, 194, 222,
233, 239, 240, 241, 244, 247

Шанхайгуань 64

Шаншуй 18, 242

Шанъюнь 18

Шаньдун 64

Шаньтоу 97, 192, 241

Шатоуцзяо 124, 144, 242

Шатянь 87, 159, 218, 242

Шацзи 92, 95

Шаши 241

Швейцария 154, 157, 158

Шипайвань (Эбердин) 66, 233

Шитанцзу 24

Шуньдэ 245

Шэньси 64, 69

Шэньчжэнь 18, 132, 184, 194, 241

Шэньчжэньвань 144, 233

Шэньшуйпо 131, 234

Юаньлан 18, 124, 125, 242

ЮАР 156, 158

Юго-Восточная Азия 21, 28, 34, 39,
47, 52, 53, 58, 60, 67, 71, 73, 109,
111, 118, 126, 128, 143, 164, 166,
167, 171, 186, 227, 240, 250, 251
Юго-Восточная Африка 143
Южная Америка 52
Южная Корея 154, 165, 166, 173, 195,
199
Юмади 188, 235
Юньнань 101, 147, 150

Эбердин (Шипайвань) 233

Янцзы 12, 14, 44, 54, 57, 64, 66, 75,
95, 239, 240, 247

Яньань 112

Япония 16, 39, 46, 47, 58, 60, 63, 64,
71, 73, 77, 79, 81, 82, 93, 101, 106—
109, 111, 113, 115, 117, 118, 159,
163, 165, 166, 233, 236, 238, 244,
245

Анчуаньчжоу 昂船洲 Stonecut-
ters Island

Басян 八乡 Pat Heung

Басянь 八仙 Pat Sin

Бофулинь 薄扶林 Pok Fu Lam

Бэйцзяо 北角 North Point

Ваньцзы 湾仔 Wan Chai

Вэйдолияган 维多利亚港 Vic-
toria Harbour

Гуаньтан 观塘 Kwun Tong

Даланьюн 大榄涌 Tai Lam Chung

Дапу 大埔 Tai Po

Дапэивань 大鹏湾 Mirs Bay

Даушань 大雾山 Tai Mo Shan

Дахаодао 大濠岛 Lan Tau Is-
land

Дацзэ 大泽 Tai Tam

Даяйшань 大屿山 Lan Tau

Куйюн 葵涌 Kwai Chung

Лиюймэнь 鲤鱼门 Lei Yue Mun

Наньядао 南丫岛 Lamma Island

Сигун 西贡 Sai Kung

Сиинлэн 西营盘 Sai Ying Pun

Синьтянь 新田 San Tin

Сянганцзы 香港仔 Aberdeen

Сяоцивань 筲箕湾 Shau Kei Wan

Тайпиншань 太平山 Victoria
Peak

Тулуган 吐露港 To Lo Harbour

Тунловань 铜锣湾 Causeway Bay

Туямэн 屯门 Tuen Mun

Фэнлин 粉岭 Fan Ling

Хуанниюн 黄泥涌 Wong Nei
Chong

Хункань 红磡 Hung Hom

Цэньтянь 锦田 Kam Tin

Цзюлун 九龙 Kowloon

Цзяньнидичэн 坚尼地城 Ken-
pedy

Цзяньшацзю 尖沙咀 Tsim Sha
Tsui

Цидэ цэичан 启德机场 Kai Tak
Airport

Циньйи 青衣 Tsing Yi

Циншань 青山 Castle Peak

Цюаньвань 荃湾 Tsuen Wan

Чанчжоу 长洲 Cheung Chau

Чжунхуань 中环 Central Dist-
rict

Чимэнь хайся 赤门海峡 To Lo
Channel

Чицжу 赤柱 Stanley

Чэмэн 城门 Shing Mun

Шаншуй 上水 Sheung Shui

Шаньдин 山顶 Peak

Шатоуцзяо 沙头角 Sha Tau Kok

Шатянь 沙田 Sha Tin

Шиби 石壁 Shek Pik

Шэньчжэньвань 深圳湾 Deep Bay

Шэньшуйпо 深水埔 Sham Shui Po

Юаньлан 元朗 Yuen Long

Юмади 油麻地 Yau Ma Tei

- Агра энд юнайтед сервис бэнк 60
 Адамсон, Бэлд энд К° (Тяньсян) 68, 70
 Азиатский банк развития 168
 Айбиэм 165
 Амэрикан экспресс 133
 Англо-американская табачная компания 73, 240, 241
 Аньли сюнди 74
 А. Херд энд К° 6
 А. энд С. Уатсон 70
- Банк Китая 110, 193
 Банк Китая и Южных морей 193
 Банк коммуникаций 110, 193
 Банк Тайваня 133
 Баонин 68
 Баошунь см. Дэнт энд Ко
 Баошэн 193
 Баттерфилд энд Суайр (Тайгу) 22, 63, 66, 68, 75, 76, 102, 164, 188, 239
 Блю фаннел лайн 75
 Братья Беринг 105
 Братья из Южных морей (Наньян сюнди) 73, 240, 241
 Братья Шао 250
 Британско-китайская корпорация 64
 Бэнк Америка трейдинг корпорейшн 165
 Бэнк оф Америка 165
 Бэнк лайн 75
- Ван лабораториз 165
 Вестинггауз 165
 Восточно-азиатский банк 129
 Вэнхуэй 195
- Глен лайн 75
 Гонконг бэнк оф Кэнада 164
 Гонконг, Кантон энд Макао стимбу-ут нэвигейшн К° 65
 Гонконг, Кантон энд Макао стимшип К° 63, 239, 240
 Гонконг лэнд инвестмент энд эйдженсис К° 69
 Гонконг меркантайл К° 103
 Гонконг фэйер иншуранс К° 68
 Гонконг-шанхайская банковская корпорация (Хуэйфэн) 22, 61—65, 69, 73, 74, 94, 110, 124, 133, 137, 163, 164, 168, 193, 210, 238, 241
- Гонконг-шаньюуский торговый банк 240
 Гонконг электрик К° 70, 141
 Гонконг энд Вампу док К° 30, 66, 177, 240
 Гонконг энд Кантон стим пакет К° 52
 Гонконг энд Коулун уарф энд гоудун К° 67, 75, 240
 Гонконг энд Чайна гэс К° 169
 Гонконг энд Шанхай бэнкинг К° 61
 Гонконгская олиумная ферма 55
 Гуанда 194
 Гуандунский банк 240
 Гуандунский провинциальный банк 193
 Гуйцзян 195
 Грейт Бритен 66
 Дасинь 72
 Джардин, Матисон и К° см. ДМК
 Джибб, Ливингстон К° (Жэньцзи) 20—22, 68, 70
 Джиллеспид 234
 Жилман энд К° 22, 61
 ДМК — Джардин, Матисон энд К° (Ихэ) 13, 21, 30—32, 46, 49, 50—52, 56, 57, 61—70, 74—76, 102, 104, 123, 164, 234, 238—241
 Додуэлл энд К° 70
 Дойче Азиатше банк (Немецко-азиатский банк) 64, 239
 Доу кемикал 163, 165
 Д. Сэссун, санз энд К° (Лаошасунь) 56, 61, 68, 239
 Дуглас стимшип К° 63, 66
 Дэйри фарм айс энд колд сторадж К° 70
 Дэнт энд К° (Баошунь) 20, 21, 49, 50, 52, 61, 62, 68, 234
- Жиган 42
 Жэньцзи см. Джибб, Ливингстон энд К°
- И. Банд энд К° 61
 Индо-Китайский банк 238
 Индо-Чайна стим нэвигейшн К° (Ихэ, пароходство) 65, 239
 Иокогама спэши бэнк 133
 Истман Кодак 165
 Ихэ см. ДМК
 Ихэ, пароходство см. Индо-Чайна стим нэвигейшн К°

Ихэ гунчэн гунсы (Эво энджини-ринг К°) 75

Ихэ лэнцан гунсы 75

Ихэ фанчжи юсянь гунсы 74

Ишэнхан 15

Каддури (Цзядаоли) 164

Кай 68

Кансин 240

Кантон иншуранс оффис 68

Кантонский банк 133

Катэй Пасифик 163

Кейбл энд уаэрлесс лимитед 168

Киддер и Пибоди 105

Китайская коммерческая пароходная компания (Чжаошанцзюй) 71, 96, 193, 194, 239, 249

Китайская компания железнодорожного обслуживания 195

Китайская компания по строительству за рубежом 195

Китайская международная инвестиционная компания 249

Китайская национальная авиакорпорация 151

Коммерческий банк Индии 60

Коммерческий банк китайских эмигрантов 193

Коммершиал тиви лимитед 169

Компания по страхованию экспорта 160

Королевский банк Шотландии 164

Корпорация промышленного имущества 168

Космополитан док К° 66

Кросс харбор туннел К° 169

Ксерокс 165

Кэнейдиан Пасифик 75

Лайал Хилл энд К° 61

Лаошасунь см. Д. Сэссун, санз энд К°

Линдсей энд К° 19, 49

Линшэн 71

Лу 194

Мобил ойл 165

Марин мидленд бэнк (Хайфэн) 164

Матисон энд К° 57

Мельхерс унд К° 102

Московское товарищество мануфактуры «Эмиль Циндель» 102

Мэйцзяли см. Чартерный банк Индии, Австралии и Китая

Наньбэйхан (Нампакхой) 21, 53

Наньгуан 222

Наньянский коммерческий банк 193

Наньян сюнди см. Братья из Южных морей

Национальный коммерческий банк 193

Немецко-азиатский банк см. Дойче Азиатише банк

Нэшнл сити бэнк 133

Ориентал бэнкинг К° (Цзиньбао) 60

Ост-Индская компания 10, 11

Оуши стимшип К° 66

Пасифик иншуранс 151

Пекин синдикейт (Фугунсы) 69

Первый коммерческий банк Чжэцзяна 151

П. энд О. 52, 53, 66, 75

Пэниясьюла энд Ориентал стимшип К° см. П. энд О.

Промышленный банк 133

Рассел энд К° Цичан 52, 65, 101, 239

Русский Ллойд 102

Русское восточноазиатское пароходство 102

Русское страховое общество «Россия» 102

Русское торговое общество «Восток» 102

Русско-азиатский банк 102

Русско-китайский банк 102, 244

Саньли 195

Симссен энд К° 61

Синфа 131

Синьхуа 193

Сити бэнк 165

Смит Кеннеди энд К° 70

Стар ферри К° 70

Сыи 71

Сяньши 72, 81, 240

Тайгу см. Баттерфилд энд Суайр

Тайгу докьярд энджиниринг К° 76, 88, 92, 177, 244

Тайпин 68

Тайшэн 71

Тайяу 241

Таошань 71

Тексас ойл К° 141

Товарищество Добровольного Флота 102, 105

Торговый дом И. Я. Чурина и К° 102

Тунань 71

Тэрнэр энд К°

Тяньсян см. Адамсон, Белл энд К°

Фаберже 102

Флегчер энд К° 61

Фуань 71

Фуи 83

Фусия ханье гунсы 151

Хамфри энд К° 68, 70

Холидей, Уайз энд К° 22

Хуажунь 193, 194

Хуаминь 195

Хуанью 168
Хубэйская ткацкая компания 62
Хуэйдэфэн 164, 168
Хуэйфэн см. Гонконг-шанхайская бан-
ковская корпорация
Хэншэн 163
Хэхэ 194
Хэцзи 68, 70
Хэцзи хуанпу 164

Центральная корпорация воздушного
транспорта 151
Центральный банк Западной Индии
60

Центральный банк Китая 133
Цзинцинь 195
Цзиньлянь 195
Цзиньчэн 193
Цзию 193
Цзяхуа 193, 240
Цюаньвань 71
Цяньхэн 43

Чайна коаст 65
Чайна гэс К° 188
Чайна лайт энд пауэр К° 141, 169
Чайна мотор бас К° 169
Чайна нэвигейшн К° 239
Чайна шугар рефайнинг К° (Чжунго
хоче танцзюй) 70
Чанцзян 167
Чартерный банк Индии, Австралии и
Китая (Мэйцзяли) 22, 60, 73, 110,
168, 241
Чартерный банк Индии, Лондона и
Китая (Юли) 60, 163, 241
Чейз Манхеттен бэнк 133, 165
Чжаошанцзюй см. Китайская коммер-
ческая пароходная компания

Чжунхуа 72

Шанхай стим нэвигейшн К° 65, 66,
239
Шанхай шие 195
Шанхай энд Хонкью уарвз К° (Шан-
хай Хункоу матоу юсянь гунсы)
239
Шаньдин ланьчэ гунсы 70
Шаньдун айзенбан гезельшафт 64
Шаньтоу-чаочжоуская пароходная
компания 71
Шэньэ 71

Эво вустед милл 240
Эво коттон милл 240
Эво силк филачур 240
Э. Д. Сэссун энд К° 74
Экссон 165
Экспортно-импортная компания
«Синьхуа» 195

Юаньвань 71
Юго-западное транспортное бюро 116
Юли см. Чартерный банк Индии,
Лондона и Китая
Юнань (Винг Он) 72, 81, 240
Юнион док К° 66
Юнион иншуранс сэсайети оф Кан-
тон 68
Юнион стим нэвигейшн К° 66, 239
Юнянь 193
Юэхай 195
Юэхуа гунсы 114

Янцзы стимерс 65
Ячжоу иньхан 251

Денежные единицы

1 таможенный лян=1,1 ляна
 1 лян=1,4—1,6 юаня=0,6—0,7 ам. долл.=0,15 ф. ст.
 1 ф. ст.=6,6 ляна=4—4,6 ам. долл.=9,3—10,6 юаня

Изменения стоимости гонконгского доллара

	Ф. ст.	Ам. долл.
1840—1880	0,34	...
1880—1900	0,23	...
1900—1935 *	0,16	...
1935—1941	0,104	0,175
1946	0,062	0,25
1949	0,062	0,175
1967	0,062	0,149
1971	0,069	0,18
1972—1974**	...	0,18—0,2
1974—1983 ***	...	...
1983* ***	...	0,128

* Данные за период до 1935 г. примерно отражают стоимость гонконгского доллара, колебавшуюся постоянно в зависимости от стоимости серебра.

** В 1972 г. гонконгский доллар был привязан к американскому доллару.

*** Период плавающего курса.

**** Установлено твердое соотношение 7,8 гонк. долл. за 1 ам. долл.

P. M. Ivanov. *Hongkong: Past and Present*. The book traces more than a century and a half of the history of this British colony in China. Glancing over the developments there prior to British rule, the author proceeds to discuss in more detail the staged evolution of the colony's administrative set-up. The reader gets to know the life of Hongkong in the last century, its economic pitfalls and advances, the social evolution of both the English and the Chinese communities, and the breakthroughs in education. There is a particular accent on the historical role of local business giants like the Hongkong-Shanghai Banking Corporation and the Jardine, Matheson, and Co.

A product of imperialist expansion in China, Hongkong was critical in disseminating there advanced learning and ideas of Western democratic institutions. The local Chinese business community often backed elements opposed to the Manchu government. Remarkably, it had a special significance for Chinese revolution leader Sun Yat-sen and his followers.

The study emphasizes the "Chinese" section of Hong-Kong's history as closely related to the developments in mainland China. The chapters on the territory in the present century stress the impact on it of the Xinhai revolution of 1911, the revolution of 1925-27, and describe the growth of working class self-consciousness and the rise in the late 30s and between 1945-49 of forces hostile to the Kuomintang.

The study next looks at the territory's turning point as the People's Republic of China came on the scene. When the latter entered the war in Korea and came under a Western blockade, the colony, which had only just recovered from the ravages of Japanese occupation (a gloomy period described in a separate chapter), also felt the pinch. To survive, the colony had to push itself to become an international trading, financial, and transportation hub.

We further get an overview of the colony's latest industries and its trading relations with China, the US, Japan, Western Europe, and South-East Asia. There is much coverage of the territory's social programs and the training of skilled labour to maintain high economic growth rates.

A focal point of the study are relations between Hongkong and China. Beijing has been moving ever deeper into all areas of the Hongkong economy. The history of their political relations encompasses the conflicts of 1956 and 1966 and the drafting in the early 1980s of an accord restoring Chinese sovereignty over the colony, due to take effect in 1997.

There is a chapter on the present situation in the territory, the political balance of power, the evolution of "pre-parties", and moves for more administrative democracy.

There are also sidelights on the days of a Russian consulate in Hongkong in the first quarter of the 20th century, the operation of secret societies and criminal groups and the policies towards it by the Taiwan Kuomintang.

Введение	3
Глава 1	
Образование колонии, социально-политическое развитие во второй половине XIX в.	10
Захват анклава и борьба Англии за расширение колонии	10
Формирование административной системы Гонконга	19
Колонисты и китайское население	24
Образование и культура в Гонконге	37
Деятельность в Гонконге революционеров-демократов	41
Глава 2	
Экономическое развитие Гонконга и капиталистическая экспансия в Китае во второй половине XIX — начале XX в.	48
Место Гонконга во внешней торговле Китая	48
Гонконгский капитал на рубеже XIX—XX в.	60
Глава 3	
Гонконг и подъем национализма в Китае в 10—20-е годы XX в.	72
Социально-экономическое развитие Гонконга в первой трети XX в.	72
Гонконг и антиимпериалистическая борьба в Китае	81
Борьба Китая за деколонизацию Гонконга в первой трети XX в.	99
Россия и Гонконг	101
Глава 4	
Гонконг и война	106
Гонконг и японская агрессия в Китае	106
Движение за укрепление антияпонского национального единого фронта	111
Японская оккупация колонии	119
Период послевоенного восстановления	135
Гонконг и победа народной революции в Китае	147
Экономические отношения Гонконга с КНР в первые годы ее существования	152
Глава 5	
Проблемы развития современного Гонконга	155
Преобразование Гонконга в современный индустриализованный анклав азиатско-тихоокеанского региона	155
Особенности социального развития	169
Гонконг и КНР	184
Глава 6	
Период подготовки к переходу под юрисдикцию КНР	196
Подготовка китайско-английского соглашения	196
Реформа политической системы	201
Разработка Основного закона	216
Тайные общества и будущее Гонконга	223
Проблема Тайваня	227
Заключение	231
Примечания	233
Библиография	252
Указатель имен	263
Указатель географических названий	268
Топонимика Гонконга	272
Указатель компаний и банков	273
Денежные единицы	276
Summary	277

Научное издание

Иванов Петр Михайлович

ГОНКОНГ

История и современность

**Редакторы Н. А. Мостовая,
В. Б. Меньшиков**

Младший редактор Н. В. Беришвили

Художник Б. Л. Резников

Художественный редактор Э. Л. Эрман

Технический редактор Г. А. Никитина

Корректоры В. М. Кочеткова,

П. С. Шин

ИБ № 16167

Сдано в набор 29.12.89. Подписано к печати 15.05.90. А-01606. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 21,39. Тираж 4600 экз. Изд. № 6761. Зак. № 3. Цена 1 р. 80 к.

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»**

**Главная редакция восточной литературы
103061, Москва К-51. Цветной бульвар, 21**

**3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Отырытое шоссе, 26**

1 р. 80 к.

П. М. Иванов

ГОНКОНГ

